70380

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Кур. 5-8)

2. Ex

МОСКВА.
Въ типографіи Бахметева.
1863.

Одобрено Ценсурой. Москва, Іюня 5-го, 1863 года.

БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
Естествознания, Антропологии
и Этнографии
Государственного [illegible]
Политехнического Музея.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Время поступ. 5 Dec 1923
Инвент. № 22967
Шифр: C 10 3/13

48-970

FgT 187 5054

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1862 года, Марта 6-го, LIII засѣданіе; пунктъ 6. Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что Коммиссіею для изданія «Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ,» изготовленъ къ печатанію 5-й выпускъ. Положено: «Выпускъ 5-й, который будетъ заключать въ себѣ Былевыя пѣсни Новгородскія и Княжескія, «Приложенія,» какъ-то объяснительныя замѣтки, преданія, сказки, и «Указатель,» а слѣдовательно будетъ объемомъ приближаться къ 4-му выпуску, продавать также, какъ и сей послѣдній, по 1 руб. сер. за экземпляръ. — Всѣ распоряженія по печатанію 5 выпуска и продажѣ его, не ожидая новаго постановленія, возложить, на прежнемъ основаніи, на Д. Члена П. А. Безсонова.»

*

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1862-й годъ.

Выпускъ 5.

Пѣсни Былевыя: I. Новгородскія. — II. Княжескія.

Пѣсни Былевыя:

I.

Новгородскія.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ.

*

I.

1 *).

(Арханг. губ., Шенкурскаго уѣзда.)

.

Садился Васька на ременчатой стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
«Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
«Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,
«Тотъ пей и ѣшь готовое,
«И носи платье разноцвѣтное!»
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.
Въ то же время
Поставилъ Васька щанъ середи двора **),
Наливалъ щанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.

Во славномъ было во Новѣ-градѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,

*) Начало пѣсни такое же, какъ ниже изъ Кирши Данилова.—*О.*
**) Вѣроятно стихи таковы:

Во ту же пору во то время
Поставилъ Васька щанъ середи двора...

Щанъ—чанъ.—*О.*

Пошли ко Васькѣ на широкій дворъ.
Ко тому щану—зелену вину *)....
Вылѣзають добры молодцы изъ-подъ избицы,
Котельная Пригарина да Потанюшко Хроменькій,
Бѣжатъ они, добры молодцы,
Ко Васькѣ Буслаеву.
Котельная Пригарина напередъ бѣжитъ,
Потанюшко Хроменькій позадѐ бѣжитъ,
Позадѐ бѣгучи, онъ одно **) спѣшитъ:
На праву ножку Потанюшко припадываетъ,
На лѣву ножку Потанюшко прихрамываетъ,
Изъ-подъ рученьки Потанюшко посматриваетъ.
Прибѣгали братаны ни широкій дворъ:
На широкомъ дворѣ три щанà вина.
Размахнули ребята на щанахъ зелено вино,
Выпивали ребята по пивнòму по ковшику,
А пивной-то ковшикъ полтора ведра.
Увидалъ Васька удалыхъ ребятъ,
Сходилъ Васька со красна крыльца,
Погонѝлъ братановъ со двора долой.
Замолились братаны рѣчьми хорошими:
««Хоть ты дай намъ, Васька, опохмѣлиться.»»
Захватилъ онъ ихъ за бѣлы руки,
Потащилъ онъ ихъ во новỳ избу:
Тамъ онъ ихъ угощалъ, тамъ и чествовалъ.

Мужики Новогорòдчана, на питье они завидные,
Никола Зиновьевичь, Ѳома Родіоновичь,
Засмѣкáли они собирать братовщѝны Никольщины:
Насобирали они хлѣба семнадцать мѣръ,
Накурили они зелена вина:
Пьютъ-веселятся мужики Новогородчана.

Правятся Васька Буслаевъ сынъ

*) Отселѣ собственно начинается Шенкурское разнорѣчіе пѣсни.—*О.*
**) Одинаково; все таки.—*О.*

Съ Котельной Пригариной да съ Потанюшкой Хроменькимъ
На пиръ на трапезу *).
Тутъ они на пиру напивалися,
Тутъ они на пиру наѣдалися,
Тутъ они другъ другу поперечили.
Подходилъ Васька къ чану зелена̀ вина,
Размахнулъ Васька въ чанѣ зелено вино,
Охлеснулъ Васька посудину полтретья ведра,
Самъ прого̀ворилъ Васька таково слово:
«Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичь,
«Не боюсь я тебя, Ѳома Родіоновичь,
«Не боюсь я всего Новго́рода!
«Лишо́ **) боюсь я крестоваго батюшка,
«Материаго Старчища Игнатьища,
«Да боюсь я крестоваго бра́телка,
«Молода Григорья Игнатьича:
«Имъ отъ меня и честь и почётъ;
«А что по чему пойдетъ ***),—такъ и всѣхъ не боюсь!»
И ударился Васька о великъ закладъ,
Не о стѣ рублей, не о тысячѣ,
Ударился Васька о своей буйной головѣ:
За утро̀ биться Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ.

Пришелъ Васька Буслаевъ ко родимой ко матушкѣ,
Къ матеро̀й вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ;
Приводилъ съ собой товарищей,
Котельную Пригарину да Потанюшку,
Посадилъ онъ ихъ за дубовый столъ,
Учалъ онъ ихъ, Васька, чествовать,
Самъ сталъ матушкѣ своей разсказывать:
«Родна матушка, Амелѳа Тимоѳеевна!

*) Стихъ долженъ быть таковъ:

Правятся они на пиръ на трапезу.—*О.*

**) Лишь.—*О.*

***) А коли дойдетъ до настоящей расцѣнки, коли ужь на то пойдетъ.—*О.*

«Ударился я не о ма̀лъ закладъ,
«Съ Николой Зиновьевичемъ да съ Ѳомой Родіоновичемъ,
«Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
«Ударился о своей буйной головѣ:
«За утро̀ мнѣ биться со всѣмъ Новымъ-городомъ.»
Заплакала матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна,
Садила она Ваську въ погреба глубокіе,
Замыкала замками крѣпкими,
Заметывала рогатками булатными.

Котельная Пригарина да Потанюшко Хроменькій,
Ото сна встаютъ, братаны, пробужаются,
Умываются они бѣлешенько,
На востокъ они, братаны, Богу кланяются,
Биться со всѣмъ Новымъ-городомъ сряжаются.
Сутки бьются они съ Новымъ-городомъ:
Не подходитъ Васька Буслаевичь;
Другія они бьются съ Новымъ-городомъ:
Не подходитъ Васька Буслаевичь;
Третьія они бьются съ Новымъ-городомъ:
Васьки Буслаева въ очью нѣтъ.
Говорятъ мужики Новогородчана:
««Еще что̀ же, братцы, Васька за дуракъ такой?
««Измѣнилъ, братцы, Васька своимъ товарищамъ,
««Продалъ за̀ дешево, братцы, Васька своихъ товарищей:
««Трои сутки бьются братаны за Ваську Буслаева,
««Молотами у нихъ головы испроломаны,
««Кушаками у нихъ головы испривя́заны,
««А Васьки Буслаева въ я́вѣ нѣтъ.
««Еще что̀ же, братцы, Васька за дуракъ такой?»»

Въ погребу учулъ Васька эту го́ворю поху́льную *),
Заторчалъ **) Васька за дверями дубовыми,
Тутъ бросился Васька на ободверины укла́дныя ***):

*) Рѣчь бранную, а вмѣстѣ похвальную—хвастливую.—*О.*
**) Рванулся.—*О.*
***) Изъ закаленнаго желѣза.—*О.*

Высадилъ онъ двери на́ пяту,
Разметалъ онъ рогатины булатныя.
Не па́ла Васькѣ никакая ура́зина *),
Захватилъ онъ оси́ще телѣжное,
Бѣжитъ онъ съ оси́щемъ на улицу:
«Садитесь вы, братцы, на лавочку!
«Продалъ васъ нѐ я, добрый молодецъ,
«Продала васъ моя матушка родимая:
«Теперь я съ ними одинъ побра́таюсь!»
Заходило чернѐнное **) осище по мужикамъ Новогород-
чанамъ:
Побѣжали мужики Новгородчана,
На часу̀ одинъ всю силу выгубилъ.
Въ стрѣту палъ ему крестовый брателко:
На головѣ держитъ мѣдный колоколъ,
Не величекъ колоколъ—девяносто пудъ.
Засвѣти́лъ ***) Васька осью въ мѣдный колоколъ,—
Разбилъ колоколъ въ мелко жеребьё;
Тялъ ****) брата осью телѣжною,—
Зашибъ его до смерти до скорыя.
Идетъ Васькѣ въ стрѣту Старчище Игнатьище:
Къ землѣ Игнатьище покляпля́ется *****),
Костылемъ Игнатьище подпирается,
На головѣ несетъ мѣдный колоколъ,
Не величекъ колоколъ—полтораста пудъ.
Говоритъ Васька Буслаевичъ:
«Ужь ты здравствуешь крестовый батюшко!
«Ты за чѣмъ идешь, старъ человѣкъ?»
Отвѣчаетъ Старчище Игнатьище:
—Ты молодой, Васька ******)!.............—

*) Орудіе битвы.—*О.*

**) Червленое, прозвище вяза, которымъ бились.—*О.*

***) Блеснулъ, махнулъ.—*О.*

****) Ударилъ.—*О.*

*****) Сгибается.—*О.*

******) Здѣсь записавшій пѣсню, къ сожалѣнію, изъ мнимаго приличія выпустилъ строки.—*О.*

Отвѣчаетъ Васька Буслаевъ сынъ:
«Не корись ты, старая шлея бросо́вая *),
«Не корись ты, корзина дертю́жная **),
«Дертю́жная корзина, вѣковалая!
«Колько я тебя Крёстнымъ ни называвалъ,
«На вѣку ты мнѣ яичка не давывалъ:
«Вотъ тебѣ красное яичко,—Христосъ воскресъ!»
Ударилъ онъ колоколъ осьёй телѣжною,—
Разкроилъ онъ колоколъ въ мелко же́ребьё:
Застегнулъ онъ Старчища Игнатьища,
Разъ ударилъ осью,—грязьёй сдѣлалъ.
Еще сердце въ емъ не уходилося,
Еще граётъ ***) надъ тѣломъ Васька Буслаевъ сынъ:
«Лежи ты здѣсь, су́чище облѣзлое,
«Вотъ тебѣ яичко,—Христосъ воскресъ!»

(Записано А. Харитоновымъ, доставлено В. И. Далемъ).

*

2.

(Тамъ же).

Наварилъ Васька пива пьянаго,
Накурилъ Васька зелена вина,
Разоставилъ чаны посередь двора,
Спускаетъ чару—полтора ведра,
Ко чарочкѣ приговариваетъ:
«Кто вы́здынетъ ****) чару единой рукой,
«Выпьетъ чару на единый духъ,
«Будетъ Васькѣ тотъ милый другъ,
«Милый другъ будетъ, названый братъ.»
Приходили мужики Новгородчана

*) Негодная, брось.—*О.*
**) Изъ драницы.—*О.*
***) Играетъ, наемѣхается. *О.*
****) *Выздынуть*—поднять.—*О.*

Ко Васькѣ на почестенъ пиръ:
Они на питье были завидные.
Не то *) имъ чарочка эта выпити,
Не могли они чарочку вы́здынуть:
Шатаются день до вечера.
Тутъ-то Васькѣ за бѣду стало,
За бѣду стало за великую;
Пошелъ Васька на широкій дворъ,
Схватилъ Васька черненый вязъ,
Побѣгъ Васька на широкій дворъ,
Взялъ тутъ мужиковъ бить-оку́тывать,
За запло́ти **) взялъ—всѣхъ повыметалъ.
Пошли мужики—сами заплакали:
««Были у Васьки на честномъ пиру,
««Не упили мы, не уѣли,
««А въ безвѣчье ***) залѣзли у Васьки на вѣки!»»

Бѣжитъ на встрѣту Котельная Пригарина,
Говоритъ мужикамъ таковы рѣчи:
—Были вы у Васьки на честномъ пиру,
—Каково у Васьки упили,
—Каково у Васьки вы уѣли?—
««Мы не упили, не уѣли,
««Мы въ безвѣчье залѣзли на вѣки.
««Ты куда бѣжишь, ты куда спѣшишь?»»
Котельная Пригарина тому не бардуетъ ****),
Онъ одно бѣжитъ, онъ одно спѣшитъ.
Прибѣгалъ ко Васькѣ на широкій дворъ,
Размахнулъ на чанѣ зелено вино,
Зачерпаетъ чара *****)—полтора ведра,
Воздымаетъ чарочка единой рукой,

*) Не только что.—*О.*

**) *Заплотъ*—заборъ, ограда.—*О.*

***) Увѣчье.—*О.*

****) Не обращаетъ на то вниманія.—*О.*

*****) Весьма рѣдкое словосочиненіе.—*О.*

Выпиваетъ чарочка на единой духъ;
Крутёхонько *) и во второй разъ—
Воздымаетъ чара единой рукой,
Выпиваетъ чара на единой духъ;
Онъ крутёхонько и въ третій разъ—
Захотѣлъ выпить чара зелена вина.
И пошолъ Васька на широкій дворъ,
И схватилъ Васька черненый вязъ,
Билъ Васька дѣтину въ буйну голову:
Дѣтина стоитъ—не воро́хнется,
На ёмъ синь кафтанъ не колы́хнется,
Кудри черныя не тря́хнутся,
Полна чарочка въ рукахъ не вспле́щется;
Не мало ведро выпилъ,—полпята́ ведра.
—Окатилъ ты меня, Васька Буслаевичь,
—Окатилъ ты мнѣ ретиво сердце,
—Возвеселилъ ты мнѣ буйну голову:
—Ужь ты дашь ли мнѣ опохмѣлиться?—
Онъ бралъ его за бѣлы руки
И повелъ его во свѣтлицу:
«Будь ты мнѣ милый другъ,
«Милый другъ да и названый братъ!»
Посадилъ его за дубовый столъ
И учалъ его въ тѣ поры чествовать.

Въ тѣ поры въ то времячко
Увидѣли мужики Новгородчана,
Бѣжитъ на встрѣту Потанюшко Хроменькій;
Спрошаетъ онъ у мужиковъ у Новгородчанъ:
—Были ли у Васьки на честномъ пиру?—
Онъ одно бѣжитъ, онъ одно спѣшитъ:
На праву ножку онъ припадываетъ,
На лѣву ножку онъ прихрамываетъ,
Изъ-подъ рученьки Потанюшко посматриваетъ.
Прибѣгалъ ко Васькѣ на широкій дворъ,

*) *Крутёхонько*—скорёхонько, отъ *круто*—скоро.—О

Размахнулъ на чанѣ зелено вино,
Зачерпаетъ чара—полтора ведра,
Выздынаетъ чарочка единой рукой,
Выпиваетъ чарочка на единой духъ;
Крутёхонько и во второй разъ—
Выздынаетъ чара единой рукой,
Выпиваетъ чара на единой духъ;
Онъ крутёхонько и въ третій разъ—
Захотѣлъ выпить чара зелена вина.
Пошолъ Васька на широкій дворъ
И схватилъ Васька черненый вязъ,
Билъ Васька дѣтину въ буйну голову:
Дѣтина стоитъ—не воро́хнется,
На ёмъ синь кафтанъ не колыхнется,
Кудри черныя не тря́хнутся,
Полна чарочка въ рукахъ не вспле́щется.
Говоритъ дѣтина Васькѣ Буслаичу:
—Окатилъ ты меня, Васька Буслаевичь,
—Возвеселилъ ты мнѣ буйну голову:
—Хоть ты дай мнѣ, Васька, опохмѣлиться!—
Онъ бралъ его за праву руку
И повелъ его во свѣтлицу:
«Будь ты мнѣ милый другъ,
«Милый другъ да и назваңый братъ!»
Посадилъ его за дубовый столъ
И учалъ его въ тѣ поры потчивать.

Мужики Новгородчана,
На питье они были завидные,
Никола Зиновьевичь, Ѳома Родіоновичь,
Вздумали они сбирать бра́тщины Никольщины·
Насбирали они двѣнадцать мѣръ,
Наварили зелена вина;
Тутъ они запраздновали,
Никола Зиновьевичь, Ѳома Родіоновичь.
Тутъ Васька Буслаевичь съ своими товарищами,
Съ Котельной Пригариной, съ Потанюшкой Хроменькимъ,

Пошли на честной пиръ.
Тутъ на пиру наѣдалися,
Тутъ на пиру напивалися,
Тутъ они другъ другу перечили.
И говоритъ Васька Буслаевичь:
«Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичь,
«Не боюсь я тебя, Ѳома Родіоновичь,
«Не боюсь я всего Нова-города,
«Окромѣ крестоваго батюшка,
«Старичища Игнатьища,
«И крестоваго брателка Григорья Игнатьича:
«А что по чему пойдетъ,—такъ и всѣхъ не боюсь!»
И ударился Васька о великъ закладъ,
Не о ста рубляхъ, не о тысячѣ,
Ударился Васька о своей буйной головѣ:
За утро́ биться Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ.

Тутъ пришолъ Васька Буслаевъ къ матушкѣ родной,
Къ матерой вдовѣ къ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ,
Пришолъ онъ со своима товарищима,
Посадилъ онъ ихъ за дубовый столъ;
Учалъ онъ ихъ потчивать-чествовать,
А самъ сталъ матушкѣ своёй разсказывать:
«Родимая матушка, Амелѳа Тимоѳеевна!
«Ударился я съ Николой Зиновьичемъ и съ Ѳомой Родіоновичемъ,
«Ударился я о великъ закладъ,—
«За утро́ мнѣ биться со всѣмъ Новымъ-городомъ!»
Тутъ матера́ вдова Амелѳа Тимоѳеевна заплакала,
Садила она Ваську въ погреба глубокіе,
Запирала замками крѣпкими,
Замётывала рогатками булатными.

За утро́ встаютъ Котельная Пригарина,
Потанюшко Хроменькій ранёшенько,
Умываются бѣлёшенько,
И идутъ добры молодцы—сряжаются

Со всѣмъ биться съ Новымъ-городомъ.
Дерутся они съ Новымъ-городомъ трои суточки:
Молотами у ихъ головы испроло́маны,
Кушаками головы завязаны.
««Что̀ ты, Васька Буслаевичь,
««Измѣнилъ ты своимъ товарищамъ!»»

Тутъ бросился Васька на двери съ ободве́ринами,
Бросился—двери высадилъ;
На пути Васькѣ не пало черненое вя́зище,
Не пала Васькѣ никакая ура́зина,
Схватилъ Васька телѣжное о́сище:
«Садитесь вы, братцы, на лавочку:
«Измѣнилъ вамъ не я, добрый молодецъ,
«Измѣнила вамъ моя родна матушка;
«Теперь я съ ними побра́таюсь!»
На часу силу всю выгубилъ;
Онъ дошолъ до крестоваго брателка:
Идетъ онъ—несетъ колоколъ на головѣ сорокъ пудъ.
Ударилъ Васька Буслаичь въ мѣдный колоколъ,—
И расшибъ колоколъ въ мелки же́ребьи;
Тутъ его тяпъ о бѣлы груди осью телѣжною,—
Покатился за́ мертво крестовый брателко.
Идетъ Старичище Игнатьище:
Костылемъ онъ подпирается,
На головѣ несетъ колоколъ—девяносто пудъ.
«На что̀ ты идешь, крестовый батюшко?»
Говоритъ Васька Буслаевичь.
Отвѣчаетъ Старичище Игнатьище:
—Ты Васька, молодой не........!—
«Колько я тебя Хрёстнымъ ни называвалъ,
«На вѣку̀ ты мнѣ яичка не давывалъ;
«Теперь мы съ тобой похристосуемся:
«Вотъ тебѣ красно яичко—Христосъ воскресъ!»
Васька ударилъ колоколъ осью телѣжною,—
Расшибъ колоколъ въ мелки же́ребьи;
Онъ застегнулъ Старичищу Игнатьищу,

Застегнулъ осью телѣжною,—
На единой разъ грязью сдѣлалъ.

(Записано г. Н. Борисовымъ въ 1844 г.).

*

3.

(Кирша Даниловъ).

Въ славномъ Великомъ Новѣ-градѣ,
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ—не перечился,
Со мужики Новогородскими
Поперегъ словечка не говаривалъ;
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и преставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье-бытье
И все имѣніе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Амелѳа Тимоѳеевна,
И оставалося чадо милое
Молодой сынъ Василій Буслаевичь.
Будетъ Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна,
Учить его во грамотѣ,—
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,—
Пѣтье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,
Во славномъ Новѣ-городѣ,
Сопротивъ Василья Буслаева!

Поводился вѣдь Васька Буслаевичь
Со пьяницы, съ безумницы,
Съ веселыми удалыми-добрыми молодцы;
До пьяна ужь сталъ напиватися;
А и ходя въ городѣ уродуетъ:
Котораго возметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго задѣнетъ за ногу,
То изъ...... ногу выломитъ;
Котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ-реветъ, окарачь ползетъ.
Пошла-то жалоба великая.
А и мужики Новогородскіе,
Посадскіе, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на умъ учить:
Журьба Васькѣ не взлюбилася.

Пошелъ онъ, Васька, во высокъ теремъ,
Садился Васька на ременчатой стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
«Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
«Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,
«Тотъ пей и ѣшь готовое,
«И носи платье разноцвѣтное!»
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.
Въ то же время
Поставилъ Васька чанъ середи двора *),
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.

*) См. № 1-й.—*О.*

Во славномъ было во Новѣ-градѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ
Къ тому чану, зелену вину.
Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ;
Пришелъ онъ, Костя, на широкой дворъ:
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ,—
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинцу Чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ;—
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ:
Стоитъ тутъ Костя—не шевельнется
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся;
Говорилъ Василій сынъ Буслаевичь:
«Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
«А и будь ты мнѣ названой братъ,
«И паче мнѣ брата родимаго!»
А и мало время позамѣшкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей Дѣти Боярскіе,
Пришли ко Васькѣ на широкой дворъ:
Молодой Василій сынъ Буслаевичь
Тѣмъ молодцамъ сталъ радошенъ и веселешенекъ.
Пришли тутъ мужики Залѣшена:
И не смѣлъ Василій показатися къ нимъ.
Еще тутъ пришло семь братовъ Збродовичи.
Собиралися-сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Онъ самъ Василій тридцатой сталъ:
Какой зайдетъ,—убьютъ его,
Убьютъ его, за ворота бросятъ.

Послышалъ *) Васинька Буслаевичь

*) Вѣроятно: „прослышалъ,“ заслышалъ.—*О.*

У мужиковъ Новгородскiихъ
Канунъ *) варенъ, пива ячныя:
Пошелъ Василiй со дружиною.
Пришелъ во братчину въ Никольщину:
««Не малу мы тебѣ сыпь **) платимъ,
««За всякого брата по пяти рублевъ!»»
А за себя Василiй даетъ пятдесятъ рублевъ.
А и тотъ-то староста церковной ***)
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину.
А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить,
А и тѣ-то пива ячныя.
Молодой Василiй сынъ Буслаевичь
Бросился на царевъ кабакъ
Со своею дружиною хораброю ****):
Напилися они туто зелена вина
И пришли во братчину въ Никольщину.
А и будетъ день ко вечеру:
Отъ малаго до стараго,
Начали ужь ребята боротися,
А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
Отъ тое борьбы отъ ребячiя,
Отъ того бою отъ кулачнаго,
Началася драка великая;
Молодой Василiй сталъ драку разнимать:
А иной *****) дуракъ зашолъ съ носка,
Его по уху оплелъ,—
А и тутъ Василiй закричалъ громкимъ голосомъ:

98-970

*) Церковное празднованiе извѣстнаго дня начинается съ вечера, съ вечерни, съ *канона* или *кануна*, откуда наше *на канунѣ*, а самыя кушанья и питья, заготовленныя съ вечера подъ праздникъ, назывались—и называются—*сладкимъ, честнымъ канономъ*. Здѣсь разумѣется Николинъ день и то, что было заготовлено къ Никольской братчинѣ, къ пиру, который дѣлали въ складчину со всего прихода.—*О.*

**) Доля складчины, ссыпаемая или сливаемая вмѣстѣ со всякого приноса.—*О.*

***) Начальникъ братчины.—*О.*

****) Должно быть: „хороброю.“—*О.*

*****) Одинъ, какой-то; случилось, что какой-то.—*О.*

«Гой еси ты, Костя Новоторженинъ
«И Лука, Моисей, Дѣти Боярскіе!
«Уже Ваську меня бьютъ!»
Поскакали удалы-добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки-ноги переломали;
Кричатъ-ревутъ мужики посадскіе;
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичь:
«Гой еси вы, мужики Новгородскіе!
«Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
«Напущаюсь я на весь Новгородъ
«Битися-дратися,
«Со всею дружиною хораброю;
«Тако *) вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ,—
«Буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою,
«На всякой годъ по три тысячи;
«А буде же я васъ побью,
«И вы мнѣ покоритеся,—
«То вамъ платить мнѣ такову же дань.»
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.
Началась у нихъ драка-бой великая.
А мужики Новгородскіе,
И все купцы богатые,
Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
На млада Васютку напущалися,
И дерутся они день до вечера;
Молодой Василій сынъ Буслаевичь,
Со своею дружиною хораброю,
Прибили они во Новѣ-градѣ,
Прибили уже много до смерти.
А и мужики Новгородскіе догадалися,
Пошли они съ дорогими подарки

*) Должно быть: „только,“ если.—*О.*

Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ:
««Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна!
««Прими у насъ дороги подарочки,
««Уйми свое чадо милое,
««Василья Буслаевича!»»
Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна
Принимала у нихъ дороги подарочки,
Посылала дѣвушку-чернавушку
По того Василья Буслаева.

Прибѣжала дѣвушка-чернавушка,
Сохватала Ваську во бѣлы руки,
Потащила къ матушкѣ родимыя,
Притащила Ваську на широкой дворъ:
А и та старуха неразмышлена
Посадила въ погреба глубокіе
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замки булатными.

А его дружина хорабрая
Со тѣми мужики Новгородскими
Дерутся-бьются день до вечера;
А и та-то дѣвушка-чернавушка
На Волхъ-рѣку ходила по воду,
А взмолятся ей тутъ добры молодцы:
««Гой еси ты, дѣвушка-чернавушка!
««Не подай *) насъ у дѣла у ратнаго,
««У того часу смертнаго!»»
И тутъ дѣвушка-чернавушка,
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ Новогородскіимъ:
Прибила ужь много до смерти.

*) Не выдай.—*О.*

И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзныя:
—А и спишь ли, Василій, или такъ лежишь?
—Твою дружину хорабрую
—Мужики Новогородскіе
—Всѣхъ прибили-переранили,
—Булавами буйны головы пробиваны!—
Ото сна Василій пробужается,
Онъ выскочилъ на широкой дворъ,—
Не попала палица желѣзная,
Что попала ему ось телѣжная;
Побѣжалъ Василій по Нову-городу,
По тѣмъ по широкимъ улицамъ;
Стоитъ тутъ Старецъ Пилигримища,
На могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
А вѣсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ;
Кричитъ тотъ Старецъ Пилигримища:
—А стой ты, Васька, не попорхивай,
—Молодой глуздырь, не полетывай:
—Изъ Волхова воды не выпити,
—Во Новѣ-градѣ людей не выбити,
—Есть молодцовъ сопротивъ тебя,
—Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!—
Говорилъ Василій таково слово:
«А и гой еси, Старецъ Пилигримища!
«А и бился я о великъ закладъ
«Со мужики Новогородскими,
«Опричь *) почестнаго монастыря,
«Опричь тебя, Старца Пилигримища:
«Во задоръ войду—тебя убью!»
Ударилъ онъ Старца во колоколъ
А и той-то осью телѣжною,—
Начается, Старецъ не шевелнится,—

*) Не считая въ уговорѣ.—*О.*

Заглянулъ онъ, Василій, Старца подъ колоколомъ,
А и во лбѣ глазъ—ужь вѣку нѣтъ *).

Пошелъ Василій по Волхъ-рѣкѣ.

А идетъ Василій по Волхъ-рѣкѣ,
По той Волховой по улицѣ,
Завидѣли добрые молодцы,
А его дружина хорабрая,
Молода Василья Буслаева,—
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
У нихъ-то молодцовъ думушки прибыло;
Молодой Василій Буслаевичь
Пришелъ-то молодцамъ на выручку;
Со тѣми мужики Новогородскими
Онъ дерется-бьется день до вечера;
А ужь мужики покорилися,
Покорилися и помирилися.
Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ;
Насыпали чашу чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьютъ челомъ—покланяются:
««Осударыня матушка!
««Принимай ты дороги подарочки,
««А уйми свое чадомилое,
««Молода Василья со дружиною;
««А и ради мы платить
««На всякой годъ по три тысячи,
««На всякой годъ будемъ тебѣ носить
««Съ хлѣбниковъ по хлѣбику,

*) *Качается*—есть исправленіе К. Ѳ. Калайдовича, очевидно противорѣчащее выраженію „не шевелнится;" въ рукописи было, какъ оставляемъ и мы, *начается*, надѣется, думаетъ, полагаетъ; ударилъ Василій въ колоколъ и думаетъ, старецъ отъ того не шевельнется, а какъ заглянулъ подъ колоколъ,—глаза ужь закрылись давно, давно умеръ отъ удара.—Думаемъ также, что вѣрвѣе чтеніе—„старцу подъ колоколъ."—*О.*

««Съ калачниковъ по калачику,
««Съ молодицъ повѣнечное,
««Съ дѣвицъ повалешное,
««Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
««Опричь поповъ и дьяконовъ *).»»

Втапоры матера вдова
Амелѳа Тимоѳеевна
Посылала дѣвушку-чернавушку
Привести Василья со дружиною.
Пошла та дѣвушка-чернавушка,
Бѣжавши та дѣвка запыхалася:
Не льзя пройти дѣвкѣ по улицѣ,
Что полтеи **) по улицѣ валяются
Тѣхъ мужиковъ Новогородскіихъ.
Прибѣжала дѣвушка-чернавушка,
Сохватила Василья за бѣлы руки,
А стала ему разсказывати:
—Мужики пришли Новогородскіе,
—Принесли они дороги подарочки
—И принесли записи заручныя
—Ко твоей сударынѣ матушкѣ,
—Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ.—
Повела дѣвка Василья со дружиною
На тотъ на широкой дворъ,
Привела-то ихъ къ зелену вину.
А сѣли они молодцы во единой кругъ,
Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина,
Со того уразу ***) молодецкаго
Отъ мужиковъ Новгородскихъ;
Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ:

*) Разряды древнихъ податей, исключая безподатныхъ церковниковъ: *повѣнечное*—подать съ брака, вѣнца; *повалешное*—съ валька, съ портомойни, съ плоту.—*О.*

**) Туши убитыхъ, половинки, окорока разорванныхъ: одинаково сродное и съ *пóлоть*, плоть, и *полъ*, половина (корень словъ одинъ).—*О.*

***) Удара, побоища.—*О.*

««У мота и у пьяницы,
««У млада Васютки Буслаевича,
««Не упито, не уѣдено,
««Въ краснѣ хорошо *) не ухожено,
««А цвѣтнаго платья не уношено,
««А увѣчье на вѣкъ залѣзено **)!»»
И повелъ ихъ Василій обѣдати
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ;
Втапоры мужики Новогородскіе
Приносили Василью подарочки,
Вдругъ сто тысячей;
И за тѣмъ у нихъ мирова ***) пошла;
А и мужики Новогородскіе
Покорилися и сами поклонилися.

* *

II.

4.

(Оттуда же).

Подъ славнымъ Великимъ Новымъ-городомъ,
По славному озеру по Ильменю,
Плаваетъ-поплаваетъ сѣръ селезень,
Какъ бы ярой гоголь поныриваетъ:
А плаваетъ-поплаваетъ червленъ корабль
Какъ бы молода Василья Буславьевича,
А и молода Василья, со его дружиною хораброю ****),

*) Должно быть: „въ краснѣ-хорошѣ.“—*О.*

**) Прежніе неосторожные издатели, какъ на примѣръ г. Сахаровъ, исправляли—„залѣчено.“ Но „залѣзть“ значитъ—добыть, пріобрѣсть, и предыдущій образецъ пѣсни доказываетъ, что такое чтеніе правильно: не выпить, не проѣсть всего, что есть у Васютки, не износить платья цвѣтнаго, за то и увѣчье добыто на вѣкъ!—*О.*

***) Мировая (сдѣлка).—*О.*

****) Стихи должны быть:

А и молода Василья со его дружиною,
Со его дружиною хороброю.—*О.*

Тридцать удалыхъ молодцовъ.
Костя Никитинъ корму держитъ,
Маленькой Потаня на носу стоитъ,
А Василій-то по кораблю похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
«Свѣтъ моя дружина хорабрая,
«Тридцать удалыхъ-добрыхъ молодцовъ!
«Ставьте корабль поперегъ Ильменя,
«Приставайте, молодцы, ко Нову-городу.»
А и тычками къ берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережокъ,
Походилъ тутъ Василій ко своему онъ двору дворянскому *),
И за нимъ идетъ дружинушка хорабрая,
Только караулы оставили.

Приходитъ Василій Буслаевичь
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ;
Какъ вьюнъ около ее убивается **),
Проситъ благословеніе великое:
«А свѣтъ ты моя сударыня матушка,
«Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна!
«Дай мнѣ благословеніе великое,
«Итти мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ,
«Со всею дружиною хораброю,
«Мнѣ ко Господу помолитися,
«Святой святынѣ приложитися,
«Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.»
Что взговоритъ матера вдова,
Матера Амелѳа Тимоѳеевна:

*) Стихи должны быть:

Походилъ тутъ Василій ко своему двору,
Къ своему онъ двору ко дворянскому.—*О.*

**) Должно быть: „увивается.“—*О.*

—Гой еси ты, мое чадо милое,
—Молодой Василій Буслаевичь!
—То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
—Тебѣ дамъ благословеніе великое;
—То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
—И не дамъ благословенія великаго,
—А и не носи Василья сыра земля!—
Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару разтопляется:
Материно сердце распущается;
И даетъ она много свинцу-пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружье долгомѣрное:
—Побереги ты, Василій, буйну голову свою!—
Скоро молодцы собираются
И съ матерой вдовой прощаются;
Походили они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по озеру Ильменю.

Бѣгутъ они ужь сутки другія,
А бѣгутъ уже недѣлю другую,
Въ стрѣчу имъ гости корабельщики:
««Здравствуй, Василій Буслаевичь!
««Куда, молодецъ, поизволилъ погулять?»»
Отвѣчаетъ Василій Буслаевичь:
«Гой еси вы, гости корабельщики!
«А мое-то вѣдь гулянье неохотное *):
«Съ молоду бито много, граблено,
«Подъ старость надо душа спасти **).
«А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго путя
«Ко святому граду Іерусалиму?»
Отвѣчаютъ ему гости корабельщики:
««А и гой еси, Василій Буслаевичь!

*) По неволѣ.—*О.*

**) Обычный древній оборотъ словосочиненія.—*О.*

««Прямымъ путемъ въ Іерусалимъ градъ
««Бѣжать семь недѣль,
««А окольной дорогой полтора года.
««На славномъ морѣ Каспійскіимъ,
««На томъ острову на Куминскіимъ,
««Стоитъ застава крѣпкая,
««Стоятъ атаманы козачіе,
««Не много, не мало ихъ—три тысячи:
««Грабятъ бусы-галеры,
««Разбиваютъ червлены корабли *).»»
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичь:
«А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
«А и вѣрую въ свой червленой вязъ:
«А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ!»

И завидѣлъ Василій гору высокую,
Приставалъ скоро ко круту берегу,
Походилъ Василій сынъ Буслаевичь
На ту ли гору Сорочинскую,
А за нимъ летитъ дружина хорабрая.
Будетъ Василій въ полу-горѣ,
Тутъ лежитъ пуста голова,
Пуста голова, человѣчья кость:
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова человѣческая:
—Гой еси ты, Василій Буславьевичь!
—Ты къ чему меня, голову, побрасываешь?
—Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
—Умѣю я, молодецъ, валятися;
—А на той горѣ Сорочинскія,
—Гдѣ лежитъ пуста голова,
—Пуста голова молодецкая,
—И лежать будетъ головѣ Васильевой!—
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ:
«Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ,

*) Должно быть: „ка́рабли.“—*О.*

«Или нечистой духъ!»
Пошелъ на гору высокую.
На самой сопкѣ тутъ камень стоитъ:
Въ вышину три сажени печатныя,
А и черезъ его только топоръ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью;
И въ томъ-то подпись подписана:
««А кто, де, у каменя станетъ тѣшиться,
««А и тѣшиться-забавлятися,
««Вдоль скакать по каменю,—
««Сломить будетъ буйну голову.»»
Василій тому не вѣруетъ;
Приходилъ со дружиною хороброю,
Стали молодцы забавлятися,
Поперегъ того каменю поскакивати:
А вдоль-то его не смѣютъ скакать.

Пошли со горы Сорочинскія,
Сходятъ они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому
На ту на заставу корабельную,
Гдѣ-то стоятъ козаки разбойники,
А стары атаманы козачіе:
На пристани ихъ стоятъ сто человѣкъ.
А и молодой Василій на пристань сталъ:
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
И скочилъ-то Буслай на крутъ бережокъ,
Червленымъ вязомъ подпирается.
Тутъ караульщики, удалы-добры молодцы,
Всѣ на караулѣ испугалися;
Много его не дожидаются:
Побѣжали съ пристани корабельныя
Къ тѣмъ атаманамъ козачіимъ.
Атаманы сидятъ—не дивуются,
Сами говорятъ таково слово:
««Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ,

««Не видали страху великаго!
««Это, де, идетъ Василій Буслаевичь:
««Знать, де, полетка соколиная,
««Видѣть, де, поступка молодецкая *)!»»
Пошагалъ-то Василій со дружиною,
Гдѣ стоятъ атаманы козачіе;
Пришли они, стали во единой кругъ;
Тутъ Василій имъ поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
«Вздравствуйте, атаманы козачіе!
«А скажите вы мнѣ прямаго путя
«Ко святому граду Іерусалиму?»
Говорятъ атаманы козачіе:
««Гой еси, Василій Буслаевичь!
««Милости тебя просимъ за единой столъ хлѣба кушати **)!»»
Втапоры Василій не ослушался:
Садился съ ними за единой столъ.
Наливали ему чару зелена вина въ полтора ведра ***):
Принимаетъ Василій единой рукой
И выпилъ чару единымъ духомъ;
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могутъ и по полу-ведру пить.
И хлѣба съ солью откушали ****),
Сбирается Василій Буслаевичь
На свой червленъ корабль,—
Даютъ ему атаманы козачіе подарки свои:
Первую мису чиста серебра,
И другую красна золота,

*) Замѣтно по полету сокола, видно по поступкѣ молодца.—*О.*

**) Стихи должны быть:
««Милости тебя просимъ за единой столъ,
««За единой столъ хлѣба кушати!»»—*О.*

***) Стихи:
Наливали ему чару зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра.—*О.*

****) Т. е. когда откушали.—*О.*

Третью скатнаго жемчуга.
За то Василій благодаритъ и кланяется,
Проситъ у нихъ до Ерусалима провожатаго:
Тутъ атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатаго,
И сами съ нимъ прощалися.
Собрался Василій на свой червленъ корабль
Со своею дружиною хороброю,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому.

Будутъ они во Ердань-рѣкѣ,
Бросали якори крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Походилъ тутъ Василій Буслаевичь,
Со своею дружиною хороброю,
Въ Іерусалимъ градъ.
Пришелъ во церкву соборную:
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ-добрыхъ молодцовъ,
Что съ молоду бито много, граблено.
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ *),
Даетъ золотой казны не считаючи;
И походитъ Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль.

Втапоры его дружина хорабрая

*) Богорадные старцы, въ богадѣльнѣ, страннопріимницѣ и больницѣ.— *О.*

Купалися во Ерданѣ рѣкѣ;
Приходила къ нимъ Баба Залѣсная,
Говорила таково слово:
—Почто вы купаетесь во Ерданѣ рѣкѣ?
—А некому купатися опричь Василья Буслаевича!
—Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь Іисусъ Христосъ *):
—Потерять его вамъ будетъ,
—Большаго атамана Василья Буслаевича **)! —
И они говорятъ таково слово:
««Нашь Василій тому не вѣруетъ, ни въ сонъ, ни въ чохъ ***).»»
И мало время поизойдучи,
Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль
Изъ устья Ердань-рѣки.

Подняли тонки парусы полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому,
Приставали у острова Куминскаго;
Приходили тутъ атаманы козачіе,
И стоятъ всѣ на пристани корабельныя;
А и выскочилъ Василій Буслаевичь
Изъ своего червленаго корабля,
Поклонились ему атаманы козачіе:
««Здравствуй, Василій Буслаевичь!

*) Стихи:

—Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь,
—Самъ Господь Іисусъ Христосъ.—*О.*

**) Изъ другихъ разнорѣчій пѣсни знаемъ, что не купаться въ Ерданѣ считалось грѣхомъ, а грѣхомъ было купаться „нагимъ тѣломъ," ибо такъ крестился только Господь; Баба догадывается, что некому было сдѣлать эту дерзость кромѣ Василья, и за то предсказываетъ, что путники потеряютъ своего атамана.—*О.*

***) Стихи:

«Нашь Василій тому не вѣруетъ,
«Не вѣруетъ Василій ни въ сонъ, ни въ чохъ.»—*О.*

««Здорово ли съѣздилъ въ Ерусалимъ градъ?»»
Много Василій не баитъ съ ними,
Подалъ письмо въ руку имъ,
Что много трудовъ за ихъ положилъ,
Служилъ обѣдни съ молебнами за ихъ, молодцовъ;
Втапоры атаманы козачіе
Звали Василья обѣдати:
И онъ не пошелъ къ нимъ,
Прощался со всѣми тѣми атаманы козачими.
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому къ Нову-городу.

А и ѣдутъ недѣлю споряду,
А и ѣдутъ уже другую,
И завидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую:
Захотѣлось Василью на горѣ побывать.
Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гору,
Пошелъ Василій со дружиною.
И будетъ онъ въ полъ-горы,
И на пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость *):
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова:
—Гой еси ты, Василій Буслаевичь!
—Къ чему меня, голову, попинываешь
—И къ чему побрасываешь?
—Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
—Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія;
—Гдѣ лежитъ пуста голова,
—Лежать будетъ и Васильевой головѣ!—
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.

*) Стихи:

И завидѣлъ Василій гору высокую,
Высокую гору Сорочинскую...
И на пути лежитъ пуста голова,
Пуста голова, человѣчья кость.—*О*.

Взошелъ на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокой камень:
Въ вышину три сажени печатныя,
И черезъ его только топоромъ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью;
И въ томъ-то подпись подписана:
««А кто, де, у каменя станетъ тѣшиться,
««А и тѣшиться-забавлятися,
««Вдоль скакать по каменю,—
««Сломить будетъ буйну голову.»»
Василій тому не вѣруетъ;
Сталъ со дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперегъ каменю поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,—
Разбѣжался—скочилъ вдоль по каменю:
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья схоронили.
Побѣжала дружина съ той Сорочинской горы
На свой червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали къ Нову-городу.

И будутъ у Нова-города,
Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался онъ.
Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ.
Прошли *) и поклонилися,
Всѣ письмо въ руки подали;
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой вы еси, удалы-добры молодцы!
«У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего;

*) Пришли?—*О.*

«Подите въ подвалы глубокіе,
«Берите золотой казны не считаючи!»
Повела ихъ дѣвушка-чернавушка
Къ тѣмъ подваламъ глубокіимъ,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Возговорили таковы слова:
««Спасибо, матушка Амелѳа Тимоѳеевна,
««Что поила-кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ *)!»»
Втапоры матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
Подноситъ дѣвушка-чернавушка
Тѣмъ удалымъ-добрымъ молодцамъ;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотѣлося.

*
* *

*) Стихи:

Прочитала письмо матера вдова,
Прочитала письмо, сама заплакала...
««Что поила-кормила, обувала-одѣвала,
««Обувала-одѣвала добрыхъ молодцевъ!»» — *О.*

САДКО КУПЕЦЪ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

I.

1.

(Олонецк. губ., Повѣнецк. уѣзда, деревни Кяменицъ).

Будучись Садко Купецъ, Богатый Гость,
Подъ славнымъ Новымъ-городомъ,
Похвасталъ онъ съ оными своей буйной головой,
Что «Я у васъ повыкуплю товары всѣ,
«Съ Нова-города на свои корабли всѣ повыгружу;
«Если не могу товаровъ всѣхъ повыкупить,
«Да на свои корабли повыгрузить,—
«Отдамъ отсѣчь свою буйную голову!»
И сталъ онъ въ Новѣ-городѣ гулять,
Сталъ онъ товаровъ покупать
И на свои корабли нагружать:
И всѣ товары съ Нова-города повыкупилъ,
И на свои черны корабли онъ повыгрузилъ.
И вскричалъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Дружги и братья корабельщики!
«Катайте-ко якори съ синя моря,
«Распущайте-ко парусы полотнянныи!»
И всѣхъ кораблей были тридцать три:
Единой корабль передомъ пошолъ,
На которомъ ѣдетъ Садко Купецъ, Богатый Гость.

И ѣдетъ Садке Купецъ, Богатый Гость, середи моря,
И остановился корабль Садки Купца Богатаго.
И вскричалъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
Дружьямъ-братьямъ корабельщикамъ:

«Ай же вы, дружги-братья корабельщики!
«Берите-ко щупы желѣзныи,
«Щупайте во синёмъ мори:
«Нѣтъ ли луды *) или каменя,
«Нѣтъ ли отмели песочныя?»
Они щупали во синёмъ мори:
Не нашли они ни луды, ни каменя,
И не нашли отмели песочныя.
Тутъ скрычалъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Эй вы, дружья-братья корабельщики!
«Вы спускайте во синё морё якори мёртвыи
«И становитесь всѣ по по́ряди.»
Оны кидали якори мертвыи
И становились всѣ по по́ряди.
И собиралися на одинъ корабль,
И говоритъ Садке Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же вы, дружья-братья корабельщики!
«Вы насыпьте одну мису чиста серебра,
«Другую насыпьте красна золота,
«А третью насыпьте скатна жемчуга,
«Положите на дощечку золоту казну
«И бросьте дощечку во синё морё:
«Я двѣнадцать лѣтъ по морю ѣзживалъ,
«А Поддо́нному Царю пошлины не плачивалъ,—
«Вѣрно пошлины онъ отъ меня требуетъ!»
Положили на дощечку золоту казну:
Тутъ дощечка не тонетъ, а гоголе́мъ плыветъ.
Тутъ говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же вы, дружья-братья корабельщики!
«Вѣрно не пошлины Поддо́нной Царь требуетъ,
«А требуетъ онъ голову человѣческу!
«Возмите-тко дерево сосновое,
«Нарѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
«Подпишите подпись по отечеству,
«Бросьте жеребьи во синё морё

*) Подводнаго камня: который *лудитъ*, обманываетъ плывущихъ.—*О.*

«Ко тому Царю ко Поддо́нному.»
Оны бросили жеребьи во синё морё:
Вси жеребьи гоголёмъ плывутъ,
А который жеребей Садки Купца Богатаго,
Тотъ пошелъ каменёмъ ко дну.
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Это есть дерево не правое,
«Не правое дерево—сосновое!
«А возмите вы дерево еловое,
«Нарѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
«И подпишите подпись по отечеству,
«Бросьте жеребьи во синё морё
«Ко тому Царю ко Поддонному.»
Оны бросили жеребьи во синё морё:
Всѣ жеребьи гоголёмъ плывутъ,
А который жеребей Садки Ку́пца Богатаго,
Тотъ пошелъ каменёмъ ко дну.
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Это дерево есть не правое,
«Не правое дерево—еловое!
«Возмите-ко дерево ольховое,
«Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ
«И подпишите подпись по отечеству:
«Кому у насъ, братцы, итти во синё морё
«Ко тому Царю ко Поддонному?»
Оны бросили жеребьи во синё морё;
Всѣ жеребьи гоголёмъ плывутъ,
А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
Тотъ пошолъ каменёмъ ко дну.
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Это есть дерево не правое!
«А возмите-ко дерево дубовое,
«Вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
«Подпишите подпись по отечеству.»
Подписали жеребьи поимянно всѣмъ
И бросили жеребьи во синё морё:
Всѣ жеребьи гоголёмъ плывутъ,

А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
Тотъ пошолъ каменёмъ ко дну.
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Это есть дерево не правое,
«Не правое дерево—дубовое!
«А возмите-ко дерево кипарисное,
«И вырѣжьте жеребьи поимянно всѣмъ,
«И подпишите жеребьи по отечеству:
«На томъ вѣдь деревѣ Христосъ распятъ есть,
«Это есть дерево правое,
«Правое дерево—кипарисное.»
Оны брали дерево кипарисное,
Вырѣза́ли жеребьи поимянно всѣмъ,
Подписали подпись по отечеству
И бросили жеребьи во синё морё:
Всѣ жеребьи гоголёмъ плывутъ,
А которой жеребей Садки Купца Богатаго,
Тотъ пошолъ каменёмъ ко дну.
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Видно, бѣда пришла мнѣ неминучая:
«Самому Садку, Купцу Богатому
«Иттить будетъ во синё морё!
«Насыпьте-ко, братцы, мису чиста серебра,
«Другу насыпьте красна золота,
«А третью насыпьте скатна жемчуга.»
Тутъ онъ взялъ во праву руку
Образъ Миколы Угодника,
А во лѣвую гусли яро́вчеты *),
Камочку **) Сибирскую да заморскую,
Въ которой наигрыши есть нездѣшніи,
А нездѣшніи наигрыши—Сибирскіи.
И приказалъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
Мисы класть на дощечечку,

*) Яворчеты, яворовыя.—*О.*

**) Вѣроятно ошибка пѣвца, соблазненнаго прозвищемъ „Сибирскую“: дѣло идетъ о гусляхъ и ихъ наигрышахъ.—*О.*

И самъ садился на тую же;
И быдто въ сонъ заснулъ,
Ушелъ онъ каменёмъ ко дну.

И приняло *) дощечку во синёмъ морѣ
Ко той полаты бѣлокаменны,
А корабли его всѣ въ ходъ пошли,
А онъ пришелъ въ полату бѣлокаменну
Ко тому Царю ко Поддонному.
Онъ ему съ Царицею билъ челомъ,
Челомъ билъ и низко кланялся,
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же ты, Поддонный Царь!
«За чѣмъ ты меня сюда требовалъ?»
Говоритъ Поддонной Царь:
—Я за тѣмъ тебя сюда требовалъ,—
—Ты скажи-скажи и повѣдай мнѣ,
—Что̀ у васъ на Руси есть дорого:
—У насъ съ Царицею разговоръ идетъ,
—Злато или серебро на Руси есть дорого,
—Или булатъ-желѣзо есть дорого?—
Говоритъ ему Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же ты, Поддонной Царь!
«Я скажу тебѣ и повѣдаю:
«У насъ злато-серебро на Руси дорого,
«А булатъ-желѣзо не дешевлѣя;
«Потому оно дорого,
«Что безъ злата-серебра сколько можно жить,
«А безъ булату-желѣза жить-то не́ можно,
«А не́ можно жить вѣдь никакому званію.»
Говоритъ ему Поддонной Царь:
—Что̀ у тебя есть во правой руки
—И что̀ у тебя есть во лѣво̀й руки?—
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Есть у меня во правой руки

*) Принесло: какъ въ языкѣ Сербскомъ.—*О.*

«Образъ Миколы Угодника,
«А во лѣвой руки гусли яровчеты.»
Тутъ беретъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
Беретъ онъ гусельышки яровчеты:
Тутъ Поддонной Царь распотѣшился
И началъ плясать по полаты бѣлокаменной,
Онъ полами бьетъ и шубой машетъ,
И шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ.
Проигралъ Садко ровно три часу.
Говоритъ ему Царица Поддонная:
««Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!
««Сломай-ко ты гусли яровчеты:
««Тебѣ кажется, что скачетъ по полатамъ Царь,
««А скачетъ Царь по крутымъ берегамъ;
««Отъ его отъ пляски тонутъ-гинутъ
««Безповинныя буйны головы.»»
Тутъ сломалъ Садко гусли яровчаты
И прирвалъ струны золочёныя.
Тутъ Поддонной Царь велитъ играть,
Велитъ играть друго три-часу;
Тутъ отвѣтъ держитъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«У меня сломались гусли яровчаты.»
Говоритъ ему Поддонной Царь:
—У насъ есть слесаря и починятъ ихъ.—
Говоритъ Садке Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же ты, Поддонной Царь!
«Не починить здѣсь моихъ гусельышекъ яровчатыхъ:
«Надобно починить—на Русь сходить.»

Говоритъ ему Поддонной Царь:
—Не хочешь ли ты здѣсь поженитися?—
Говоритъ ему Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Надо бы жениться мнѣ, да невѣсты нѣтъ.»
Тутъ пошелъ Поддонной Царь по хорошихъ дѣвицъ.
Говоритъ ему Царица Поддонная:
««Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!
««Первую толпу дѣвицъ приведетъ Поддонной Царь,—

««Такъ въ той толпы княгини *) ты не выбери,
««А скажи Царю ты Поддонному,
««Что «въ этой толпы мнѣ княгини нѣтъ по разуму;»
««Такъ приведетъ Царь толпу дру́гую,—
««И въ другой толпы княгини ты не выбери;
««А третью толпу приведетъ Поддонной Царь,—
««Въ третьей толпы княгину себѣ выбери,
««Которая идетъ позади всѣхъ,
««Поменьше она и почернѣя всѣхъ:
««Тогда ты будешь на Святой Руси,
««Ты увидишь тамъ бѣлый свѣтъ,
««Увидишь и солнце красное.»»
Тутъ привелъ Царь хорошихъ дѣвицъ
И потребовалъ Садка Купца Богатаго
Выберать себѣ княгину по разуму.
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму.»
И привелъ тутъ Поддонной Царь толпу дру́гую,
И говоритъ онъ Садку Купцу Богатому:
—Выберай княгину ты по разуму.—
Говоритъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«И въ этой толпы нѣтъ княгини мнѣ по разуму.»
И привелъ тутъ Поддонной Царь
Толпу дѣвицъ третьюю,
И говоритъ Садку Купцу Богатому;
—Ай же ты, Садко Купецъ, Богатый Гость!
—Выберай теперь княгину ты по разуму.—
Въ этой толпы Садко Купецъ, Богатый Гость,
Сталъ выберать себѣ княгину по разуму,
И выбралъ дѣвицу по разуму,
Которая шла позади всѣхъ и чернѣя всѣхъ.
И говоритъ тутъ Садко Купецъ, Богатый Гость:
«Ай же ты, Поддонной Царь!
«Эта мнѣ дѣвица полюбилася.»
И тую дѣвицу Царь за его отдалъ,

*) Молодой, молодицы въ бракъ.—*О.*

И далъ ему во приданыхъ
Одну бочку чиста серебра,
Другу бочку красна золота,
Третью бочку красна *) жемчуга.
Отвели Садка во ложню спать,
Заспалъ Садко Купецъ Богатый во крѣпкой сонъ.

Какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго,
И увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное,
И увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ крежу **),
На крутомъ крежу, у быстрой рѣки,
И бочки съ имѣніемъ лежатъ подли его,
А невѣсты его и въ слыху нѣтъ.
И тутъ Садко Купецъ, Богатый Гость,
Съ имѣніемъ и домой пошелъ.

(Записано П. Н. Рыбниковымъ въ іюнѣ 1862 г. отъ Корѣляка, крестьянина Василья Лазарева).

*

2.

(Кирша Даниловъ).

Какъ по морю-морю по синему,
Бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—единъ Соколъ корабль
Самого Садки, Гостя Богатаго.
А всѣ корабли что соколы летятъ:
Соколъ корабль на морѣ стоитъ.
Говоритъ Садко Купецъ, Богатой Гость:
«А ярыжки ***) вы, люди наемные,
«А наемны люди, подначальные!

*) Скатна?—*О.*

**) Каменистомъ берегу.—*О.*

***) Матросы, гребцы.—*О.*

«А въ мѣсто всѣ вы собирайтеся,
«А и рѣжте жеребья вы валжены,
«А и всякъ-то пиши на имена *),
«И бросайте вы ихъ на сине море.»
Садко покинулъ хмѣлево перо,
И на немъ-то подпись подписана,
А и самъ Садко приговариваетъ:
«А ярыжки, люди вы наемные!
«А слушай рѣчи праведныхъ **):
«А бросимъ мы ихъ на сине море,—
«Которые бы ***) по верху плывутъ,
«А и тѣ бы душеньки правыя;
«Что которые-то во морѣ тонутъ,
«А мы тѣхъ спихнемъ во сине море.»
А всѣ жеребья по верху плывутъ,
Кабы яры гоголи по заводямъ:
Единъ жеребій во морѣ тонетъ,
Во морѣ тонетъ хмѣлево перо
Самого Садки, Гостя Богатаго.
Говорилъ Садко Купецъ, Богатой Гость:
«Вы ярыжки, люди наемные,
«А наемные люди, подначальные!
«А вы рѣжте жеребья ветляные,
«А пишите всякъ себѣ ****) на имена,
«А и сами къ нимъ приговаривай:
««А которы жеребьи во морѣ тонутъ,
««А и то бы душеньки правыя!»»
А и Садко покинулъ жеребій булатной,
Синяго булату вѣдь заморскаго,
Вѣсомъ-то жеребій въ десять пудъ.
И всѣ жеребьи во морѣ тонутъ:
Единъ жеребій по верху плыветъ
Самого Садки, Гостя Богатаго.

*) По имени, поименно.—*О.*

**) Рѣчій, т. е. рѣчей, или „рѣчи праведны.“—*О.*

***) Буде, будетъ, если.—*О.*

****) Кромѣ такого чтенія можно допустить: „себе, себя.“—*О.*

Говоритъ тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость:
«Вы ярыжки, люди наемные,
«А наемны люди, подначальные!
«Я, Садъ-Садко, знаю-вѣдаю:
«Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ,
«Тому Царю Заморскому
«Не платилъ я дани-пошлины
«И во то сине море Хвалынское
«Хлѣба съ солью не опускивалъ, —
«По меня, Садку, смерть пришла!
«И вы, купцы, гости богатые,
«А вы, цѣловальники любимые,
«А и всѣ прикащики хорошіе!
«Принесите шубу соболиную.»
И скоро Садко наряжается,
Беретъ онъ гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И беретъ онъ шахматницу дорогу
Со золоты тавлеями,
Со тѣми дороги, вальящаты *).
И спущали сходню вѣдь серебряну,
Подъ краснымъ золотомъ:
Походилъ **) Садко Купецъ, Богатой Гость,
Спущался онъ на сине море,
Садился на шахматницу золоту;
А и ярыжки, люди наемные,
А наемны люди, подначальные,
Утащили сходню серебряну,
И серебряну подъ краснымъ золотомъ,
Ее на Соколъ корабль:
А Садко остался на синемъ морѣ,
А Соколъ корабль по морю пошелъ;
А всѣ корабли какъ соколы летятъ,
А единъ корабль по морю бѣжитъ,

*) См. вып. 2, стр. 85.—*О.*

**) Т. е. на сходню, пустился, отправился.—*О.*

Какъ бѣлъ кречетъ *),
Самого Садки, Гостя Богатаго.

Отца-матери молитвы великія **),
Самого Садки, Гостя Богатаго,
Подымалася погода тихая,
Понесло Садку, Гостя Богатаго,
Не видалъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Ни горы, ни берегу,
Понесло его, Садку, къ берегу,
Онъ и самъ Садко туто дивуется.
Выходилъ Садко на круты береги,
Пошелъ Садко подлѣ синя моря,
Нашелъ онъ избу великую,
А избу великую—во все дерево,
Нашелъ онъ двери и въ избу пошелъ.
И лежитъ на лавкѣ Царь Морской:
—А и гой еси ты, Купецъ, Богатой Гость!
—А что душа радѣла ***), того Богъ мнѣ далъ:
—И ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ,
—А нынѣ Садко головой ****) пришелъ!
—Поиграй, Садко, въ гусли ты звончаты.—
И сталъ Садко Царя тѣшити,
Заигралъ Садко въ гусли звончаты:
А и Царь Морской зачалъ скакать, зачалъ плясать *****).
И того Садку, Гостя Богатаго,
Напоилъ питьями разными;
Напивался Садко питьями разными,
И развалялся Садко, и пьянъ онъ сталъ,

*) Вѣроятно опущено „летитъ,“ „перепархиваетъ“ или что либо въ этомъ родѣ.—*О.*

**) По молитвамъ отца-матери Садка: подымалась погода тихая, и проч.—*О*

***) Чего душа желала.— *О.*

****) Лично, самъ.—*О.*

*****) Стихи:

А и Царь Морской зачалъ скакать,
Зачалъ скакать, зачалъ плясать.—*О.*

И уснулъ Садко Купецъ, Богатой Гость.
А во снѣ пришелъ Святитель Николай къ нему,
Говоритъ ему таковы рѣчи:
««Гой еси ты, Садко Купецъ, Богатой Гость!
««А рви ты свои струны золоты
««И бросай ты гусли звончаты:
««Разплясался у тебя Царь Морской,—
««А сине море всколебалося,
««А и быстры рѣки разливалися,
««Топятъ много бусы-корабли *),
««Топятъ души напрасныя
««Того народу православнаго.»»
А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Изорвалъ онъ струны золоты
И бросаетъ гусли звончаты,
Пересталъ Царь Морской скакать и плясать:
Утихло море синее,
Утихли рѣки быстрыя.

А по утру сталъ туто Царь Морской,
Онъ сталъ Садку уговаривать:
А и хочетъ Царь Садку женить,
И привелъ ему тридцать дѣвицъ.
Никола ему во снѣ наказывалъ:
««Гой еси ты, Купецъ, Богатой Гость!
««А станетъ тебя женить Царь Морской,
««Приведетъ онъ тридцать дѣвицъ,—
««Не бери ты изъ нихъ хорошую **), бѣлыя-румяныя,
««Возми ты дѣвушку поваренную ***),
««Поваренную, что котора хуже всѣхъ.»»
А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,

*) *Бусы*—извѣстный видъ судна: см. Словарь В. И. Даля.—*О.*

**) Сообразно съ послѣдующимъ, вѣроятнѣе родительный: „хорошія," хорошей.—*О.*

***) Черную, чернавку.—*О.*

Онъ думался *)—не продумался,
И беретъ онъ дѣвушку поваренную,
А котора дѣвушка похуже всѣхъ.
А и туто Царь Морской
Положилъ Садку на подклѣтѣ **) спать,
И ложился онъ съ новобрачною.
Николай во снѣ наказывалъ Садкѣ
Не обнимать жену, ««не цѣлуй ее.»»
А и тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Съ молодой женой на подклѣтѣ спитъ,—
Свои рученьки ко сердцу прижалъ ***);
Со полуночи, въ просоньи, ногу лѣву
Накинулъ онъ на молоду жену:
Ото сна Садко пробуждался,
Онъ очутился подъ Новымъ-городомъ,
А лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ.

И скочилъ Садко, испужался онъ,
Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ,—
Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
Того Николу Можайскаго;
Перекрестился крестомъ своимъ,
И глядитъ Садко по Волхъ-рѣкѣ,—
Отъ того синя моря Хвалынскаго,
По славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ,
Бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей,
Единъ корабль самого Садки, Гостя Богатаго;
И встрѣчаетъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Цѣловальниковъ любимыихъ.
Всѣ корабли на пристань стали,
Сходни метали на крутой берегъ,
И вышли цѣловальники на крутъ берегъ:
И тутъ Садко поклоняется:

*) *Ся* прибавлено по соотвѣтствію съ „не продумался (притяженіе, аттракція)."—*О.*

**) Гдѣ кладутъ обычно молодыхъ.—*О.*

***) Чтобъ не обнять.—*О.*

«Здравствуйте, мои цѣловальники любимые
«И прикащики хорошіе!»

И тутъ Садко Купецъ, Богатой Гость,
Со всѣхъ кораблей въ таможню положилъ
Казны своей сорокъ тысячей *):
По три дни не **) осматривали.

* *

II.

3 ***).

(Оттуда же).

По славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
А гулялъ Садко молодецъ тутъ двѣнадцать лѣтъ:
Никакой надъ собой притки ****)
И скорби Садко не видывалъ,
А все молодецъ во здоровьи пребывалъ.
Захотѣлось молодцу побывать во Новѣ-городѣ;
Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой,
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ:
«А спасибо тебѣ, матушка Волга рѣка!
«А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
«Никакой я притки-скорби не видывалъ надъ собой,
«И въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ;
«А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать.»

*) Т. е. вступивши въ городскую пристань.— *О.*

**) Ее, казну?.—*О.*

***) Эта былина, по нѣкоторымъ чертамъ содержанія, должна бы помѣститься первою: см. въ Приложеніяхъ „Замѣтку.“—*О.*

****) Лихой встрѣчи, несчастнаго случая, который наталкивается на человѣка или человѣкъ на него.—

Стихи должны быть:

Никакой надъ собой притки и скорби,
Притки и скорби Садко не видывалъ.—*О.*

Проговоритъ ему матка Волга рѣка:
—А и гой еси, удалой-доброй молодецъ!
—Когда придешь ты во Новгородъ,
—А стань ты подъ башню проѣзжую *),
—Поклонися отъ меня брату моему,
—А славному озеру Ильменю.—
Втапоры Садко молодецъ отошедъ поклонился.

Подошелъ ко Нову-городу,
И будетъ у тоя башни проѣзжія,
Подлѣ славнаго озера Ильменя,
Правитъ челобитье великое
Отъ тоя-то матки Волги рѣки,
Говоритъ таково слово:
«А и гой еси, славной Ильмень-озеро!
«Сестра тебѣ Волга челобитье посылаетъ двою **).»
Говорилъ самъ и кланялся.
Малое время замѣшкавши,
Приходилъ тутъ отъ Ильмень-озера
Удалой-доброй молодецъ,
Поклонился ему, добру молодцу:
—Гой еси, съ Волги удалъ молодецъ!
—Какъ ты, де, Волгу сестру знаешь мою?—
А и тотъ молодецъ Садко отвѣтъ держитъ:
«Что, де, я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ,
«Со вершины знаю и до устья ее—
«А и нижняго царства Астраханскаго.»
А сталъ тотъ молодецъ наказывати,
Которой посланъ отъ Ильмень-озера:
—Гой еси ты, съ Волги удалъ молодецъ!
—Проси бошлыковъ ***) во Новѣ-городѣ,

*) Такъ доселѣ называется на Руси всякая башня съ воротами, черезъ которые проѣзжаютъ по суху ли, или по водѣ.—*О.*

**) Вдвойнѣ, двойное.—Здѣсь также, можетъ быть, ослышка записавшаго вмѣсто „мною," черезъ меня?—*О.*

***) Восточное: голова, атаманъ, особенно рыболовный, неводный; правильнѣе *башлыкъ*, отъ *башъ*—голова.—*О.*

—Ихъ *) со тремя неводами
—И съ тѣми людьми со работными,
—И заметывай ты неводы во Ильмень-озеро:
—Что будетъ тебѣ Божья милость.—

Походилъ онъ молодецъ
Къ тѣмъ бошлыкамъ Новогородскіимъ,
А пришелъ онъ, самъ кланяется,
Самъ говоритъ таково слово:
«Гой вы еси, бошлыки, добры молодцы!
«А и дайте мнѣ тѣ три невода
«Со тѣми людьми со работными,
«Рыбы половити во Ильменѣ озерѣ:
«Я вамъ, молодцамъ, за труды заплачу.»
А и втапоры ему бошлыки не отказывалися,
Сами пошли бошлыки со работными людьми,
А закинули три невода во Ильмень-озеро:
Первой неводъ къ берегу пришелъ,—
И тутъ въ немъ рыба бѣлая,
Бѣлая вѣдь рыба мелкая;
И другой-то вѣдь неводъ къ берегу пришелъ,—
Въ томъ-то рыба красная **);
А и третій неводъ къ берегу пришелъ,—
А въ томъ-то вѣдь рыба бѣлая,
Бѣлая рыба въ три четверти.
Перевозился Садко молодецъ на гостинной дворъ
Со тою рыбою ловленою:
А и перву рыбу перевозили всю,
Клали они рыбу въ погребы;
Изъ другаго же невода онъ въ погребъ же возилъ,
Та была рыба вся красная;
Изъ третьяго невода возили они
Въ тѣ же погребы глубокіе,

*) Неловко. Вообще въ этой былинѣ стихи записаны дурно и раздѣлены неправильно.—*О.*

**) Извѣстное русское дѣленіе видовъ рыбы.—*О.*

Запирали они погребы на крѣпко,
Ставили караулы на гостинномъ на дворѣ.
А и отдалъ тутъ молодецъ тѣмъ бошлыкамъ
За ихъ за труды сто рублевъ.
А не ходитъ Садко на тотъ на гостинцой дворъ по три дни *),
На четвертой день погулять захотѣлось;
А и первой въ погребъ заглянетъ онъ,—
А на силу Садко туто двери отворитъ:
Котора была рыба мелкая,
Тѣ-то вѣдь стали деньги дробныя;
И скоро Садко опять запираетъ.
А въ другомъ погребу заглянулъ онъ:
Гдѣ была рыба красная,
Очутились у Садки—червонцы лежатъ.
Въ третьемъ погребу заглянулъ Садко:
Гдѣ была рыба бѣлая,
А и тутъ у Садки все монеты лежатъ.

Втапоры Садко Купецъ, Богатой Гость,
Сходилъ Садко на Ильмень-озеро,
А бьетъ челомъ, поклоняется:
«Батюшко мой, Ильмень-озеро!
«Поучи меня жить во Новѣ-градѣ?»
А и тутъ ему говорилъ Ильмень-озеро:
—А и гой еси, удалой-доброй молодецъ!
—Поводись ты со людьми со таможенными,
—А и только про ихъ ты обѣдъ доспѣй,
—Позови молодцовъ, посадскихъ людей:
—А станутъ те **) знать и вѣдати.—
Тутъ молодецъ догадается,

*) Стихи:

А не ходитъ Садко на тотъ на гостиной дворъ,
На гостиной дворъ не ходитъ по три дни.—*О.*

**) Вѣроятнѣе это не *тѣ*, а *те*—тебя: будешь съ ними въ знакомствѣ, а они больше всего тебѣ нужны.—*О.*

Сдѣлалъ обѣдъ про таможныхъ людей,
А сталъ онъ водиться со посадскими людьми.
И будетъ *) во Новѣ-городѣ,
У того ли Николы Можайскаго **),
Тѣ мужики Новогородскіе сходилися
На братчину Никольщину,
Начинаютъ пить канунъ, пива ячныя ***);
И пришелъ тутъ къ нимъ удалой-доброй молодецъ,
Удалой молодецъ былъ Волгской суръ ****),
Бьетъ челомъ, поклоняется:
«А и гой вы еси, мужики Новогородскіе!
«Примите меня во братчину Никольщину:
«А и я вамъ сыпь *****) плачу не малую.»
А и тѣ мужики Новогородскіе
Примали его во братчину Никольщину:
Далъ молодецъ имъ пятдесятъ рублевъ.
А и зачали пить пива ячныя,
Напивались молодцы уже до пьяна,
А и съ хмѣлю тутъ Садко захвастался:
«А и гой еси вы, молодцы, славны купцы!
«Припасите вы мнѣ товаровъ во Новѣ-городѣ,
«По три дни и по три уповода ******):
«Я выкуплю тѣ товары по три дни, по три уповода,
«Не оставлю товаровъ ни на денежку,
«Ни на малу разну полушечку;
«А то коли я товары не выкуплю,
«Заплачу казны вамъ сто тысячей.»

*) Случится, случилось.—*О.*

**) Рѣзной образъ Святителя, особенно чтимый въ народѣ: онъ есть во многихъ старыхъ городахъ, между прочимъ въ Можайскѣ, откуда и принялъ свое имя; впослѣдствіи Садко построилъ ему на свой счетъ церковь.—*О.*

***) Сличи выше.—*О.*

****) См. „Замѣтку“ къ 4-му выпуску, стр. LXIV, LXV.—*О.*

*****) Сличи выше.—*О.*

******) Изъ многихъ значеній этого слова по областямъ, здѣсь оно, вѣроятно, имѣетъ смыслъ вообще—„въ три *пріема*,“ а пріемъ — разстояніемъ времени съ утра до обѣда или съ обѣда до вечера, сколько рабочій человѣкъ можетъ протянуть свой трудъ не ѣвши и не отдыхая.—*О.*

А и тутъ мужики Новгородскіе
Тѣ-то, де, рѣчи его записывали *).
А и выпили канунъ, пива ячныя,
И заставили Садку ходить по Нову-городу,
Закупати товары во Новѣ-городѣ
Тою ли цѣною повольною.
А и ходитъ Садко по Нову-городу,
Закупаетъ онъ товары повольной цѣною:
Выкупилъ товары во Новѣ-городѣ,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце:
А и шедъ Садко, Божій храмъ сорудилъ
А и во имя Стефана Архидьякона,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Онъ мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по второй день по Нову-городу:
Во Новѣ-градѣ товару больше стараго;
Онъ выкупилъ товары и по второй день,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
И вложивалъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце:
Шедъ Садко, Божій храмъ сорудилъ
А и во имя Софіи Премудрыя,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по третій день,
По третій день по Нову-городу:
Во Новѣ-городѣ товару больше стараго,
Всякіихъ товаровъ заморскіихъ;
Онъ выкупилъ товары въ половину дня,

*) Сдѣлали по его рѣчамъ запись, письменное условіе.— *О.*

Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
Много у Садки казны осталося,
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце:
Шедъ Садко, Божій храмъ сорудилъ
Во имя Николая Можайскаго,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по четвертой день,
Ходилъ Садко по Нову-городу,
А и цѣлой день онъ до вечера:
Не нашелъ онъ товаровъ во Новѣ-городѣ
Ни на денежку, ни на малу разну полушечку.
Зайдетъ Садко онъ во темной *) рядъ:
И стоятъ тутъ черепаны, гнилые горшки,
А всѣ горшки уже битые;
Онъ самъ Садко усмѣхается,
Даетъ деньги за тѣ горшки,
Самъ говоритъ таково слово:
«Пригодятся—ребятамъ черепками играть,
«Поминать Садку, Гостя Богатаго!
«Что не я, Садко, богатъ,—богатъ Новгородъ
«Всякими товарами заморскими
«И тѣми черепанами, гнилыми горшки!»

* * *

*) Обычное прозваніе всякого русскаго торговаго ряда, который, какъ извѣстно, съ намѣренною цѣлію дѣлается темнымъ.—О.

ГОСТЬ ТЕРЕНТЬИЩЕ.

(Оттуда же).

Въ стольномъ Новѣ-городѣ,
Было въ улицѣ во Юрьевской,
Въ слободѣ было Терентьевской,
А и жилъ-былъ богатой гость,
А по имени Терентьище.
У него дворъ на цѣлой верстѣ,
А кругомъ двора желѣзной тынъ,
На тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
Ворота были вальящатые *),
Вереи хрустальныя,
Подворотина—рыбій зубъ **).
Середи двора гридня стоитъ:
Покрыша сѣдыхъ бобровъ,
Потолокъ черныхъ соболей,
А и матица-то валженая ***),
Была печка муравленая,
Середа ****) была кирпичная;
А на середи кроватка стоитъ,
Да кроватъ слоновыхъ костей:
На кровати перина лежитъ,
На перинѣ зголовье лежитъ,
На зголовьѣ молодая жена
Авдотья Ивановна.

*) См. въ прежнихъ выпускахъ.—*О.*

**) См. тамъ же.—*О.*

***) Ср. вып. 4, стр. 81.—*О.*

****) Полъ.—*О.*

Она съ вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Разходился недугъ въ головѣ,
Разыгрался утинъ *) въ хребтѣ,
Пустился недугъ къ сердцу **),
.
Говорила молодая жена Авдотья Ивановна:
«А и гой еси, богатой гость,
«И по имени ***) Терентьище!
«Возми мои золоты ключи,
«Отмыкай окованъ сундукъ,
«Вынимай денегъ сто рублевъ,
«Ты поди—дохтуровъ добывай,
«Волхи-то ****) спрашивати.»
А втапоры Терентьише,
Онъ жены своей слушался
И жену-то во любви держалъ:
Онъ взялъ золоты ея ключи,
Отмыкалъ окованъ сундукъ,
Вынималъ денегъ сто рублевъ
И пошелъ дохтуровъ добывать.

Онъ будетъ *****), Терентьище,
У честна Вздвиженья ******),

*) Боль въ поясницѣ, чаще въ спинѣ, съ нервнымъ волненіемъ, особенно когда что-то словно бьется или переливается, иначе въ народѣ *живчикъ*.—*О*.

**) Хотя скромный издатель, К. Ѳ. Калайдовичь, опустилъ въ слѣдъ за симъ нѣсколько стиховъ, за пропажею рукописи Кирши Данилова теперь для насъ также утраченныхъ, но, по сравненію съ другими былинами, мы можемъ предположительно возстановить ихъ:

Пустился недугъ къ сердцу (животу),
Опустился недугъ ниже пояса,
Во тѣ ли во нижни во черева.—*О*.

***) Вѣроятнѣе: „изъ-по имени."—*О*.

****) Тѣхъ, которые лѣчатъ волшебствомъ, заговорами, наузами.—*О*.

*****) По нынѣшнему: когда онъ будетъ, когда былъ онъ.—*О*.

******) Церкви или прихода.—*О*.

У жива моста калинова,
Въ стрѣчу Терентьищу Веселые Скоморохи.
Скоморохи люди вѣжливые,
Скоморохи очестливые *),
Объ ручку Терентью челомъ:
««Ты здравствуй, богатой гость,
««И по имени Терентьище!
««Доселѣ-ва те **) слыхомъ не слыхать
««И доселѣ-ва видомъ не видать:
««А и нонѣ ты, Терентьище,
««А и бродишь по чисту полю,
««Что корова заблудящая,
««Что ворона залетящая?»»
А и на то-то онъ не сердится,
Говоритъ имъ Терентьище:
—А и вы гой, Скоморохи Молодцы!
—Что не самъ я, Терентій, зашелъ
—И не конь-то богатаго ***) завезъ,
—Завела нужда-бѣдность:
—. . . . (?) у меня есть молодая жена
—Авдотья Ивановна:
—Она съ вечера трудна-больна,
—Со полуночи недужна вся:
—Разходился недугъ въ головѣ,
—Разыгрался утинъ въ хребтѣ,
—Пустился недугъ къ сердцу,
—.
—А кто бы, де, недугамъ пособилъ,
—Кто недуги бы прочь отгонилъ
—Отъ моей молодой жены,
—Отъ Авдотьи Ивановны,
—Тому дамъ денегъ сто рублевъ

*) Знающіе, кого и какъ почесть или уважить.—*О.*
**) Тебя.—*О.*
***) Меня, богатаго гостя.—*О.*

—Безъ единыя денежки *).—
Веселые Молодцы **) догадалися,
Другъ на друга оглянулися,
А сами усмѣхнулися:
««А и ты гой еси, Терентьище!
««Ты намъ что̀ за труды заплатишь?»»
—Вотъ вамъ даю сто рублевъ.—
Повели его, Терентьища,
По славному Нову-городу,
Завели его, Терентьища,
Во тотъ во темной рядъ,
А купили шелковой мѣхъ:
Дали два гроша мѣшокъ;
Пошли они во червленой рядъ ***),
Да купили червленой вязъ,
А и дубину ременчатую,
Половина свинцу налиту:
Дали за нее десять алтынъ;
Посадили Терентьища
Во тотъ шелковой мѣхъ,
Мѣхоноша за плеча взялъ ****),
Пошли они, Скоморохи,
Ко Терентьеву ко двору.

Молода жена опасливая,—
Въ окошечко выглянула:

*) Этотъ отрицательный оборотъ значитъ напротивъ: сполна, всѣ *до* денежки; это-то *до* и выражается словомъ *безъ* или *развѣ* (ср. Сербск. и Болгарск. языки).—*О.*

**) Обыкновенныя прозвища Скомороховъ: *Веселые молодцы* или просто *Веселые.*—*О.*

***) Нынче „красный рядъ,“ съ „краснымъ товаромъ,“ къ которому, оказывается, въ старину причисляли особый галантерейный товаръ—вязъ, дубины и т. п., въ родѣ нынѣшнихъ тросточекъ, зонтиковъ и т. п.—*О.*

****) Мѣхоноша закинулъ мѣшокъ за свои плеча. Это лицо, *мѣхоноша*, извѣстное и нынѣ въ артели Волочобниковъ, медвѣжьихъ поводчиковъ и т. п., тащитъ обыкновенно за плечами мѣшокъ съ разными орудіями, иногда пищею и т. п.—*О.*

«А и вы гой еси, Веселые Молодцы!
«Вы къ чему на дворъ идете,
«Что *) хозяина въ дому нѣтъ?»
Говорятъ Веселые Молодцы:
««А и гой еси, молодая жена
««Авдотья Ивановна!
««А и мы тебѣ челобитье несемъ
««Отъ гостя богатаго,
««И по имени Терентьища.»»
И она спохватилася за то:
«А и вы гой еси, Веселые Молодцы!
«Гдѣ его видѣли,
«А гдѣ про него слышали?»
Отвѣчаютъ Веселые Молодцы:
««Мы его слышали,
««Сами доподлинно видѣли
««У честна креста Вздвиженья,
««У жива моста калинова:
««Голова по себѣ **) его лежитъ
««И вороны въ клюютъ.»»
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«Веселые Скоморохи!
«Вы подите во свѣтлую гридню,
«Садитесь на лавочки,
«Пуиграйте во гусельцы
«И пропойте-ко пѣсенку
«Про гостя богатаго,
«Про стараго сына,
«И по имени Терентьища!
«Во дому бы его вѣкъ не видать!»
Веселые Скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,

*) Тогда какъ.—*О.*
**) Отдѣльно, оторванная.—*О.*

Запѣли они пѣсенку:
««Слушай, шелковой мѣхъ,
««Мѣхоноша за плечами *),
««А слушай, Терентій гость,
««Что про тебя говорятъ!
««Говоритъ молодая жена
««Авдотья Ивановна
««Про стара мужа Терентьища,
««Про стараго сына:
««—Во дому бы тебя вѣкъ не видать!—
««Шевелись, шелковой мѣхъ,
««Мѣхоноша за плечами,
««Вставай-ко, Терентьище,
««Лѣчить молодую жену,
««Бери червленой вязъ,
««Ты дубину ременчатую!
««Походи-ко, Терентьище,
««По своей свѣтлой гридни
««И по середи кирпищатой
««Ко занавѣсу бѣлому,
««Ко кровати слоновыхъ костей,
««Ко перинѣ ко пуховыя!
««А лѣчи-ко ты, Терентьище,
««А лѣчи-ко ты молоду жену
««Авдотью Ивановну!»»
Вставалъ же Терентьище,
Ухватилъ червленой вязъ,
А дубину ременчатую,
Половина свинцу налиту,
Походилъ онъ, Терентьище,
По своей свѣтлой гриднѣ,
За занавѣсу бѣлую,
Ко кровати слоновыхъ костей,
Онъ сталъ молоду жену лѣчить
Авдотью Ивановну:

*) Слушай ты, шелковой мѣхъ, что висишь у мѣхоноши за плечами.—*О.*

Шлыкъ съ головы у нея сшибъ;
Посмотритъ Терентьище
На кровать слоновыхъ костей,
На перину на пуховую:
А недуго-тъ *) пошевеливается
Подъ одѣяломъ соболинымъ.
Онъ-то, Терентьище,
Недуга-то вонъ погналъ
Что дубиною ременчатою;
А недуго-тъ не путемъ въ окошко скочилъ:
Чуть головы не сломилъ,
На корачкахъ ползаетъ,
Одва отъ окна отползъ.
Онъ оставилъ **), недужище,
Кафтанъ хрущатой ***) камки,
Камзолъ бабереховой ****),
А и денегъ пятьсотъ рублевъ.

Втапоры Терентьище
Далъ еще Веселымъ другое сто рублевъ
За правду великую.

* *
*

*) Молодецъ, лежавшій съ Авдотьей Ивановной: ради него она, подъ предлогомъ недуга, выпроводила мужа; Скоморохи вскрыли тайну.—*О.*

**) Послѣ себя.—*О.*

***) См. прежніе выпуски.—*О.*

****) Шелковая парча; см. Словарь В. И. Даля. *О.*

Пѣсни Былевыя:

II.

Княжескія.

ДИМИТРІЙ КНЯЗЬ.

(Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда, с. Языково).

Какъ идётъ-то Димитрій Князь ко заутрени;
Увидала его въ окно Домна Фалелеевна,
Закричала она громкіимъ голосомъ:
«Охъ вы мои нянюшки-мамушки!
«Ужь не этотъ ли Димитрій Князь,
«Ужь не этотъ ли жениха-тъ мой?
«Онъ идётъ ко заутрени—
«Онъ сутулъ-горбатъ,
«У него носъ курносъ, косые глаза,
«У него-то зубы—что соломенны пукли *),
«А ногами-то онъ загребаетъ,
«И весь-то снѣгъ по улицѣ заметаетъ!»

Какъ услыхалъ туто Димитрій Князь
Насмѣшку своей невѣсты Домны Фалелеевны,
Онъ пришелъ домой отъ заутрени,
И пошелъ ко своей сестрѣ ко Оленѣ Степановнѣ:
—Ты сестрица моя, Олёнушка!
—Ты сдѣлай для дѣвицъ пиръ
—И позови же туто Домну Фалелеевну.—
««Ты любезный, родимый мой братецъ!
««И я все для тебя могу сдѣлать.»»
Стала сестра его готовиться
И за своими подругами стала посылать пословъ,
Послала посла къ Домнѣ Фалелеевнѣ.

*) Пучки или торчки отбитой соломы.—*О.*

Ужь какъ первый посолъ, онъ на дворъ взошелъ,
И онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:
««Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,
««Ко нашей ко Оленѣ Степановнѣ,
««Хлѣба-соли къ ней кушати.»»
«Не пойду я, не подумаю:
«У Олёнушки братецъ холостъ-неженатъ.»
Другой посолъ на крыльцо взошелъ,
Онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:
««Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,
««Ко нашей ко Оленѣ ко Степановной,
««Хлѣба-соли кушать.»»
«Не пойду я, не подумаю:
«У Олёнушки братецъ холостъ-неженатъ.»
Ужь какъ третій посолъ, онъ въ горницу взошелъ,
Шляпу скинулъ, поклонился:
««Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,
««Ко нашей ко Оленѣ ко Степановнѣ,
««Хлѣба-соли кушати:
««Она безъ васъ хлѣба-соли не кушаетъ
««И бѣлаго лебедя на столѣ не разрушиваетъ *).»»
«Не пойду я, не подумаю:
«У Олёнушки братецъ холостъ-неженатъ.»
Услыхала ее родимая матушка:
—Ты поди, моё дитятко,
—Ты поди, моё чадо милое.—
«Государыня моя, родимая матушка!
«Не хорошь мнѣ нынѣшнюю ночь сонъ видѣлся:
«Бархатная моя юпка вся изодраная
«И золотъ-то мой перстень распаянъ лежитъ.»
—Ты дитё ль мое, дитятко!
—Ужь какъ нынче снамъ не вѣруютъ.—
Ужь какъ тутъ Домна Фалелеевна
Убралася-снарядилася
И пошла ко Оленѣ ко Степановнѣ.

*) Должно быть: „не рушаетъ.“—*О.*

Какъ встрѣчаетъ Олёна Степановна
Домну Фалелеевну,
Посадила Домну Фалелеевну по конецъ стола,
Ниже всѣхъ подруженекъ.
Ужь не сами-то двери растворялися:
Растворялъ двери Димитрій Князь.
Какъ возговоритъ Домна Фалелеевна:
«Охъ ты, Димитрій Князь!
«Ужь какъ ты сутулъ-горбатъ,
«У тебя носъ курносъ, косые глаза,
«У тебя-то зубы какъ соломенны пукли,
«И ты ногами-то загребаешь,
«И всѣ-то ковры въ кучу сметаешь!»
Ужь какъ взялъ-то Димитрій Князь
Домну Фалелеевну за правую руку,
Онъ повелъ ее во свою спальню,
И онъ билъ Домну до полу̀смерти.

Ужь какъ посылаетъ посла Домна къ своей матушкѣ,
Чтобъ прислала ей матушка три платьица:
Ужь какъ первое платье—дѣвичье,
А другое-то—подвѣнечное,
А третіе-то—смертное.
Ужь тутъ возговоритъ ея матушка:
—Ужь я буду нынче снамъ вѣровать!—

ВАСИЛІЙ КНЯЗЬ.

(Арханг. губ., Шенкурскъ.)

На синёмъ было на́ морѣ,
На тихо́мъ было за́водьѣ,
Потонулъ тутъ Василій Князь
Отъ злата вѣнца идуци.
Оставалась молода Княжна:
«Ужь вы бо́яра, бо́яра!
«Воротите вы ко́моня *)
«На родимую сторону
«Ко родимому батюшкѣ,
«Къ государынѣ матушкѣ.»
Они пріѣхали къ батюшкѣ;
Посмотрѣла въ окошецко
Молодая невѣстушка:
—Богоданая матушка!
—Къ намъ не гостьюшка пріѣхала,
—Къ намъ пріѣхала подворниця,
—Вѣковая постельниця.—

«Ой вы гой еси, бояра!
«Воротите вы комоня
«Ко святому мона́стырю,
«Къ самобольшёй игуменьѣ.—
«Ты цестна́я игуменья!

*) Коня.—*О.*

«Постриги меня въ ста́рици,
«Ты построй мнѣ-ка ке́лейку
«Просѣки три окошецька:
«Первое-то окошецько
«Ко святому Благовѣщенью,
«А второе-то окошецько
«На родимую сторону,
«А какъ третьё-то окошецько
«На синёе на́ море,
«На тихоё на за́водьё:
«Потонулъ тутъ мой вѣнцянной мужь,
«Мой вѣнцянной мужь—Василій Князь!»

(Доставлено г. Борисовымъ.)

* *
*

КНЯЗЬ МИХАЙЛО.

I.

1.

(Тульск. губ. и уѣзда, с. Покровское).

Какъ поѣхалъ Князь Михайло
Во царскую во службу,
Какъ приказывалъ Княгиню
Своей матушкѣ родимой:
«Береги жь мою Княгиню
«И корми мою Княгиню
«Бѣлъ-крупичатыми колачами,
«И ты пой мою Княгиню
«Сладкою сыто́ю.»

Не успѣлъ Князь Михайло
Съ широка́ съ двора съѣхати,
Его матушка родима
Жарко мы́ленку *) топила,
Жарко мы́ленку топила,
Горючій камень разжигала:
—Ты пойдёмъ-ко, моя невѣстка,
—Въ мыленку—помою,
—Въ мыленку—помою,
—Твой животикъ поправлю.—
Какъ клала ее матушка

*) Баню.—*О.*

На бѣлую лавочку,
Какъ клала горючь камень
На бѣлу́ю грудь.

Ужь какъ первый разъ она закричала,—
Добрый конь его спотыкну́лся:
«Ахти, братцы, нездорово!
«Либо матушки не стало,
«Либо молодой Княгини!»

Какъ къ воро́тамъ подъѣзжаетъ,
Его слуги встрѣчаютъ:
«Охъ вы вѣрны мои слуги,
«Всё ли дома здорово?»
««Слава Богу, да не са́мо *)!»»
На высо́ко крыльцё входитъ,
Его нянюшки встрѣчаютъ:
«Охъ вы няньки мои, мамки,
«Всё ли дома здорово?»
««Слава Богу, да не са́мо!»»
Во новыя сѣни входитъ,
Сѣнны дѣвушки встрѣчаютъ:
«Охъ вы сѣнны мои дѣвушки,
«Всё ли дома здорово?»
««Слава Богу, да не са́мо!»»
Во высокъ теремъ входитъ,
Его матушка встрѣчаетъ:
«Государыня матушка!
«Да гдѣ жь моя Княгиня?»
—Твоя Княгиня во свѣтлой свѣтлицѣ,
—Въ дубовой гробницѣ.—
Скоры ноги подгибались,
Бѣлы руки опущались,
Бѣлы руки опущались,
Ясны очи закрывались.

*) Не совсѣмъ, не очень, не весьма.—*О.*

Его матушка родима
Позили *) гуляетъ:
—Ахти, братцы, согрѣшила,
—Я три души погубила:
—И я сына, я невѣстку,
—Молоденца я во чревѣ!—

(Записано П. В. К. отъ старухи).

*

2.

(Тульск. губ., Алексинскаго уѣзда).

Собирался Князь Михайло
Онъ во царскую во службу,
Онъ приказывалъ свою молоду Княгиню
Своей матушкѣ родимой:
«Не покинь мою молоду Княгиню
«Да при нужномъ при времѣ!»

Какъ съѣхалъ Князь Михайло
Со широкаго подворья,
Велѣла она банюшку топити,
Горючь камень разжигати:
Молодой Княгинѣ
На бѣлыя груди клала;
Она первый разъ закричала,
А въ другой-то застонала,
А въ третій замолчала.

*) П. В. К. оставилъ это слово съ знакомъ вопроса. Вѣроятно: *по зели*; *зель*—зелень, зеленя, могила, обросшая новой травою, иначе „буевка.“—*О.*

Воротился Князь Михайло
Со пути ли со дорожки
Ко широкому подворью;
Его матушка встрѣчала,
Во сахарныя уста цѣловала:
«Охъ ты, мать ты мнѣ родная!
«Да гдѣ жь моя молода Княгиня?»
—Твоя молода Княгиня
—Съ нянька́ми-мамками играетъ.—
Какъ кинулся Князь Михайло
Свою молоду Княгиню искати:
«Охъ ты, матушка мнѣ родная!
«Ты скажи, не утой,
«Гдѣ жь моя молода Княгиня?»
Какъ взговорятъ Князю
Красны дѣвушки:
««Мы бъ сказали тебѣ,
««Гдѣ твоя молода Княгиня,
««Да мы боимся
««Твоей матушки родимой?»»
«Охъ вы дѣвушки-голубушки!
«Вы скажите, не утайте,
«Гдѣ жь моя молода Княгиня?»
««Твоя молода Княгиня
««Въ грановитой *) во палатѣ:
««Тамъ твоя молода Княгиня!»»

Какъ кинулся Князь Михайло:
«Ужь не мать ты мнѣ, злодѣйка!
«Три души ты загубила:
«И ты сына со невѣсткой,
«И младенца во утробѣ!»

*

*) Гранной, угольчатой, т. е. въ гробницѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ сопоставленіе и съ граненою палатою, какая бывала у князей и осталась понынѣ въ Москвѣ.—*О.*

3.

(Шенкурскъ).

Какъ сбирался Князь Михайло
На грозную службу царскую;
Онъ наказываетъ родной матушкѣ:
«Охъ ты матушка родимая!
«Береги мою молоду̀ Княжну:
«Клади ее спать во соборную вечерню,
«Подымай ее во соборную обѣдню;
«Ты корми ее крупичатыми калачами,
«Ты пой ее медово̀й сытой.»
Онъ садился на добра коня,
Соѣзжаетъ со широкаго двора.

Не успѣлъ Князь со двора съѣхать,
Его матушка родимая
Приказала жарко мыленку топити:
Горючь камень разжигала,
На бѣлыя груди Княгини клала.

Выѣзжаетъ онъ на чисто̀ поле,—
Подъ Княземъ конь спотыкнулся,
Подъ правой рукой
Ясный соколъ встрепенулся,
Съ Князя шапочка свалилась;
Какъ возговоритъ Михаилъ Князь:
«Ахти, дома всѣ здоровы ль?
«Вѣрно матушки не стало
«Или молодой моей Княгини!»

Какъ воротился Князь Михайло,
Онъ въѣзжаетъ на широкій дворъ,
Ево матушка встрѣчаетъ:
«Ахъ ты матушка моя родная!
«Гдѣ моя молода Княгиня?»

—Пошла твоя Княгиня во высокъ теремъ,
—Во высокъ теремъ бѣлиться-румяниться.—
Пошелъ Князь Михайло во высокъ теремъ:
Бѣлилочки всѣ не тронуты,
Румяночки не ворохнуты,
Всѣ дѣвочки въ черномъ платьѣ наряжены,
Русы косы расплетены.
«Гдѣ моя молодая Княгиня?»
««Ахъ ты батюшко нашъ, Михаилъ Князь!
««Мы не смѣемъ вамъ сказать:
««Наша молодая Княгиня переставилась,
««Она стоитъ во соборной церкви.»»

Какъ бросился Князь Михайло во соборну церковь,
Увидалъ свою молоду Княгиню.
Какъ взговоритъ Князь Михайло:
«Ахти, ты матушка родная!
«По родству-то ты мнѣ мать родная,
«По разлукѣ *) же змѣя лютая!»
Вынимаетъ шпагу острую **),
Онъ пронзаетъ свое ретиво сердце.
Его матушка раскаялась,
Со слезами слово молвила:
—Передъ Богомъ согрѣшила я,
—Три души я погубила вдругъ:
—Первую душеньку—сыновнюю,
—Другую душу—невѣсткину,
—А третью—младенца во утробѣ!—

(Записано г. Кузьмищевымъ.)

*

*) Что разлучила мужа съ женою.—*О.*
**) Позднѣйшая передѣлка.—*О.*

4

(Орловск. г., Малоарханг. уѣзда, с. Сабурово).

Какъ женилси Князь Михайло
Онъ на душеньки на Княгинѣ,
На молодой душѣ Катеринѣ.

Князь у службу собиралси,
Его матушка провожала:
«Ужь ты матушка родная!
«Ты корми мою Княгиню,
«Молоду душу Катерину!»

Во пути во дороженьки несчастіе случилося,—
Подъ нимъ воронъ конь споткнулся,
Пухова шляпа упала:
«Вы постойте жь, мои братцы,
«Знать, что дома нездорово:
«Жива ли моя Княгиня,
«Молода душа Екатерина?»

«Ужь ты матушка родная!
«Гдѣ жь моя Княгиня?»
—Ужь твоя, сударь, Княгиня
—Во бѣлыхъ палатахъ:
—Во тесовой во гробницѣ.—
Вынимаетъ Князь саблю остру,
Съ себя голову снимаетъ.

—Ахти, Боже, согрѣшила,
—Я три души погубила:
—Я сына и невѣстку,
—А третьяго младенца!—

*

5.

(Вологодск. губ.).

Собирался Князь Михайло
Въ государеву во службу;
Онъ приказывалъ своей матушкѣ,
Онъ приказывалъ своей государынѣ:
«Ужь ты матушка моя родная!
«Береги ты мою Княгиню,
«Береги мою молодую:
«Ужь ты пой-корми Княгиню,
«Ужь ты пой-корми молодую,
«Все сытою медовою,
«Все крупищатымъ калачами *).»

Это матушкѣ за досаду.
Со двора Князя проводили **),
Его матушка говорила:
—Ужь вы няньки, вы мамки!
—Истопите баню жарко,
—Накалите вы горючь камень!
—Ты пойдемъ-ко со мной, невѣстка,
—Мы пойдемъ съ тобой въ баню!—
Въ трои рученьки сноху держали,
Въ четвертыя грудь пороли,
Горючь камень опускали.

Она въ первой разъ возмолилась,—
У Князя Михайла шляпа спала,
На сажень прочь отлетѣла;
Она въ другой разъ возмолилась,—
У Князя Михайла конь споткнулся:

*) Начиная съ этого стиха и всѣ слѣдующіе повторяются по два раза.—*О.*

**) Проводила?—*О.*

«Ахти, братцы-государи!
«У меня въ домѣ нездорово:
«Либо матушки не стало,
«Либо молодой Княгини!»
Съ половины съ дорожки воротился.

Его матушка встрѣчаетъ,
И со нянькамъ, со мамкамъ,
А безъ молодой Княгини:
«Ужь ты мать моя родная!
«Ужь какъ гдѣ же моя Княгиня,
«Ужь какъ гдѣ моя молодая?»
—Что твоя-то ли Княгиня,
—Что твоя-то ли молодая
—Всю ноченьку не сыпа́ла,
—Все съ друзьями просидѣла;
—Она топеречи почиваетъ
—Что во свѣтлой во свѣтлицѣ:
—Во дубовой во гробницѣ.—

«Ужь вы няньки, ужь вы мамки!
«Вы подайте мнѣ саблю острую!»
Онъ срубилъ себѣ буйную голову.
Ево матушка закричала:
—Ахти, я, сука, согрѣшила,
—Ровно три души погубила:
—Ужь я сына со невѣсткой,
—Я младенца во утробѣ!—

(Ср. «Народныя пѣсни Вологодск. и Олонецк. губ., собран. Ѳ. Студитскимъ.» С. П. Б., 1841 г.).

* *

СМЕРТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛА.

II.

1.

(Тульск. губ., Чернскаго у.).

Изъ за горъ-то изъ за горъ кру́тыихъ,
Изъ за лѣсовъ-то лѣсовъ дремучіихъ,
Не красно̀ солнушко выката́лося,
Выката́лися во́йска Рускія,
Во́йска Рускія—коза́ки Укра́инскіе;
Командиромъ былъ армеюшки Князь Михайло.
Ужь и взго́ворилъ Князь Михайло своимъ добрымъ воинанъ:
«Охъ вы братцы мнѣ родные, солдатушки бодрые!
«Не робѣйте вы—ступайте на злыхъ-чёрныхъ Молдаванъ,
«Вы рубите—не щадите злыхъ-безбожныихъ Татаръ!»
Какъ ни бились, ни рубились, не смогли ихъ одолѣть:
А самъ-то Князь Михайло во полонъ къ нимъ попалъ.
Какъ ни мучили, ни би́ли, души́ его не вы́няли:
И умеръ Князь Михайло на тридсятомъ на году.

* *

Король-Королевичъ *).

III.

1.

(Орловск. губ. и уѣзда).

Поѣхалъ Королевичъ на вое́ваньица.

Не доѣхалъ Королевичъ до вое́ваньица,
Становился Королевичъ на гореваньицѣ,
Ложился Королевичъ спать на гореваньицѣ
Во бѣло̀мъ шатрѣ.
Привидился Королевичу единъ дивенъ сонъ:
«Изъ правой моей рученьки ясенъ соколъ вылеталъ,
«Изъ лѣвой моей рученьки сѣрая утица.»
Поѣхалъ Королевичъ къ старой бабѣ ворожить:
«Скажи, скажи, бабусенька, мнѣ правду-истинну:
«Вечёръ я Королевичъ ложился спать
«На крутой на горѣ, во бѣло̀мъ шатрѣ;
«Изъ правой моей ручки ясенъ соколъ вылеталъ,
«Изъ лѣвой моей ручки сѣрая утица?»
—Скажу тебѣ, Королевичъ, правду-истинну:
—Вечёръ твоя Марусенька сына родила,
—По утру ранешенько сама померла.

*) Слѣдующія Безъимянныя пѣсни, тѣсно связанныя съ предыдущими о Князѣ Михайлѣ, помѣщены при нихъ для сравненія; см. ниже „Замѣтку.“—*О.*

—Косящеты окошечки всѣ въ траворѣ висятъ,
—Генералы твои всѣ въ тровурѣ стоятъ.—

Воротился Королевичь съ воеваньица.

*

2.

Поѣхалъ же Королевичь на гуляньеце,
Оставляетъ свою жену на гореваньеце.

Въѣхалъ же Королевичь на круту гору,
Раскинулъ же Королевичь свой бѣлый шатеръ,
Ложился спать Королевичь подъ бѣлымъ шатромъ;
Не хороша-тъ сонъ Королевичу привидѣлся:
Со праваго со плечика соколъ солетѣлъ,
Со лѣваго со плечика сѣрая уточка.
На встрѣчу же Королевичу старушка идётъ:
«Постой, постой, старушенька, я спрошу тебя,
«Разсуди мой сонъ:
«Со праваго со плечика соколъ солетѣлъ,
«Со лѣваго со плечика сѣрая утица?»
—Будто твоя Королевна сына родила,
—Сама померла.—

Подъѣзжаетъ Королевичь къ широку двору:
Стеколчатыя окошечки повыставлены,
Генералы-фельдмаршалы въ трубы трубятъ,
Всѣ нянюшки и мамушки въ троурѣ стоятъ,
Его жена Королевна во гробу лежитъ.

*

3.

Сбирается Королевичь на воеваньице,
Оставляетъ жену свою на гореваньице.

Поѣхалъ Королевичь во чисто поле,
Раскинулъ Королевичь свой тонкой-бѣлый шатеръ,
Пустилъ своего добраго коня въ зелены луга,
Ложился спать Королевичь подъ бѣлымъ шатромъ.
Привидѣлся Королюшки дивнёхонекъ сонъ:
Изъ подъ праваго рукава соколъ вылеталъ,
Изъ подъ лѣваго сѣра утушка.
Испугался Королюшка, вставалъ скоро отъ сна,
Сѣдлалъ онъ скоро, Королюшка, своего добраго коня,
Поѣхалъ же Королевичь въ зеленые луга.
На встрѣчу тутъ ему старушка идетъ:
«Старушинька, баушинька *), разсуди мой сонъ?»
—Королюшка молоденькой, разскажи мнѣ сонъ.—
«Изъ подъ правой руки соколъ вылеталъ,
«Изъ подъ лѣвой руки сѣра утица?»
—Королинька молоденькой, разскажу твой сонъ:
—Твоя жена, Королевна, сына родила,
—Ко бѣлой ко зореньки сама померла.—
Испугался Короленька, поѣхалъ домой.

Подъѣзжаетъ Короленька ко широкому двору:
Генералы-фельдмаршалы всѣ въ черномъ стоятъ,
«Одна моя Королева вся въ бѣломъ лежитъ.»
Сплеснулся Короленька бѣлыми руками,
Залился же Короленька горючьми слезами:
«Бывало, Королева встрѣчала меня,
«А нынче Марусинька не встрѣтила!»

4.

(Москва)

Какъ поѣхалъ Королевичь на воеваньице,
Оставилъ свою Королевну на гореваньице.

*) Бабушенька.—*О.*

Становился Королевичь при пути̑ большой,
При пути̑ большой становился, при крутой горѣ;
Пустилъ свого коня въ зелены̑ луга,
Ложился спать въ бѣло̀мъ шатрѣ,
Въ бѣло̀мъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся Королевичу чуденъ-явенъ сонъ:
Изъ подъ правой его ручки соко́ликъ вылеталъ,
Изъ подъ лѣвой изъ подъ бѣлой лебедь бѣлый.
«Поѣду я, Королевичь, къ старой бабѣ въ домъ!—
«Скажи, скажи, Марусенька *), всю правду мнѣ;
«Вечёръ я спалъ въ бѣло̀мъ шатрѣ,
«Въ бѣло́мъ шатрѣ, на крутой горѣ:
«Привидѣлся мнѣ чуденъ-явенъ сонъ.»
—Вечёръ твоя Королева сына родила,
—По утру̑ ранёхонько сама померла.—
«Ворочусь ли я, Королевичь, къ дому своему!»

Широкія воро́течки растворены стоятъ,
Вcѣ красныя окошечки подъ бѣлымъ полотномъ,
Генералы-сенаторы всѣ въ троурѣ стоятъ,
«Одна моя Королева въ черво́нныемъ лежитъ!»
Ударился Королевичь объ дубовый гробъ,
Заливался Королевичь горючьми́ слезми́:
«А свѣтъ моя хорошая Королева!
«Еслибъ зналъ, еслибъ вѣдалъ, не ѣздилъ бы я!
«Пущай моя Королевна при мнѣ бъ родила,
«Пущай моя хорошая при мнѣ бъ померла!
«Подломились Королевнѣ **) рѣзвы ноженьки её,
«Опустилися Королевнѣ бѣлы рученьки её,
«Закрылися Королевнѣ ясныи очи её!»

*

*) Ошибка вмѣсто „бабусенька."—*О.*

**) Вѣроятно „Короленькѣ," королевичу: рѣчь объ его смерти.—*О.*

5.

Отъѣзжаетъ Королевичь на разгуляньице,
Покидаетъ Марусеньку на гореваньице.

Пустилъ своего добраго коня во зеленые луга,
Ложился спать въ бѣломъ шатрѣ,
Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся Королевичу явпошунёкъ сонъ:
Изъ подъ ручки изъ подъ правой соколъ вылеталъ,
Изъ подъ лѣвой изъ подъ ручки сѣрая утица.
Сказали вѣсть Королевичу—и радость, и печаль:
—Твоя жена Марусенька сына родила,
—По утрицу ранёшенько сама померла.—

Воротился Королевичь къ дому своему:
Широкіе воротички растворены стоятъ,
Косячетыя окошечки повыставлены,
Генералы-полковнички въ черномъ убраны:
—Твоя жена Марусенька въ цвѣтномъ убрана.—
Ударился Королевичь объ дубовый столъ:
«Ахъ свѣтъ моя Марусенька, опустѣлъ домокъ!
«Очи её прекрасныя не у́зрѣли меня,
«Ножки её рѣзвёшуньки не встрѣтили меня,
«Ручки ее бѣлёшуньки не обняли меня,
«Уста её саха́рныя не промолвили!»

*

6.

Сбирался Королюшка на воеваньицо,
Беретъ съ собой силы множество.

Выходилъ-выступалъ въ поле чистое,
Разкидывалъ-разметывалъ бѣлъ-танкой шатеръ,

Ложился же Королюшка во шатрики спать.
Нехорошь-та Королюшки сонъ привидился:
Во снѣ изъ праваго рукавчика соколъ вылеталъ,
Изъ лѣвой изъ полочки сѣра утычка.
На встрѣчу же Королюшки старушка идетъ:
«Старушинька, бабушинька, разсуди-ка мой сонъ?»
—Королюшка, военной сынъ, разсказывай.—
«Изъ праваго у меня рукавчика соколъ вылеталъ,
«Изъ лѣвой изъ полочки сѣра утычка.»
—Жена ль твоя хозяюшка сына родила,
—Въ третій день, Королюшка, сама померла;
—Воротись-ка ты, Королюшка, возвратно назадъ!—

Домой подъѣзжаетъ жа Королюшка къ широкому двору:
У воротъ-та притворщички печальны стоятъ,
Всѣ окошачки распечатаны.

*

7.

(Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда, с. Языково).

Собирается Коро́люшка на гуляньице,
Оставляетъ свою хозяюшку на гореваньице:
«Прости, моя хозяюшка, до свиданьица!»

«Самъ я пошелъ, Королюшка, во чисто поле гулять,
«Пустилъ я, Королюшка, своего добра коня въ зеленые луга.»
А самъ пошелъ Королюшка на круту гору,
На крутенькой на горочкѣ раскинулъ шатеръ,
Подъ ша́трикомъ Королюшка самъ легъ почивать;
Онъ спитъ—не спитъ, Королюшка, больше такъ лежитъ.
Привидѣлся Королюшкѣ дивнёшенекъ сонъ:
Со правой со рученьки соколъ вылеталъ,
Со лѣвой со бѣлой сѣрая утица.
«И туто-то я, Королюшка, задумался,

«Садился я, Королюшка, на добра коня,
«Поѣхалъ я, Королюшка, во Питеръ городокъ.»
Во Питерѣ во городѣ старушка живетъ:
«Старушенька, бабу́шенька, разгадай мой сонъ?»
—Ты еси, Пруцко́й Король, разсказывай свой сонъ.—
«Со правой со ручушки соколъ вылеталъ,
«Со лѣвой со бѣлой сѣра утица.»
—Въ твоемъ дому, Королюшка, есть радость и печаль:
—Твоя жена Королевна сына родила,
—Во третій день Королевна сама померла.—

Пѣхотны солдаты разставлены,
Генералы-половнички у гроба стоятъ,
«Моя жена во гробѣ лежитъ,
«Сыночикъ мой любезный на бѣлой груди!»

*

8.

(Саратовск. губ.)

Король молодой сбирался,
Королюшка во ину землю.
Покинулъ Королюшекъ
Молодую жену,
Какъ горькую кукушечку
Въ темнымъ лѣсу,
Какъ горькую полынушку
Въ чистомъ полѣ.

Подъѣхалъ Королюшка
Къ крутой горѣ,
Пристигла же здѣсь Королюшку
Здѣсь темная ночь;
Раскинулъ же Королюшка

Бѣлъ-тонкой шатеръ,
Ложился Королюшка
Внизъ бѣлымъ лицемъ.
Привидѣлся Королюшкѣ
Чуденъ-страшенъ сонъ:
Изъ правой его рученьки
Ясенъ соколъ вылеталъ,
Изъ лѣваго изъ бѣлаго
Сѣра утушка.
«Знать, моя хозяюшка
«Сынка родила
«И сама померла!
«Знать, мнѣ Королюшкѣ
«Воротиться назадъ!»

Подъѣхалъ Королюшка
Къ широкому двору:
Широки воротички
Растворенныя,
Косящеты окошечки
Всѣ повскрытыя;
Коней шестерочка
Заложенная,
Всѣ кучера и форейторы
Приневеселые;
Сѣнны дѣвушки
Всѣ наряженыя,
Во черныхъ во платьицахъ,
Во печальныихъ.
«Знать, моя хозяюшка
«Впереди лежитъ
«Подъ черной тафтой!»

Взошелъ Королюшка
Въ нову гореньку,
Восплакнулся Королюшка
Горючими слезами.

А дѣвушки-служанушки
Разговариваютъ:
«„Не плачь, не плачь, Королюшка,
„«Не воротишь ее назадъ!“»

(Ср. „Бытъ Р. нар.,“ Терещевки, ч. II).

*

9.

(Тамъ же).

Поѣхалъ нашъ Королевичъ на воеваньице,
Оставилъ свою Марьяшечку на гореваньице.

Не доѣхалъ Королевичъ до воеваньица,
Становился Королевичъ середи пути,
Середь путь-дороженьки, близь крутой горы;
Какъ самъ пошелъ Королевичъ на круту гору,
Пустилъ свово добра коня въ зеленые луга,
Раскинулъ же Королевичъ свой бѣлый шатеръ,
Ложился спать Королевичъ подъ бѣлымъ шатромъ.
Увидѣлъ же Королевичъ явный сонъ во снѣ:
Изъ подъ правой по́лушки соколъ вылеталъ,
Изъ подъ лѣвой по́лушки сѣрая утица;
Вылетывалъ соколушка—онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
—Въ твоемъ дому, Королевичъ, несчастье случилось!—
Какъ тутъ же нашъ Королевичъ призадумался:
«Пойду, пойду къ старушечкѣ, къ своей ворожеѣ!»

Пошелъ же нашъ Королевичъ путемъ-дорогой,
На встрѣчу Королевичу старушка идетъ;
Какъ сталъ же онъ старушечку выспрашивати:
«Старушенька, бабушенька, разсуди мой сонъ,
«Скажи, скажи, старушенька, всеё правду мнѣ!»

—Королюшка, мой батюшка, какой же твой сонъ?—
«Изъ подъ правой полушки соколъ вылеталъ,
«Изъ подъ лѣвой полушки сѣрая утица;
«Вылеталъ соколушка—онъ высвистывалъ,
«Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
«—Въ твоемъ дому, Королевичь, несчастье случилось!—»
—Королюшка, мой батюшка, не хорошь твой сонъ:
—Твоя жена Марьяшечка сына родила,
—Ко бѣлой зарѣ ранехонько сама померла.—

Поѣхалъ же Королевичь къ дому своему:
Въ саду его всѣ пташечки пріунывъ сидятъ,
Слуги его вѣрные всѣ въ черномъ траурѣ,
Жена его Марьяшечка вся въ златѣ убрана,
Вся въ златѣ убрана и въ гробъ положена.
«Ахъ свѣтъ моя Марьяшечка, не встрѣтила меня,
«За бѣлыя за рученьки не приняла меня,
«За убраны за столики не посадила,
«Сахарными конфетами не потчивала *)!»

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер. и др.,“ Т. IV, запис. гг. Мордовцевой и Костомаровымъ).

* *

*) Такая же точно пѣсня поется со вставкою вмѣсто „Королевичь,“ „Королюшка,“—„*Козаченька:*“ ср. тамъ же, „Лѣтоп. Р. лит. и др,,“ Н. Костомарова въ „Современникѣ“ за 1856 г. № 10 и въ „Пам. стар. Р. литер.“ вып. I; см. также слѣдующій за симъ IV-й отдѣлъ пѣсень.—*О.*

Козаченька

IV.

1.

Военный казаченько
Во службу пошелъ.
Сходилъ казаченько
На широкій на дворъ,
Осѣдлывалъ-обратывалъ *)
Свого добраго коня,
Поѣхалъ же во чисто поле.

Пускалъ своего коня
Во зелены луга,
Самъ взошелъ
На высокъ бугоръ,
Раскидывалъ-развертывалъ
Бѣлъ-тонкой шатеръ,
Ложился спать
Во бѣломъ шатрѣ.
Дивнёхонекъ ему
Сонъ привидѣлся:
Со праваго со плечика
Соколъ солеталъ,
А изъ лѣваго рукавчика
Сѣра уточка.
Пошелъ путь-дорожкою,

*) Отъ *обротать*, обуздать.— *О.*

На встрѣчу казаченькѣ
Старушка идетъ,
Онъ баитъ *) ее:
«Старушенька, стряпушенька,
«Разсудливая!
«Разсуди ты мой сонъ.»
—Военный сынъ, казачинька,
—Разскажи свой сонъ.—
«Старушенька, стряпушенька,
«Разскажу свой сонъ:
«Со права со плечика
«Соколъ солеталъ,
«Со лѣваго рукавчика
«Сѣра утушка.»
—Военный казачинька!
—Несчастье во домъ:
—Въ третій день жена твоя
—Сына родила,
—Черезъ часъ сама померла.—
Пошелъ казачинька
Во домикъ назадъ.

Подходитъ ко свому
Широкому двору:
Широкія воротишка
Растворенныя стоятъ,
Окошечки повыставлены;
Всходитъ казаченька
На высокъ крылецъ:
На встрѣчу ему
Жену-хозяюшку
Хоронить несутъ.
«Прости-прощай,
«Жена моя Марусенька!»

*

*) Уговариваетъ. *О.*

2.

(Русь Юго-западная).

Поихавъ козакъ на полюваньня *),
Зоставывъ жону свою на горюваньня.

Пустывъ коньыченька на попасаньня,
А самъ прилигъ къ сырий земли на спочиваньня.
Приснывся козакови дивнесенький сонъ:
Зъ-пидъ рученьки вылынувъ **) ясненький соколъ,
Зъ-пидъ другои билои сира утинка.
Поихавъ козаченько до вороженьки:
«Вороженько, голубонько, одгадай мий сонъ,
«Шчо вынувъ ***) зъ-пидъ рученьки ясненький соколъ,
«Зъ-пидъ другои билои сира утинка.»
—Бижи, бижи, козаченьку, и не стоючи ****),
—А вже твой мылинькои не застаючи:
—Учора изъ вечира *****) сына привела,
—Сама молоденька до гробу лягла.—

Приизжае козаченько къ новымъ воротамъ,—
Ажь выходить-выбигае найменьшая свисть ******)
И выносыть козакови недобрую висть:
—Чоломъ, чоломъ *******), пане зятю, чужый та не нашь!
—А уже твоеи мыленькои на свити не машь ********):
—А учора изъ вечира сына привела,
—Сама молоденька до гробу лягла.—

*) Полеванье—воеванье.—*О.*
**) Выскользнулъ, выпорхнулъ. *О.*
***) Вылынувъ?—*О.*
****) Не мѣшкая.—*О.*
*****) Изъ вечора, зъ вечора?—*О.*
******) Невѣстка.—*О.*
*******) Здраствуй, кланяюсь.—*О.*
********) Не имѣешь, нѣтъ ея.—*О.*

Призжае козаченько на новенький двиръ:
Ударили по мыленький у голосный дзвинъ *);
Увиходыть козаченько у нову свитлыцю:
Лежить его мыленькая на усю скамницю;
Няньки-мамки молоденьки за столомъ сидять,
Дытя его коханое **) на ручкахъ держать.
«Ножки мои походящии, чомъ ***) не ходыте?
«Ручки мои роботящии, чомъ не робыте?
«Уста мои сахарныи, чомъ не мовыте?
«Очьки мои чорненькыи, чомъ не глянете?»
—Не той же, козаченько, теперъ свитъ наставъ,
—Шчобъ умершый еще зъ навы ****) вставъ;
—А не тая, козаче, теперъ година,
—Шчобъ умершая еще говорила!—

(Ср. «Пам. стар. Р. литер.», вып. I, и «Лѣтоп. Р. литер. и др.,» Т. IV).

*
* *

*) Громкій, церковный звонъ.—*О.*
**) Любимое.—*О*
***) За чѣмъ?—*О.*
****) Изъ мертвыхъ.—*О.*

КНЯЗЬ РОМАНЪ.

I.

1.

(Архангельской губ.).

Жилъ-былъ Князь Романъ Митріёвичь,
Съ женкой спалъ и ей прищавилось *) ночью,
Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
Съ правова перстечка, съ мезёночка,
И разсыпался на мелкія зёрночка.
«Даемъ **) мы знать по всѣмъ землямъ,
«[По всѣмъ землямъ] по всѣмъ ордамъ,
«Чтобы твой сонъ разсудили,
«Чтобы твой сонъ разсказали ***)?»
—Я свой сонъ сама разсужу,
—Я свой сонъ сама разскажу:
—Прибѣгутъ ко мнѣ изъ за моря
—Три червленыехъ три кора́бля ****),
—Увезутъ меня, Марью, за сине море,
—За сине море за Соленое,
—Къ тому Мануилу сынъ-Ягайлову.—
Онъ не слушалъ тѣхъ рѣчей,
Онъ ушелъ скорѣй въ тихи-мелки заводи,

*) Представилось.—*О.*

**) Дадимъ?—*О.*

***) По всему видно, что это слова Романа. *О.*

****) Скорѣе, по складу пѣсни всей, „ка́рабля."—*О.*

Стрѣлять гу́сей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ.

Она сѣла къ окошечку косивчиту *)
И глядитъ: бѣжатъ изъ за моря,
Изъ за моря изъ за синя,
Три чорныихъ три кора́бля,
Приворачиваютъ къ нимъ въ гавань корабельную.
И видитъ Марья — Увезутъ меня
— За сини моря за Соленыя! —
Она запирала окошечко ковшивчето **),
Пошла по палатѣ бѣлокаменной,
Изъ бѣлыхъ палатъ на новы сѣни,
Съ новыхъ сѣней на красно́ крыльцо,
Съ краснаго крылечка на дубовый мостъ ***),
Съ дубоваго моста на тропиночку,
По тропиночкѣ Марья въ чисто поле:
И засѣла подъ яблонь кудреватую.

И прибѣгали три кораблика три черныихъ
Прямо въ гавань корабельную,
Подбирали парусы полотняны,
И метали якори булатные,
И выпущали шеенки ****) шелковыя,
И спущали на воду шлюпку легкую,
И садились въ шлюпочку, прiѣхали
Прямо въ гавань корабельную.
И шли въ палаты бѣлокаменны,
И искали Марью: не могу́тъ найти.
Одинъ былъ воръ, поваренный дѣтинушка,
Не иско́мъ ищетъ—слѣдочки выправливаетъ,
Выправливаетъ да вырѣзываетъ:
По тропиночкѣ Марьи слѣдочки выправливаетъ,

*) Косящету.—*О.*

**) Ошибка вмѣсто: „кошивчето, косивчето."—*О.*

***) Помостъ, мостовую.—*О.*

****) Отъ *шейма*: якорные канаты.—*О.*

Дѣтинушка повареный вырѣзываетъ:
И нашелъ ее подъ яблоныю кудреватою.
««Ты ли есть Марья Юрьевна?»»
—Я не Марья Юрьевна,
—Я Марьина служаночка.—
««Скажи, ты ли есть Марья Юрьевна?»»
—Я есть Марья Юрьевна, Лебядь Бѣлая.—
Онъ и бралъ ее за ручки бѣлыя
И за тѣ ли перстни злаченыя,
И увозилъ на червленомъ на кораб́лѣ
За сине море за Соленое.

И пришелъ дѣтинушка поваренный
Къ Мануилу сыну Ягайлову.
Онъ встрѣчаетъ ето съ честью съ радостью,
Онъ бралъ Марью за руки за бѣлыя,
За тѣ ли перстни злаченыя,
Онъ хочетъ цаловать ее въ сахарны уста;
Говоритъ ему Марья Юрьевна:
—У насъ до трехъ годовъ не цалуются,
—[Не цалуются,] не обнимаются.—
И ушелъ Мануйло Ягайловичь
На тихи-мелки заводи,
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ;
По́йдучи матери наказывалъ:
«Дай ей нянюшекъ-служаночекъ,
«Ежели она закручинится.»

Она сидѣла у окошечка косивчата,
Глядѣла въ околенку стекольчату;
Вотъ мать его идетъ—спрашиваетъ:
««Чего ты сидишь у окошечка у кошивчата,
««Чего плачешь-уливаешься?»»
—Сегодня у меня, на Руси, Великъ праздникъ,
—Великъ праздникъ—Свѣтло Христово Воскресеніе,

—Гуляютъ жены христіанскія *),
—Купеческія, министерскія, крестьянскія,
—И послѣднія жены солдатскія,
—И голи кабацкія:
—А я сижу у окошечка,
—Проливаю свои слезы горючія!—
Мать дала ей нянечекъ-служаночекъ
[Нянечекъ-служаночекъ] въ сады гулять,
И дала напитковъ всякихъ разныехъ,
И дала козла любимова Моналинова **).
Она напоила нянекъ до пьяна,
Что няньки лежатъ сами бе́зъ себя;
Вотъ она взяла козла—зарѣзала,
Пришла Марья на гору высокую,
Скидавала свое платье цвѣтное,
Надѣвала на лѣсиночку.
И пошла съ горы,
Ей на встрѣчу быстра рѣка:
И быстра рѣка идетъ,
Что громъ гремитъ.
И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
—Ой же ты, мать Дарья рѣка!
—Сдѣлайся по женскимъ перебродищамъ ***),
—Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе,
—Пропустите меня, Марью Юрьевну!—
И рѣка Марью послушалась:
Сдѣлалась по женскимъ перебродищамъ,
Перебрела она черезъ быстру рѣку,
Пошла она впередъ попадать ****):
И пришла ей больше того рѣка,
Она видитъ, что перейти нельзя;
Смотритъ—плаваетъ на другой сторонѣ

*) Крестьянскія, хотя ниже онѣ и поминаются особо.—*О.*

**) Мануйлинова, мужняго; ср. „Замѣтку."—*О.*

***) Перебродищемъ по женскому, какъ бы можно было перебрести женщинѣ.—*О.*

****) Начала итти дальше.—*О.*

[Плаваетъ] колода бѣлодубова;
И взмолится Марья той колодѣ бѣлодубовой:
—Ой же ты, колода бѣлодубова!
—Перевези меня черезъ быстру рѣку:
—А выйду на Святую Русь,—
—Вырѣжу тебя на мелки кресты,
—[На мелки кресты] на чудны образы,
—И вызолочу червоннымъ-краснымъ золотомъ.—
И колода ее послушалась:
Перевезла ее черезъ быстру рѣку.

И пришла Марья Юрьевна
Къ Роману Митрiевичу,
Сама взговоритъ таковы рѣчи:
—Ой еси ты, Романъ Князь Митрiевичь!
—Вывеземъ мы колоду бѣлодубову
—На Святую Русь:
—Вырѣжемъ на мелки кресты
—И на чудны образы,
—И вызолотимъ червоннымъ-краснымъ золотомъ.—
И вывезли ту колоду бѣлодубову
На святую Русь,
И вырѣзали на мелки кресты
И на чудны образы,
И вызолотили червоннымъ-краснымъ золотомъ,
И разослали по церквамъ.

(Запис. г. Максимовымъ, ср. Сборникъ П. И. Якушкина, Отеч. Зап. 1860, Апрѣль).

*

2.

(Калгалакша; на Бѣломъ морѣ).

Романъ Князь Митрiевичь младъ,
Поѣзжалъ онъ въ чисто поле,

Сбирать дани за тѣ годы за старые;
И унимаетъ его Княгиня Марья Юрьевна:
«Душенька, Романъ Князь сударь Митріёвичь!
«Ни *) уѣдь ты въ далеко-чисто поле,
«Сбирать тѣ дани, сударь, пошлины;
«Какъ ночесь мнѣ, Марьѣ Юрьевнѣ,
«Мало спалось, много видѣлось,
«Много видѣлось, во снѣ грезилось:
«Будто спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
«Съ меньшова перста, съ мизёночка,
«И разсыпался на мелкія зёрнотка **), на мушенки;
«Тутъ изъ да́леча-дале́ча, изъ чиста поля
«Прилетѣло стадо черныхъ вороновъ,
«Расклевали мой, Марьюшкинъ, злаченъ перстень.
«Кто бы могъ мой сонъ теперь ро́зсудить?»
Говоритъ Князь Романъ сударь Митріёвичь:
—Ты не плачь, Княгиня Марья Юрьевна,
—Юрьевна ты, Лебедь Бѣлая!
—Я какъ съѣзжу въ далеко-чисто поле,
—Такъ сыщу тамъ много знахарей,
—Что могутъ тебѣ розсудить твой сонъ.—
Говоритъ Княгиня Марья Юрьевна:
«Ты душенька, Романъ Князь сударь Митревичь!
«Не надо мнѣ твоихъ много знахорей ***),
«Я могу этотъ сонъ сама весь ро́зсудить:
«Какъ ты уѣдешь въ далече-чисто поле,
«Такъ изъ той земли изъ бусурманскія
«Наѣдутъ многи поганы Татарове,
«На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ,
«Увезутъ меня, Княгиню Марью Юрьевну.»
Ничего Князь Романъ не побаровалъ ****)
И уѣзжалъ въ да́лече-чисто поле.

*) Не?—*О.*
**) Зерночка?—*О.*
***) Знахарей?—*О.*
****) Не попротивился, не поспорилъ; не обратилъ вниманія, не внялъ. *О.*

Въ ту пору въ то время
Пріѣзжали поганы Татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ.
Тутъ Княгиня въ побѣгъ пошла:
Выходила изъ высока-нова терема
На новыя сѣни,
Съ новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широка двора въ зеленый садъ,
Тамъ приздынула *) яблонь кудреватую,
И садилась подъ яблонь кудреватую.

А тѣ поганы Татарове
Выѣзжали на крутой-красенъ бережокъ,
Приходили въ высокъ теремъ:
Туто ходитъ Марьина протомойница;
Они туто взяли плеточки шелковыя,
Стали туто бить Марьину протомойницу:
««Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
««Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
И говорила имъ Марьина протомойница:
—Я есть не Княгиня Марья Юрьевна,
—Я есть Марьина протомойница.—
Они стали туто бить Марьину клюшницу:
««Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
««Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
И говорила имъ Марьина клюшница:
—Я есть не Княгиня Марья Юрьевна,
—Я есть Марьина клюшница.—
И стали они Марью отыскивать:
Выходили они изъ высока-нова терема
На новы сѣни,
Со новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широка двора во зеленый садъ,
Приздынули тутъ яблонь кудреватую,

*) Приподняла.—*О.*

И нашли Княгиню Марью Юрьевну.
Стали Марьюшку допрашивать:
««Скажи: ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
«Нѣтъ, я не Княгиня есть Марья Юрьевна,
«Я есть Марьина постельница.»
Тутъ они брали плёточки шелковыя,
Стали ее бить не жалѣючись
И стали ее снова допрашивать:
««Скажи, скажи, не утай–скажи:
««Ты ли есть Княгиня Марья Юрьевна?»»
Тутъ она и сказалась имъ:
«Я есть Княгиня Марья Юрьевна.»
Взяли они Княгиню за бѣлы руки
И вели на пристань корабельную.

И привезили *) къ Батышу на червленъ корабль;
Беретъ ее Батыша за бѣлы руки
И цалуетъ Княгиню въ сахарны уста;
Говоритъ Княгиня Марья Юрьевна:
«Ой же ты, Батышъ царь Батурьевичь!
«Не цалуй ты меня въ сахарны уста,
«Не скверни устовъ моихъ сахарныхъ:
«Когда привезешь въ землю бусурманскую...»

(1-го августа 1856 г. записано тѣмъ же. Дальше пѣвецъ не зналъ, а ссылался на второй варіантъ. Ср. Отеч. Зап.).

* *

*) „Привозили“ или „привели?“—*О.*

КНЯЗЬ РОМАНЪ ЖЕНУ ТЕРЯЛЪ.

II.

1 *).

(Москва).

Ужь какъ Князь Романъ тутъ жену терялъ **),
Онъ терялъ-терялъ и тѣло терзалъ,
Онъ терзалъ-терзалъ, во рѣку бросалъ,
Во тоё ль рѣку во Смородинку.
Что летѣла туто птица грозная,
Птица грозная, младъ-сизой орёлъ;
Онъ схватилъ туто что праву руку
Въ золотыхъ перстняхъ, въ золотыхъ перстняхъ.

*) Начало этой пѣсни такъ записано *М. П. Лисицынымъ* въ *Болховѣ*, Орловской губ.:

Во чистомъ полѣ подъ ивкою,
Подъ ивкою, подъ ракиткою,
Князь Романъ тутъ жену терялъ **),
Пускалъ руду ***) во сыру землю,
Металъ тѣло по чисту полю.
Летѣлъ-пролетѣлъ тутъ ясной соколъ,
Онъ взялъ-поднялъ праву руку,
Праву руку съ золотымъ перстнемъ...—*О*.

**) Губилъ.—*О*.

***) Кровь.—*О*.

Что пошла Марья дочь Романовна
Къ своему къ отцу къ родимому:
«Ты родимый мой, родной батюшка!
«Да и гдѣ же, гдѣ жь моя родна матушка?»
—Что твоя матушка во высокомъ терему,
—Она бѣлится и румянится,
—Она въ гости снаряжается
—Ко своему къ отцу, къ твоему дѣдушки.—
Какъ пошла Марья дочь Романова
Во высокъ терёмъ,
Она смотрѣть-глядѣть свою матушку:
Ужь и нѣтъ, и нѣтъ ея матушки.

Какъ пошла Марья дочь Романовна
Ко своему къ отцу къ родимому:
«Ты родимый мой, родной батюшка!
«Да ужь гдѣ жь моя родна́ матушка?»
—Твоя матушка поѣхала къ батюшки,
—Къ свому отцу, къ твоему дѣдушки.—
Какъ пошла Марья дочь Романовна
На [паратно] крыльцо смотрѣть-глядѣть матушку:
Ужь и нѣтъ ея матушки.

Что летитъ-летитъ птица грозная,
Птица грозная, младъ-сизой орёлъ:
Во когтяхъ держитъ онъ праву руку,
Что праву руку въ золотыхъ перстняхъ.
Увидѣла Марья дочь Романовна,
Закричала она громкіимъ голосомъ:
«Ой же ты, птица грозная,
«Птица грозная, младъ-сизой орёлъ!
«И ты гдѣ же взялъ ты праву руку,
«Ты правую руку въ золотыхъ перстняхъ?»
««Ой же ты, Марья дочь Романовна!
««Ужь какъ Князь Романъ тутъ жену терялъ,
««Онъ терялъ-терялъ и тѣло терзалъ,
««Онъ терзалъ-терзалъ, во рѣку бросалъ,
««Во тоё ль во рѣку во Смородинку.»»

Залилася Марья горючьми слезми,
И пошла дочь Романовна
Къ своему къ отцу къ родимому:
«Ты родимый мой, родной батюшка,
«Потерялъ-погубилъ мою матушку!»
—Ты не плачь, Марья дочь Романовна:
—Я сострою тебѣ новъ-высокъ терёмъ,
—Я складу тебѣ печь муравленую,
—Я солью тебѣ золотъ перстень,
—Я сошью тебѣ кунью шубу;
—Приведу я къ тебѣ молодую мать,
—Молодую мать, злую мачиху.—
«Ты сгори, сгори, новъ-высокъ терёмъ,
«Провалися ты, печь муравленая,
«Растопися, мой золотъ перстень,
«Ты сотлѣй, моя шуба кунья,
«Ты умри, моя молодая мать,
«Молодая мать, злая мачиха,
«И ты встань-проснись, родная матушка!»

(Отъ 70-тилѣтней старухи мѣщанки).

*

2.

(Тульск. губ., Чернскаго уѣзда).

Какъ Князь Романъ—онъ жену терялъ,
Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Во Смородину бросалъ, во калинникъ.

Какъ встревожится и всплачется
Любезная дочка Аннушка:
«Родимый мой батюшка!
«Куда дѣвалъ мою матушку?»

—Твоя матушка во чистомъ полѣ,
—Во чистомъ полѣ цвѣточки рветъ,
—Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.—
Вскидалася-взбросалася любезная дочка Аннушка:
«Родимый же мой батюшка!
«Куда дѣвалъ мою матушку?»
—Твоя матушка во чистомъ полѣ,
—Во чистомъ полѣ цвѣточки рветъ,
—Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.—
Вскидалася-взбросалася любезная дочка Аннушка:
«Родимой же мой батюшка!
«Куда дѣвалъ мою матушку?
«Цвѣточки растутъ нерватые,
«Вѣночки лежатъ невитые!»
—Твоя матушка во высокомъ теремѣ,
—Бѣлится-румянится, въ цвѣтно платье одѣвается.—
Вскидается-взбросается любезная Аннушка:
«Родимый же мой батюшка!
«Куда дѣвалъ мою матушку?
«Бѣлилы стоятъ небѣленые,
«Румяны стоятъ нерумянные!»

Какъ летитъ тутъ орелъ-птица,
Онъ несетъ въ когтяхъ праву руку,
Онъ кричитъ звонкимъ голосомъ:
««Какъ Князь Романъ—онъ жену терялъ,
««Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
««Во Смородину бросалъ, во калинникъ.»»
Какъ вскидается любезная дочка Аннушка:
«Родимый же мой батюшка!
«Куда дѣвалъ мою матушку?»
—Не плачь, не тужи, дочка Аннушка:
—Сострою тебѣ высокой теремъ,
—Складу тебѣ хрущатую *) печь,

* Хрящеватую.—Подозрительно, не сбито ли это вмѣсто „сошью платье—хрущатую камку?“—*О.*

—Солью тебѣ золотую цѣпь,
—Приведу тебѣ молодую мать.—
«Сгори, сгори, мой высокой теремъ,
«Упади, упади, хрущатая печь,
«Растопись, растопись, золотая цѣпь,
«Ты умри, умри, молодая мать,
«А ты встань-проснись, моя матушка!»

*

3.

Жилъ Князь Романъ: жену терялъ,
Терялъ-терзалъ, во Двину бросалъ.

У него дочка была Марьюшка,
Она слезно заплакала:
«Ты сударь, ты мой батюшка!
«Ты куда дѣвалъ мою матушку?»
—Ты не плачь-ка, дочка Марьюшка:
—Я куплю тебѣ золотъ перстень,
—Золотъ перстень со алмазами.—
«Мнѣ не надо золота перстня,
«Золота перстня со алмазами:
«Ты куда дѣвалъ мою матушку?»
—Твоя мать въ новой горницѣ,
—Она бѣлится и румянится,
—Во цвѣтно платье наряживатся.—

Пошла дочь въ нову горницу:
Въ новой горницѣ нѣту матушки,
Бѣлильчики стоятъ на окошечкѣ,
Румянички стоятъ на столикѣ,
Цвѣтно платье въ золотой казнѣ.
«Ты сударь, ты мой батюшка!
«Въ новой горницѣ нѣту матушки:
«Ты куды дѣвалъ мою матушку?»

—Ты не плачи, дочь Марьюшка:
—Я куплю тебѣ село крестьянъ.—
«Мнѣ не надо села крестьянъ:
«Ты куды дѣвалъ мою матушку?»
—Твоя мать въ зеленомъ саду,
—Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.—

Пошла дочь во зеленый садъ:
Въ зеленомъ саду нѣту матушки,
Всѣ цвѣточки на стебелечкахъ.
Э, пошла дочь къ свому батюшкѣ:
«Э, ты, сударь, ты мой батюшко!
«Ты куды дѣвалъ мою матушку?
«Въ зеленомъ саду нѣту матушки.»
—Ты не плачи, дочи Марьюшка:
—Твоя мати во темнымъ лѣсу,
—Подъ зеленой сосною, гдѣ волки сидятъ,
—Гдѣ волки сидятъ, гдѣ львы ревутъ.—

Пошла дочь во темный лѣсъ;
На встрѣчу ей волки сѣрые,
Волки сѣрые несутъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ:
«Вы постойте же, волки сѣрые!
«Ужь вы гдѣ взяли руку бѣлую,
«Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ?»
««Былъ Князь Романъ: жену терялъ,
««Терялъ-терзалъ, во Двину бросалъ.»»
«Вы подайте жь руку бѣлую,
«Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ!»

Пришла дочка съ своему батюшкѣ:
«Ты сударь, ты мой батюшка!
«Въ темнымъ лѣсу [подъ зеленой сосною],
«Подъ зеленой сосною нѣту матушки.»
—Охъ ты, дочка моя Марьюшка!
—Твоя мать во быстрой рѣкѣ,
—Во матушкѣ во Двинѣ рѣкѣ!—

*

4.

Какъ князь Романъ жену терялъ,
Терялъ-терзалъ, въ рѣку бросалъ,
Во ту рѣку во Смородину.

Пріѣхалъ къ своему широку двору,
Встрѣчаетъ его дочь любимая,
Принимаетъ [изъ кареты] за бѣлы руки,
Стала у батюшки выспрашивать:
«Государь мой, родной батюшко!
«Куда ты дѣвалъ мою матушку?»
—Не плачь, не плачь, дочь любезная:
—Пошла твоя матушка во высокъ теремъ,
—Бѣлитися и румянитися,
—Во цвѣтное платье наряжатися.—

Пошла Княжна во высокъ теремъ,
Искать своей матушки родимыя:
Бѣлилочки *) стоятъ не бѣлены,
Румянечки и не тронуты,
Цвѣтно **) платье на грядочкѣ.
Идетъ Княжна—какъ рѣка льется:
«Государь ты мой, родной батюшко!
«Куда дѣвалъ мою матушку?»
—Не плачь, не плачь, дочь любимая:
—Поѣхала матушка въ чисто поле ***),
—Цвѣточки рвать, вѣночки вить.—

Выходила Княжна на крылечушко,
Закричала своимъ громкимъ голосомъ:

*) Разнорѣчіе пѣсенника Чулковскаго: „бѣлилички."—*О.*
**) Чулк. „цвѣтное."—*О.*
***) Чулк. „поѣхала твоя матушка въ чистое поле."—*О.*

«Ахъ вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Запрягайте скорѣе колясочку,
«Повезите меня къ матушкѣ родимой,
«Ахъ далече-далече, во чисто *) поле,
«Цвѣточки рвать, вѣночки вить.»
Пріѣхала далече во чисто поле:
Цвѣточки стоятъ не сорваны,
А вѣночки и не свиваны,
«Ахъ нѣтъ моей матушки родимыя!»
Какъ билася Княжна объ сыру землю,
Она плакала громкимъ голосомъ.
Надъ ней леталъ младъ орелъ-птица,
Орелъ-птица, птица царская,
Спущался къ ней на бѣлы руки,
Въ кохтяхъ держалъ руку бѣлую,
Со перстенями со алмазными;
Что возговоритъ **) орелъ-птица:
««Не плачь ***), молода Княжна,
««Не ищи ты своей родной матери:
««Какъ Князь Романъ жену терялъ,
««Терялъ-терзалъ, во рѣку бросалъ,
««Во ту рѣку во Смородину.
««Вотъ твоей матушки права рука
««Со перстьнями со алмазными!»»

Пріѣхала Княжна къ широкому ****) двору,
Восходила она во высокъ теремъ,
Она била руки о дубовой столъ.
Услышалъ ея *****) батюшка родимой,
Бѣжитъ къ Княжнѣ во высокъ теремъ:
—Ты о чемъ плачешь, дочь любимая?—
«Государь ты мой, родной батюшко!

*) Чулк. „въ чистомъ.“—*О.*
**) Чулк. „взговоритъ.“—*О.*
***) Чулк.: „не плачь, не плачь.“—*О.*
****) Должно быть: „къ широку.“—Чулк. „къ широку.“—*О.*
*****) Чулк. „еѣ.“—*О.*

«За что погубилъ мою матушку?»
—Ахъ, свѣтъ моя дочь любезная!
—Не я терялъ, не мои руки:
—Потеряло ея *) слово противное.
—Приведу я тебѣ матушку любезную.—
Что возговоритъ молода Княжна:
«Не желаю матушки любезныя,
«Желала бъ свою матушку родимую!»

(Ср. Новиковскій пѣсенникъ, ч. II, 1780 г., № 128, стр. 143—145; то же въ Чулковскомъ, откуда приведены разнорѣчія, 1770, ч. II, № 128, стр. 177—179).

*

5.

(Кирша Даниловъ).

А Князь Романъ жену терялъ,
Жену терялъ—онъ тѣло терзалъ,
Тѣло терзалъ—во рѣку бросалъ,
Во ту ли рѣку во Смородину.
Слеталися птицы разныя,
Сбѣгалися звѣри дубравые **);
Откуль взялся младъ-сизой орелъ,
Унесъ онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золотымъ перстнемъ.

Схватилася молода Княжна,
Молода Княжна Анна Романовна:
«Ты гой еси, сударь мой батюшка,
«А Князь Романъ Васильевичь!
«Ты гдѣ дѣвалъ мою матушку?»
Отвѣтъ держитъ ей Князь Романъ,

* Погубило ее. Чулк. „ее."—*О.*

**) Вѣроятно: „дубравные."—*О.*

А Князь Романъ Васильевичь:
—Ты гой еси, молода Княжна,
—Молода душа Анна Романовна!
—Ушла твоя матушка мытися,
—А мытися и бѣлитися,
—А въ цвѣтно платье наряжатися.—

Кидалась молода Княжна,
Молода душа Анна Романовна:
«Вы гой еси, мои нянюшки-мамушки,
«А сѣнныя красны дѣвушки!
«Пойдемъ-то *) со мной на высокіе теремы,
«Смотрѣть мою сударыню матушку,
«Каково она моется-бѣлится,
«А въ цвѣтно платье наряжается.»
Пошла она, молода Княжна,
Со своими няньки-мамками:
Ходила она по всѣмъ высокимъ теремамъ,
Не могла-то найти своей матушки.

Опять приступила къ батюшкѣ:
«Ты гой еси, сударь мой батюшка,
«А Князь Романъ Васильевичь!
«А гдѣ ты дѣвалъ мою матушку?
«Не могли мы сыскать въ высокіихъ теремахъ.»
Проговоритъ ей Князь Романъ,
А Князь Романъ Васильевичь:
—А и гой еси ты, молода Княжна,
—Молода душа Анна Романовна
—Со своими няньками-мамками,
—Со сѣнными красными дѣвицами!
—Ушла твоя матушка родимая,
—Ушла гулять во зеленой садъ,
—Во вишенье, въ орѣшенье.—
Пошла вѣдь тутъ молода Княжна

*) „Пойдемъ-ко?—*О*.

Со нянькали-мамками во зеленой садъ:
Весь повыгуляли, никого не нашли въ зеленомъ саду *).
Лишь только въ зеленомъ саду увидѣли,
Увидѣли новую диковинку:
Ниотколь взялся младъ-сизой орелъ,
Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ;
Уронилъ онъ, орелъ, бѣлу руку,
Бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
Во тотъ ли зеленой садъ;
А втапоры нянюшки-мамушки,
Подхватили они рученьку бѣлую,
Подавали они молодой Княжнѣ,
Молодой душѣ Аннѣ Романовнѣ;
А втапоры Анна Романовна,
Увидѣла она бѣлу руку,
Опознавала она хорошь-золотъ перстень
Ея родимыя матушки;
Ударилась о сыру землю,
Какъ бѣлая лебедушка скрикнула,
Закричала тутъ молода Княжна:
«А и гой еси вы, нянюшки-мамушки,
«А сѣнныя красныя дѣвушки!
«Бѣгите вы скоро на быстру рѣку,
«На быстру рѣку Смородину:
«А что̀ тамо птицы слетаются,
«Дубравные звѣри сбѣгаются?»
Бросалися нянюшки-мамушки,
А сѣнныя красныя дѣвушки:
По край рѣки Смородины
Дубравные звѣри кости дѣлятъ,
Сороки-вороны кишки тащатъ.

*) Стихи должны быть:

Зеленой садъ весь повыгуляли,
Никого не нашли въ зеленòмъ саду.—*О.*

А ходитъ тутъ въ зеленомъ саду
Молода душа Анна Романовна,
Аноситъ она руку бѣлую,
А бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ;
А только вѣдь нянюшки,
Нашли они пусту голову,
Сбирали они съ пустою головой
А всѣ тутъ кости и ребрушки:
Хоронили они и пусту голову
Со тѣми костьми, со ребрушки,
И ту бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.

*

6.

(Саратовск. губ.).

Князь Демьянъ *) жену терялъ:
Отрубилъ у нея руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ,
Кидалъ-бросалъ во Неву рѣку,
Во Неву вѣку самородную **).
Гдѣ ни взялся младъ-сизой орелъ,
Унесъ-укралъ руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ.

Хватилася молода Княжна:
«А папонька! Гдѣ же мамонька?»
—Твоя мамонька въ новой горницѣ,
—Въ новой горницѣ убирается,
—Во цвѣтно платьице наряжается.—
Пошла Княжна въ нову горницу:
Цвѣтно платье [въ шкапу] виситъ.

*) Испорчено вмѣсто „Романъ."—*О.*
**) Ошибка вмѣсто „Смородину."—*О.*

Пошла Княжна—заплакала:
«Папонька, нѣту мамоньки!»
—Не плачь, не плачь, молода Княжна:
—Твоя мамонька въ Божьей церкви,
—Въ Божьей церкви Богу молится.—
Пошла Княжна въ Божью церковь:
Божья церковь пустымъ пуста.

Пошла Княжна—заплакала:
«А папонька, нѣту мамоньки!»
—Не плачь, не плачь, молода Княжна:
—Твоя мамонька во чистомъ полѣ,
—Во чистомъ полѣ *)—гулять пошла.—
«Заложите мнѣ легки дрожечки,
«Поѣду я во чисто поле,
«Погляжу-посмотрю свою мамоньку!»
Гдѣ ни взялся младъ-сизой орелъ,
Подаетъ Княжнѣ руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ.

«А папонька, все обманывалъ!»
—Не плачь, не плачь, молода Княжна:
—Я сострою тебѣ новъ-высокъ теремъ,
—Я со красными со оконцами,
—Со хрустальными со стекольцами;
—Я возьму тебѣ молодую мать.—
«Возстань, возстань, моя мамонька!»

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер. и др.,“ Т. IV. запис. гг. Костомаровымъ и Мордовцевой).

* *

*) Во чисто поле?—*О.*

Донской Козакъ *).

III.

1.

Охъ ты матушка, раздикая степь Саратовска,
Далекохонько протянулася,
Далѣ города и Саратова!

У ключа было у гремячаго
Донской Козакъ коня поилъ,
Гдѣ коня поилъ, тутъ жену терялъ.
Жена мужу возмолилася,
Ниже пояса поклонилася:
«Мужь мой, батюшко, Донской Козакъ!
«Не теряй меня рано съ вечера,
«Потеряй меня во глуху полно̀чь,
«Какъ добры люди спать полягутся,
«Наши дѣтушки угомо̀нются.»

Большая дочка Аннушка,
Дочка Аннушка догадалася:
««Ты родимый нашь батюшка!
««Гдѣ родимая наша матушка?»»
—Ваша матушка въ свѣтлой свѣтлицѣ,
—Она бѣлится и румянится,

* Слѣдующія пѣсни, сами по себѣ Былевыя Безъимянныя, присоединены сюда по ближайшему родству: ср. „Замѣтку.“—О.

—Во цвѣтно платье наряжается,
—Ко заутрени собирается.—
««Охъ ты батюшко, ты насъ обманываешь:
««Отъ чего же ты невеселъ ходишь,
««Невеселъ ходишь и нерадошенъ?»»
—Чѣму же мнѣ веселитися
—И на что глядя радоватися?
—Ваша матушка распутная:
—Пошла гулять съ полюбовникомъ.—

*

2.

(Новгородъ).

У колодезя у глыбокаго
Не Донской Козакъ коня поилъ,
Не коня поилъ *), онъ жену губилъ.
Что жена мужу возмолилася,
Во скоры̀ ноги поклонилася:
«Ахъ ты мужь ты, мужь мой, Донской Козакъ!
«Не губи меня съ вечера̀ рано,
«Погуби меня со полу́ночи:
«Всѣ добры̀ люди спать уляжутся,
«Малы дѣтушки поразо́спятся,
«Поутру про́снутся, матушки схватятся **).»

««Ро́дный батюшко, гдѣ наша матушка?»»
—Ваша матушка
—Во высокомъ-новомъ теремѣ,
—Она бѣлится и румянится,

*) Отрицательный оборотъ: на самомъ дѣлѣ „Донской Козакъ“ и „коня поилъ.“—*О.*

**) Пѣсня постепенно забываетъ, что это слова жены и беретъ ихъ уже какъ разсказъ, послѣ коего выводятся дѣти.—*О.*

—Въ цвѣ́тно платьице надѣвается.—
««Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!
««Посмотри́те вы, гдѣ наша матушка?»»
«Вашей матушки нѣтъ въ новомъ те́ремѣ.»

««Ро́дный батюшко, куда дѣвалъ матушку?»»
—Ваша матушка во темно̀мъ лѣсу̀,
—Во темно̀мъ лѣсу, во сыро̀мъ бору̀,
—Во сыро̀мъ бору̀ берётъ ягоды.—
««Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!
««Вы сходите—посмотрите, гдѣ наша матушка?»»
«Вашей матушки нѣту въ темно̀мъ лѣсу.»

««Ро́дный батюшко, куда дѣвалъ матушку?»»
—Ваша матушка во сыро̀й землѣ,
—Во сыро̀й землѣ, въ гробово̀й доскѣ,
—Въ гробово̀й доскѣ, въ золото̀й парчѣ.—

(Записано 10 Сент. 1834 г., отъ крестьянки Ѳёклы).

*

3.

(Москва).

У столба-столба новото́ченаго,
У колодезя у студенаго,
Молодоя-тъ Казакъ онъ коня поилъ,
Не коня-то поилъ, онъ жену губилъ.

Какъ жена-то мужу возмолилася,
Во рѣзвыя ноги поклонилася:
«Не губи же ты меня, мужъ, со вечера:

«Погуби со полуночи,
«Когда дѣтушки спать улягутся.»

Просыпалися малы дѣтушки,
Взыскались своей матушки:
««Охъ вы нянюшки, охъ вы мамушки!
««Ужь и гдѣ же наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
—Въ новой горницѣ Богу молится.—
««Ужь и тамъ-то нѣту нашей матушки!»»
—Ваша матушка въ высокòмъ терему:
—Она бѣлится-румянится.—
««Ужь и нѣтъ тамъ нашей матушки!»»
—Ваша матушка въ зеленòмъ саду,
—Рветъ алы вишенья.—
««Ужь и тамъ нѣтъ нашей матушки!»»
--Пошла ваша матушка на Дунай-рѣку,
—Съ ведрами пò воду.—

Какъ пошли-то наши дѣтушки на Дунай-рѣку:
Изъ за горъ-горъ высокiихъ
Вылеталъ-то младъ-сизòй орелъ,
Во когтяхъ-то несетъ правую ручиньку.
Воскричали-то малыя дѣтушки:
««Охъ вы нянюшки, наши мамушки!
««Ужь какъ несётъ-то орёлъ рученьку,
««Несетъ рученьку нашей матушки
««И со перстнемъ обрученнымъ!
««Ужь и Богъ же суди нашему батюшкѣ,
««Что оставилъ насъ безъ родимой матушки!»»

(Отъ мѣщанъ Рогожской части).

4.

(Саратовск. губ.).

На степи-то степи на Саратовской,
На другой-то степи на Камышинской,
У лѣсика было у дремучаго,
У ключа-то было у текучаго,
У колодезя у студенаго,
Младъ Донской Казакъ коня поилъ,
Коня чорнаго, возбочёнаго *).
Не коня-то онъ поилъ, онъ жену журилъ,
Онъ жену журилъ, погубить хотѣлъ.
Какъ жена-то мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноженьки поклонилася:
«Ужь ты мужь мой, младъ Донской Казакъ!
«Не губи ты меня рано съ вечера:
«Погуби ты меня со полуночи,
«Когда дѣтушки спать полягутся,
«Шабры **) ближніе припокоются.»

Просыпа́лися малы дѣтушки,
Хватилися они родной матушки:
««Ты скажи, скажи, родной батюшка,
««Гдѣ дѣвалася наша матушка?»»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
—Она бѣлится и румянится,
—Во цвѣтно платье наряжается,
—Въ Божью церковь собирается.—
Пошли дѣтушки во Божью церковь:
А и всѣхъ людей они видѣли,
Ихней матушки тамъ нѣтъ какъ нѣтъ.

*) Крутобокаго.— *О.*
**) Сосѣди. *О.*

««Охъ ты батюшка, ты родимой нашь!
««Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»
—Ваша матушка во сыромъ бору,
—Во сыромъ бору беретъ ягодки.—
Какъ пошли малы дѣтушки во сырой боръ:
А и всѣхъ людей они видѣли,
Берутъ ягодки, берутъ красныя,
Ихней матушки все нѣтъ какъ нѣтъ.

Какъ расплакались малы дѣтушки,
Какъ ударились объ сыру землю,
Завопили громкимъ голосомъ:
««Не обманывай насъ, родной батюшка:
««Наша матушка во темномъ лѣсу,
««Во темномъ лѣсу подъ колодою,
««Подъ колодою подъ дубовою.
««Ужь и Богъ тебѣ судья, родной батюшка:
««Ты убилъ–убилъ нашу матушку!»»
—Вы не плачьте, малые дѣтушки:
—Я сострою вамъ нову горницу,
—Я складу вамъ муравлену печь,
—Я собью вамъ дубовую дверь,
—Я собью *) вамъ золотую цѣпь,
—Я возьму вамъ молодую мать.—
««Загорись, загорись, нова горница,
««Развались, развались, муравлена печь,
««Расколись, расколись, дубовая дверь,
««Растопись, растопись, золотая цѣпь,
««Ты умри, умри, злая мачиха,
««Ты возстань, возстань, родна матушка!»»

Ср. «Лѣтоп. Р. литер. и др.,» т. IV, записанное гг. Костомаровымъ и Мордовцевой).

*

*) Солью.—*О.*

5.

Охъ ты матушка, степь Саратовска,
Широка̀-долга̀ протянулася,
Дальше города Саратова,
До того ключа до гремячаго,
До колодезя до студенаго!

У того ключа у гремячаго,
Тутъ Донской Козакъ коня поилъ,
Поилъ коня—выглаживалъ
И самъ коню наказывалъ:
«Ужь ты стой-постой, мой добрый конь,
«И до той поры, до бѣлòй зари,
«Какъ красная дѣвка за водой пойдетъ.»

У того у ключа у гремячаго,
Тутъ Донской Козакъ жену губилъ:
Какъ жена-то мужу возмолилася,
Въ рѣзвы ноженьки поклонилася.

*

6.

Охъ ты матушка, степь Саратовска,
Далеко ты, степь, протянулася,
Далѣ города—далѣ Питера,
Далѣ матушки каменнòй Москвы!
Ничего въ степи не уродилося:
Уродился тутъ частъ-ракитовъ кустъ,
Изъ подъ кустика тутъ колодецъ бьетъ.

У ключа, у ключа у гремячаго,

У колодезя у студенаго,
Добрый Молодецъ тутъ коня поилъ,
Онъ поилъ коня, самъ выглаживалъ,
Онъ выглаживалъ, выхорашивалъ *):
«Охъ ты стой-постой, мой добрый конь!»

Во кусту, во кусту во ракитовомъ,
Тутъ Донской Козакъ жену терялъ.
Что жена мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноги поклонилася:
«Охъ ты гой еси, мужь, Донской Козакъ!
«Не теряй меня поздо вечеромъ:
«Охъ ты дай уснуть дочкѣ Аннушкѣ!»

Дочка Аннушка догадалася,
На шеюшку она кидалася:
««Охъ ты гой еси, родной батюшка!
««Нетеряй-ка ты родиму матушку:
««Возкуютъ тебя во желѣзушки,
««Отдадутъ тебя во солдатушки!»»

*

7.

Далекохонько степь протянулася,
Далѣ города—далѣ Питеру,
Далѣ матушки каменнои̂ Москвы.

У ключа-то было у гремучаго,
У колодезя было у студенаго,
Добрый молодецъ коня поилъ;
Онъ бьетъ по крутымъ бедрамъ:

*) Долженъ быть еще стихъ:

Выхорашивалъ, выговаривалъ.—*О.*

«Охъ ты конь мой, конь,
«Ты добра лошадь!
«Что же ты, конь, спотыкаешься,
«За ковылъ-траву запинаешься?»
—То-то я, конь, спотыкаюся:
—Какъ со вечера мужь жену терялъ,
—Какъ жена мужу возмолилася,
—Ниже пояса поклонилася:
—«Охъ ты мужь мой, Донской Козакъ!
—«Не теряй меня, мужь, со вечера,
—«Теряй меня, мужь, близь полу́ночи:
—«Чтобы дѣти наши пріуснули,
—«А чужи люди не слыхали бы!»
—Потерялъ мужь жену близь полуночи *).—

Поутру малы дѣти догадалися,
Пришли малыя дѣти къ своему батюшкѣ:
««Ты сударь ты, нашь батюшко!
««Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»
—Охъ вы дѣти мои малые, глупые!
—Ваша матушка въ зеленомъ саду гуляетъ.—
««Ты сударь ты, нашь батюшко!
««Все неправда ваша:
««Наша матушка во гробу лежитъ,
««Во сырой землѣ **).»»

*

8.

(Тульской губ., Чернскаго уѣзда).

Изъ-подъ бережку изъ-подъ кру́това,
Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго

*) Стихъ этотъ изъ рѣчи лица дѣйствующаго переходитъ въ разсказъ о событіи также, какъ выше.—*О.*

**) Стихи во многомъ сокращены: какъ слѣдуетъ ихъ дополнить, указаны примѣры выше. *О.*

Течетъ рѣчка быстрая.
Во той рѣчкѣ дѣвка мылася,
Во цвѣтно платье одѣвалася,
Она бѣлилася и румянилася,
Набѣлёмши она, нарумянивши, на гору взошла,
Диво видѣла—дивовалася:
Какъ Донской Козакъ коня поилъ,
Онъ коня поилъ, съ дѣвкой рѣчи говорилъ,
Съ дѣвкой рѣчи говорилъ, какъ жену погубить:
«Не губи жену рано съ вечера,
«Погуби жену ко полуночи:
«Малы дѣтушки спать поляжутся.»
Малы дѣтушки расплачутся:
««Государь батюшка, гдѣ наша матушка?»»
—Ваша матушка на Дунай пошла—утопилася *).—

* *

* Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ образцахъ, безпрерывно разсказъ переходитъ въ рѣчь дѣйствующихъ лицъ и обратно.—*О.*

Добрый Молодецъ.

IV.

1.

На степи-степи на Саратовской,
У ключа была у гремячаго,
Добрый Молодецъ тутъ коня поилъ,
Поилъ–кормилъ, выглаживалъ,
Выглаживалъ, охорашивалъ:
«Охъ ты батюшка, конь, добра лошадь!
«Увези ты меня отъ побѣдушки *):
«Отъ худой жены—отъ любовницы!»

Онъ не коня поилъ,
Тутъ поилъ мужь—жену терялъ **).
Жена мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноги ему поклонилася:
«Не губи ты меня, мужь, на дикой степи:
«Потеряй ты меня на большой дороженьки,
«Близъ кустика ракитова,
«Подъ мостикомъ подъ калиновымъ!»

Подъѣзжаетъ мужь ко широкому двору,
Встрѣчаютъ его малы дѣтушки,
Малы дѣтушки, голубятушки:
««Государь ты нашъ, родной батюшка!

*) Отъ бѣды.—*О.*
**) Сообразно ближайшимъ стихамъ, здѣсь должно быть: „губилъ.“—*О.*

««Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»»
—Охъ вы мои малые дѣти!
—Ваша матушка ушла во чисто поле,
—Во чисто поле, въ боръ по ягоды.—
Побѣжали же малы дѣтушки,
Искать свою матушку:
««Государь ты нашъ, родной батюшка!
««Не нашли мы свою матушку!»»
—Подите-ка вы во чисто поле:
—Ваша матушка лежитъ подъ кустикомъ,
—Подъ мостикомъ подъ калиновымъ.—
Побѣжали малые дѣти:
Нашли они свою мать убитую.

*

2.

Изъ подъ камушка-камня бѣлова,
Протекала тутъ рѣка быстрая,
Какъ по той ли по рѣченьки
Плыла легка лодочка, 2.
За той ли за лодочкой
Плылъ тамъ корабличекъ,
Въ томъ ли корабличкѣ
Душа красна дѣвица.
Она мылася и бѣлилася, 2.
И бѣлилася, и румянилася, 2.
Нарумянившись на гору взошла. 2.

Какъ увидѣла она Добраго Молодца 2.
У колодезя у студенаго:
Онъ стоялъ тутъ и коня поилъ, 2.
Не коня поилъ—онъ жену терялъ *). 2.

*) Должно быть: „губилъ.“—*О.*

Какъ жена мужу возмолилася: 2.
«Не губи ты меня со вечеру, 2.
«Потеряй меня ко бѣлу свѣту: 2.
«Ко бѣлу свѣту малыхъ дѣтушекъ
«[Малыхъ дѣтушекъ] прибаюкаю.» 2.

(Пѣсенникъ 1805 г.).

*

3.

(Саратовск. губ.).

Полетѣлъ орелъ черезъ сырой боръ,
Во кохтяхъ-то держитъ востру саблицу,
Подъ правымъ крыломъ слезну грамотку,
Въ этой грамоткѣ есть написано,
[Есть написано,] нарисовано:
«Родной матушкѣ разнизкой поклонъ,
«Родному батюшкѣ на заботище,
«На заботище—на работище,
«Молодой женѣ на загульбище.»

Добрый Молодецъ коня поилъ,
Напоемши коня во луга пустилъ,
Во луга пустилъ, за ворота сталъ,
За ворота сталъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ, думу крѣпкую:
—Ужь и какъ-то мнѣ жену убить?
—Я убью жену не со вечера,
—Я убью жену со полуночи,
—Когда дѣтушки спать полягутся,
—Всѣ народушки пріугомонятся.—

(Ср. „Лѣтоп. Р. литер. и др.,“ т. IV, записанное гг. Костомар. и Мордовц.).

* *

Молодой Маіоръ.

V.

1.

Вы луга мои зелёные, вы колодези ключёвые!
Во колодезяхъ Молодой Маіоръ самъ коня поилъ,
Напоя коня сталъ думу думати,
Думу крѣпкую, съ красною дѣвкою:
«Красная дѣвушка, какъ мнѣ быть,
«Какъ мнѣ быть, какъ мнѣ жену сгубить?
«Я со вечера со полуночи
«Малыхъ дѣтушекъ прилюлюкавши,
«Прилюлюкавши, прибаюкавши!»

Бо́льшая дочь просыпалася,
Ро́дной матушки взыскалася:
««Сударь батюшка, гдѣ наша ро́дная матушка?»»
—Ваша матушка въ зеленòмъ саду,
—Въ зеленòмъ саду, въ новой горенки,
—Въ новой горенки, подъ красны́мъ окномъ,
—Подъ красны́мъ окномъ увивается *),
—Шелковымъ платкомъ утирается.—

(Пѣсня *тяг льная*).

*

* Умывается?—*О*.

2.

(Москва).

У колодца у студенаго
Молодой Маіоръ коня поилъ,
Красная дѣвица воду черпала.

Добрый Молодецъ у воротъ стоитъ,
У воротъ стоитъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ, какъ жену убить.
А жена-то его уговариваетъ:
«Ты не губи меня, другъ, со вечера,
«Погуби ты меня со полуночи:
«И ты дай уснуть малымъ дѣтушкамъ.»

Какъ заря-то занимается,
Малыя дѣтушки просыпаются:
««Ты родимый–родной батюшка!
««Да и гдѣ же наша родна матушка?»»
—Вы не плачьте, малыя дѣтушки:
—Я состою вамъ новъ-высокъ терёмъ,
—Я складу вамъ печь муравую,
—Я солью вамъ цѣпь серебряную,
—Приведу я къ вамъ молодую мать,
—Молодую мать, злую мачиху.—
««Ты родимый нашь батюшка!
««Все-то ты говоришь намъ неправдушку!
««Ужь сгори, новъ-высокъ терёмъ,
««Провалися, печь муравая,
««Растопись ты, цѣпь серебряная,
««Ты умри, наша молодая мать,
««Молодая мать, злая мачиха,
««И ты встань-проснися, наша родимая матушка!
««Ужь мы безъ тебя холоднёхоньки,
««Холоднёхоньки, голоднёхоньки!»»

(Отъ мѣщанки, 70-тилѣтней старухи).

* *
*

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКІЙ

и

ВАНЯ КЛЮШНИЧЕКЪ.

I.

1.

Какъ у Князя было, Князя,
У Князя Волоконскаго,
Собиралася бесѣда,
Бесѣда веселая.
Они пили и гуляли,
Прохлаждалися,
Молодыми женами
Князья похвалялися.
Выхвалялся Князь Волконскій,
Молодой Княгинею;
««Не хвалися, Князь Волконской,
««Ты своей Княгиней:
««Какъ твоя ли Княгиня
««Живетъ съ Ваней Клюшникомъ,
««Живетъ-поживаетъ
««Ровно три годочка *).»»

На четвертый на годочикъ
Князечикъ довѣдался.
Какъ вышелъ Волконской Князь

*) Извѣстный изъ предыдущихъ примѣровъ переходъ отъ рѣчи къ событію.— Ѳ.

На свой на высокъ [балконъ],
Да кричалъ Волконской Князь
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги,
«Слуги мои вѣрные,
«Вы послы мои, послочки,
«Послы мои скорые!
«Вы пойдите—приведите
«Ко мнѣ Ваню Ключничка;
«Ужь какъ стану я Ваню—
«Ванюшку допрашивать *):
«Ты скажи, скажи, Ванюша,
«Скажи, варваръ мой!
«Со которой поры-времени
«Ты живешь съ Княгинею?»
—Ужь я знать тово не знаю,
—Вѣдать, Князь, не вѣдаю,
—Со которой поры-времени
—Живу я съ Княгинею.—
Закричалъ Волконской Князь
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги,
«Слуги мои вѣрные,
«Вы послы мои, послочки,
«Послы мои скорые!
«Вы берите лопатки,
«Лопатки желѣзныя,
«Вы берите веревки,
«Веревки куровыя **),
«Ужь вы ройте-копайте
«Ямочки глубокія,
«Становите столбики,
«Столбики точёные,
«Вы кладите переклады,

*) То же.—*О.*
**) То же, что „суровыя,“ корявыя, жесткія.—*О.*

«Перекладины дубовыя,
«Вяжите петельку,
«Петельку куровую,
«Вѣшайте-цѣпляйте
«Ванюшку за ножку.»

Какъ возговоритъ Ванюша
Тихимъ голосомъ:
—Прикажи жь ты мнѣ, Волконской Князь,
—При смертной кончинѣ
—Заиграть въ послѣдній разъ
—Любимую пѣсню:
—«Во саду ли во садочкѣ,
—«Въ садику зеленомъ,
—«Съ молодой Княгиней
—«Было тамъ погуляно
—«И во сахарныя уста
—«Было поцѣловано!»—

Какъ со вечера Ванюшу—
Ванюшку повѣсили;
Сы полуночи Ванюша—
Ванюшка качается:
Молодая же Княгиня
Въ постели кончается.

*

2.

(Арханг. губ., Шенкурск. уѣзда).

У славнаго Князя у Волхонскаго
Тутъ живетъ да поживаетъ Ваня Клю́шничёкъ,
Молодой его Княгини полюбо́вничёкъ.

Ваня годъ живётъ, онъ другой живётъ,—Князь не вѣдаетъ.
На третій годочикъ Князь навѣдался
Черезъ малую дѣвчёнку, черезъ чёрную,
Черезъ самую служку послѣднюю.
Видитъ Князь: ведётъ дѣвка Ваню изъ палатушки,
Изъ палатушки, со кроватушки;
Тутъ сзыча́лъ-скрычалъ Князь громкимъ голосомъ:
«Вы берите, слуги, Ваню Клюшника!»
За бѣлы́ руки взяли Ваню—подхватили,
Повели Ваню ко Князю во палатушки.

Идётъ Ваня широки́мъ дворомъ,
На всѣ стороны Ванюша покло́ня́ется,
На головкѣ жёлты кудри разсыпаются,
На нёмъ синенькой кафтанчикъ раздуваётся,
На нёмъ красненька рубашка словно жаръ горитъ.
Привели Ванюшу во палатушки,
Сталъ тутъ Князь Ванюшу допытывати;
Ваня часъ стоялъ—не спокаялся,
Онъ другой стоялъ—не спокаялся,
На третій часочикъ спокаялся:
—Я живу со твоей Княгиней третій годъ,
—Третій годъ живу, кажный часъ хожу.—
Показалося Князю за досадушку:
Онъ ударилъ Ваню по бѣлу́ лицу,—
У Вани съ бѣла́ лица руда *) пробрызнула,
Изъ ясныхъ очей слёзы покатилися.
Говоритъ Князь Волхонскій слугамъ своимъ:
«Слуги, беритё у Вани золоты́ ключи,
«Беритё золоты́ ключи, отпирайте окованны́ ларцы,
«По́дьтё-ко, слуги, на Дунай-рѣку,
«Постройте столбъ на Дунай-рѣкѣ!»

*) Кровь.—*О.*

Построили столбы на Дунай-рѣкѣ,
Поставили верею́шки дубо́выё,
Заложили грядочки тало́выё *),
Повѣсили петелки шелко́выё,
Повели Ванюшеньку на ви́сѣльницу
Идётъ Ванюшенька на ви́сѣльницу,
Ступилъ Ванюшенька на пе́рву ступень,
Таково́ слово Ванюша прого́ворилъ:
—Вы позвольтё, братцы, но́ву пѣсню спѣть
—Про славнаго про Князя про Волхонскаго:
—««Какъ досе́лѣва я жилъ со Княгинею,
—««Какъ я жилъ съ е́ю, три годочка жилъ!—»»

Въ эту пору ходила молода́ Княгиня по новы́мъ сѣнямъ:
Она съ горя со кручины упала со новы́хъ сѣне́й
И сломила себѣ буйну голову;
Въ эту пору въ это времячко
Ванюшу повѣсили на шелко́выя петли.
Тутъ дался Князь Волхонскій во тоску во кручинушку.

(Записано г. Кузьмищевымъ).

*

3.

У нашего Князя у Волхонскаго
Солучилося несчастьицо великое,
Разбранилась красна дѣвица со Клюшничкомъ:
««Ты собака, вѣрной Клюшничекъ!

*) Гладкія перекладины.—*О.*

««Ты живешь, воръ-собака, непорядками,
««Ты и дѣлашь дѣла незаконныя,
««И живешь ты, воръ-собака, со Княгинею:
««Донесу на тебя самому Князю Волхонскому!»»
Какъ возговоритъ красна дѣвица:
««Охъ ты гой еси, Волхонской Князь!
««У тебя ли есть вѣрной Клюшничекъ,
««Онъ живетъ, вѣрной Клюшничекъ, не порядошно,
««И дѣлаетъ дѣла-та незаконныя,
««И живетъ онъ со Княгинею.»»
Закидался-заметался нашь Волхонской Князь:
«Ужь вы гой еси, слуги вѣрные,
«Слуги вѣрные и злые палачи!
«Ведите Клюшничка скоро-немедленно!»

Вѣрной Клюшничекъ по сѣночкамъ похаживаетъ:
Ево личико пермѣняется,
Миткалинова рубашечка тускнѣть стала;
Брали палачи за бѣлыя руки,
За тѣ ли перстни позлачоныя,
Повели ево въ палату бѣлокаменну
Къ тому ли Князю Волхонскому:
—Не прикажи казнить-вѣшать,
—Прикажите слово говорить:
—Поставленную хлѣбъ-соль кто не кушаетъ?
—Налитую чару и дуракъ пьетъ!—

*

4.

На зарѣ было, на зорьки, на зарѣ утренней,
Ой утренней, ой выходилъ Князь Волхонской
Со своею со Княгинею;
Ваня Ключничекъ

Молодой Княгини забавничекъ;
Выходилъ Князь Волхонской на высокъ [балконъ],
Закричалъ-завопилъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Копайте ямы глубокія,
«Становите столбы точеные,
«Вѣшайте петельки шелковыя!...»

*

5.

Долинка-долинушка!
На этой долинушки
Стояли палаты,
У этихъ у палатахъ
Живетъ Князь Волхонской;
У нево былъ Ванюша
Вѣрной Клю́шничикъ,
Молодой Книгини
Полюбовникъ её.
Жилъ Ванюша
Съ Княгиней три года;
У четвертомъ году вѣрной Князь
Довѣдалси
Черезъ тое черезъ шельму
Черезъ Ванюшину первую любовницу.
Посылаитъ къ Ванюши
Свово молодова хлопчика:
«Ты поди-сходи, молодой хлопчикъ,
«За Ванюшою,
«Ты скажи Ванюши:
«Тобе, Ваня, Князь зоветъ,
«Онъ хочитъ тобе, Ванюша,
«Подарить и пожаловать,

«По большимъ чинамъ Ванюшу—
«Сёлами-дере́внями!»

Надѣвалъ Ванюша зеленъ кафтанъ
На распашачку,
Надѣвалъ сафьянъ сапогъ
На босу ножку,
Надѣвалъ красну шапычку
На одно ушечко:
Идетъ Ванюша вдоль по улицы—
Словно маковъ цвѣтъ твѣтетъ.
Входитъ Ванюша къ Князю Волхонскому;
Сталъ Князь Волхонской
У Вани допрашивать:
«Ты скажи, Ванюша,
«Скажи, злодѣй-варваръ мой:
«Много ли лѣтъ, Ванюша,
«Сы Княгиней жилъ?»
—Вольно́, сударь, Князь Волхонской,
—Людямъ сказать,
—Вольно́ жа имъ
—Понапраслину!—
Взялъ жа Князь Волхонской
Ваню за русы кудри,
Ударилъ объ дубовый полъ:
Прошибъ онъ Ванюши
Буйную голову;
Русы кудри по полу валяются,
Миткаливая рубашичка кровью заливаится:
Молодая Княгиня слезьми обливаится.
Закричалъ Князь Волхонской
Своимъ гордкимъ *) голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги,
«Слуги вѣрнаи мои!
«Вы берите-ка заступы востры,

*) Высокимъ, громкимъ.—*О.*

«Вы ройте двѣ ямы глубоки,
«Становьте два столба дубовые,
«Вы вейте два мотка шалковые,
«Вы ведите Ванюшу во чисто̀ поле,
«Вы стравите Ванюшу злыми собаками,
«Вы повѣсьте Ванюшу на релицы *)!»

—Позвольте, сударь, Князь Волхонской,
—При послѣднемъ концу мнѣ пѣсню спѣть:
—«Что попито было и поѣдино,
—«На кроватушкахъ съ Княгиней
—«Много посыпано,
—«Въ садахъ съ нею много погулено!»—
Повѣсили жь Ванюшу на релицы.

Виситъ Ванюша—качаитца:
Молодая Княгиня на ножу кончаитца.

*

6.

Воздалече-воздалече, во чистомъ полю,
Стояли тамъ хоромы высокіе,
Во тѣхъ ли во хоромахъ жилъ-былъ младой Князь,
Сы младою своею сы Княгинею.
Улюбился у Княгиню Ваня Ключничикъ;
Онъ и жилъ годъ сы Княгинею, онъ и два живеть:
Вотъ на третій ли годочикъ Князь довѣдался,
Посылаетъ онъ хлопца сы новыхъ сѣней:
«Ты поди-ка ты, хлопецъ, пошли Клюшничка,
«Ты скажи же ему, что я жаловать хочу.»

*) Качели, висячія петли.—О.

Приходилъ же ли хлопецъ сы новыхъ сѣней,
Говорилъ ли онъ Ванюшѣ громкимъ голосомъ:
««Ты поди-ка ты, Клюшникъ, тебе Князь зоветъ,
««Вотъ и хочетъ тебя ли Князь жаловать,
««Онъ такой тебе казною—все несмѣтною.»»
Вотъ идеть же ли Клюшникъ—убирается,
Двумя мылами Клюшникъ умывается,
У сафьянные сапожки обувается,
Онъ зеленый свой кафтанъ на распашичку,
Соболью онъ шапку на бекрень держить.
Приходилъ же ли Клюшникъ на новы сѣни;
Вотъ какъ сталъ-та ево ли Князь жаловать,
Онъ во три во кнута во ременные,
Во четвертую плетку Калмыцкую;
Закричалъ ли вѣдь Князь-та громкимъ голосомъ:
«Отведите вы его, шельму, на конюшій дворъ!»

Вотъ идеть оттыль Клюшникъ—утирается,
Свой зеленый кафтанъ за рукавъ тащить,
Сафьянные сапожки полны крови,
Онъ соболью онъ шапку подъ мышкой несеть.
Закрычалъ же ли Клюшникъ громкимъ голосомъ:
—Не водите вы меня, братцы, на конюшій дворъ,
—Вы сведите вы меня, братцы, въ приворотную избу,
—Ну подайте мнѣ гусельки звончатые,
—Заиграю я пѣсню заунывную:
—«Што, и то-то и попито, и погуляно,
—«Сы младою-та Княгинею поѣзжано,
—«За бѣлы груди Княгинины подержано!»—

*

7.

(Псковск. губ.).

Туто жилъ-поживалъ господинъ Волконскій Князь,
У этого у Князя жилъ Ванюша Ключничикъ.

Ваня годъ живётъ, другой живётъ,
На третій годъ Князь довѣдался;
Закричалъ Князь Волконскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Какъ есть ли у меня слуги вѣрные при мнѣ?
«Вы подите—приведите вора Ваньку Ключничка!»

Какъ ведутъ Ванюшу широкимъ дворомъ,
Какъ у Ванюшки головка вся проломана,
Коленкоровая рубашка на немъ изорвана,
Сафьянные сапожки кровью принаполнены.
Закричалъ-та господинъ Волконскій Князь громкимъ голосомъ:
«Вы подите-ка,—вы выройте двѣ ямы глубокіихъ,
«Вы поставьте-ка два столбика дубовыихъ,
«Положите перекладецъ сосновыій,
«Повѣсьте двѣ петли шелко́выя:
«Пускай Ваня покачается,
«Молодая-то Княгиня попечалится!»

(Записано А. С. Пушкинымъ).

*

8.

Какъ на горкѣ на го́рушкѣ
Стоитъ новъ-высокъ теремъ, 2.
Какъ во этомъ теремочкѣ
Живетъ онъ Бояринъ-Князь;
Не одинъ-то онъ живетъ, Князь-Бояринъ,—
Съ молодой съ Княгинею.
Какъ у этого ли Князя
Жилъ-былъ Ванька Ключничекъ,
Молодой его Княгини вѣрный полюбовничекъ;
Молодая его душа Княгиня

Полюбила Ванюшку;
Она его не годъ любила,
Ой да и не два года;
Какъ на третій годъ, Князь-Бояринъ,
Онъ только довѣдался,
Онъ дознался только, догадался
Черезъ красную дѣвушку.
Какъ и выходилъ Князь-Бояринъ
На свое красно крыльцо,
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
«Слуги мои вѣрные!
«Вы подите—ко мнѣ приведите
«Охъ да ворона̀ коня,
«Охъ приведите ко мнѣ воронова
«Съ Черкасскими новыми сѣдлами,
«Да подите—ко мнѣ приведите
«Ивана Клюшничка:
«Ужь я его подарю ли
«Охъ да воронымъ конемъ,
«Воронымъ его конемъ ли
«Съ Черкасскими сѣдлами!»

Какъ идетъ-идетъ Ванюша,
Ваня усмѣхается:
Молодая его душа Княгиня
Слезьми обливается.
Какъ и сталъ онъ, Князь-Бояринъ,
Ванюшку допрашивать:
«Ты скажи мнѣ, скажи, Ванюша,
«Съ какихъ поръ съ Княгинею живешь?»
—Я не годъ съ нею, сударь, живу ли,
—Охъ да не два года.—
Какъ и вышелъ Князь-Бояринъ
На свое красно крыльцо,
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
«Слуги мои вѣрные!
«Вы подите, мои слуги,

«Во кузницу новую,
«Вы возьмите, мои слуги,
«Лопатки острые,
«Вы поройте, мои слуги,
«Двѣ ямы глубокіе,
«А во ямы-то поставьте
«Столбики точеныя,
«На столбахъ на тѣхъ положьте
«Матицу кленовую,
«На матицу повѣсьте
«Мотки шолковые,
«А на этихъ на моткахъ повѣсьте
«Иванушку Ключничка!»

Какъ идетъ-идетъ Ванюша—
Ваня спотыкается:
Молодая его Княгиня
Слезьми обливается;
Охъ виситъ-виситъ Ванюша—
Ванюшка качается.

(Ср. Сборникъ П. И. Якушкина, Отеч. Зап. 1860 г., Апрѣль).

* *

II.

1.

Въ томъ ли во городѣ живетъ Ванька Ключничкомъ,
Во того ли живетъ во Князя, во Князя Волхонскаго;
Онъ не годъ живетъ Ванюша, Ванюшка другой живетъ,
Да на третій годъ-годочикъ самъ Князь довѣдался

Черезъ тую дѣвку-дѣвчонку Аннушку,
Черезъ такую подлость—самаго послѣдняго *);
Какъ воскрикнулъ Кньзь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
«Вы подите-ка, вы слуги, во чистое поле,
«Вы ройте, вы копайте, вы, ямы глубокія,
«Вы становьте столбочки дубовые,
«Вы кладите перекладины—кладите кленовыя,
«Да вы вѣшайте-цѣпляйте вы петельку шелковую,
«Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Ключничка,
«Да вы вѣшайте-цѣпляйте въ петельку шелковую!»

Какъ Ванюшкина головка качается:
Молода его Княгиня—Княгиня кончается.

* *

III.

1.

Какъ во славной во Москвѣ было, на Большой на Дмитровкѣ,
Вотъ живетъ ли—поживаитъ, тамъ живетъ Волхонскій Князь.
У того ли было вѣдь у Князя—былъ Ванька Клюшничикъ,
Молодой его жены-Княгини Ваня полюбовничикъ.
Онъ и жилъ-былъ со Княгиней—онъ ровно й три года;
На четвертый ли годочикъ—Князь-то довѣдался,

*) Самую послѣднюю.—*О.*

Онъ черезъ ту ли дѣвку, дѣвку сѣнную,
Черезъ подлую паскуду, паскуду послѣднюю.
Приходила же та сѣнная дѣвка къ самому Князю,
Закричала же та дѣвка своимъ громкимъ голосомъ:
««Ужь ты батюшка, ты Князь нашъ, покровитель мой!
««Ты отслушай отъ меня, дѣвки, усю правду сущую:
««Што живетъ твоя Княгиня со Ванюшей Клюшничкомъ.»»
«Ты послушай, ты разшельма, слушай, разканалья!
«Если правду ты сказала, буду жаловать тебя,
«Если правды не сказала мнѣ, повѣшаю.»
««Ужь ты батюшка, ты Князь нашъ, ты отецъ ли мой!
««Когда хочешь ты, Князь,—жалуешь, хочешь,—вѣшаешь меня!»»
Закричалъ ли Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Вы подите, вы пошлите Ваньку Клюшничка мово,
«Вы поставьте его, шельму, супротивъ мово лица!»

Вотъ только и сталъ Князь Волхонскій Ваню допрашивати:
«Ты скажи же мнѣ, Ванюшка, Ванька Клюшничикъ,
«Ты скажи же, варваръ-воръ, со которыхъ любишь поръ?»
Отвѣчаитъ же Ванюша, Ваня Ключничикъ:
—Што и знать-то я не знаю и вѣдать не вѣдаю!—
Закричалъ тутъ Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы люди, мои слуги, слуги вѣрные мои!
«Ужь вы ройте, мои слуги, канавы глубокія,
«Вы становьте, мои слуги, вы столбы дубовые,
«Перекладинки кладите все ильмовыя,
«Вы идите—приведите Ваньку Клюшничка мово,
«Ну повѣсьте вы Ванюшку, Ваньку Клюшничка!»

Закричалъ же Ваня Клюшничикъ громкимъ голосомъ своимъ:
—Прикажите вы Ванюшѣ съ горя пѣсню спѣть:

—«Што ужь то-то и попито, и погуляно,
—«Ужь со младою Княгинею поѣзжано,
—«За бѣлы груди Княгинины подержано,
—«На пуховыхъ перинахъ со Княгинею полежано!»—

*

2.

Какъ въ Москвѣ-то было въ городѣ,
На Большой-то было—было на Дмитровкѣ,
Тамъ живетъ ли—споживаитъ да тамъ Волхонскій Князь.
Во ево-то живетъ, живетъ Ванька Ключничикъ;
Онъ и годъ Ванька живетъ, и другой идетъ,
Какъ на третій-то годочекъ Князь довѣдомъ сталъ
Черезъ самую разшельму да послѣднюю:
Даритъ дѣвку, дѣвку, да вотъ дѣвку...
Выходилъ-ли Князь Волхонскій да Князь на высокъ [балконъ],
Закричалъ-ли Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Да вы слуги мои, слуги, да вы слуги вѣрные!
«Вы подите—приведите ко мнѣ Ваньку Ключничка,
«Молодой шельмы этой полюбовничка!»

««Ты поди, поди, Ванюша, да ко Князю Волхонскому:
««Какъ тибе, тибе, Ванюша, хочетъ Князь пожаловать
««Воронымъ тибе конемъ, золотымъ сѣдломъ!»»
Приходилъ-то Ванюша да ко Князю Волхонскому,
Какъ и сталъ-то Князь у Ваньки успрашивать:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ мой:
«Со которой поры-время, Ваня, въ полюбовь пришолъ?»
—Я ни знаю, я ни вѣдаю за собою ничево.—
Закричалъ-то Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:

«Ужъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
«Вы берите-тка лопаты, лопаты желѣзные,
«Ужь вы ройте-тка—копайте вы ямы глубокія,
«Становите-тка столбочки, столбочки точоные,
«Перекладочку кладите вы тонку-дубовую,
«Ужь вы вѣшайте моточикъ да шелковинькой,
«Ужь вы вѣшайте Ваньку за бѣлу шею!»

—Ты позволь-ка, Князь Волхонскій, позволь Ванькѣ пѣсню спѣть:
—«Тутъ было попито, погуляно,
—«Не одново ли съ тобой платья было поношено,
—«Молодую-то Княгиню за груди да подержано!»—

Какъ въ вечеру Ванюшу да Ваню повѣсили,
Со полуночи Ванюша-Ванюшка да кончаитца:
Молодая-то Княгиня слезьми заливаитца;
Какъ у Ванюшки рубашечка кровью наливалася:
Молодая ли Княгиня въ теремѣ кончалася.

«Если-бъ я зналъ Князь то, вѣдалъ, Ваньку-бъ я не вѣшалъ!»

*

3.

Какъ во славномъ было въ Москвѣ-городѣ,
Какъ по Дмитровской было по улицѣ,
Стояли палаты бѣлокаменныя,
Жилъ въ нихъ Князь Волхонскій со Княжною.
У нихъ былъ вѣрный слуга Ваня Клюшничекъ,
Его женѣ, шельмѣ, полюбовничекъ.
Любилъ ее годъ, и любилъ ее и два,
Но на третьемъ году Князь довѣдался
Отъ её ли отъ дѣвки отъ сѣнной.

Выходилъ Князь Волхонскій на крыльцы высокія,
Вскрычалъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня такіе слуги вѣрные!
«Пошлите ко мнѣ Ваню Ключничка,
«Княгини шельмы полюбовничка!»

«Ты про то ли, Ваня, знаешь ли, вѣдаешь ли,
«Кто моей жены, шельмы, полюбовничекъ?»
—Я про то не знаю и не вѣдаю,
—Кто молодой Княгины, шельмы, полюбовничекъ!—
Выходилъ Князь на крыльцы высокія,
Воскрычалъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли у меня такіе мастеры!
«Дѣлали-бъ заступы желѣзные,
«Рыли бы ямы глубокія,
«Ставили бы столбы дубовые,
«Перéклады клали бы кленовые,
«Повѣсили бы Ваню Клюшничка!
«Позовите ко мнѣ Ваню Клюшничка!»

—Прикажите мнѣ спѣть пѣсеньку:
—«Попито было, погулено,
—«Во золотой-то колясочкѣ вмѣстѣ поѣзжано,
—«На пуховыя перины было вмѣстѣ полежано,
—«Во сахарныя уста было поцѣловано,
—«На бѣлой-то рукѣ на её было полежано!»—

Повѣсили Ваню Клюшничка.
Виситъ Ваня и качается:
А подъ окошечкомъ Княгиня рвется и метается;
Къ вечеру Княгиня переставилась.

Ну а послѣ Князь Волхонскій спокаялся.

*

4.

Не далеча, не далеча, близко каменной Москвы,
Какъ на славной улицѣ, улицѣ на Дмитровкѣ,
Здѣсь живеть-поживаеть, живеть Волхонскій Князь.
У Волхонскаго у Князя былъ Ваня Ключничекъ,
Молодой моей *) Княгини вѣрный полюбовничекъ.
Онъ ни годъ живеть, и другой Ваня годъ живеть,
Какъ на третій годочикъ вѣрно Князь довѣдался,
Черезъ этаку дѣвчоночку, дѣвку сѣнную;
Закричалъ же Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги, слуги, слуги мои вѣрные!
«Вы подите—приведите вора Ваню Ключничка,
«Молодой моей Княгини вѣрнаго любовничка!»

Што ведуть, ведуть Ванюшу,—Ваня спотыкается,
Надъ Ванюшиной головкой надругаются,
Што Ванюшина головка вся проломана,
Коленкорова рубашка вся на немъ изорвана,
Што сафьяновы сапожки кровью понаполнились.
Закричалъ же Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги, слуги, слуги мои вѣрные!
«Вы подите-ка—возмите лопаты желѣзнаи,
«Вотъ вы ройтя—вы копайтя двѣ ямы глубокія,
«Вы ставьтя—постановьтя два столба, два дубовые,
«Ужь вы вейтя—повивайтя двѣ петли шелковыя,
«Ужь вѣсьтя-ка—повѣсьтя вора Ключника,
«Молодой моей Княгини вѣрнаго любовничка!
«Вотъ пущай, пущай Ванюша-Ваня покачаится,
«Молодая-то Княгиня пущай попечалится!»

Вотъ Ванюша-то качаится, Княгиня кончаится.

*

*) Замѣченный выше переходъ отъ событія къ рѣчи лица дѣйствующаго.—*О.*

5.

(Новгородск. губ., Валдайск. уѣзда, деревня Сосница).

Какъ во городѣ было въ каменно́й Москвѣ,
Какъ во у́лочкѣ было во Дмитровской,
Жилъ тутъ—поживалъ тутъ батюшка Волконскій Князь
Со своей ли то вѣрною со Княгинею.
Жилъ тутъ—поживалъ тутъ Ванюшка Ключничикъ;
Онъ не годъ живё со Княгинею,
Онъ не годъ живё,—ровно два года;
Какъ на третій на годочикъ Князь-то все довѣдался
Черезъ сѣнну́ю дѣвчонку, черезъ сѣнную послѣднюю.
Какъ вышелъ-то Князь на крыльцё на (парадное),
Онъ вскричалъ-то громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы слуги мои вѣрные!
«Вы подите—приведите Ваню Ключничка,
«Вы поскуйте ему ско́рые но́жёньки,
«Вы свяжите назадъ бѣлыя ручушки!»

Посковали Ва́нюшкѣ скорыя ножёньки,
Какъ связали ему назадъ-то бѣлыя ручушки,
Какъ ведутъ ли то Ванюшку подъ бѣлы́-то руки:
На Ванюшкѣ коленкорова рубашка вся изо́рвана,
Какъ буйная-то головушка въ трехъ мѣстахъ проло́млена,
Какъ у Ванюшки скорыя-то ножёньки поско́ваны,
Какъ сафьянные сапожки кровью понаполнены.
Вотъ стоитъ-ли то Князь на крыльцѣ-то (пора́тномъ),
Увидѣлъ же то Ванюшка Князя-то Волхонскаго:
—Ахъ ты батюшка, Князь ты Волхонскій!
—Ты прости меня большой-то виной,
—Я не буду, я не стану никакихъ я дѣлъ-то дѣлать!—
Какъ вскричалъ Князь Волхонскій своимъ громкимъ го́лосомъ:
«Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!

«Вы подите—вы возьмите заступы желѣзные,
«Вы ройте-тко—копайте двѣ ямы глыбокія,
«Вы поставьте два столба высокіе,
«Положите переводы-то дубо́вые,
«Вы повѣсьте-тко двѣ петли шелко́выя,
«Вы сдѣлайте крючья-то золочёные,
«Три ступени тесо́выя,
«Вы покройте-тко ступени черны́мъ сукномъ,
«Вы ведите-тко Ванюшу на крутой-то крылецъ,
«На крутой крылецъ на тесовый!»

Идетъ ли Ваню́шенька—покланяется,
Со всимъ добрымъ людямъ прощается:
—Прости батюшка, прости матушка,
—Прости ты меня, мать сыра́ земля!—
Какъ вошёлъ да то Ванюшко на крутой крылецъ на тесовый,
Онъ вскричалъ ли тутъ громкимъ голосомъ:
—Ахъ ты батюшка, Волхонскій Князь!
—Ты позволь-ко-ся мнѣ надъ послѣднимъ краюшкомъ
—Или пѣсенку спѣть, или на рожкѣ сыграть?—
«Вѣшайте вы Ванюшеньку:
«Пускай Ванюшка качается,
«Моя молодая-то Княгиня пущай не печалится!
«Какъ дознается моя-то вѣрная Княгиня,
«То-то она попечалится!»

Со печали-то тоски на третій денекъ,
Какъ на третій на дене́чикъ вѣрная Княгиня померла.

(Записано 6 Сент. 1834 г., отъ Новгородца Савелья).

*

6.

(Саратовск. губ.).

Далеко было, далече,
Въ бѣлокаменной Москвѣ,
Во второй было во улицѣ *)
Во славной Митревской,
Что у Князя было у Волконскаго
Солучилася пиръ-бесѣдушка,
Тиха и смиренна, зѣло радошна.
Соѣзжалися къ нему князья-бояре,
Пили-ѣли, прохлаждалися,
Разговорами они занималися.
Богатый хвалится богачествомъ,
Бѣдный хвалится своей бѣдностью **),
Сильный хвалится своей силою,
А Волконскій Князь своей Княгинею:
«У меня Княгиня умная,
«Она умная-разумная,
«Она тихая-смиренная,
«До рабовъ она милостлива,
«Передо мной она очестлива.»
У дверей стоитъ слуга вѣрная,
Слуга вѣрная, дѣвушка сѣнная;
Какъ возговоритъ сѣнна дѣвушка:
««Ужь ты батюшка нашъ, Волконскій Князь!
««Не приказывай меня казнить-вѣшати,
««Прикажи ты мнѣ слово молвити?»»
«Говори ты мнѣ, слуга вѣрная,
«Ты скажи мнѣ правду-истину.»
««Похвалился ты своей Княгинею:
««Твоя ли Княгинюшка нечестная,

*) Т. е. во первыхъ въ Москвѣ, во вторыхъ—далѣе—на Дмитровкѣ.—О.
**) Весьма странно и необычно.—О.

««Твоя ли Княгинюшка невѣрная!
««Что живетъ она съ младымъ Клюшникомъ,
««Со твоимъ ли со харечникомъ,
««Со моимъ ли братцемъ роднымъ;
««Что живетъ она не теперича,
««А не много, не мало—ровно девять лѣтъ.»»
На десятомъ-то году Князь довѣдался.
Посылаетъ онъ за Ключникомъ
Своего ли слугу вѣрнаго:
«Ты скажи: батюшка-Князь требуетъ,
«Ты скажи: хочетъ тебя дарить-жаловать.»

Какъ встаетъ Ключникъ съ постелюшки,
Собирается онъ, снаряжается,
Обуваетъ онъ сапожки сафьянные,
Надѣваетъ онъ лисью шубу до̀ долу *),
Шуба лисья словно лѣсъ шумитъ
И золотъ перстень ровно жаръ горитъ,
На немъ шапочка рытаго бархата,
Во правой рукѣ тонка тросточка,
А во тросточкѣ ала ленточка;
Идетъ Ключникъ—что соколъ летитъ.
Онъ восходитъ во палаты бѣлокаменны,
Отдаетъ Князю низкой поклонъ:
—Ужь ты здравствуй, нашъ батюшка-Князь!
—Ты почто меня скоро требовалъ,
—Ужь чѣмъ хочешь меня дарить-жаловать?—
«Подарю я тебя хоромами высокими,
«Не мощенными, не свершенными **),
«Ты скажи мнѣ только правду-истину:
«Ты который годъ живешь со Княгинею?»
—Ужь ты батюшка нашъ, Волконскій Князь!
—Я живу съ нею ровно девять лѣтъ:
—Много было попито, поѣдено,

*) Конечно: „до полу.“—*О.*
**) Безъ верху, безъ крыши.—*О.*

—На пуховыхъ перинахъ полежано!—
Князь Волхонскій *) прогнѣвался,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы гой есте, мои слуги вѣрные!
«Вы берите лопатки желѣзныя,
«Ужь вы ройте-ка двѣ ямы глубокія,
«Вы постройте рельюшки **) высокія,
«Вы столбы-то дѣлайте точеныя,
«Перекладины положите вы кленовыя,
«Вы колечки ввернитe позлащенныя,
«А петелки повѣсьте вы шелковыя,
«Вы возьмите моего млада Ключника,
«Вы повѣсьте на рельи высокія:
«Да пускай же онъ, воръ, покачается,
«Молодая-то Княгиня на него пока́знится!»

Подхватили Ключника за бѣлы руки,
Повели его на рельюшки высокія,
Повѣсили на петельки шелковыя.
На петелькахъ виситъ Ключникъ—мотается:
А впереди-то лежитъ Княгинюшка—кончается.

Какъ ударится батюшка Волконскій Князь
Объ дубовый столъ:
«Ужь ты гой еси, дѣвушка сѣнная,
«Ты моя ли слуга вѣрная!
«Погубила ты младаго Ключника,
«Умертвила ты молоду мою Княгинюшку!»

(Ср. „Лѣтоп. Р. Литер. и др.," Т. IV, запис. гг. Костомаровымъ и Мордовцевой).

*

*) Волконскій?—*О.*
**) См. пѣсни выше.—*О.*

7.

(Орловск. губ.).

Въ Москвѣ было во городѣ, на Сѣнной было площади,
Тамъ стояли-то хоромы, хоромы высокіе,
Что и того ли то Князя, Князя-Боярина.
Что и жилъ-то тамъ Князь со своей Княгинею,
Что и жилъ-то тамъ Ванюша-Ваня, Князю Клюшничикъ,
Молодой его Княгини вѣрной полюбовничикъ.

Что и годъ живетъ Ванюша съ Княжней *), другой живетъ,
Вотъ на третій годъ-годочекъ самъ Князь да довѣдался
Что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣнной-горьнишной.
Вотъ выходитъ Князь-Бояринъ на свой красенъ крылецъ,
Какъ возгаркнетъ Князь—воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!
«Вы идите—приведите вора Ваньку Клюшника!»

Какъ идетъ Ванюша-Ваня черезъ Княжій дворъ,
Какъ на Ванюшкѣ рубашка вѣтромъ раздувается,
Какъ у Ванюшки кудерцы-кудри завиваются.....
Какъ возговоритъ **) Князь—воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ, ...сынъ:
«Ты съ которой поры-время живешь со Княжнею?»
—Что я знать того не знаю, вѣдать я не вѣдаю.—
Какъ и сталъ-то Князь Ванюшу пытать—крѣпко спрашивать:
Не добился Князь-Бояринъ таей правды-истины.

*) Княгиней? И ниже то же.—*О.*
**) Возгаркнетъ?—*О.*

Какъ воскликнетъ Князь—возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!
«Вы берите-тко, берите заступы желѣзныя,
«Ужь вы ройтя-тко—копайтя двѣ ямы глубокія,
«Ужь вы ставьте-тко—ставьтя два столба точоныя,
«Перекладину кладитя, слуги, вы кленоваю,
«Вы идитя—приведитя вора Ваньку Клюшника!»

Вотъ ведутъ-ведутъ Ванюшу-Ваню черезъ Княжій дворъ,
Какъ у Ванюшки-Ванюши руки-ноги скованы,
Руки-ноги въ Вани скованы, да все переломаны *).
Вотъ идетъ-идетъ Ванюша-Ванюшка—шатается:
А и Князь-то стоитъ—ухмыляется,
Молодая-то Княгиня въ теремѣ слезами заливается.
Какъ воскликнетъ Князь—возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду-истину?»
—Ужь позволь ты, Князь-Бояринъ, позволь Вани пѣсню спѣть,
—Что и пѣсню Вани, пѣсню, пѣсенку послѣднію:
—«Что и было, Князь-Бояринъ, попито-поѣдено,
—«Въ краснѣ было, Бояринъ, въ хорошѣ похожено,
—«На кроватушкѣ тесовой въ насъ **) было полежено,
—«Да за бѣлыя-то за груди въ насъ было похватано,
—«Во уста-то во сахарны было поцаловано,
—«Съ одного плеча было въ насъ поношено ***)!»—

*) Прибавка въ разнорѣчіи:

А сафьянные сапожки кровью понаполнены.—*Примѣчаніе записавшаго.*

**) У насъ.—*О.*

***) Въ разнорѣчіи прибавка:

Про твою ли, сударь, милость много было ругано.—*Примѣч. записавшаго.*

Какъ воскликнетъ Князь—возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!
«Ужь вы вѣшайте Ванюшу, вора Ваньку Клюшника!»

Вотъ повѣсили Ванюшу, Ванюшка качается:
Молодая-то Княгиня въ теремѣ кончается.

(Ср. сборникъ П. И. Якушкина, Отеч. Зап. 1860 г. Апрѣль).

* *

IV.

1.

Было въ городѣ, было на Митровкѣ,
Тутъ жилъ-проживалъ Волхонскій Князь.
Какъ во Князя во Волхонскаго былъ Ваня Ключничкомъ,
Молодой его Княгини полюбовничкомъ.

Онъ и годъ живетъ Ванюша, онъ и два года,
Какъ на третій годочикъ Князь довѣдался
Черезъ ту ли дѣвку, дѣвку сѣнную,
Черезъ самую подлячку, черезъ п...ю *).
Закричалъ Князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Вы подите—приведите Ваню Клюшничка,
«Молодой моей Княгини полюбовничка!»

Все ведутъ-ведутъ Ванюшу къ самому Князю:
У него шубенка вся изорвана,

*) Послядиюю, послѣднюю.—О.

Его буйная голова вся проломана,
А миткалева рубашка вся съ кровью помѣшана.
Приведутъ все Ванюшу къ самому Князю:
«Ты скажи, скажи, Ваню́ша, скажи, Ва́нюша:
«Со которыхъ поръ живешь со Княгиньею?»
—Ужь я знать того не знаю, сударь, не вѣдаю.—
Какъ простилъ всё Ванюшѣ Князь Волхонскій.

Какъ пошелъ Ванюша прочь отъ Князя,
Онъ пошелъ ли Ванюша вдоль и по двору,
Все запѣлъ Ванюша пѣсню новую;
Какъ услышала Княгиня Ванюшинъ голосокъ,
Выходила Княгиня, выходила на [балконъ]:
««Ты не вѣшай-ка, Ванюша, своей буйной головы!»»
Услышалъ ли Князь Волхонскій голосокъ Княгини той,
Закричалъ ли Князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги мои вѣрные!
«Вы берите-ка топоры желѣзные,
«Ужь вы ройте-ка, копайте ямы всё глубокія,
«Становите-ка столбы всё дубовые,
«Перекладины кладите всё кленовыя,
«Ужь вы вѣшайте ремни *) всё шелковые,
«Ужь вы вѣшайте Ванюшу вора Ключничка!»

Все ведутъ Ванюшу-Ваню вѣшати;
Какъ со всѣми-то Ваня кланяется,
Онъ со всѣми Ваня распрощается,
Распрощавшись Ваня, слово вымолвилъ:
—Вы позвольте вы, братцы, пѣсню нову спѣть:
—«То-то, братцы, было попито,
—«Было попито-поѣдено,
—«На тесовой на кроваткѣ было полежено,
—«У сахарны усточки было поцѣловано!»—

Какъ повѣсили Ванюшку—удавить хотять,

*) Ошибка вмѣсто «рельи,» петли. *О.*

Всё висить Ванюша, висить,—всё мотается:
Молодая Королевна *) всё кончается;
Молодой ли Ванюша удавляется:
Молодая Королевна по немъ перставляется;
Всё Ванюша удавился:
Молодая Княгиня всё перставилась.

Какъ и Князь Волхонскій по ней сумлѣвается:
«Скверная дѣвчонка! На что ты донашивала?
«Что и лучше бы тово—самъ Князь перенесъ бы я!»

*

2.

(Звенигородск. уѣзда, село Ильинское).

На улицѣ Вѣтро́вицѣ **)
Живётъ-проживаетъ Иванъ Клюшничикъ,
Молодой нашей Княгини полюбовничикъ.

Живётъ онъ годочикъ, живётъ онъ другой,
Спозналъ Князь, довѣдался.
Выходилъ же Князь Волхонскій на своё ново крыльцё,
Какъ воскрикнулъ Князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
«Ой вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
«Вы подите—приведите Ваню Ключничка,
«Молодой нашей Княгини полюбовничка!»

По двору широкому ведутъ Ванюшу,
У нашего Ванюшеньки ноженьки путля́ются:
А стоитъ же Князь Волхонскій—усмѣхается.
Закричалъ Князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Принесите вы лопаты широкія,

*) Ср. ниже пѣсни.—*О.*
**) Митровицѣ, Митровкѣ.—*О.*

«Ужь вы ройте, вы копайте ямы глубокія,
«Становите вы столбóчки точёныя,
«Вы давайте *) перевóды ильмóвые **),
«И вы вѣшайте-цѣпляйте пéтельки шелкóвыя,
«И вы вѣшайте-цѣпляйте Ваню Ключничка!»

Ваня Ключничикъ въ пéтелькѣ болтается:
Молодая-то Княгиня слезьмѝ обливается;
Ваня Кнючничикъ въ петелькѣ болтается:
Молодая-то Княгиня въ перинахъ кончается.

Понапрасну Князь Волхонскій двѣ души́ загинулъ ***),
Черезъ самую такую дѣ́вочку скверную,
Черезъ самую такую подлячку послѣднюю.
Приказываетъ Князь Волхонскій сыграть пѣсенку,
.
Что «Попито было—поѣдено,
«Съ молодой своей Княгиней въ коляскѣ поѣзжено,
«На тесóвой кровати полéжано
«И за бѣлыя за груди подержано!»

(Пѣсня *протяжная;* записано 5 Іюля 1831 г.).

*

3.

(Москва).

Что на славной было улицѣ на Димитровкѣ,
Что у славнаго ли у Князя у Боярина,
Побранилася кухарка съ младымъ Ключничкомъ:
««Ты не лайся, не бранися, младой Ключничекъ:
««Я пойду ли—донесу Князю-Боярину!»»

*) Дѣлайте?—*О.*

**) Ср. *Ulmus, Ulme.—О.*

***) Загубилъ.—*О.*

««Ужь ты батюшко ты нашь, ты Бояринъ-Князь!
««Ничево же ты не знаешь да не вѣдаешь:
««Что живетъ-то твоя Княгиня съ младымъ Ключникомъ!»»
Что возговоритъ нашь батюшка Бояринъ-Князь:
«Ужь какъ есть ли у меня да слуги вѣрные!
«Вы подите—приведите млада Ключничка,
«Вы поставьте млада Ключника въ середи двора,
«Что подъ то ли подъ косящато окошечко;
«Ужь я стану младаго Ключника доспрашивать *):
«Ты скажи, скажи, младый Ключничекъ, не утай грѣха,
«Коли да правду ты мнѣ скажешь,—я помилую,
«А неправду ты мнѣ скажешь,—я подъ кнутъ да подъ кнутъ отдамъ:
«Что живетъ ли моя Княгиня съ твоей милостью?»
—Что живетъ ли твоя Княгиня со мною да три, ахъ да три года.—
Что возговоритъ нашь батюшка да Бояринъ, ахъ да Бояринъ-Князь:
«Ужь какъ есть ли у меня скорые конюхи!
«Ужь вы ройте мнѣ ямочки глубокія,
«Вы поставьте два столба вы да два высокіе,
«Перекладинку вы поставьте **) вы кленовую,
«Ужь вы петельку повѣсьте вы шелковую!»

Молодой Ключникъ на петелькѣ качается:
Молодой-то ли Княгини жизнь кончается ***).

(Записано А. А. Григорьевымъ отъ цыгана Антона Сергѣева; ср. Отеч. Зап., 1860, Апрѣль).

* *

*) Отселѣ переходъ изъ рѣчи къ описанію самого событія, отъ перваго лица къ третьему.—*О.*

**) Положьте?—*О.*

***) Или:

Молодая ли Княгиня на ножѣ кончается.—*Примѣч. П. И. Якушкина.*

V.

1.

(Сарат. губ., Сердобск. уѣзда, село Ивановское, Пашя тожь).

Какъ во славномъ-то городѣ Саратовѣ,
Въ улицѣ во Дмитровской,
Какъ тутъ живетъ-то—поживаетъ
Батюшка Волхонскій Князь;
Какъ у этого у Князя
Живетъ Ванька Клюшничкомъ.

Какъ и вышелъ батюшка Волхонскій Князь
На крылечко на новое,
Закричалъ-то батюшка Волхонскій Князь
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
«Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Клюшничка!»

Какъ ведутъ-то Ваню Клюшничка:
Бѣлыя куделюшки разчёсаны,
Бархатный кафтанчикъ раздувается;
Привели-то Ванюшу ко Князю Волхонскому:
«Ахъ ты Ванька, ... сынъ!
«Ты скажи, сколько лѣтъ со моей Княгиней жилъ?»
—Отъ кого вы узнали, батюшка Волхонскій Князь?—
«Я узналъ отъ дѣвчонки сѣнной,
«Отъ самой послѣдней.»
—Скажу вамъ, батюшка Волхонскій Князь:
—Ровно только девять лѣтъ.—
Закричалъ-то Князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ слуги мои, служеньки, слуги вѣрные!
«Какъ вы сдѣлайте хоромы, хоромы не мшёныя,
«Совсѣмъ не свершёныя,

«Вы сдѣлайте въ хоромахъ релюшки *) точеныя,
«Релюшки точёныя, петельки шелковыя,
«Вы подите—приведите сюда Ваню Клюшничка!»

Стали Ваню жаловать релюшками точёными,
Релюшками точёными, петельками шелковыми:
—Ахъ ты батюшка, Волхонскій Князь!
—Прикажи мнѣ слово молвити!....—

Какъ и Ванюшка-то на реляхъ качается:
Молодая Княгиня во теремѣ кончается.

*

2.

Какъ во славныемъ городѣ во Питерѣ,
Тутъ живетъ ли—поживаитъ
Батюшка Волконскій Князь;
Какъ у этого у Князя есть Ванюшка Ключничекъ,
Молодой его Княгинѣ вѣрный полюбовничекъ;
Какъ не годъ живетъ Ванюша и не два живетъ,
А живетъ-поживаитъ съ ней ровно три годочка;
На четвертыемъ на годочкѣ самъ Князёкъ довѣдался,
А не самъ узналъ Князёчикъ, сказала дѣвчёночка,
Дѣвчёночка сѣнная, самая послѣдняя.

*

3.

(Симбирск. губ., село Усть-Урень).

Какъ у Князя было у Волхонскаго
Солучилося большое несчастьице:
Повелась его жена съ Ваней Ключничкомъ.

*) См. выше.—*О.*

Во селѣ-то было во Измайловѣ,
Протекала рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, Волга матушка;
Какъ по рѣчушкѣ растетъ частъ ракитничекъ:
Разливалась Волга широкохонько,
Потопляла всѣ горы-долы и сухіе островы,
Оставлялся *) одинъ частъ-ракитовъ кустъ;
Какъ на кустикѣ сидитъ пташка вольная,
Пташка вольная, младъ-ясенъ соколъ:
«Полети-ко, младъ-ясенъ, на родимую сторону,
«Къ моему батюшкѣ на широкій дворъ,
«Скажи батюшкѣ низкой поклонъ,
«Родной матушкѣ челобитьице **)!»

(Отъ ратника Николая Картавенко, записано П. В. Шейномъ).

*

4.

(Той же губ., Буинскаго уѣзда, дер. Козловка).

Во селѣ-то во селѣ было Измайловѣ,
У Князя было у Волхонскаго,
Изъ терема было изъ высокова,
Изъ окошечка было изъ косящева ***),
Изъ стекольца изъ хрустальнаго,
Вылеталъ тутъ вылеталъ младъ-ясенъ соколъ,
Младъ-ясенъ соколъ, пташка вольная.
За соколомъ бѣжитъ слуга вѣрная ****),
Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты ой еси, младъ-ясенъ соколъ!
«За тебя ли меня, сокола, казнить хотятъ *****),

*) Оставляла?—*О.*

**) Слова Княгини или Ключника?—*О.*

***) Косящета?—*О.*

****) Ключникъ?—*О.*

*****) Вѣроятнѣе такъ:
«За тебя ли, сокола, меня казнить хотятъ.—*О.*

«Казнить-то хотятъ, хотятъ вѣшати.»
Онъ кричитъ-то ему кричитъ громкимъ голосомъ:
—Воротись ты, воротись, слуга вѣрная!
—Я теперь соколъ на своей волѣ;
—Вечеръ-то вы надо мною надругалися:
—Кормили вы меня, сокола, мертвою вороною,
—Поили сокола водою болотною!—

(Записано тѣмъ же отъ Максима Щербакова).

*

5.

(Болховъ).

Во городѣ было во Питерѣ,
Во главной улицѣ Митревской,
Живетъ тутъ—поживаетъ Волконскій Князь
Со своею молодою Княгинею.
Влюбился въ Княгиню Иванушка Ключничекъ,
Молодой моей *) Княгини, шельма, полюбовничекъ.

Ужь онъ годъ живетъ, Ванюша, и другой живетъ,
А на третій годъ Князь довѣдался,
Что на шельму на Ваню—на Ваню прогнѣвался,
Черезъ тоё черезъ дѣвку, дѣвчёнку сѣнную,
Черезъ самую подлячку, подлячку послѣднюю.
Закричалъ же Князь Волконскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные,
«Ужь вы други мои, други неизмѣнные!
«Вы подите—приведите ко мнѣ Ваню Ключничка,
«Молодой моей Княгини полюбовничка!»

*) Перенесено со словъ Князя.—*О.*

««Ты поди, поди, Ванюша, тебя Князь зоветъ:
««Ужь онъ хочетъ тебя жаловать
««Селами-деревнями, третьими кнутами ременными.»»
«Слуги мои, слуги! Вы копайте-ка двѣ ямы,
«Двѣ ямки глубокія,
«Становите столбочки все точеные,
«Вбивайте-ка колечки, кольцы золочёныя,
«Вѣшайте моточки, моточки шелко́вые,
«Ужь вы вѣшайте Ванюшку и Ванюшу Клюшничка.»
—Вы послушайте, братцы, дайте нову пѣсню спѣть:
—«Что во городѣ во Питерѣ,
—«На главной на улицѣ на Митревской,
—«У того ли Князя—у Князя Волконскаго,
—«Было попи́то, было и погу́ляно,
—«На пуховыхъ перинахъ было полежано,
—«За бѣлыя груди было подержано!—»

Какъ Иванушку повѣсили:
А молодая Княгиня въ хоромахъ зарѣзалась;
А Иванушка качается:
А молодая Княгиня во хоромахъ кончается.

(Записано М. П. Лисицынымъ).

* *

Молодецъ у Короля въ службѣ *).

VI.

Сравни выпускъ 3, пѣсни о богатырѣ Дунаѣ Ивановичѣ.

1.

(Новгородъ).

Молодецъ у Короля на вѣстя́хъ служилъ:
Что Король-то его любилъ-жаловалъ,
Королевна его при себѣ держала.

Еще сталъ Молодецъ упиватися,
При хмѣлю́ удало́й похвалятися:
«Много было хо́жено, погу́лено,
«И въ крашнѣ въ хороше́ похо́жено,
«Много красныхъ дѣвушекъ цѣло́вано!
«Поцѣло́вана дочь прекрасная,
«Дочь прекрасная Королевская!»
За досаду Королю показалося,
За досадушку таку́ за великую;
Закричалъ тутъ Король на своихъ вѣрныхъ слугъ:
«Ахъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные,
«Слуги вѣрные и неизмѣнные!
«Вы подите далече въ чисто́ поле:

*) Значеніе этихъ Пѣсень, тѣсно связанныхъ съ предыдущими, объяснено ниже въ „Замѣткѣ."—*О.*

«Ужь вы ройте ямы глыбокія,
«Становите столбы дубовые,
«Перекладинку кладите кленóвую,
«Вы повѣсьте петли шелкóвыя,
«Вы повѣсьте Дóбра Мóлодца!»

Молодéцъ палачамъ по рублю сулитъ:
—Не ведите меня позадъ горницы,
—Поведите меня вдоль по улицѣ,
—Чтобъ увидѣла дочь прекрасная,
—Дочь прекрасная Королевична!—

Попросилася дочь у батюшки:
««Ты пусти, пусти рóдный батюшка,
««Молодецкой смерти поглядѣти!»»
Молодéцъ на петляхъ качается:
Королевна подъ релью кончается.

(Записано 11 Сент. 1834 г. отъ Акулины).

*

2.

(Москва).

Какъ Короля-тъ Молодцá любилъ-жаловалъ,
Съ одного плеча платьице нáшивалъ.

Ужь и сталъ Молодѐцъ пьянъ упиватися,
Во хмѣлю сталъ Молодѐцъ похвалятися:
«Ужь и то-то попи́то, братцы, погу́лено,
«Въ хорошствѣ-то въ краснѣ много хóжено,
«Что на мягкихъ перинахъ много лéжано,
«Королевну за ручку много дéржано!»
Донесли-то на Мóлодца своя братья.

Какъ Короля-тъ на Мо́лодца прогнѣвался,
Закричалъ Король громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги вы, слуги мои вѣрные!
«Вы подите дале́че во чисто́ поле,
«Ужь вы вы́ройте двѣ ямушки глыбокія,
«Становите вы релюшки высокія,
«Поведите Молодца̀ казнить-вѣшати!
«Не водите Молодца̀ впереди мого̀ дворца,
«Поведите Молодца̀ позадѝ мого̀ дворца.»

Молодецъ солдатъ по рублю дарилъ:
—Поведите Молодца̀ впереди меня дворца!—
Какъ увидѣла Молодца Королевна изъ окна,
Закричала Королевна громкимъ голосомъ:
««Ахъ ты батюшка, сударь мой, пусти меня гулять,
««Да двѣ ямушки глыбо́кія посмотрѣть!»
Какъ пошла Королевна въ чисто́ поле гулять,
Да двѣ ямушки глыбокія посмотрѣть;
Моло́деца-тъ на релюшкахъ качается:
Королевна подъ релями скончалася.

(7 Октября 1834 г. отъ мѣщанки Татьяны Андреевны).

*

3.

(Симбирск. губ., село Головино).

Изошелъ я *) всеё землю Свято-Русскую,
Я сине море исплавалъ изъ края въ край,
Изъ самова изъ устья до вершиночки,
Я зашелъ-загулялъ къ самому Королю,

*) Извѣстное намъ перенесеніе событія на лицо или 3-го лица въ 1-е.—*О.*

Къ самому Королю ко Латинскому *).
А за то меня Король любилъ-жаловалъ,
Посадилъ меня Король во вѣрны Клюшники:
Я сидѣлъ у него ровно тридцать лѣтъ,
Служилъ Королю вѣрой-правдою **).

Никто про то не знаетъ и не вѣдаетъ,
Только знаетъ одинъ маленькой дѣтинушка,
Одинъ маленькой дѣтинушка, поваренной;
Онъ дошолъ-донесъ собака самому Королю:
««Ой ты гой еси, нашъ батюшка, Литонской Король!
««Ничего, сударь, не знаешь и не вѣдаешь:
««Твой-то Клюшничикъ до пьяна напивается,
««Во хмѣлю Клюшникъ негоже похваляется,—
««Похваляется мизирной ***) твоей дочерью.»»
За досаду Королю показалося;
Выходилъ тутъ Король на красенъ крылецъ,
Восклицалъ онъ—возгаркнулъ громкимъ голосомъ:
«Ище есть ли у меня таки мастеры,
«А по нашему по русскому грозенъ палачь!
«Онъ бы ѣхалъ далече во чисто поле,
«Дѣлалъ бы релюшки высокіе,
«Становилъ бы онъ столбики дубовые,
«Перекладинки клалъ бы кленовые,
«А петельки вязалъ бы шелковыя,
«Онъ бы велъ мово Клюшника къ повѣшанью,
«Не водилъ бы онъ кремлемъ-городомъ ****),
«Провелъ бы онъ позадь города!»

Молодецъ молодцу *****) крѣпко кланялся:
—Ой ты гой еси, нашъ батюшка, грозенъ палачь!

*) Ляховинскому.—*О.*

**) Послѣ этого должно было слѣдовать затерянное въ пѣсни описа любви.—*О.*

***) Меньшою.—*О.*

****) Разумѣется не Московскій, а всякій кремль, вышгородъ, Burg.—*О.*

*****) Ключникъ палачу.—*О.*

—Дай ты мнѣ, Молодцу, звоньчаты гусли,
—Передъ смертью Молодцу наигратися!
—Не води ты меня, добрый молодецъ, позадь города,
—Проведи ты меня кремлемъ-городомъ,
—Мимо тѣхъ ли палатъ Королевниныхъ.—
Онъ повелъ Молодца кремлемъ-городомъ,
Мимо свѣтлинькой свѣтлицы Королевниной.
Онъ и сталъ тутъ наигрышки наигрывать:
—Бывало меня Король любилъ-жаловалъ,
—А ныньче на меня скоро прогнѣвался,—
—Ведетъ-то Молодца ко повѣшенью!—

Услыхала ево мила дочь мизиная,
Выходила она на красенъ крылецъ,
Воскричала она своимъ громкимъ голосомъ:
««Ой ты гой еси, нашь батюшка, Литонской Король!
««Ты за что на Клюшничка прогнѣвался?
««Я сама-то, красна дѣвица, пойду ко повѣшанью!»»
Услыхалъ то ея батюшка, Литонской Король:
«Еще Богъ его прощаетъ, Сударь жалуетъ!»

(Доставлено П. М. Языковымъ).

*

4.

(Тамъ же).

Изошелъ я Волгу матушку изъ конца въ конецъ,
Изплавалъ я сине море изъ краю въ край,
Не нашолъ я лучше-краше-краснѣй города *),—
Ой зашелъ я, Молодецъ, къ Королю въ Литву.

*) Т. е. Литовскаго, Литвы.—*О.*

Ой за то меня Король любилъ-жаловалъ,
Посадилъ же Молодца въ вѣрны Клюшнички.

Онъ до пьяна, Молодецъ, напивается,
Во хмѣлю-то онъ негоже похваляется,—
Онъ и хвалится его мизирной дочерью.
За досаду Королю показалося;
Онъ выходитъ, Король, на красенъ крылецъ,
Онъ вскричалъ громкимъ своимъ голосомъ:
«Ище есть ли у меня такіе мастеры,
«А по вашему по русскому грозенъ палачь!
«Ище скоро бы онъ ѣхалъ во чисто поле,
«И сохи *) ты бы ставилъ дубовыя,
«Переклади бы клалъ кленовыя,
«А петли бы вѣшалъ шелковыя,
«Не водите Молодца кремлемъ-городомъ,
«А ведите Молодца позадь гуменья!»

Увидала ево Королева дочь;
««Поведите ево кремлемъ-городомъ,
««Кремлемъ-городомъ, славой доброю!»»

(Доставлено тѣмъ же).

*

5.

Вотъ ходилъ ли я, Молодчикъ, по чистомъ я полю,
Я билъ я побивалъ я гусей-лебедей,
Застрѣлилъ ли я, удалый, сизаго голубя;
Опоздалъ ли я, Молодчикъ, иттить-ѣхати:
Всему городу воротички были заперты,
Караульщички молоденьки—они крѣпко спять.

*) Высокіе козлы, на которые кладутся перекладины.—*О.*

Што одна ли не спала ли—красная дѣвушка,
Она такая Перекраса Королевишна;
Вынимала изъ [комода] золоты ключи,
Успущала Добра Молодца, все наказывала:
««Ты дворомъ иди, Молодчикъ,—не закашляйся,
««Къ новымъ сѣнямъ подходи,—не застукайся,
««Не услышалъ бы родимый сударь батюшка,
««Не сказалъ бы онъ родимой моей матушкѣ;
««Ты на утрѣ жь ли, Молодчикъ, не упейся пьянъ,
««Во хмѣлю-та, разудалый, не похвастайся!»»

Какъ на утрѣ-та Молодецъ напивался пьянъ,
Во хмѣлю-та разудалый похваляться сталъ:
—Какъ вечоръ ли я, Молодчикъ, у гостяхъ гостилъ:
—Я въ такой ли Перекрасы Королевишны!—
Што по утру про удалова дозналися;
Призывалъ Король Молодчика во палатушки:
«Ты скажи, скажи, Молодчикъ, гдѣ въ гостяхъ гостилъ?
«Я за то тебя удалова пожалую,
«Я пожалую Молодчика все палатушками,
«Вотъ такими ли палатами—на двухъ столбахъ,
«Я построю тебѣ релюшки точеные,
«Я повѣшу тебѣ петельку шелковую.»

Ужь какъ Добрый Молодецъ сталъ качатися:
Перекраса во саду стала кончатися.

*

6.

Крапива-крапивушка, крапива стрекучая,
Одолѣла крапивушка поле чистое!

Охочь былъ Молодецъ по полямъ ѣздить,
Онъ охочь былъ стрѣлять гусей-лебедей;

Опоздалъ же Молодецъ домой ѣхати.
Въ чистомъ въ полѣ было три дороженьки:
Первая дорога къ отцу къ матери,
Вторая дорога къ роду къ племени,
Третья къ своему городу.
Въ городѣ вороты были заперты;
У воротъ караульщики крѣпко спятъ да не проснутся;
Выходила Королевна на ново крыльце,
Отпирала Королевна городскіе ворóтечки,
Она впускала удалова-доброва Молодца:
««Ты иди со мной полегоничку,
««Говори со мной потихоничку.»»

Королева на утро стала спрашивати:
«Ужь ты дочь моя, дочь любимая!
«Ужь съ кѣмъ же ты нынче ночью разговаривала?»
««Ужь ты милая моя мать родимая!
««Нынче ночью мало мнѣ спалось,
««Мало мнѣ спалось, во снѣ много видѣлось:
««Будто ты, моя мать, во гробу лежишь,
««Предъ тобой стоятъ попы, дьяконы,
««Они поютъ память вѣчную.»»

У стола, стола государева
Служилъ Добрый Молодецъ.
Добрый Молодецъ хмѣленъ напивается,
Во хмѣлю Королевской дочерью похваляется:
—Ужь я спалъ-почивалъ съ Королевской дочерью
—На одной кроватушки!—
Были люди донощики,
Доносили самому Королю;
Какъ вскричитъ Король громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Вы подите—приведите Доброва Молодца!»

Сталъ Король у него спрашивати:
«Сколько же ты жилъ съ моей дочерью?»
—Я не мало, не много,—ровно три года.—

Какъ вскричалъ Король громкимъ голосомъ:
«Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
«Вы подите въ чисто поле,
«Копайте двѣ ямы глубокія,
«Становите два столба еловые,
«Кладите перекладины дубовыя,
«Вѣшай петельку шелковую,
«Вы возмите—приведите Доброва Молодца,
«Не ведите Молодца переди дворца,
«Вы ведите Молодца позади дворца!»

Молодецъ въ петелькѣ качается:
Королевская дочь въ терему кончается.

*

7.

(Тульск. губ. и уѣзда).

Ты крапиво ли крапиво, зла-стрекучая,
Одолѣла ты, крапива, поле чистое,
Что ни конному, ни пѣшему пройтить нельзя,
Что ни мнѣ ли, Доброму Мо́лодцу, проѣхати!

Проходилъ тутъ—проѣзжалъ удалъ-добрый Мо́лодецъ,
Что во тѣ ли во снѣга-снѣга глубокіе,
Это въ тѣ ли во морозы въ Крещенскіе.
Загуляю я, Молоде́цъ, къ Королю въ гости.
Что Король то меня, Молодца, любилъ-жаловалъ,
Королевская дочка во любви жила.

Что у города были воро́ты крѣпко заперты,
Караульные вкругъ города всѣ крѣпко спятъ;
Не спала только Елена дочь Королевская:
Отпирала у города воро́течки,
Что брала Добраго Молодца за руки,

Повела Добраго Молодца въ новую горницу,
Посадила Добраго Молодца въ новую спаленку...

(Отъ солдата, записано въ Новгородѣ, 11 Сент. 1834 г.).

*

8.

(Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда, село Языково).

Передрогъ-перезябъ Добрый Молодецъ,
За стѣною стоючи бѣлокаменной,
Красну дѣвицу дожидаючи,
Что Прекрасную Елену, дочь Королевскую.
Что со сна-то пробуждалася красная дѣвица,
Что Прекрасная Елена, дочь Королевская,
Она брала со столику золотые ключи,
Она пошла къ широкiимъ воротамъ желѣзнымъ,
Отпирала ворота желѣзные,
Принимала Молодца за бѣлыя руки,
Вела его во высокъ терёмъ,
Вела да приказывала:
««Ты иди, мой миленькій, потихо́нечку,
««Говори, милъ-сердечный другъ, полего́нечку,
««Чтобы не слыхали наши солдаты
««И всѣ наши караульщики,
««Не пробуди со сна мою матушку!»»

Какъ со сна-то ея матушка просыпалася:
«Ты дитё ль мое, дитятко,
«Ты дитё ль мое, чадо милое,
«Ты Прекрасная Елена, дочь Королевская!
«Ты кого называешь милымъ,
«Ты кого величаешь: милъ-сердечный другъ?»
««Ахъ, государыня моя матушка!

««Не хорошь-то мнѣ сонъ видѣлся:
««Будто ты, моя матушка, перестáвилася,
««Надъ тобою горятъ свѣчи воску яраго,
««Надъ тобою поютъ всё попы, дьяконы:
««Я тебя называла милыимъ,
««Я тебя величала: милъ-сердечный другъ!»»

*

9.

Что гулялъ Молодецъ по Украины,
Загулялъ Молодецъ Королю въ Литву.
Онъ служилъ Королю вѣрой-правдою,
Онъ въ очью за очью неизмѣною.
Что Король Молодца любилъ-жаловалъ,
Королевна любила паче Короля:
Пили-ѣли съ Королевной съ одного блюда,
Цвѣтно платьице носили одные парчи.

Загулялъ Молодецъ во трактирной домъ,
Еще пьетъ Молодецъ зелено вино,
Запиваетъ Молодецъ пивомъ пьяныимъ,
Заѣдаетъ Молодецъ бѣлымъ сахаремъ,
Во хмѣлю онъ, Доброй Молодецъ, похваляется:
—Я живу съ Королевной, красной дѣвицой,
—Пили-ѣли съ Королевной съ одного блюда,
—Цвѣтное платьице носили одные парчи!—

Еще лихи на Молодца дѣвичьи братья,
Они скоро доносили самому Королю.
Что Король на Добра Молодца прогнѣвался,
Посадилъ Добра Молодца во темницу,
Еще призвалъ два плотничныхъ мастера:
«Вы подите во далече-чисто поле,
«Вы поставьте два столбичка дубовые,
«Перекладинку кладите вы кленовую,

«Вы вяжите двѣ петелки шелковыя,
«Вы ведите Добраго Молодца во чисто поле!»

Добрый Молодецъ во петелки качается:
Королевна скорой смертію кончается.

(Изъ рукописнаго сборника пѣсень, П. В. Кир.).

*

10.

Гулялъ Молодецъ по Украинѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Загулялъ Молодецъ къ Королю въ Литву.

Король Молодца любилъ-жаловалъ,
Королевна не могла наглядѣтися
На его красоту молодецкую.
Какъ сталъ Молодецъ упиватися,
Буйными словесами похвалятися:
—Ужь попито, братцы, поѣдено,
—Въ краснѣ въ хорошѣ похожено,
—Съ одного плеча платья поношено,
—Королевну за ручку повожено,
—Съ Королевной на перинушкѣ полежено!—

Ужь какъ злы-лихи на Молодца своя братья,
Доносили на Молодца самому Королю:
««Ты гой еси, нашь батюшко, грозной Король!
««Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь:
««Живетъ Королевна съ Добрымъ Молодцемъ *).»»
Король на Молодца вдругъ прогнѣвался,
Закричалъ-завопилъ громкимъ голосомъ:

*) Чулковскій пѣсенникъ: „молодцомъ.“—*О.*

«Какъ есть ли у меня слуги вѣрные?
«Вы возмите удалова-добра Молодца,
«Посадите его въ темну темницу,
«А сами подите во чисто поле,
«Вы ройте двѣ ямы глубокія
«И вы ставьте два столбичка высокіе,
«Перекладинку положите кленовую,
«Вы петельку повѣсьте шелковую,
«Поведите удалова-добра Молодца,
«Не водите вы его вдоль по улицѣ,
«Поведите вы его позади дворца,
«Не увидѣла бы Королевишна!»

На перву ступень ступилъ Молодецъ:
—Прости, прости, мой отецъ и мать!—
На другу ступень ступилъ Молодецъ:
—Прости, прости, весь родъ-племя!—
На третью ступень ступилъ Молодецъ:
—Прости, мой свѣтъ Королевишна!—
Далеко Королевна голосъ слышала,
Бѣжала во свой во высокъ теремъ,
Брала она свои золоты ключи,
Отпирала [шкатулу] серебрену,
Вынимала два ножичка булатные,
Порола свои груди бѣлыя.

Молодецъ въ чистомъ полѣ качается:
Королевишна на ноженькахъ *) кончается.

Пришолъ къ ней скоро родной батюшка,
Не успѣлъ Король лише возрити **),
Увидѣлъ убиту Королевишну.
И онъ билъ свои руки о дубовой столъ:

*) На ножичкахъ.—Такъ въ „Новѣйшемъ избранномъ пѣсенникѣ.“— У Сахорова: „на ножечкахъ.“—*О.*

**) Чулк.: „взозрити.—*О.*

«Ахъ, свѣтъ ты моя дочь любезная!
«Для чего мнѣ заранѣе не повѣдала,
«Что жила во любви съ Добрымъ Молодцемъ?
«Ужь я бы Доброва Молодца пожаловалъ,
«Отъ смерти бъ Добра Молодца помиловалъ!»
Закричалъ-завопилъ громкимъ голосомъ:
«Ужь есть ли у меня слуги вѣрные?
«Пошлите ко мнѣ двухъ грозныхъ палачей,
«Рубили бы головы доносчикамъ,
«Кто доносилъ на Королевишну *)!»

(Новиковскій пѣсенникъ, 1780 г., ч. III, № 58, стр. 60—62; то же у Чулкова, ч. III, № 58, стр. 77—79, и въ «Новѣйшемъ избранномъ пѣсенникѣ,» безъ года, стр. 311 № 376, ч. III; изъ обоихъ приведены разнорѣчія).

*

11.

(Сарат. губ.).

Я любилъ-то, любилъ дочь Королевскую,
Я не годъ ее любилъ и не два года,
Я любилъ ее ровнехонько девять лѣтъ.

На десятомъ году самъ Король довѣдался,
Приказалъ онъ своимъ слугамъ вѣрнымъ сдѣлать релъюшки:
«Вы слуги ли мои, слуги вѣрные!
«Сдѣлайте, слуги вѣрные, рельи высокія,
«На рельюшки надѣньте петельки шелковыя,
«Вы повѣсьте-ка моего слугу вѣрнаго Ванюшку!»

*) Въ „Новѣйшемъ избран. пѣсенникѣ:“

«Тѣмъ, которы доносили мнѣ на дочь мою.» — *О.*

Въ перву петельку повѣсили,—петелька оборвалася;
Въ другу петельку повѣсили,—и эта оборвалася;
Въ третьей петлѣ удушился Ванюшка.

Узнавала его родимая матушка:
Она плакала—какъ рѣка лилась,
Слезы катятся—какъ ручьи текутъ,
Возрыдалася—что погоды бьютъ.

(Записано гг. Костомаровымъ и Мордовцевой, ср. «Лѣтоп. Р. литер. и др.,» т. IV).

* *

Князь Румянцовъ.

VII.

1.

(Симбирск. губ.).

У Князя Румянцова былъ слуга вѣрный, нелицемѣрный:
Поѣхалъ Князь Румянцовъ въ свою [девизію],
Безъ него слуга вѣрный жилъ со Княгинею.

Пріѣхалъ Князь Румянцовъ,
Узналъ про сво̀во слугу вѣрнова,
Что онъ живетъ со Княгинею;
Призвалъ Князь Румянцовъ сво̀во слугу вѣрнова,
Ужь и сталъ Князь Румянцовъ его спрашивать:
«Со котораго числа-времяни живешь со Княгинею?»
—Я живу съ твоей Княгиней съ января перваго.—
Ударилъ Князь слугу вѣрнаго,
По бѣлому лицу, по румяной щекѣ,
И велѣлъ его весть въ присутствіе.

Сталъ губернаторъ его спрашивать:
««За што тебя Князь Румянцовъ
««Отдаетъ въ солдаты?»»
—За то меня Князь отдаетъ въ солдаты,
—Что я жилъ съ его Княгинею.—

* *

Камеръ-лакей.

VIII.

1.

(Оттуда же.).

Время проходитъ, время летитъ,
Время проводитъ, ничто не льститъ.

Любила Княгиня Камеръ-лакея *),
Любила она четыре года;
На пятыемъ году Князь догадался,
На Княгиню прогнѣвился:
«Слуги мои, слуги вы вѣрныя, нелицемѣрные!
«Вы поймайте Камеръ-лакея,
«Вы поймайте молодова,
«Руки вы ноги свяжите,
«И вы бросьте въ тоё рѣку,
«Въ тоё рѣку во Смородинку!»

Княгиня догадалась,
Молодая стосковалась;
Разболѣла, захотѣла свѣжей рыбы,
Свѣжей рыбы, бѣлужины:
««Слуги мои вѣрные,
««Слуги мои нелицемѣрные!

*) И ниже, каждый стихъ повторяется дважды.—*О.*

««Возьмите вы шелковый неводъ,
««Поймайте мнѣ свѣжей рыбы,
««Свѣжей рыбы, бѣлужины!»»

Сколько ловили,—не изловили,
Только поймали бѣлое тѣло,
Бѣлое тѣло Камеръ-лакея,
Камеръ-лакея молодова.
««Не кладите вы на землицу,
««Вы положите на скамьицу,
««Вы несите во свѣтлицу,
««Отворьте–откройте двери, окошки!
««Подымитесь вы, буйные вѣтры,
««Вывѣйте изъ Князя душу,
««Вы вложите въ Камеръ–лакея,
««Вы вложите въ молодова!»»

Её вѣтры не послушались,
Изъ Князя душу не вывѣва́ли
И въ Камеръ-лакея не вдували,
Въ молодова не вдували.
««Охъ вы, мои рѣзвыя ноги,
««Знать–то вы ко мнѣ не находились!
««Охъ вы, мои бѣлыя руки,
««Знать-то вы меня не наобнимались!
««Охъ вы, мои очи ясныя,
««Знать-то вы на меня не наглядѣлись!
««Охъ вы, мои уста сахарныя,
««Знать-то меня не нацѣловались!
««Охъ вы, мои цвѣтныя платья,
««Знать-то мнѣ васъ не носити!
««Охъ вы, мои чёрныя платья,
««Знать-то мнѣ васъ надѣвати,
««Знать-то мнѣ цвѣтное платье скидавати,
««Надѣвать-то мнѣ платье чёрное!»»

*

2.

Любила Княгиня Камеръ–лакея,
Любила ровно четыре года.
Увѣдалъ Князь про Княгиню,
Что любитъ Камеръ–лакея:
«Есть ли у меня вѣрные слуги,
«Вѣрные слуги, камеръ-лакеи!
«Берите вы, слуги, тугіе луки,
«Стрѣляйте вы въ бѣлое тѣло,
«Въ бѣлое тѣло—въ Камеръ-лакея,
«Бросайте вы тѣло въ быструю рѣку!»

Увѣдала Княгиня *) про Камеръ-лакея:
««Есть ли у меня вѣрные слуги,
««Вѣрные слуги, камеръ-лакеи!
««Вязите **), вязите шелковы неводы,
««Бросайте вы неводъ въ быструю рѣку,
««Ловите, ловите бѣлое тѣло,
««Бѣлое тѣло Камеръ-лакея,
««Кладите вы тѣло въ золоту гробницу,
««Несите вы тѣло во свѣтлу свѣтлицу!
««Вздуньте вы, вздуньте, буйные вѣтры,
««Выньте вы, выньте душу изъ Князя,
««Душу изъ Князя, изъ моего мужа,
««Вложите вы душу въ бѣлое тѣло,
««Въ бѣлое тѣло въ Камеръ-лакея,
««Камеръ-лакея, моего милова!
««Кого я любила, того бъ оживила,
««Кого не любила, того бъ погубила!»»

(Новик. пѣсен., 1780, ч. III, № 168, стр. 168; то же у Чулкова, ч. III, № 168, стр. 216, 217).

* *
*

*) Подлинникъ: „Княгина."—*О.*

**) Вяжите.—*О.*

КНЯЗЬ ДАНИЛО.

1.

(Орловск. губ., Малоарх. уѣзда).

Князь Данило ходитъ,
По дорожинькѣ онъ бродитъ,
На красныхъ *) поглядываетъ,
На нихъ онъ посматриваетъ,
Сладки рѣчи говоритъ,
Фаты шелковы сулитъ:
«Ой вы, красныя дѣвицы,
«Ой вы, молодицы!
«Спойте вы мнѣ пѣсенку
«Про голову горемышненку,
«Про удалаго молодца
«Про Илью Муромца,
«Да про Егора Царевича **),
«Молодца Молодцевича,
«Какъ онъ съ Туркомъ воевалъ,
«Какъ Султана въ полонъ взялъ,
«Какъ его онъ засмолилъ,
«Всю Турещину изрубилъ.»
««Нѣтъ не станемъ
««Мы пѣть пѣсенку
««Про голову горемышненку,
««Про удалаго молодца

*) Дѣвушекъ.—*О*.
**) Егоръ—Святогоръ (см. вып. 4, объ Awикѣ) или Егорій храбрый.—*О*.

««Про Илью Муромца,
««Ни про Егора Царевича,
««Молодца Молодцевича.
««А споемъ мы тебѣ пѣсенку
««Про Данилу про каналью,
««Про разбойника-бусурмана,
««Про мерзавца-нехристіана.»»
Тутъ Данило взбѣленился
И велѣлъ онъ всѣхъ казнить,
Бѣлы головы рубить.

Тутъ народъ весь подымался
И стражей гонять пускался:
Разогнали всѣхъ стражей,
До Данилы добралися
И его колоть пустилися.

(Записано П. М. Перевлѣсскимъ).

* *
*

КНЯЗЬЯ БОРИСЪ И ГЛѢБЪ.

Смотри «Калѣки Перехожіе,» выпускъ 3.

*
* *

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

См. тамъ же.

*
* *

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

См. тамъ же.

*
* *

КНЯЗЬ МОСКОВСКІЙ СИМЕОНЪ ИВАНОВИЧЪ.

См. тамъ же.

*
* *

КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

См. тамъ же.

*
* *

КНЯЗЬЯ ѲЕДОРЪ, ДАВИДЪ И КОНСТАНТИНЪ ЯРОСЛАВСКІЕ.

См. тамъ же.

*
* *

КНЯЗЬЯ ТВЕРСКІЕ.

1.

(Кирша Даниловъ).

А и дѣялося въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой:
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ,
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичь,
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По Татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичь,
Городами стольными:
Василья на Плесу *),
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ.

Одного не пожаловалъ—
Любимаго шурина

*) Въ Плесковѣ, Псковѣ.—*О.*

Щелкана Дюдентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ:
Его дома не случилося,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія;
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты,
Съ князей бралъ по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани-выходы,
Царскія невыплаты,
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ—цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота:
Она тѣмъ узда дорога,—
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять,
И друга дарить,
Щелкана Дудентьевича *).

*) *Щелкану Дудентьевичу*—нельзя той уздою и друга дарить?—*О*.

Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичь:
«Гой еси, царь Азвякъ,
«Азвякъ Тавруловичь!
«Пожаловалъ ты молодцовъ,
«Любимыхъ шуриновъ,
«Двухъ удалыхъ Борисовичевъ,
«Василья на Плесу,
«Гордѣя къ Вологдѣ,
«Ахрамея къ Костромѣ:
«Пожалуй ты, царь Азвякъ,
«Пожалуй ты меня
«Тверью старою,
«Тверью богатою,
«Двумя братцами родимыми,
«Дву удалыми Борисовичи.»
Проговоритъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичь:
—Гой еси, шуринъ мой,
—Щелканъ Дудентьевичь!
—Заколи-тко ты сына своего,
—Сына любимаго,
—Крови ты чашу нацѣди,
—Выпей ты крови тоя,
—Крови горячія:
—И тогда я тебя пожалую
—Тверью старою,
—Тверью богатою,
—Двумя братцами родимыми,
—Дву удалыми Борисовичи.—
Втапоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія:
А втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ

Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двy удалыми Борисовичи.

И втѣпоры, младъ Щелканъ,
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь-ту старую,
Въ Тверь-ту богатую.
А не много онъ судьею сидѣлъ:
И вдовы-то безчестити *),
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.

Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ.
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, съ честными подарками **),
И понесли они честные подарки,
Злата-серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли ***) его въ домѣ у себя,
Щелкана Дудентьевича:
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.

*) Только и дѣло его было, что вдовъ безчестить, и проч.—*О.*

**) Стихи должны быть:

От народа они съ поклономъ пошли,
Съ поклономъ пошли, съ честными подарками.—*О.*

***) Нашли, застали.—*О.*

Втапоры, младъ Щелканъ,
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили:
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ ево разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося *).

Конецъ пѣсень 5-го выпуска.

*) Не сыскалася (смерть)?—*О.*

ПРИЛОЖЕНІЯ
КЪ 5-МУ ВЫПУСКУ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

I.

СКАЗКИ

про Василья Буслаева.

1.

(Пермской губерніи).

Жилъ-былъ Буславъ девяносто годовъ; живучи Буславъ, переставился; остается его молода жена Ванильоа Тимоѳеевна, остается у нее младъ сынъ Василій Буславичь. И сталъ этотъ сынъ Василій Буславичь съ маленькими ребятками поигрывати: у кого руку оторветъ, у кого голову расколетъ. Отдала Ванильоа Тимоѳеевна своего сына любимаго Старику Угрумищу *) учить—во листы писать: а выучился Василій Буславичь не во листы писать, а выучился соколомъ летать.

Однажды у Старика Угрумища сдѣлался пиръ и бесѣда: онъ не позвалъ на него своего любимца Василья Буславича; пришелъ самъ Василій Буславичь на пиръ на бесѣду; изъ передняго угла гостей повыхваталъ, со скамеечки повыдергалъ, проводилъ на новы сѣни съ чернымъ **) вязомъ. Старша ***) Угрумища осерчалъ на него, на своего любимца, и сказалъ ему:—Ты не сѣкчи, молодой сѣктунъ! Тебѣ не выпить изъ Оби воды, не выбить изъ граду людей; выпьешь изъ Оби воду, выбьешь изъ граду людей,—вотъ тебѣ пять сотъ рублей.—

*) Пилигримищу.—*О.*
**) Черленымъ, червленымъ.—*О.*
***) Старичишша, старичище.—*О.*

II

Пришелъ Василій Буславичь домой къ своей матери и говоритъ: «Ахъ, матушка родимая! Я въ молодыхъ лѣтахъ расхвастался, съ Старшомъ Угрумищей разсорился.» Мать взяла его—пьянаго напоила и въ темную темницу заложила. Вотъ народъ собрался съ нимъ воевать, а онъ спитъ да спитъ, ничего не знаетъ. Женщина по воду ходила и ему въ окошко закричала: ««Что, говоритъ, Василій Буславичь, спишь, ничего не знаешь? Я, говоритъ, по воду ходила,—сколько людей коромысломъ прибила!»» Василій Буславичь, услыхавъ эти слова, вышибъ каменную стѣну и пошелъ силу бить,—народъ *).

Старша Угрумища ему и взмолился: — Гой ли ты еси, Василій Буславичь! Уходи, говоритъ, свое сердце ретивое, утоли плеча богатырскія: я тебѣ пять сотъ сулилъ, а теперь отдамъ всю тысячу!— Вотъ Василій Буславичь смиловался и пошелъ къ своей матери: «Ахъ, говоритъ, матушка родимая! Я сегодня много крови пролилъ, много народу погубилъ!» Вотъ мать на него осерчала, сдѣлала ему корабь, набрала людей и отправила по морю: сказала ему, чтобъ ѣхалъ куда хочетъ, и рукой въ слѣдъ махнула.

Василій Буславичь приплылъ на зеленыя луга: лежитъ тутъ Морская Пучина *), вокругомъ глаза. Онъ вокругъ ее похаживаетъ, сапожкомъ ее попинываетъ, а она ему и говоритъ:—Не пинай меня: и самъ тутъ будешъ! — Вотъ послѣ этого рабочіе его расшутились межь собой и стали скакать чрезъ Морскую Пучину: всѣ перескакали; онъ скокнулъ напослѣдѣ, и задѣлъ только ее пальцемъ, да тутъ и померъ.

(Записано г. Огаревымъ, доставлено В. И. Ламанскимъ).

*) См. „Замѣтку“ къ 4-му выпуску, стр. IV, и ниже.—*О.*

III

2 *).

Жилъ Богуслай девяносто лѣтъ; живучи Богуслай переставился. Оставалось у него малое дѣтище Василей Богуслаевичь. Когда онъ достигнетъ пятнадцати лѣтъ, выходитъ онъ на улицу на Рогатицу, играетъ онъ не съ малыми ребятами, съ усатыми и бородатами: котораго изъ нихъ схватитъ за руку, у того рука прочь; а кого за голову, головы нѣтъ.

Отъ такихъ его наглыхъ шутокъ чернь взволновалася. Собираются посадники Новогородскіе, думаютъ крѣпку думушку; они приходятъ къ его родимой матери и говорятъ громкимъ голосомъ: ««Ты гой еси, честная жена Амелѳа Тимоѳеевна! Уйми ты свое мило чадо Василья Богуслаевича, чтобъ онъ не ходилъ на улицу на Рогатицу и не игралъ бы по своему: уже нашъ Великой градъ отъ его шутокъ людьми порѣже сталъ.»» Отъ такихъ рѣчей честная жена Амелѳа Тимоѳеевна прикручинилась, обѣщаетъ имъ управу дать, отпускаетъ она посадниковъ съ почестью и призываетъ къ себѣ свое чадо Василья Богуслаевича. Призвавъ его, говоритъ такія рѣчи: —Охъ ты мое чадо милое! Перестань ты ходить на улицу на Рогатицу, полно тебѣ играть съ мужиками Новогородскими! Вижу я въ тебѣ силу богатырскую; но ты еще дитя младое; твои шутки неудалыя: кого ты схватишь за руку, отрываешь изъ могучихъ плечь; а возмешь за буйну голову, остается она въ твоихъ рукахъ. Скорбятъ на тебя посадники и мужики Новогородскіе. Когда они на насъ подымутся, на кого намъ понадѣяться? Въ сиротствѣ мы съ тобой осталися. Хотя твоя сила велика, но стать ли тебѣ на тысячу? А побіешь ты и тысячу, за тысячью ихъ и смѣты нѣтъ. Послушай слова добраго: перестань ходить ты на улицу!—

Сіе выслушавъ Василей Богуслаевичь поклоняется своей матушкѣ, честной женѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ до сырой земли; поклонивши-

*) О достоинствѣ этой сказки, не смотря на ея поддѣлки, см. въ „Замѣткѣ.“ Языкъ изъ народнаго во многомъ переиначенъ на книжный ладъ.—*О.*

ся онъ отвѣтъ держитъ: «Государыня ты моя матушка! Не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новогородскіе; а боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе. Не пойду я уже на улицу: но чѣмъ же мнѣ позабавиться, съ кѣмъ отвѣдати могуча плеча? Не сидѣть ты меня породила, не даромъ мнѣ моя звѣзда щастливая дала силу богатырскую. Какъ придетъ моя пора, укрочу я всѣхъ посадниковъ, мнѣ поклонится земля Старо-Славенская и княжество Руское. А теперь я во твоей волѣ; но прикажи ты мнѣ потѣшиться: благослови выбрать товарищей, съ кѣмъ бы было мнѣ слово молвити, съ кѣмъ отвѣдати мнѣ своей руки. Ты вели мнѣ дать зелена вина и наварить пива пьянова: я дамъ почесть всему граду и найду чрезъ то товарищей, чтобъ были они на мою руку.»

Получа позволеніе отъ своей матушки, Василей Богуслаевичь выставляетъ у своего двора бѣла-каменна, у своихъ широкихъ воротъ, чаны дубовые, наливаетъ въ нихъ зелена вина и пива пьянаго по края полны; онъ пускаетъ въ нихъ золоты чары, съ тѣми камнями самоцвѣтными, въ каждой чарѣ вѣсу тридцать пудъ. Посылаетъ онъ бирючей по всѣмъ улицамъ и велитъ имъ кличь кликати: ««Кто хочетъ пожить весело, кто хочетъ въ краснѣ въ хорошѣ походить, тотъ бы шелъ къ Василью Богуслаевичу на широкой дворъ не обсылаючи, но спросясь только съ своей силою, понадѣявшись на буйну голову!»» Бирючи ходятъ день до вечера, они кличутъ громкимъ голосомъ: никто имъ не вызывается. Самъ Василей Богуслаевичь смотритъ съ высока терема въ окно косящетое: чаны стоятъ непочаты, никто къ нимъ не появляется.

Тогда жилъ-былъ нѣкто Ѳома Толстой сынъ Ременниковъ. Онъ идетъ къ широкому двору не обсылаючи, подходитъ къ чанамъ не спрашиваючи; онъ беретъ золоту чашу: одной рукой поднимаетъ, однимъ духомъ выпиваетъ. Увидѣвъ то Василій Богуслаевичь, бѣжитъ съ высока терема, не одѣвшися, безъ чебатовъ, за собою онъ тащитъ стемляный вязъ, и этотъ вязъ свинцомъ налитъ Сарочинскимъ; онъ бьетъ вязомъ Ѳому по уху по правому: на Ѳомѣ головушка не тряхнется, черны кудри не ворохнутся. Богатырь тому удивляется, а ретиво сердце играетъ въ немъ отъ радости. Обнимаетъ онъ Ѳому въ бѣлыхъ рукахъ и ведетъ его въ свои теремы

златоверхіе. Приведши его въ свой высокъ теремъ, цѣлуетъ во уста, и тутъ кладутъ они между собою слово крѣпкое–богатырское, чтобъ быти имъ братьями, не щадить другъ за друга буйныхъ головъ, чтобы пити имъ изъ одной чары и ѣсти имъ съ одного блюда, носити платье цвѣтное съ одного плеча. Потомъ сажаетъ его за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣствы сахарныя: пили–ѣли, прохлажалися, межь собой забавлялися.

Между тѣмъ Василью Богуслаевичу лежитъ на сердцѣ дума крѣпкая: онъ поглядываетъ въ окно косящетое и ждетъ, не придетъ ли кто къ дубовымъ чанамъ не спрошаючи. Появляется тутъ вдоль по улицѣ Новогородецъ Потанюшка: онъ малъ собою, невеличекъ и на одну ногу прихрамываетъ. Приходитъ онъ къ дубовымъ чанамъ, онъ бросаетъ вонъ золоты чары, подымаетъ чанъ зелена вина одной рукой, выпиваетъ его однимъ духомъ до суха, онъ выпивши разбиваетъ чанъ о сыру землю, и того чана не осталось ни щепочки. Увидѣвъ то Василей Богуслаевичь, вспрыгнулъ онъ изъ окна отъ радости, закричалъ громкимъ голосомъ: «Охъ братецъ мой, Ѳома Толстой сынъ Ременниковъ! Пойдемъ встрѣтить молодца удалова: вонъ пришелъ къ намъ третій братъ!» Они схватываютъ палицы булатныя, во которыхъ вѣсу по пятидесятъ пудъ, бѣгутъ съ высока терема въ широки вороты, прибѣгаютъ они ко Потанюшкѣ, они бьютъ его въ буйну голову: палицы въ части разлетаются, а на Потанюшки головушка не тряхнется. Тогда взяли богатыри Потанюшку подъ бѣлы руки, повели его на широкой дворъ, на крыльцо красное, во теремы златоверхіе. Тамъ они поцѣловалися и дали другъ другу клятву крѣпкую, чтобъ быти имъ всѣмъ братьями и быти ихъ душамъ за единую.

Скоро прошелъ слухъ по всему граду, что Василей Богуслаевичь выбралъ богатырей сильныхъ, изъ всей земли Старо-Славенскія, что живутъ они съ нимъ безъ выходу, что пьютъ-ѣдятъ съ одново стола, цвѣтно платье *) съ одново плеча. Отъ молвы сей посадники взволновалися, собираются они во теремы тайницкіе, начинаютъ большой совѣтъ и думу крѣпкую. Когда всѣ посадники по скамьямъ

*) Носятъ.—*О.*

усѣлись, встаетъ тутъ чуденъ старъ–матёръ человѣкъ, выходитъ онъ на средину горницы, на всѣ четыре стороны поклоняется, онъ поглаживаетъ свою сѣдую бороду, трожды ударяетъ о полъ посохомъ, и начинаетъ слово мудрое: ««Вы гой еси, мужи Славенскіе и всѣ посадники Новогородскіе! Не стало князя въ нашей области: Богуслай оставилъ намъ мало дѣтище; мы правимъ всею землей Рускою. Уповаемъ мы на это дѣтище княженецкое: мы ждемъ въ немъ обороны крѣпкія и управы добрыя, ждемъ лишь въ немъ ума зрѣлаго, чтобъ поставить его во главу себѣ. Но сіе дѣтище неудалое, пропадаетъ отъ нево земля Славенская, опустѣетъ княжество Руское: Василей Богуслаевичь дошелъ едваль лѣтъ пятинадесять, а ужь замыслы его не робяцкіе и забавы его не обычныя. Прежде онъ своими шутками осиротилъ людей—смѣты нѣтъ: а теперь прибираетъ къ себѣ богатырей изъ всея земли Рускія. Въ чемъ будетъ его такова дума? Онъ хочетъ насъ прибрать во свои руки и владѣть нами своей волею. Пропадетъ наша вся слава добрая! Насмѣется намъ бѣлой свѣтъ, что мы, мудрые посадники, покорилися малому дѣтищу! Оле намъ стыда сего! О вы, посадники могучіе! Соберите вы свое единодушіе, призовите вы свой крѣпкой умъ! Не дѣтищу нами ругатися, подсѣчемъ мы зло въ его корени, поколь оно не утолщено! Мы сдѣлаемъ пиръ на цѣлой міръ: призовемъ мы на оной Василья Богуслаевича и учнемъ выпытывать; поднесемъ мы ему братину вина заморскаго; буде не станетъ пить, инъ онъ зло мыслитъ; буде выпьетъ, во хмѣлю онъ промолвится, и что̀ есть на сердцѣ, онъ все выскажетъ. Коль примѣтимъ мы, что не кормилецъ онъ земли Славенскія, мы сорвемъ ему голову съ могучихъ плечь. Насъ бѣлой свѣтъ не осудитъ въ томъ: не одинъ онъ роду княжецкаго на бѣлой Руси, мы промыслимъ себѣ князя по сердцу. Буде жь нѣтъ, проживемъ мы, братцы, и своимъ умомъ!»»

Сію мудру рѣчь выслушавъ посадники, съ мѣстъ своихъ поднималися и до пояса они предъ Чудиномъ поклонялися. Всѣ сказали они однимъ голосомъ: ««Быть по твоему, какъ придумала твоя голова умная!»»

На зарѣ потомъ на утренней, на восходѣ красна солнышка, въ тѣхъ теремахъ тайницкихъ становятъ столы дубовые, разстилаютъ скатерти браныя, готовятъ ѣствы сахарныя, привозятъ бадьи зелена

вина и пива сыченаго, бросаются по гостямъ торговымъ, покупаютъ вины заморскія, что ни пьяныя, и всѣ посадники собираются. Пріѣзжаютъ они въ Старо-Славенской дворецъ и приходятъ къ княгинѣ, честной женѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ съ честію: они просятъ ее въ Великой Новгородъ на почестный пиръ. Имъ (въ) отвѣтъ держитъ честна жена:—Не мое дѣло по пирамъ ходить; погуляла я и натѣшилась, когда живъ былъ мое солнышко, государь Богуслай, вашъ князь. Вы подите къ моему чаду милому Василью Богуслаевичу: можетъ, онъ почтитъ вашъ пиръ своею молодостью. — Чего ждали, то и сдѣлалось: идутъ мужики Новогородскіе къ своему княжичу, они просятъ его съ великою честію на свой пиръ въ Великой Новъгородъ. Василей Богуслаевичь идетъ къ своей матушкѣ спрошатися, благословляетъ ево княгиня къ нимъ на пиръ итить, благословляючи наказываетъ своему чаду милому:—Ты пей, мой другъ,—не пропей ума! Мужики Новогородскіе хитры-лихоратливы *), обойдутъ тебя словомъ лестливымъ; но ты, когда до похвалъ дойдетъ, не хвались ничѣмъ у нихъ, лѣта твои младыя, не груби ты ни въ чемъ посадникамъ. — Сіе выслушавъ Василей Богуславичь, поклоняется своей матушкѣ, что ево надоумила, и идетъ на пиръ во Новъ-городъ одинъ одинехонекъ; оставляетъ онъ въ дому своихъ побратенниковъ, Ѳому и Потанюшку.

Приходитъ онъ во Новъ-городъ. Посадники ево встрѣчаютъ на улицѣ, принимаютъ подъ бѣлы руки, ведутъ во палаты тайницкія. Тамъ сажаютъ его за столы дубовые въ переднемъ углу. Василей Богуславичь имъ за честь покланяется и не хочетъ сѣсть во переднемъ углу. Посадники его нудятъ добрымъ словомъ: «Садись ты тамъ, чадо княжее: тамъ сиживалъ твой батюшко, Богуслай, нашь князь.»» За слово сіе доброе княжичь ихъ послушался: садится онъ въ переднемъ углу. Ему подносятъ стопу вина заморскова, онъ пьетъ и ѣстъ—проклажается, онъ въ полсыта наѣдается и въ полпьяна напивается, онъ сидитъ какъ красная дѣвушка, ни молвитъ онъ ни одного слова. Уже посадники на веселѣ, начинаютъ они похвальбу держать. Иной хвалится добрымъ конемъ, иной хвалится молодой женой, иной силою и богатствомъ, иной храбростью и мудростію: одинъ

*) Лихорадливы.—О.

лишь Василей Богуславевичь ни чѣмъ не похваляется. Тутъ встаютъ съ скамьи первые посадники, Чудинъ да Сатко Богатой Гость, они громкимъ вопятъ голосомъ: ««Ты гой еси, нашь батюшка, Василей Богуславевичь! Что ты такъ пріунывъ сидишь? Что ни чѣмъ ты не похвалишься?»» Имъ отвѣтъ держалъ младой княжичь: «Охъ вы люди почетные, посадники Новогородскіе! Чѣмъ предъ вами мнѣ похвалитися? Я послѣ государя моево батюшки сиротою остался малешенекъ, государыня моя матушка во вдовствѣ живетъ. Хотя есть у меня золота казна, имѣнье и богатество: то не я собралъ, а мой батюшко. Когда буду я въ порѣ-времяни, тогда буду я похвалятися.»

Таковымъ рѣчамъ посадники удивилися, начали между собою перешептывать. Наливаютъ они братину зелена вина, начинаютъ пить приговаривая: ««Кто другъ Великому Нову-граду и всей земли Славенскія, тотъ пей братину до суха!»» Подаютъ они братину Василью Богуславевичу. Уже нельзя ему было отговоритися: онъ ее въ бѣлы руки принимаетъ и до суха выпиваетъ; и сталъ онъ отъ того на веселѣ. Тогда посадники опять начинаютъ похвалятися и опять приставать къ своему княжичу, для чего онъ ни чѣмъ не похвалится. Тогда заиграла въ немъ хмѣлинушка, закипѣла въ немъ кровь молодецкая, взговорилъ онъ имъ таковы рѣчи: «Ой еси вы, посадники Новгородскіе! Се похвала Василья Богуславевича: что сидѣть ему надъ землей Славенскою и княжить надъ Рускою; быть Нову-граду всему за нимъ; онъ будетъ брать пошлины датошныя со всея земли, съ лову заячья и гоголинаго; всѣ посадники предъ нимъ поклонятся, онъ принудитъ всѣхъ своею рукою богатырскою!» Выслушавъ таковы слова, всѣ посадники взволновалися и кричали вопреки ему: ««Не бывать за тобой Нову-граду, не сидѣть тебѣ надъ землею Славенскою и не княжить надъ Рускою! Не доживъ поры ты похваляешься: не стерпѣть того намъ посадникамъ! Младъ еще, незрѣлъ твой умъ, намъ нечево отъ тебя дожидатися: на утро ты иди изъ земли нашей; не пойдешь, инъ погонимъ тебя не съ честію, потеряешь ты буйну голову!»» Имъ (въ) отвѣтъ держалъ Василей Богуславевичь: «Не боюсь я васъ, посадниковъ: собирайте вы всю силу Новогородскую, я иду съ ней перевѣдаться; не изгнать вамъ меня изъ земли Славенскія; таки быть за мной всему Нову-граду, а вамъ, посадникамъ, у ногъ моихъ!» Сказавъ сіе, встаетъ онъ изъ за стола дубоваго, отдаетъ поклонъ всѣмъ посадникамъ и идетъ къ своей матушкѣ. По-

садники изумилися, даютъ ему широкой путь. Пропустя его, думу думаютъ, похвальбѣ его насмѣхаются, посылаютъ они собрати всю силу Новогородскую на улицу на Рогатицу, чтобъ убити имъ своего княжича, разметати его косточки по чисту полю. Они мнятъ: ««Гдѣ ратовать съ нами малу дѣтищу!»»

Ужь на вѣчѣ бьютъ въ большой колоколъ, волнуется вся страна Старо-Славенская, собирается рать сильная на одного младаго княжича. Въ то время дошла вѣсть къ честной женѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ, что похвалился ея мило чадо Василей Богуславичь словами неудалыми, чтобъ биться ему со всею силою Новогородскою. Отъ того честна жена прикручинилась; она идетъ со крыльца краснаго къ своему сыну во высокъ теремъ, она укоряетъ его за незрѣлой умъ, что нагрубилъ онъ всѣмъ посадникамъ: — Гдѣ тебѣ, вѣщаетъ она, биться одному противу силы Новогородскія? Погубилъ ты меня въ старости!—Сказавъ сіе, схватываетъ его въ беремечко и мчитъ въ погреба бѣлы-каменныя, задвигаетъ двери засовами желѣзными, засыпаетъ ихъ песками сыпучими, оставляетъ его тутъ хмѣль выспати; а сама идетъ въ свою казнохранильницу, беретъ она золото блюдо, насыпаетъ на него каменья самоцвѣтнаго и ѣдетъ въ Великой Новгородъ ко посадникамъ. Она кланяется имъ до пояса, поставляетъ золото блюдо на дубовой столъ, говоритъ имъ рѣчи умильныя, чтобъ простили они ея мило чадо Василья Богуславича за слова, что̀ онъ во хмѣлю сказалъ, что нельзя ему стоять противу силы Новогородскія, ибо лѣты его младыя, чтобъ, попомня они Богуслая, своего князя, пощадили его дѣтище.

Отъ сего посадники возгордилися, говорятъ они своей княгинѣ невѣжливо: ««Поди ты вонъ, баба старая! Не пойдешь, инъ вышлемъ тебя съ нечестію. Намъ не надобно злата-серебра, ни каменья самоцвѣтнаго, дорога намъ похвальба Богуслайченкова, намъ надобна его буйна голова!»» За такое дурно честная жена припечалилась, залилась она горючьми слезы, возвратилась во свой дворецъ бѣлой-каменной, велѣла заперетъ широки ворота и засѣла въ кручинѣ великой.

На утрей день лишь просіялъ бѣлой день, не гуси и лебеди подымаются съ великаго Ирмера озера, идетъ то сила Новогородская

на улицу на Рогатицу; не вешняя вода тутъ облелѣила, окружили то посадники и мужики Новогородскіе широкой дворъ Василья Богуслаевича: выбиваютъ они широки ворота изъ пяты, валятся они на обширной дворъ.

Тутъ съ ними встрѣтилась дѣвчоночка, чернешенька - малешенька: она шла изъ избы приспѣшныя въ рѣку Волховъ по воду, на плечѣ у ней коромыслицо, не тяжело и не легкое,—всего вѣсу въ немъ триста пудъ. Увидѣвши то невѣжество, вскричала она къ мужикамъ и посадникамъ: — Охъ б . . . вы дѣти неудалые! Смѣть ли бы вамъ ходить на широкій дворъ не спрошаючи? Почиваетъ еще нашь батюшко Василей Богуславичь, а вы сюда гремѣть пришли! Погоню я васъ съ широкова двора! — Не дали ей докончить словъ, принялись ее колотить въ дубины вязовыя. За ту шутку дѣвчонка осердилася, бросаетъ она ведры дубовыя, беретъ въ руки свое коромыслицо, гонитъ она ихъ съ широка двора на улицу на Рогатицу. Гдѣ лишь разъ махнетъ, тамо улица, а въ другой хватитъ,—съ переулочками. Побивала дѣвчонка тысячу, добивалася она до трехъ полковъ. Уже руки ея примахалися, коромыслицо изломалося: бѣжитъ она на широкой дворъ во теремы высокіе. Прибѣжавъ туда, кричитъ громкимъ голосомъ:—Вы гой еси, богатыри могучіе! Что вы спите-почиваете? На вашего брата названаго нападаетъ вся сила Новогородская, уже выломали ворота на широкой дворъ, приступаютъ къ погребамъ бѣлымъ-каменнымъ, гдѣ почиваетъ Василей Богуслаевичь.—Ей въ отвѣтъ сказали Ѳома Толстой сынъ Ременниковъ со Потанюшкой: ««Не сила то Новогородская нападаетъ на нашего брата названаго: налетѣли то комары изъ болотъ Каростанскихъ; пусть пробудятъ они его жужжаніемъ, а не честь будетъ богатырская намъ боронить богатыря отъ болотныхъ мухъ. Онъ прогонитъ ихъ однимъ замахомъ.»» Сіе молвивши, завернули они буйны головы во подушки пуховыя.

Между тѣмъ Василей Богуслаевичь отъ крика - вопля народнаго пробужается: онъ вскакиваетъ на рѣзвы ноги и потряхается, отъ того въ погребахъ стѣны бѣлы-каменны распадаются, желѣзные засовы ломаются и желты пески разсыпаются; становится онъ середи двора. То увидѣвъ сила Новогородская, бросается на него тысячьми. У молодаго княжича нѣтъ оружія, ни збруи ратныя. За своимъ стемлянымъ вязомъ показалось ему далеко итти, ибо тѣ вязы были у

него въ высокомъ теремѣ: онъ схватываетъ ось дубовую необдѣланную; ею гонитъ онъ силу на улицу Рогатицу; побиваетъ онъ людей тысячи. Не успѣютъ посадники подковъ наготовиться. Уже вся сила дрогнула, но онъ гонитъ ихъ на чисто поле, пригоняетъ ихъ къ быстрой рѣкѣ, не даетъ онъ имъ развернутися, не внимаетъ онъ ихъ покорности, молодецка кровь разогрѣлася, онъ хочетъ бить всѣхъ на голову.

Узрѣвши то посадники, пріуныли всѣ, буйны головы повѣсили; они бросаются во Новгородъ, насыпаютъ злата-серебра, каменья самоцвѣтнаго на златы блюды; идутъ они въ Старъ-Славенскъ дворецъ ко честной женѣ Амелоѳ Тимоѳеевнѣ. Они хочутъ на дворъ взойти, анъ широки вороты заперты. Они выходятъ на улицу противъ широка терема, противу оконъ косящетыхъ, преклоняютъ они буйны головы ко сырой землѣ и кричатъ громкимъ голосомъ: ««Охъ ты мать наша, честна жена Амелоа Тимоѳеевна! Прогнѣвали мы тебя, свою осударыню, и своего княжича, твоего мила чада Василья Богуслаевича: онъ побилъ ужь всю силу Новогородскую. Упроси ты его словомъ родительскимъ, чтобъ оставилъ онъ людей хотя на сѣмена!»» Но княгиня, то услышавши, не показала имъ своихъ ясныхъ очей, отослала ихъ съ нечестіемъ. Она лишь велѣла имъ возвѣстить: —Какъ вы дѣло затѣяли, такъ и оканчивайте; я баба старая, не возмусь за ваши дѣла ратныя.—

Посадники, услышавши свою опалу великую, видятъ бѣду неминучую, поспѣшаютъ они въ Новгородъ. Тамъ жилъ Старчище Многолѣтище: воевалъ онъ при прежнихъ князьяхъ, побивалъ онъ силы ратныя, раззорялъ грады крѣпкіе; но когда обуяли его лѣты древнія, не выходилъ онъ изъ теремовъ своихъ ровно тридцать лѣтъ. Къ нему припадаютъ посадники и молятъ его спасти свою отчизну, и унять младаго княжича. Долго Старчище не слушалъ ихъ, однако на кручину ихъ умиляется. Поднимается съ дубовой скамьи, идетъ онъ на сборной дворъ: тамъ снимаетъ онъ съ вѣча большой колоколъ, которой колоколъ шести сотъ пудъ; надѣваетъ оной на буйну свою голову вмѣсто шапочки. Оттолѣ шествуетъ во чисто поле, къ той быстрой рѣкѣ, гдѣ Василей Богуслаевичь остальную рать доколачивалъ. Онъ, подшедъ къ нему, закричалъ громкимъ голосомъ:—Ты гой еси, Богуслаевъ сынъ! Не за свои ты шутки принимаешься: перестань ша-

лить при старомъ мужѣ! — Отъ такихъ рѣчей молодой витязь прогнѣвляется, набѣгаетъ онъ на Старчища Многолѣтища, бьетъ рукою крѣпко во тяжелъ колоколъ. Красная мѣдь разсыпается, присядаетъ старой мужь къ сырой землѣ, онъ молитъ-проситъ пощады своей: — Охъ ты сильной-могучь богатырь! Не чаялъ я такой силы въ твоей младости! Я живу на свѣтѣ сто лѣтъ и двадесять, не видалъ я себѣ спорника и поборника: днесь пропала моя слава богатырская, побѣдилъ меня младой юноша. Не убивай ты меня до смерти: много я служилъ Славенской землѣ, ты дай мнѣ жизнь на вспокаянье. — Убивать его Василей Богуслаевичь не держалъ ни въ умѣ въ разумѣ, а хотѣлъ ему лишь острастку дать. Поднимаетъ онъ его отъ сырой земли, обнимаетъ его въ бѣлыхъ рукахъ и отпустилъ домой съ честію.

Въ ту пору, познавъ посадники свою бѣду неубѣжную и завидѣвъ гибель скорую, бросаются въ Новгородъ, во теремы тайницкіе, они пишутъ крѣпки записи, чтобъ быть Василью Богуслаевичу княземъ надъ всемъ Новымъ-градомъ, землей Славенскою и Рускою, брать пошлины, каки онъ хочетъ, и владѣть ему своею волею. Написавъ ту запись крѣпкую, идутъ они ко дворцу Василья Бугуслаевича, умоляютъ его названныхъ братьевъ, Ѳому Ременникова со Потанею, чтобы шли они упросить своего князя, перестать проливать кровь Славенскую, пощадити своихъ подданныхъ и оставити людей хотя на сѣмена.

На просьбу ихъ богатыри преклонилися, бросаютъ они вязы стемляные, кои держали на готовѣ въ рукахъ своихъ, буде бы ослабѣлъ въ рати братень ихъ. Они идутъ въ поле со посадники; не дошедъ къ мѣсту побоища, кладутъ на голову запись крѣпкую и кричатъ громкимъ голосомъ: ««Здравствуй, батюшко нашъ, Славенской князь, Василей Богуслаевичь! Перестань губить свою отчину: покорилась тебѣ земля Славенская и все княжество Руское! Поклонились къ ногамъ твоимъ всѣ посадники: вотъ ихъ запись крѣпкая, чтобъ владѣть тебѣ по своей волѣ надъ всѣмъ Великимъ Новымъ-градомъ со всѣми землями и областьми!»» Они, сказавъ сіе, со всѣми посадники у ногъ его повалилися.

Тутъ Василей Богуслаевичь укротилъ свой сильной гнѣвъ. Онъ простилъ и пожаловалъ всѣхъ, кто остался отъ побоища. Онъ вла-

дѣлъ надъ Новымъ-градомъ съ мудростью и милостью. Никто не смѣлъ на него поднятися, всѣ сосѣди дальніе присылали къ нему мирныхъ пословъ со дары многими. Вся Чудь платила ему дани со вѣрностью. Онъ не держалъ рати многія: его рать была въ его братеникахъ Ѳомѣ и Потанюшкѣ. Созывалъ онъ богатырей и витязей со всего свѣта бѣлаго, съ кѣмъ бы силы опровѣдати: но не выискалось ему спорника ни противоборника. Онъ княжилъ лѣты многія, проживалъ годы мирные. Не оставилъ онъ по себѣ роду-племени: лишь оставилъ онъ свой стемляной вязъ на память Великому Нову-граду.

(Русскія сказки Чулкова, часть IV).

*

3 *).

Во славномъ было въ Великомъ Новѣ-градѣ, а и жилъ тамъ Буслай девяносто лѣтъ, а и жилъ Буслай съ Новымъ городомъ во миру: съ мужиками Новгородскіими **) не перечился, со житыми посацкими поперегъ словечка не говаривалъ; жилъ Буслай и состарѣлся, состарѣлся и переставился. Послѣй его вѣку долгаго оставалось житье-бытье великое, все имѣнье посацкое, да оставалась матера вдова, матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна, да оставалось чадо милое, молодой сынъ Василій Буслаевичъ. И будетъ молодой Васька на возрастѣ, отдавала его родимая матушка, матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна, граматѣ да пѣнью церковному учить. Грамата и пѣнье Васькѣ въ науку не пошло ***). А и не было такого молодца супротивъ Васьки Буслаева.

А и стало Васькѣ пятнадцать лѣтъ, выходитъ Васька на улицу на Рогатицу, играть со малыми со ребятами. Повадился Васька на

*) Оцѣнку этой сказки см. въ „Замѣткѣ."—*О.*

**) Слишкомъ длинная для народнаго языка форма.—*О.*

***) Это уже конечно подправка: изъ пѣсень и народныхъ сказаній знаемъ противное.—*О.*

улицу на Рогатицу гулять, со удалыми молодцы до пьяну напиватися. А и ходитъ Васька съ ними по улицѣ, а и ходитъ—уродуетъ: котораго возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ; котораго возьметъ за голову, у того головы не бывало. Пошла по Нову-городу жалоба великая на Ваську Буслаева. Сошлись мужики Новогородскіе и думали думушку крѣпкую. А мужики-то Новогородскіе, все люди посацкіе, богатые, несутъ жалобу великую къ матерой вдовѣ Амелоѳѣ Тимоѳеевнѣ, а и говорятъ таковы рѣчи: ««Ты гой еси, честна вдова Амелоѳа Тимоѳеевна! Уйми ты свое чадо милое, Василія Буслаевича: ходитъ онъ на улицу на Рогатицу, водитъ дружбу со удалыми молодцы, со удалыми молодцы до пьяну напивается, надъ мужики Новогородскіими насмѣхается; котораго возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ; котораго возьметъ за ногу, ногу выдернетъ; котораго возьметъ за голову, головы не бывало. Соизволь, честна вдова Амелоѳа Тимоѳеевна, сказать свою заповѣдь великую Василью Буслаевичу: не ходить на улицу на Рогатицу, не играть по своему. Ужь нашь Великой Новгородъ отъ его шутокъ порѣже сталъ.»» И чинитъ отповѣдь честна вдова Амелоѳа Тимоѳеевна мужикамъ Новогородскіимъ, обѣщаетъ надъ Ваською дать управу. И чинитъ почесть честна вдова Амелоѳа Тимоѳеевна мужикамъ Новогородскіимъ. А и стала мать Ваську журить-бранить, журить-бранить, его на умъ учить: — Перестань, Васька, на улицу на Рогатицу ходить, не водись со удалыми молодцы, не пей вина до пьяна, не шути шутокъ до смертнова съ мужиками Новогородскіими. Не въ твои лѣта малыя шутить шутки богатырскія, вымать руки изъ могучихъ плечь, сонимать буйны головы со добрыхъ людей. Скорбятъ на тебя мужики Новогородскіе и весь міръ крещеный. Съ твоей ли силой стать на тысячу? Будетъ ты побьешь тысячу, а за тысячью ихъ смѣты нѣтъ. Заповѣдаю тебѣ моимъ словомъ великіимъ: не ходить на улицу на Рогатицу, не водить дружбу съ удалыми молодцы, не пить съ ними вина до пьяна, не шутить съ мужиками Новогородскіими шутки богатырскія.—Честной вдовѣ Амелоѳѣ Тимоѳеевнѣ, своей родной матушкѣ, Васька поклоняется до сырой земли, а въ отвѣтъ держитъ таковы рѣчи: «Осударыня моя матушка! Не боюсь страху посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новогородскіе, а боюсь твоей великой заповѣди, страшно мнѣ твое слово великое. Не пойду на улицу на Рогатицу, не сведу дружбы со удалыми молодцы, не стану шутить

шутки богатырскія. Не таланъ же мнѣ сидѣть дома, не таланъ же силу безъ пробы износить. Придетъ пора, укорочу я мужиковъ Новогородскіихъ: придутъ съ покорищемъ посадники. Прикажи своимъ словомъ, родимая, накурить зелена вина, наварить меду пьянова, потѣшить Новгородъ съ мужики Новогородскіими.»

Пошелъ Васька во высокъ теремъ, садился онъ, Васька, на ременчатый стулъ, писалъ ярлыки скорописчаты, а въ ярлыкахъ отъ мудрости слово поставлено: «Кто хочетъ пить да ѣсть готовое, вались къ Васькѣ на широкъ дворъ, пей, ѣшь до сыта, носи платье разноцвѣтное до вѣку. А шелъ бы на широкъ дворъ не обсылаючи, понадѣючись на буйну голову.» Несутъ бюрючи по улицамъ ярлыки скорописчаты, кличутъ кличь по улицамъ широкіимъ, по тѣмъ частымъ переулкамъ. Выставлялъ Васька у своихъ бѣлокаменныхъ палатъ, у своихъ широкіихъ воротъ, чаны дубовые, наливалъ въ нихъ зелена вина, меду пьянова съ краями полны, опускалъ въ чаны дубовые золоты чары во тридцать пудъ со камнями самоцвѣтными. Во славномъ было Новѣградѣ, шли люди граматные, читали ярлыки скорописчаты. Васька сидитъ во своемъ терему, смотритъ въ окошко косящатое: чаны стоятъ непочаты, а повольниковъ по улицамъ нѣтъ. Идутъ къ Васькѣ на широкой дворъ къ тому чану, къ зелену вину, къ меду пьяному, идетъ Ѳомка Ременниковъ къ широку двору, не обсылаючи: беретъ чару единой рукой, выпиваетъ чару единымъ духомъ. Какъ завидѣлъ то Васька, бѣжитъ съ высока терема не одѣваючись, за собой тащитъ червленой вязъ, вѣсомъ тотъ вязъ во двѣнадцать пудъ, а въ томъ червленомъ вязу въ половинѣ было налито свинца Сорочинскаго *), и тутъ Васька сталъ его Ѳомку опробовать, сталъ его бити червленымъ вязомъ по уху по правому: стоитъ Ѳомка—не шевельнется, на буйной головѣ кудри не тряхнутся. Загорается ретиво сердце у Васьки Буслаева, отъ дива руки опускаются. «Гой еси ты, Ѳомка Ременниковъ!» говоритъ Васька Буслаевъ: «а и будь ты мнѣ названой братъ, пуще брата родимаго!» Ведетъ его Васька во высокъ теремъ, и тутъ они кладутъ промежь себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ, пить изъ од-

*) Это, какъ и въ сказкѣ Чулкова, выдумка, вмѣсто народнаго—„Чебурацкаго.“—*О.*

ной чары, носить цвѣтно платье съ одного плеча.» И сажаетъ его Васька за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пьютъ-прохлаждаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго. Вертится у Васьки ретивое, думаетъ Васька думу крѣпкую, а самъ въ окошечко поглядываетъ: не придетъ ли кто къ дубовымъ чанамъ не спрошаючи? Идетъ-плыветъ по улицѣ удалъ-добрый молодецъ Потанюшка, малъ-малехонекъ, невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ, на головкѣ шапочку охорашиваетъ, на высокъ теремъ поглядываетъ. Приходитъ онъ, Потанюшка, къ дубовымъ чанамъ, бросаетъ золоту чару за вереюшку, подымаетъ чанъ съ зеленымъ виномъ единой рукой, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ до суха: только и видѣли зелено вино. А выпивши, разбиваетъ Потанюшка дубовой чанъ о сыру землю: и того чана дубоваго не осталося ни полщепочки. А Васька въ окошечко косящатое на удаль молодецкую посматриваетъ, горько *) поглядываетъ, а завидѣвши его обычья богатырскія, кричитъ громкимъ голосомъ: «Гой еси ты, братецъ мой, Ѳомка Ременниковъ! Пришелъ къ намъ удалъ-добрый молодецъ, нашь названой братъ. Бери ты палицу булатную во пятьдесятъ пудъ, бѣги со терема высокова въ широки ворота.» Бѣгутъ Васька съ Ѳомкою въ широки ворота, бьютъ Потанюшку въ его буйну голову: Потанюшка стоитъ—не шевельнется, палицы на щепочки разлетаются, а на Потанюшкѣ головушка не тряхнется. Берутъ Потанюшку подъ бѣлы руки, ведутъ его на широкъ дворъ, на крыльцо красное, во терема златоверхіе. А и тутъ они цѣловалися, и кладутъ промежь себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ, пить изъ одной чары, носить цвѣтно платье съ одного плеча.» И сажаютъ они братца названаго за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пьютъ-прохлажаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго. А и мало время позамѣшкавши, идутъ къ нимъ гости не спрошаючи, идутъ Дѣти Боярскіи, Лука да Матвей **). Васька молодцамъ сталъ радешенекъ и веселешенекъ. А и мало время позамѣшкавши, пришли мужики Залѣшане; единой сходкой входятъ они на широкъ

*) Зорко?—*О.*

**) Моисей.—*О.*

дворъ, единымъ словомъ говорятъ таковы рѣчи: ««А и не было такого удалаго-добра молодца супротивъ Васьки Буслаевича, а нынѣ воioneremѣ потѣшается, назваными братцами похваляется, а насъ Васька на встрѣчу не встрѣчаетъ, чановъ не поставляетъ.»» Тутъ Васька спохватился, что Потанюшка сокрушилъ чаны, что въ укоръ дался мужикамъ Залѣшанамъ. А и говоритъ Васька таковы слова: «Есть про васъ чаны дубовые съ зеленымъ виномъ, есть про васъ меды пьяные во подвалахъ. Коли добръ человѣкъ есть изъ васъ, иди сюда: пей-ѣшь, прохлажайся, со мной, Васькой, потѣшайся.» И вошли мужики Залѣшане къ Васькѣ во высокъ теремъ. Сходилися-собиралися къ Васькѣ добры молодцы со всѣхъ концовъ, опричь Посацкой. И было всѣхъ тридцать молодцовъ безъ единаго, а самъ Васька тридцатой сталъ

Скоро прослышали мужики посацкіе про Ваську Буслаева и про его названыхъ братцовъ, что живутъ они съ нимъ безъ выходу, пьютъ-ѣдятъ съ одного стола, носятъ цвѣтно платье съ одного плеча, грозятъ грозу всему Новугороду. Собирались мужики посацкіе въ терема тайницкіе, собиралися—по скамьямъ садилися. А и мало время позамѣшкавши, встаетъ тутъ чюденъ старецъ, матеръ человѣкъ. Мужики Новогородскіе пріосамились, отъ стараго до малаго всѣ били челомъ. А и сталъ чюденъ старецъ, матеръ человѣкъ посередь терема тайницкаго, на всѣ стороны онъ поклоняется, сѣду бороду поглаживаетъ, о посохъ вязовой спирается и говоритъ слово мудрое: «Вы гой еси, мужики посацкіе! Вѣдомо вамъ дѣтище неудалое, Василій Буслаевичь, вѣдомы вамъ его замыслы неребяцкіе, знаемы вамъ его забавы необычныя: собираетъ онъ названыхъ братцовъ, живетъ съ ними безъ выходу, пьетъ—ѣстъ съ одного стола, носитъ цвѣтно платье съ одного плеча, грозитъ грозу всему Новугороду. Прежь того шутилъ онъ шутки великія, сиротилъ людей—смѣты нѣтъ: а теперь задумалъ дѣло злое, прибираетъ насъ подъ свои руки крѣпкія, владѣетъ нами по своей волѣ. Не дѣтищу ругатися мужикамъ посацкіимъ: поживемъ мы, люди посацкіе, своимъ умомъ. Созовемъ пиръ на цѣлой міръ для Василія Буслаевича: будетъ онъ на пиру, ударимъ челомъ отъ всей поземщины, поднесемъ ему братину вина заморскаго; будетъ станетъ пить, во хмѣлю промолвится; будетъ пить не станетъ, инъ зло на насъ мыслитъ. Будетъ не кормилецъ намъ, сорвемъ ему голову съ могучіихъ плечь. Насъ бѣлой свѣтъ не охулитъ, ужь и онъ намъ

остуды не положитъ. Не одинъ онъ во Новѣгородѣ, промыслимъ добраго молодца по сердцу.» Кланялся чюденъ старецъ, матеръ человѣкъ на всѣ стороны. Поднималися мужики посацкіе съ мѣстъ своихъ, кланялись старцу до поясу и говорили всѣ во едину рѣчь: ««Быть по твоему, какъ придумала твоя голова умная!»» На зарѣ-то было на утренней, на всходѣ красна солнышка, подымалися мужики посацкіе, становили столы дубовые во тѣхъ теремахъ тайницкіихъ, разстилали скатерти браныя, ставили ѣства сахарныя, привозили бодьи съ зеленымъ виномъ да съ медомъ сыченымъ; приходили гости торговые съ винами заморскими, ни съ пьяными, ни съ похмѣльными *). Идутъ мужики посацкіе къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ съ честію, просятъ матеру вдову на честной пиръ и говорятъ таковы рѣчи: ««Гой еси ты, матера вдова, честна жена Амелѳа Тимоѳеевна! Иди къ намъ на честной пиръ.»» И кланялись мужики Новгородскіе до пояса. Возговоритъ имъ матера вдова, честна жена Амелѳа Тимоѳеевна: — Не мое дѣло по пирамъ ходить: было время свѣтлое, погуляла я и натѣшилась, какъ жилъ-былъ мое солнышко, осударь Буслай. Подите вы къ моему дѣтищу, Василью Буслаевичу: онъ почтитъ вашъ пиръ своею молодостью. — Идутъ мужики посацкіе къ Василью Буслаеву во высокъ теремъ, просятъ Ваську съ великою честію на великъ пиръ и говорятъ таковы рѣчи: ««Гой еси ты, Василій Буслаевичь! Иди къ намъ на честной пиръ.»» Выслушалъ рѣчи посольскія, идетъ Васька къ матерой вдовѣ, къ честной своей матери Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ, спрошать благословеніе на пиръ иттить къ мужикамъ посацкіимъ. Говоритъ ему честна вдова Амелѳа Тимоѳеевна: — Ты пей, мое дѣтище, не до пьяна: мужики посацкіе хитры-лихорадливы; не взвидишь ты, мое милое дѣтище, какъ обойдутъ тебя словомъ лестливымъ. Будетъ учнутъ хвалить тебя мужики посацкіе, не хвались, мое дѣтище: лѣта твои малыя. Будетъ учнутъ тебѣ поминать про шутки молодецкія, не чини отповѣдь грубую: лѣта твои малыя.—И даетъ ему благословеніе матера вдова, честна жена Амелѳа Тимоѳеевна, иттить на пиръ къ мужикамъ посацкіимъ. И чинилъ Васька отповѣдь

*) Это что̀ такое? См. „Замѣтку.“—*О.*

мужикамъ посацкiимъ, быть къ нимъ на честной пиръ одинъ на одинъ. Спровѣдали согласie мужики посацкie, собирались въ терема тайницкie.

Прослышалъ Васька про канунъ варенъ—пива ячныя у мужиковъ посацкiихъ, пошелъ въ терема тайницкie. Встрѣчаютъ Ваську въ теремахъ тайницкiихъ мужики посацкie, принимаютъ его подъ бѣлы руки, ведутъ въ палаты посольскiя, сажаютъ за столы дубовые, въ переднемъ углу. Говоритъ Васька мужикамъ посацкiимъ: «Вы гой еси, люди степенные, честны мужики посацкie! Велика честь моей молодости: есть постарше меня.» И кланялся Васька за честь мужикамъ посацкiимъ. И нудили Ваську посацкie ласковымъ словомъ: ««Садись, дѣтище: тутъ сиживалъ твой родимый батюшка, Буслай Довмонтьевичь *).»» И кланялся Васька за честь мужикамъ посацкiимъ пуще того. Пустились мужики посацкie на злорадны хитрости, говорили небылы рѣчи: ««Садись, дѣтище: сидѣть тебѣ будетъ на отнемъ столѣ и править мужиками посацкiими по своей волѣ.»» За сie слово Васька спохватается, во передней уголъ сажается. И стали чевствовать Ваську мужики посацкie. Застучали стопы съ зеленымъ виномъ, понеслись **) ѣствы сахарныя. Пьютъ-ѣдятъ, прохлаждаются, въ полпьяна напиваются, рѣчи держатъ крупныя. Одинъ Васька сидитъ не пьянъ, сидитъ — не молвитъ словечушка. Стали мужики посацкie похвалу держать; Садко ***) молвитъ: ««А и нѣтъ нигдѣ такого ворона коня супротивъ моего Сокола ****): онъ броду не спрашиваетъ, рѣки проскакиваетъ, долы промахиваетъ, горы перелетываетъ.»» Чурило *****) молвитъ: ««А и нѣтъ такой нигдѣ молодой жены супротивъ моей Настасьи Апраксѣевны: ужь она ли ступитъ не ступитъ—по алу бархату; ѣстъ ѣства сахарныя, запиваетъ сытой медовой; ужь у моей ли молодой жены очи сокольи, брови собольи, походка павлиная, грудь лебединая, а и краше ея

*) Отчество Буслая присочинено.—*О.*

**) Не народно.—*О.*

***) Вотъ и Садко, помянутый Чулковымъ.—*О.*

****) Соколъ у Садки былъ не конь, а корабль.—*О.*

*****) Для краснаго словца попалъ сюда и Чурило, притомъ съ чужою женою—Дуная Ивановича.—*О.*

нѣтъ нигдѣ во всей околицѣ поднебесной.»» Костя Новоторженинъ молвитъ: ««А и нѣтъ нигдѣ такого богачества супротивъ моего: три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по лукоморью съ соболями, три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самоцвѣтными, а златомъ и серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымъ-городомъ.»» Ставръ *) молвитъ: ««А и нѣтъ нигдѣ такого удалаго молодца супротивъ Ставра: ѣдитъ ли онъ въ поѣздѣ богатырскомъ—не вѣтры въ поляхъ подымаются, не вихри буйные крутятъ пыль черную, выѣзжаетъ сильный-могучь богатырь Ставръ Путятичь **) на своемъ конѣ богатырскомъ, съ своимъ слугой Анкудиномъ. На Ставрѣ доспѣхи ратные словно жаръ горятъ, на бедрѣ виситъ мечь кладенецъ, во правой рукѣ копье булатное, во лѣвой шелковая плеть, того ли шелку Шемаханскаго, на конѣ сбруя красна золота. Наѣзжаетъ Ставръ на Чудь поганую, вскрикиваетъ богатырскимъ голосомъ, засвистываетъ молодецкимъ посвистомъ: сыры боры преклоняются, зелены листы съ деревъ опускаются; онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ: богатырской конь осержается, мечетъ изъ-подъ копытъ по сѣнной копнѣ, бѣжитъ въ полѣ—земля дрожитъ, изо рта пламя валитъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Ставръ гонитъ силу поганую, конемъ вернетъ—улица, копьемъ махнетъ—нѣтъ тысячи, мечемъ хватитъ—лежитъ тьма людей.»» Задумался Васька, держитъ онъ думу крѣпкую, слушаетъ рѣчи мужиковъ посацкіихъ, а самъ ни чѣмъ не похваляется. А и тутъ посацкіе догадалися, догадалися-спохватилися, встаютъ со скамьи, а сами молвятъ: ««Ты гой еси, дѣтище, Василій Буслаевичь! Ты что по что пріунылъ сидишь, что ни чѣмъ не хвалишься?»» Встаетъ Васька со скамьи, встаетъ—всѣмъ покланяется и держитъ отповѣдь: «На что мнѣ, молодцу, радоватися? Чѣмъ передъ вами похвалятися? Оставилъ меня осударь батюшка во сиротствѣ, а осударыня матушка живетъ во вдовствѣ. Есть у меня золота казна, богатства несмѣтныя, и то я не самъ добылъ: оставилъ мнѣ осударь батюшка; мои лѣта малыя, похвалятися мнѣ не чѣмъ; придетъ пора да время, и я буду похвалятися.» Отъ слова умнаго Васьки Буслаева мужики

*) Сколько набралъ издатель богатырей изъ Кирши, и съ такими рѣчами, какихъ имъ никогда не вложилъ бы народъ!—*О.*

**) У народа „Годиновичь.“—*О.*

посацкіе дивовалися, стали промежь себя перешептывать: ««Зло держитъ Васька на сердцѣ.»» Наливаютъ братину зелена вина, ставятъ на столы дубовые, отошедъ кланяются и всѣ едину рѣчь говорятъ: ««Кто хочетъ дружить Новугороду, тотъ пей зелено вино до суха!»» Садятси мужики посацкіе за дубовы столы усмѣхаючись и ждутъ отповѣди отъ Васьки. Встаетъ Васька—поклоняется, принимаетъ братину во бѣлы руки, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ. И стала братина пуста до суха, а Васька сидитъ въ полпьяна. Заиграла хмѣлинушка, закипѣла кровь молодецкая и сталъ Васька похвалятися: «Глупые вы, неразумные, мужики посацкіе! Взять будетъ Василью Буслаевичу Новгородъ за себя, править будетъ мужиками посацкими на своей волѣ, брать будетъ пошлины даточныя со всей земли, съ лову заячьяго и гоголинаго, съ заѣзжихъ гостей пошлины мытныя, а мужикамъ посацкіимъ будетъ лежать у ногъ моихъ!» Нелюбы стали мужикамъ посацкіимъ рѣчи спорныя, закричали всѣ во едино слово: ««Младъ еще ты, дѣтище неудалое, незрѣлъ твой умъ: не бывать за тобой Новугороду, потерять тебѣ буйну голову. Не честь тебѣ съ нами жить, нѣтъ про тебя съ нами земли!»» Разгорается сердце молодецкое пуще прежняго, распаляется голова буйная: «Не честь мнѣ съ вами жить,»—отповѣдь держитъ Васька—«иду съ вами перевѣдаться!» Встаетъ Васька изъ за стола дубоваго, встаетъ—идетъ, не кланяется. И только видѣли его.

Собираются въ терема тайницкіе мужики посацкіе, думаютъ думу крѣпкую, пишутъ записи поручныя: ««Битися-дратися всею дружиною съ Ваською, а въ великъ закладъ за Новгородъ держимъ дани и выгоды *) по три тысячи на всякъ годъ.»» И на томъ мужики посацкіе руки подписали. Скоро спровѣдаетъ матера вдова, честна жена Амелѳа Тимоѳеевна, что ея дѣтище похваляется словами неудалыми, хочетъ битися со всѣми мужиками посацкіими; беретъ она золото блюдо, насыпаетъ на него каменья самоцвѣтныя, идетъ къ мужикамъ посацкіимъ и во слезахъ молвитъ рѣчи умильныя:—Нельзя стоять дѣтищу малому противъ всей силы Новгородской.—И кланялась мужикамъ посацкіимъ каменьями самоцвѣтными, а кланявшись

*) Выходы.—*О.*

ставила золото блюдо на дубовый столъ. Зартачились мужики посацкіе: ««Намъ не надобно злата и серебра, и каменья самоцвѣтнаго: дорога похвальба Буслайченкова!»» На томъ и рѣчь ставили мужики посацкіе.

Не полая вода по лугамъ разлелѣялась, не бѣлы лебеди со водъ чистыихъ подымалися: сходилися-собиралися мужики посацкіе, сходились на улицу на Рогатицу, собирались ратью сильною противъ Васьки Буслаева. Втапоры матера вдова, честна жена Амелѳа Тимоѳеевна догадалася, схватила Ваську въ беремище, кидала въ погреба бѣлокаменны, задвигала двери засовами желѣзными, засыпала песками сыпучими. Стучатъ мужики посацкіе въ ворота дубовыя, а отповѣди нѣтъ. И выбиваютъ они широки ворота изъ пяты, валятся на широкъ дворъ ко крыльцу рѣшетчату. Втапоры на встрѣчу имъ выходитъ изъ избы приспѣшная дѣвка чернавка, малешенька-чернешенька, на плечѣ виситъ у ней коромыслицо, не тяжело, не велико — вѣсомъ въ триста пудъ, а сама кричитъ: — Охъ вы, мужики посацкіе, глупые-неразумные! Смѣть ли бы вамъ ходить на широкъ дворъ не спрошаючи! Погоню я васъ съ широка двора! — За такое дурно учали мужики посацкіе бить дѣвку чернавку въ дубины вязовыя. За тѣ шутки неумѣстныя дѣвка осержается, бросаетъ ведра дубовыя, хватаетъ въ руки коромыслицо вязовое, гонитъ мужиковъ посацкіихъ съ широка двора на улицу на Рогатицу. Гдѣ разъ махнетъ, тамъ улица; гдѣ два махнетъ, тамъ улица съ переулочками. Побивала дѣвка тысячу, добиралась дѣвка до трехъ полковъ. Бѣлы руки примахалися, коромыслицо изломалося, стало дѣвкѣ не въ мочь. Бѣжитъ дѣвка въ терема высокіе, кричитъ дѣвка: — Вы гой еси, богатыри могучіе! Нападаетъ вся сила Новогородская на Василья Буслаевича, разломала широки ворота, приступаетъ къ погребамъ бѣлокаменнымъ, хотятъ сонмать буйну голову съ Василья Буслаевича.—Ѳомка Ременниковъ со Потанюшкой просыпаются, на всѣ стороны оглядываются, а и говорятъ дѣвкѣ таковы рѣчи: ««Не сила то Новгородская нападаетъ на брата названнаго, на Ваську Буслаева: налетаютъ то комары изъ болотъ. Не честь будетъ богатырская боронить богатыря отъ болотныхъ мухъ.»» А молвивши таково слово, Ѳомка со Потанюшкой, завернули они буйны головы во подушки пуховыя. Только ихъ и слышали. Завопила дѣвка пуще прежняго.

Отъ того ли крика Васька пробужается: онъ встаетъ—поднимается, на рѣзвы ноги опирается, бѣло-каменны погреба распадаются, желѣзны засовы ломаются, желты пески разсыпаются; онъ вскочилъ на широкъ дворъ: на дворѣ вся сила Новогородская. А и не было на Васькѣ сбруи ратныя, не попалась ему палица желѣзная, что попалась ему ось телѣжная: гонитъ ею Васька мужиковъ Новогородскiихъ на улицу на Рогатицу. Бьются мужики съ Ваською, хочетъ Васька побить всѣхъ на голову. Махнетъ Васька на право—вся улица пуста; махнетъ на лѣво—въ переулочкахъ пусто. Ужь училъ побивать Васька третью тысячу. Прiуныли мужики посацкiе, повѣсили буйны головы, идутъ въ терема тайницкiе, насыпаютъ злата и серебра, и каменья самоцвѣтнаго, идутъ къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ. Клонятъ мужики посацкiе буйны головы предъ окошками косящатыми и молвятъ во едину рѣчь: ««Гой еси ты, матера вдова, честна жена Амелѳа Тимоѳеевна! Прогнѣвали мы, люди глупые, тебя, осударыню, нагрубили рѣчью грубою твоему дѣтищу, Василью Буслаевичу. Побилъ онъ рать несмѣтную, грозитъ известь весь Новгородъ. Упроси ты его словомъ ласковымъ оставить людей на сѣмена.»» И кланялись мужики посацкiе златомъ и серебромъ, и каменьями самоцвѣтными. Отсылала ихъ матера вдова, честна жена Амелѳа Тимоѳеевна съ нечестiемъ.

Вспомнили мужики посацкiе про Старчища Многолѣтища. Идутъ мужики посацкiе въ почестной монастырь, буйны головы повѣсили, бьютъ челомъ Старчищу Многолѣтищу и просятъ его во едину рѣчь унять шутки неудалыя Васьки Буслаева. А молвитъ имъ Старчище Многолѣтище:—Гой еси вы, мужики посацкiе! Побивалъ я рати сильныя, разорялъ грады крѣпкiе, а нонѣсь обуяли меня лѣта древнiя, сижу я во теремѣ неисходно ровно тридцать лѣтъ. Не моей старости унять шутки неудалыя Васильки Буслаева. — И на томъ ставилъ рѣчь свою Старчище Многолѣтище. И прошали мужики посацкiе его пуще прежняго. Старчище съ дубовой скамьи подымается, словно соколъ молодой воздымается, не беретъ онъ ни палицы булатныя, ни сбруи ратныя, а надѣваетъ на голову колоколъ во триста пудъ вмѣсто шапочки. Идетъ Старчище Малолѣтище *) на улицу на Рогатицу. Добивалъ

*) Многолѣтище.—*О.*

Васька третью тысячу, а добивши Васька бѣжитъ по улицамъ широкіимъ. Стоитъ тутъ Старчище Многолѣтище, на могучихъ плечахъ держитъ колоколъ во триста пудъ, безъ сбруи ратныя, безъ палицы булатныя. Кричитъ тотъ Старчище Многолѣтище:—А и стой ты, Васька, не попархивай, молодой глуздырь не полетывай: изъ Волхова воды не выпити, есть молодцовъ супротивъ тебя! Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ, не шутимъ шутки неудалыя!—Отъ таковыхъ рѣчей Васька разсержается, а молвитъ таково слово: «А и гой еси ты, Старчище Многолѣтище! А и бился я о великъ закладъ со мужики Новгородскими опричь тебя, Старчища Многолѣтища. Въ задоръ войду, тебя убью!» И ударилъ Васька Старчища во колоколъ тою осью телѣжною: качается Старецъ, шевелится, ко сырой землѣ клонится. Заглянулъ онъ Васька Старцу подъ колоколъ: а во лбѣ глазъ ужь вѣку нѣту. И проситъ Ваську Старчище Многолѣтище дать животъ на вспокаяніе. Поднимаетъ Васька Старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаетъ на покой съ честію *).

Пошелъ Васька по Волхвъ-рѣкѣ, по той улицѣ Волховой, завидѣли его удалы молодцы, Ѳомка со Потанюшкой: у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ молодцовъ думушки прибыло. Молодой Васька сталъ выручать ихъ.

Втапоры мужики посацкіе вспознали бѣду неминучую, идутъ въ терема тайницкіе, пишутъ крѣпки записи: ««Быть Новугороду за Ваською Буслаевымъ.»» Насыпаютъ чашу чиста серебра, а другую чашу красна золота со камнями самоцвѣтными, идутъ къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелоѣ Тимоѳеевнѣ. Пришли они къ терему высокому, бьютъ челомъ — поклоняются: ««Осударыня матушка! Пріимай ты дороги подарочки, унимай свое чадо милое, молода Василья со дружиною. А и ради мы платить на всякъ годъ по три тысячи, на всякъ годъ будемъ носить съ хлѣбниковъ по хлѣбику, съ калачниковъ по калачику, съ молодцовъ повѣнечное, съ дѣвицъ повалешное, со всѣхъ людей и со ремесленныхъ, опричь поповъ и дьяковъ.»» И на томъ ставили рѣчь свою мужики посацкіе.

*) Этотъ исходъ у Чулкова и принятъ Сахаровымъ: Буслаевъ убилъ Старца и это-то обозначено словами—„во лбѣ глазъ ужь вѣку нѣтъ.“—*О.*

Втапоры матера вдова, честна жена Амелѳа Тимоѳеевна опосылаетъ дѣвку чернавку привесть Ваську со дружиною. И пошла та дѣвка чернавка по Ваську, а идетъ дѣвка—запыхалася, нельзя дѣвкѣ по улицѣ пройти: полтеи по улицѣ валяются отъ мужиковъ Новогородскіихъ. Прибѣжала дѣвка чернавка, схватила Ваську за бѣлы руки, учала ему разсказывати:—Не вѣдаешь ты, малое дѣтище, что пришли мужики Новогородскіе, принесли они дороги подарочки и принесли записи поручныя ко твоей осударынѣ матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ.—И на томъ дѣвка рѣчь свою ставила. Ведетъ дѣвка Ваську со дружиною на широкъ дворъ, приводитъ дѣвка Ваську къ зелену вину.

И сѣли молодцы во единъ кругъ, выпивали по чарѣ зелена вина съ того уразу молодецкаго. Кричитъ Ѳомка Ременниковъ со Потанюшкой: ««У мота, у пьяницы, у молода Васьки Буслаева не упито не уѣдено, вкраснѣ хорошо не ухожено, цвѣтна платья не уношено, увѣчье на вѣкъ залѣчено *)!»» И повелъ Васька молодцовъ ко осударынѣ своей матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ. Втапоры мужики посацкіе клали записи поручныя на буйны головы, приносили дороги подарочки, вдругъ сто тысячей. И съ той поры мужики посацкіе поклонилися, поклонилися—сами покорилися.

(«Русск. нар. сказки,» Сахарова, 1841 г.).

⁂

*) Такъ, обличая свой источникъ, ошибочно исправляетъ Сахаровъ выраженіе изъ сборника Кирши; см. въ пѣсняхъ.—*О.*

II.

СКАЗКА

про Новгородца Акундина и Князя Глѣба Ольговича *).

Соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя, какъ въ стары годы прежніе жили люди старые. А и то-то, родимые, были вѣки мудрые, вѣки мудрые, народъ все православный. Живали старики не по нашему, не по нашему—по заморскому, а по своему—православному. А житье-то, а житье-то было все привольное да раздольное. Вставали ранымъ раненько, съ утренней зарей, умывались ключевой водой со бѣлой росой, молились всѣмъ святымъ и угодникамъ, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада, выходили на красенъ крылецъ со рѣшеточкой, созывали слугъ вѣрныихъ на добры дѣла. Старики судъ рядили, молодые слушали, старики придумывали крѣпкія думушки, молодые бывали во посылушкахъ. Молодыя молодицы правили домкомъ, красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день. Старыя старушки судили-рядили и сказки сказывали. Бывали радости великія на Великъ день, бывали бѣды со кручинами на велико сиротство. А что было, то былью поросло; а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому. Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой сторонѣ долѣ того.

Какъ во старомъ было городѣ, братцы, во Новѣгородѣ, какъ во томъ ли во Новѣгородѣ жилъ Акундинъ молодецъ, а и тотъ ли

*) О значеніи этой сказки, еще болѣе испорченной, чѣмъ предыдущая, см. въ „Замѣткѣ."—*О.*

Акундинъ, молодой молодецъ, былъ со посадской стороны, со посадской стороны, со торговой. Ужь и онъ ли, Акундинъ, ни пива не варилъ, ни вина не курилъ, ни въ торгу торговалъ, а ходилъ онъ, Акундинъ, со повольницей, и гулялъ онъ, Акундинъ, по Волгѣ по рѣкѣ на суденышкахъ. Понаскучило ему, Акундину, повольницу водить; вотъ и думаетъ Акундинъ: кабы ему до Кіева дойти, во Москвѣ побывать? Садится Акундинъ на суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко по Волхвъ по рѣкѣ, а плыло суденышко ровно тридцать и три дня, и прибило суденышко ко круту бережку. На ту пору Акундинъ пробуждается ото сна, а самъ съ собой думу думаетъ: «А и что то за городъ? А и что то за люди?» Подумавши Акундинъ подымался въ нарядъ со суденышка на крутъ бережокъ. Какъ во ту пору на встрѣчу ему идетъ Калѣчище Перехожій.—Богъ на помочь и добрый путь молодцу заѣзжему!—говоритъ Калѣчище Перехожій. «Спасибо тѣ на ласковомъ словѣ,» молвитъ Акундинъ. И били челомъ другъ другу. А бивши челомъ, спрошалъ Акундинъ его Калѣчища: «А и что то за сторона? А что то за городъ? А и что то за люди?» И молвитъ Калѣчище:—Сторона то широкая, что отъ Оки рѣки потягла до Дону глубокаго, зовутъ Рязанью, а правитъ тою стороной стольный князь Олегъ; а что городъ-то поселенъ по Окѣ по рѣкѣ, то зовутъ Ростиславль, а на столѣ княжитъ Рязанскаго роду князь, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ; а люди-то Рязанцы, его молода князя Глѣба Олеговича слуги исконныя. — «Такъ!» молвилъ Акундинъ, да и задумался, а задумавшись говоритъ себѣ рѣчь невзначай: «А кабы ты широкую сторону Рязань, и со молодымъ княземъ Глѣбомъ Олеговичемъ, и со всѣми его исконными слугами покорить Новугороду?» Во ту пору Калѣчище слушалъ его слова неудалыя, а самъ себѣ держитъ на умѣ:—Не корыстна сторона для Новагорода: кабы Рязань не полонили злы Татарове, кабы Рязань не обложили данью великою, постояла бъ Рязань за себя. Да и Рязань не та чета Новугороду. — А и мало время помѣшкавши, беретъ Калѣчище Акундина за его бѣлы руки, ведетъ его, Акундина, поодаль крута бережка, и ставитъ его, Акундина, на высокъ курганъ, а становивши на высокъ курганъ говорилъ таковы рѣчи: — Погляди-ко, молодой молодецъ, на городъ

Ростиславль, а поглядѣвши повѣдай, что̀ дѣется во городѣ во Ростиславлѣ?—Какъ глянулъ Акундинъ во городъ во Ростиславль, а тамъ бѣда великая: исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича стоятъ посередь торга, хотятъ войной городъ отстоять, да силы нѣтъ войной стоять. Какъ загорѣлось у Акундина ретивое сердечушко по исконнымъ слугамъ молода князя Глѣба Олеговича, какъ заходили у Акундина ноженьки по курганчику, какъ замоталася головушка буйная по молоду князю по Глѣбу Олеговичу, такъ туто Калѣчище не вспозналъ, что и дѣлать. «Пойду за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича,» говоритъ Акундинъ, «войной стоять.» А и туто молвитъ Калѣчище Перехожій: — Погляди-ко, молодой молодецъ, на Оку рѣку, а поглядѣвши повѣдай, что̀ дѣется въ Окѣ рѣкѣ?—Глядитъ Акундинъ на Оку рѣку, а въ Окѣ рѣкѣ плыветъ чудовище невиданное, змѣй Тугаринъ: длиною-то былъ тотъ змѣй Тугаринъ во триста сажень, хвостомъ бьетъ рать Рязанскую, спиною валитъ круты берега, а самъ все проситъ стару дань. Какъ загорѣлося у Акундина ретивое сердечушко по исконнымъ слугамъ молода князя Глѣба Олеговича, такъ и знай себѣ говоритъ: «Пойду за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича войной стоять!»

Во ту пору Калѣчище беретъ Акундина за его бѣлы руки, ведетъ его, Акундина, во чисто поле, а приведши во чисто поле ко крутой горѣ, молвитъ таково слово: — Ты гой еси, доброй молодецъ изъ Новагорода! Ты скажи, какъ звать тебя по имени, какъ величать тебя по изотчеству? — На тѣ ли рѣчи спросныя возговоритъ Акундинъ: «Родомъ я изъ Новагорода, со посадской стороны; зовутъ меня, молодца, Акундинъ Акундинычь.» — Тебя-то, Акундинъ Акундинычь, я ждалъ тридцать и три года, съ крута бережка не сходючи, а и думалъ тебя вѣкъ не видать. — И туто Калѣчище скидалъ съ себя платье перехожее, надѣвалъ на себя платье посадничье, а самъ вымолвлялъ рѣчи вѣстныя: — Ты гой еси, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундинычь! Спознай своего дядюшку родимаго, Замятню Путятича: а вѣдь и мой-то братъ, Акундинъ Путятичь, былъ тебѣ родимый батюшка. Не взлюбили люди Новгородскіе твоего батюшку родимаго, а правилъ, вишь, ими не такъ. Какъ не взлюбили твоего батюшку родимаго, какъ порѣшили сгубить его съ родомъ съ племе-

немъ, такъ и не стало знать Акундина Путятича: сокрушили его со всѣмъ домомъ. Со той поры не взмилилось мнѣ на посадничествѣ сидѣть, и придумалось мнѣ до Кіева дойти; со той поры, во тоскѣ во кручинѣ, горе гореваньицемъ качу, тебя, мое милое дѣтище, дожидаючи. А и вотъ тебѣ мечь кладенецъ твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича; а и вотъ тебѣ калена стрѣла твоего батюшки родимаго. Акундина Путятича; а вотъ тебѣ тугой лукъ твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича. — Не домолвивши рѣчи вѣстныя, сталъ Замятня Путятичь кончатися, со бѣлымъ свѣтомъ раставатися. Видно на роду ему, братцы, такъ написано, что довелось посередъ поля переставитися. Какъ сталъ Замятня Путятичь со бѣлымъ свѣтомъ раставатися, и учалъ отповѣдь чинить:—А и гой еси ты, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундинычь! Какъ и будешь ты во славномъ во Новѣ-городѣ, и ты ударь челомъ ему, Нову-городу, и ты скажи, скажи ему Новугороду: «А и дай же то Боже, тебѣ ли, Нову-городу, вѣкъ вѣковать, твоимъ ли дѣтушкамъ славы добывать, какъ и быть ли тебѣ, Нову-городу, во могучествѣ, а твоимъ ли дѣтушкамъ во богачествѣ! — Какъ переставился Замятня Путятичь, и туто Акундинъ схоронилъ его во сыру землю, а самъ пошелъ войной стоять за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича.

Во ту пору змѣй Тугаринъ спалъ-почивалъ. А приплылъ онъ, Тугаринъ, отъ Калуги по Окѣ по рѣкѣ, и приплылъ онъ, Тугаринъ, ко городу Ростиславлю за старою данью. Во ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичь задумалъ женитися, а приговорилъ взять себѣ жену изъ роду княжова, у стольнаго князя у Рязанскаго, у Олега Ивановича, его молоду дочь Настасью Олеговну. А и не думалъ и не ждалъ онъ, молодой князь Глѣбъ Олеговичь, такой бѣды на свой городъ Ростиславль. Да и запросилъ же онъ, злодѣй Тугаринъ, стару дань за всѣ годы старые, а дани-то всей насчитывали стары люди съ три осминныхъ мѣшка съ чистымъ золотомъ, съ чистымъ серебромъ, со каменьями самоцвѣтными. Сидитъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь во своемъ терему думу думаючи, бѣду отбываючи. И жаль-то стало ему и молоду княжну Настасью Олеговну, и своихъ исконныхъ слугъ Ростиславичей. Коли дань платить, такъ и свадьбѣ не быть. Во ту пору приходитъ во его высокъ теремъ, ко молоду

князю Глѣбу Олеговичу, старый посадникъ Юрья Микитичь, и бьетъ ему старый посадникъ большiимъ челобитьицемъ, а самъ вымолвляетъ таковы рѣчи: ««Ты гой еси, молодой князь Глѣбъ Олеговичь, наше свѣтлое солнышко! Не прикажи рубить-казнить, а прикажи слово вымолвить?»» И билъ на томъ челомъ молоду князю старый посадникъ. Какъ возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь:—А и гой еси ты, старый посадникъ Юрья Микитичь! Не придумалъ ли ты думушки, какъ бѣду отбыть? — ««Не кручинься, нашь молодой князь Глѣбъ Олеговичь,»» молвилъ Юрья Микитичь. ««Велика Божья милость до вѣку, сильны твои исконныя слуги по всей землѣ. Отбывали въ старину не тѣ бѣды великiя, а эта бѣда не бѣда. Повели только посла снарядить съ хлѣбомъ съ солью да съ ласковымъ словомъ, и дѣло уладится.»»—Будь по твоему, какъ придумала голова твоя умная,—молвилъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь. И билъ челомъ молоду князю на ласковомъ словѣ старый посадникъ Юрья Микитичь.

Идетъ—не йдетъ старый посадникъ Юрья Микитичь на площадь. Шуба-то на немъ соболиная во сто рублевъ, а то данье стараго князя Олега Олельковича; шапка-то на немъ корабликомъ во двадцать рублевъ, а то даянье старой княгинѣ Настасьи Ивановны; какъ на шубѣ-то пуговки вальящаты серебряны во десять рублевъ, а то даянье молода князя Глѣба Олеговича; какъ на стару посаднику, у того ли Юрья Микитича, гривна золотая, что и цѣны ей нѣтъ, а то даянье стольнаго князя Рязанскаго Олега Ивановича; какъ на шубѣ-то у Юрья Микитича камка Цареградская, что и цѣна-то ей у молода князя въ казнѣ, а то даянье стольнаго князя Московскаго Дмитрiя Ивановича; какъ на шубѣ-то у Юрья Микитича обошелъ поясъ узорчатой со камнями, что и цѣна-то ему у молода князя въ казнѣ, а то даянье молодой княжны Рязанской Настасьи Ивановны. Какъ сталъ старый посадникъ Юрья Микитичь посередъ площади во своемъ ли во нарядѣ, а ставши на всѣ стороны поглядываетъ, сѣду бородушку поглаживаетъ, а самъ ни словечка не молвитъ.

Во ту пору Старчище у княжа двора бьетъ во набатъ, а пробивши одинъ разъ бьетъ и въ другой, а пробивши въ другой разъ бьетъ и въ третiй. Во ту жь пору бирючи кличь кликали по всему городу

по Ростиславлю. Идетъ міръ крещеный, кто на конѣ, кто самъ о себѣ. Какъ увидалъ старый посадникъ Юрья Микитичь народъ Божій вокругъ себя, такъ и давай кланяться на всѣ стороны, а кланявшись сталъ слово вѣстное говорить: ««А и гой еси вы, исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича! Вѣдомо вамъ стало, что подъ нашь стольный градъ Ростиславль пришелъ войной лютый змѣй Тугаринъ за старой данью?»» На его-то слово вѣстное, стара посадника Юрья Микитича, били челомъ старъ и младъ, и говорили всѣ во едину рѣчь:—Вѣдаемъ, родимый, бѣду неминучую, и что придумаетъ твоя голова умная, такъ тому и быть.—Туто старый посадникъ Юрья Микитичь пріосамился, да и сталъ грозну рѣчь говорить: ««А и гой еси вы, исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича! Ваши-то стары старики силы не спрашивали, сами бѣды отбывали. Да за то и жаловалъ ихъ старый князь. Какъ сѣлъ на столѣ молодой князь Глѣбъ Олеговичь, такъ вы и головушки не клоните, какъ отбыть бѣду неминучую. Али вамъ лучше въ ордѣ жить полонянниками? Не хочу болѣй посадничатъ и печаловать міромъ крещенымъ!»» И молили люди посадскіе его, стара посадника Юрья Микитича, порадѣть и печаловаться за міръ крещеный. И туто молвилъ имъ Юрья Микитичь: ««Ну, инъ быть такъ! Стану по старому посадничать, отбуду бѣду неминучую. Только слушайте, люди посадскіе: снарядить казну княжую, да пристроить хлѣбъ-соль на поклонъ люту змѣю Тугарину!»» На ту-то рѣчь грозную стара посадника Юрья Микитича били челомъ старъ и младъ, и говорили всѣ во едину рѣчь: —Снарядимъ тѣ, родимый, княжую казну, пристроимъ хлѣбъ-соль на поклонъ люту змѣю Тугарину, только отбудь бѣду неминучую!—И на томъ кланялись Ростиславичи.

Бьетъ Старчище у княжа двора во набатъ, а бивши растворялъ тесовы ворота на обѣ стороны, а самъ сталъ на особицу. Во ту пору идетъ—не йдетъ со красна крыльца княжова старый посадникъ Юрья Микитичьословъ рядить. Бирючи по городу разбѣгалися, а сами кличутъ кличь на княжой дворъ. Идетъ міръ крещеный изъ всѣхъ домовъ, кто на конѣ, кто самъ о себѣ. Идутъ на княжой дворъ послы наряженые съ хлѣбомъ-солью. А молодой князь Глѣбъ Олеговичь во высокомъ теремѣ сидитъ, думу думаючи, бѣду отбываючи: вишь жаль ему стало исконныхъ слугъ. Какъ собрался народъ Божій на княжой дворъ, и старый посадникъ Юрья Микитичь

посламъ наряженымъ сталъ наказъ чинить: ««Гой еси вы, послы наряженые! Повелѣлъ вамъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь пойти съ хлѣбомъ-солью челомъ бить люту змѣю Тугарину и словомъ ласковымъ миръ урядить. Коли будетъ миръ да любовь со Тугаринымъ, напишите записи поручныя; коли дѣло пойдетъ на брань, киньте граматы размѣтныя. А ино все будетъ по старому, а дани не дадимъ!»»

Бьетъ Старчище у княжа двора во набатъ. Идутъ послы наряженые изъ городу. Во ту пору лютый змѣй Тугаринъ пробужается, а самъ на городъ посматриваетъ:—Коли честью старой дани не дадутъ, такъ ужь весь городъ затоплю!—Подходятъ послы наряженые ко круту бережку, не дошедши до крута бережка бьютъ Тугарину большіимъ челобитьицемъ, а сами молвятъ: ««Ты гой еси, воевода грозенъ змѣй Тугаринъ! Не топи нашь стольный городъ Ростиславль, а прійми хлѣбъ-соль отъ молода князя Глѣба Олеговича, да подари словомъ привѣтливымъ пословъ наряженыхъ!»»—Давно бы такъ!—возговоритъ Тугаринъ,—спасибо на хлѣбѣ и на соли молоду князю Глѣбу Олеговичу; спасибо и на большомъ челобитьицѣ посламъ наряженымъ! — И принималъ Тугаринъ отъ пословъ наряженыхъ хлѣбъ–соль молода князя Глѣба Олеговича, а принявши съѣлъ за единъ разъ.—Коли вы послы наряженые,—молвилъ Тугаринъ,—присланы миръ урядить, такъ урядимъ перву рѣчь о старой дани.—Кланялись послы наряженые, а кланявшись говорили во едину рѣчь: ««Миръ готовы урядить: на то мы и послы наряженые, а дани не вѣдаемъ за собой.»»—Какъ вы, смерды Ростиславичи, дани за собой не вѣдаете?—заговорилъ грозну рѣчь змѣй Тугаринъ;—припомните-ка по записямъ поручнымъ, сколько потягло за вами?—И тому-то слову изоймаючи, выступаетъ дьякъ Чоботокъ на особицу, да развернулъ записи поручныя и по тѣмъ записямъ свелъ, что долгъ съ Ростиславичей изстари покончёнъ, и отъ дани такожде слобождены на всѣ вѣки грядущіе. Й на томъ дьякъ Чоботокъ ставилъ свою рѣчь. Да ту жь рѣчь опослѣй вымолвляли и послы наряженые.—Ой вы, смерды Ростиславичи! Позабыли все старое,—говорилъ посламъ наряженымъ змѣй Тугаринъ;—знаю я, сколько за вами приходится старой дани; знаю я, сколько потягло дани за вашіими отцами; знаю я, сколько приряжено дани за вашіими дѣдами, опричь того старой голдовщины и мостовщины съ Оки рѣки, что идетъ въ Золоту орду.

XXXIII

Ужь коли миру быть, такъ насыпьте всѣ три мѣшка съ краями полными *) полны. И вы насыпьте во единъ мѣшокъ чиста золота,—то дань за себя; и вы во другой мѣшокъ кладите чиста серебра,—то дань за вашiихъ отцовъ; и вы во третiй мѣшокъ уберите каменьевъ самоцвѣтныихъ,—то дань за вашiихъ дѣдовъ. Безъ того и миру не быть. Ужь коли рать поведу, то затоплю вашь городъ Ростиславль, погублю вашь родъ со дѣтьми и внучатами, а женъ вашихъ въ орду продамъ! — На тѣ угрозы небывалыя послы наряженые не знали не вѣдали, какой отвѣтъ чинить. Одинъ дьякъ Чоботокъ на ту пору догадливъ былъ, онъ догадавшись просилъ у змѣя Тугарина показать мѣшки во городѣ во Ростиславлѣ: да потомужь ему нужно вымѣрять, кому сколько придется со двора насыпать въ мѣшки.—А и ты-то посолъ, а и ты-то умная голова, а и тебѣ-то даю мѣшки!—говорилъ Тугаринъ дьяку. На тѣ-то рѣчи посульныя дьякъ и руки протянулъ, и мѣшки прибралъ. «Ладно,» думаетъ дьякъ про себя: «безъ мѣшковъ-то не во что будетъ и дани сбирать. Скорѣй бы ихъ въ банѣ сжечь, да на вѣтеръ пустить.» И вспрошали послы наряженые его, змѣя Тугарина: коли не хочетъ безъ дани миръ урядить, ино бы размѣняться и граматами разметными? А змѣй Тугаринъ молвитъ имъ:—Кабы вы присланы были не послами уряжеными, такъ бы васъ всѣхъ съѣлъ за единъ разъ!—И клали послы граматы разметныя на крутъ бережокъ, а клавши приговаривали: ««А будь на порушителѣ во записи поручной судъ Божiй!»» И тѣмъ-то рѣчамъ змѣй вѣры не имал: онъ злодѣй держится еретичествомъ.

Идутъ послы ко городу, вороты растворяются, входятъ послы на княжой дворъ, бьетъ Старчище во набатъ. А и туто на княжомъ дворѣ встрѣчалъ ихъ, пословъ наряженыихъ, старый посадникъ Юрья Микитичь. Ему-то послы наряженые били челомъ и повѣдали рѣчи отъ змѣя Тугарина. На ту пору дьякъ Чоботокъ клалъ три мѣшка предъ старыимъ посадникомъ предъ Юрьемъ Микитичемъ, а положивши говорилъ свою рѣчь: «А и выманилъ я тѣ мѣшки у змѣя Тугарина, во что онъ, собака, дань сбираетъ: а безъ нихъ-то онъ,

*) Полнымъ?—*О.*

собака, не будетъ знать, сколько со города Ростиславля дани потягло.» И на той своей рѣчи Чоботокъ билъ ему, посаднику, большимъ челобитьицемъ. Какъ глянулъ старый посадникъ на тѣ три мѣшка, такъ отъ страха и не вѣсть, что съ нимъ содѣялось: вишь жаль ему стало княжой казны. ««А постой ты, дьякъ! А и погоди ты, дьякъ!»» кричитъ старый посадникъ Юрья Микитичь. ««А и еты то, дьякъ, злой еретикъ, за одно съ Тугаринымъ держишься еретичества; а и знаю я, какъ тебе со бѣла свѣта согнать! А и берите вы, люди посадскіе, того дьяка за его бѣлы руки, опускайте вы того дьяка во всѣ три мѣшка, а и несите вы того дьяка ко змѣю Тугарину!»» По сказанному, какъ по писанному, хватали его, дьяка, подъ бѣлы руки, опускали его, дьяка, во всѣ три мѣшка, и понесли его, дьяка, ко змѣю Тугарину. Какъ принесли его, дьяка, ко круту бережку, какъ заглянули Тугарину во глаза, такъ и дай же то Боже ноги бѣжать. И онъ, дьякъ Чоботокъ, на ту пору догадливъ былъ: давай мѣшки глодать, свѣту Божьяго искать. Какъ проѣдалъ онъ единъ мѣшокъ, два зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ второй мѣшокъ, три зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ третій мѣшокъ, всѣ пять сломалъ. И увидалъ онъ, дьякъ Чоботокъ, крутъ бережокъ, а возлѣ бережка змѣя Тугарина, да и давай себѣ молить: «Гой еси ты, дядюшка, змѣй Тугаринъ молодой! А и выслушай мое челобитьице не малое: а и злой-то посаднице, старой Юрья Микитища, не соизволяетъ тебѣ платить стару дань; ужь и онъ ли, старой Микитища, насмѣючись надъ тобой, завязалъ меня, дьяка, во всѣ три мѣшка, будто за твои, дядюшка, грѣхи; а и били меня, колотили меня, все, родимый дядюшка, за тебя; а ты, де, дьякъ, съ Тугаринымъ за одно.» И не вѣсть, что дьякъ причитывалъ, а Тугаринъ про то не зналъ, не вѣдалъ. И вставалъ Тугаринъ на крутъ бережокъ, приподнималъ дьяка во мѣшкѣ, а самъ себѣ молвитъ:—А и что то за дань во мѣшкѣ? Ни то чисто золото, ни то чисто серебро, ни то каменья самоцвѣтныя.—Какъ развязалъ Тугаринъ мѣшки да заглянулъ туда, а тамъ дьякъ сидитъ, а самъ слезно плачетъ.—А и той дани не надо мнѣ, а и та дань на смѣхъ мнѣ!—кричитъ змѣй Тугаринъ. И туто Тугаринъ пыталъ его дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича золотой казны?—И на то-то дьякъ молвитъ: «Ай право скажу, ничего не утаю: лишь вынь, дядюшка, изъ мѣшка!»—Туто Тугаринъ вынималъ его,

дьяка, изъ мѣшка, и ставилъ его на особицу. «Золотой-то казны,» возговоритъ дьякъ, «у молода князя Глѣба Олеговича смѣты нѣтъ, а та золота казна во высокомъ теремѣ, въ золотомъ ларцѣ лежитъ; а ключи отъ того золота ларца на рукахъ у стара посадника у Юрья Микитища; а сколько тамъ золотой казны, про то онъ, дьякъ, не вѣдаетъ.» И туто Тугаринъ пыталъ его, дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича каменьевъ самоцвѣтныихъ?—«А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядюшка, сойди въ Оку рѣку да уйми крутоярыя волны!» И туто Тугаринъ послушливъ былъ: онъ сходилъ съ крута бережка въ Оку рѣку да уймалъ крутоярыя волны. «Каменьевъ самоцвѣтныихъ у молода князя Глѣба Олеговича,» говорилъ дьякъ, «смѣты нѣтъ; а тѣ каменья самоцвѣтныя во высокомъ теремѣ, во золотомъ ларцѣ лежатъ; а ключи отъ того золота ларца на рукахъ у стара посадника у Юрья Микитища; а сколько тамъ каменьевъ самоцвѣтныихъ, про то онъ, дьякъ, не вѣдаетъ.» И туто Тугаринъ пыталъ его, дьяка: —А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича силы ратной?—«А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядюшка, окунись въ Оку рѣку да достань бѣлосыпучаго песку!» И туто Тугаринъ послушливъ былъ: онъ окунался въ Оку рѣку, доставалъ бѣлосыпучаго песку, а доставши подавалъ дьяку. «А и вотъ какова сила ратная у молода князя Глѣба Олеговича:» и учалъ дьякъ бѣлосыпучій песокъ по полю розсыпать, а самъ отъ крута бережка утекаючи, ко городу Ростиславлю убѣгаючи. А змѣй-то Тугаринъ думаетъ не то: онъ чаялъ силу ратную сочесть, а дьякъ себѣ на умѣ, кабы живу домой уйти. И туто Тугаринъ догадался, что дьяку въ обманъ дался, а догадавшись давай Оку рѣку гонять, городъ Ростиславль затоплять. И дьякъ Чоботокъ ко городу прибѣгалъ, въ тесовы вороты стучалъ, а самъ приговаривалъ: «Ай, братцы, пустите скорѣй! Ай, родимые, растворяйте ворота! Смилился Тугаринъ злодѣй: хочетъ онъ, собака, миръ урядить.» На его ли слова вѣстныя тесовы вороты растворялися. Входитъ онъ, дьякъ, на княжой дворъ, а и бьетъ онъ, дьякъ, большіимъ челобитьицемъ: «Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичь! Пошли посломъ стара посадника Юрья Микитича ко змѣю Тугарину: хочетъ онъ змѣй миръ урядить.» На ту ли рѣчь нежданую выходитъ со красна крыльца старый посадникъ Юрья Микитичь, а самъ грозну рѣчь говоритъ:

««А и зелье ты злое, старый дьякъ! А и тебе-то, дьяка, змѣй не беретъ!»» И молилъ его дьякъ выслушать словеса посольскія, а самъ знай себѣ бьетъ большія челобитьица. И туто воевода пріосамился, а дьякъ Чоботокъ правилъ ему словеса посольскія: «Отъ грознаго воеводы змѣя Тугарина слово милостивое стару посаднику Юрью Микитичу; бьетъ челомъ змѣй Тугаринъ ему, посаднику, до земли и шлетъ ему, посаднику, слово вѣстное: не надо мнѣ ни чиста золота, ни чиста серебра, ни каменьевъ самоцвѣтныихъ; а и знаю я тебя за добра человѣка; а ты ли одинъ славенъ въ ордѣ! Супротивъ стара посадника Юрья Микитича нѣтъ никого; а и съ нимъ-то я миръ поряжу, стару дань слажу; а и пускай онъ самъ о себѣ принесетъ записи поручныя.» И тому-то старый посадникъ вѣруималъ. А и не зналъ онъ, старый посадникъ, что то дьякъ его избывалъ. Да и дьяку ли вѣру имать? И волчья снасть у дьяка на зубахъ: пулы беретъ, на суды суды ведетъ.

Вотъ и пишетъ онъ, посадникъ, записи поручныя, а самъ наряжается во большой нарядъ, да и идетъ ко змѣю Тугарину самъ о себѣ. Какъ завидѣлъ его Тугаринъ издалеча, такъ и давай себѣ говорить:—А и знаю я, то старый дьякъ идетъ; а и онъ-то опять хочетъ въ обманъ ввести, надо мною, змѣемъ, насмѣхаючись.—Во ту пору приходитъ старый посадникъ Юрья Микитичь, становится на крутъ бережокъ, а самъ вымолвляетъ словеса посольскія, не бивши змѣю челомъ: «Отъ стара посадника Юрья Микитича слово великое тебѣ ли, змѣю Тугарину; повѣдалъ ты, змѣй Тугаринъ, дьяку, что придумалось тебѣ, Тугарину, миръ урядить, буде старый посадникъ Юрья Микитичь придетъ самъ о себѣ. Ино ты доброе дѣло задумалъ. А и я-то, старый посадникъ Юрья Микитичь, а и я-то принесъ записи поручныя.» На тѣ-то слова посадничьи змѣй вѣры неималъ; а и онъ-то змѣй знай себѣ говоритъ:—А и знаю я, что ты старый дьякъ; а и тебѣ въ обманъ не дамся; а и будетъ того, что на первомъ разу неправдой ушелъ! — И туто его, стара посадника, змѣй Тугаринъ съѣлъ за единъ разъ. И дьякъ Чоботокъ на ту пору догадливъ былъ: онъ злодѣй во воротахъ за Старчища стоялъ да на стара посадника глядѣлъ. Какъ, де, завидѣлъ онъ, дьякъ, что змѣй Тугаринъ стара посадника съѣлъ, то и давай себѣ кричать: «Ай, батюшки, бѣда! Ай, родимые, бѣда! Не стало нашего

стара посадника, Юрья Микитича, на бѣломъ свѣтѣ, ужь его ли, родимаго, змѣй Тугаринъ съѣлъ! А и что мы, сироты, будемъ безъ него?» И его дьячьи слова скоро во высокъ теремъ дошли, ко молоду князю Глѣбу Олеговичу. А никто про то во городѣ не вѣдаетъ, а никто про то не знаетъ, что то дьячья стрепня, стара дьяка Чобота.

Бьетъ Старчище у княжа двора во набатъ. Бирючи по городу разсыпалися, сами кликали кличь на княжой дворъ. И туто молодой князь Глѣбъ Олеговичь выходилъ изъ высока терема на свой княжой дворъ рядъ рядить, міромъ править. Какъ сталъ онъ, молодой князь, на свое мѣсто показанное, и во ту пору всѣ князья и бояре и весь міръ крещеный становился въ ряды: стары люди къ старикамъ, молодые молодцы къ молодцамъ, а князья и бояре тожь по себѣ. И били князю челомъ. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь: «Гой еси вы, князья и бояре, и весь міръ крещеный! Не стало нашего стара посадника Юрья Микитича на бѣломъ свѣтѣ. Ужь вы сами, князья и бояре, придумывайте, какъ бѣду отбыть.» На его слова, молода князя Глѣба Олеговича, князья и бояре и весь міръ крещеный били челомъ, а бивши челомъ говорили всѣ во едину рѣчь: ««Вѣдаемъ, свѣтлое наше солнышко, стольный князь Глѣбъ Олеговичь, про стара посадника Юрья Микитича, что его на бѣломъ свѣтѣ не стало. Не кручинься и не печалуйся ты, наше свѣтлое солнышко, стольный князь Глѣбъ Олеговичь! Пойдемъ всѣ войной, отъ стара до мала, на змѣя Тугарина, и положимъ всѣ свои животы за тебя, наше свѣтлое солнышко!»» И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь: «Спасибо вамъ, князья и бояре, и весь міръ крещеный! Порадѣю за васъ на своемъ столѣ. Коли войной бѣду отбывать, такъ и я иду съ вами!» И били челомъ всѣмъ міромъ молоду князю Глѣбу Олеговичу.

Бирючи по городу разсыпалися, кликали кличь на большу войну. Напередъ идетъ ко княжу двору стрѣлецкая дружина, со топорами, со рогатинами, да со большіими копьями; а за ними шли стары старики, кто на конѣ, кто самъ о себѣ; а далѣй шли молодые молодцы всѣ во ратныихъ доспѣхахъ: со стрѣлами, со колчанами, да со большіими мечами. Какъ на тѣхъ ли, молодыихъ молодцахъ, одно-

рядочки шелковы, всѣ узорчаты; какъ на тѣхъ ли, молодыихъ молодцахъ, шапочки поярковы, всѣ корабликами; какъ у нихъ ли, молодыихъ молодцовъ, спѣхи ратны словно жаръ горятъ. Какъ и тѣ ли, молодые молодцы, головкой помахиваютъ, шапочки побрасываютъ, а сами говорятъ: ««А и дай же то Боже, супостата поборать, за молода князя постоять! У насъ ли молодой князь Глѣбъ Олеговичь воеводою большой, наряжался во походъ со тремя полками. Какъ во первомъ-то полку все дружина удалая, стары копейщики. Какъ и первой-то полкъ ведетъ самъ боярской сынъ, молодой стрѣлецъ; какъ и второй-то полкъ ведетъ самъ княженецкой сынъ, молодой боецъ; какъ и третій-то полкъ ведетъ старый бояринъ, стрѣлецкая голова. Какъ у тѣхъ ли у полковъ ѣдетъ напередъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь. Порадѣйте, братцы молодцы, супостата поборать, за молода князя постоять!»» Сходилася-собиралася рать ко княжу двору. Какъ и ту ли рать уряжалъ старый бояринъ, стрѣлецкая голова. Предъ нимъ дьякъ читаетъ граматки урядныя, кому быть головой во первомъ полку. Доставалось быть головой сыну боярскому, тому сыну боярскому Даніилѣ Ивановичу. Какъ доставалось быть головой во старомъ *) полку сыну княжецкому, тому Микитѣ Ивановичу, молодому бойцу. Какъ во третій полкъ приговорилъ быть себѣ старый бояринъ, стрѣлецкая голова, онъ ли Нежданъ Борисовичь. И становилъ онъ, старый бояринъ, всѣ полки на особицу: напередъ урядилъ большой полкъ старыихъ стрѣльцовъ; далѣй того выводилъ середній полкъ молодыихъ молодцовъ; а послѣй того становилъ сторожевую рать старыихъ стариковъ. У большова-то полка, что у знамечка стрѣлецкова, стоялъ молодой княжецкій сынъ, то наименьшій сынъ стара князя Олега Олельковича. А урядивши рать, во терема высокіе пошелъ старый бояринъ къ молоду князю Глѣбу Олеговичу вѣсть подать. Бьетъ Старчище во большой набатъ. Идетъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь изъ высока терема, садится онъ на крутояраго **) коня. Конь подъ нимъ воздымается выше лѣсу стоячева, выше облака ходячева; а и молодой князь бьетъ того коня по крутымъ бедрамъ: конь подъ нимъ смиряется, клонитъ голову до земли, а самъ копытомъ въ землю бьетъ. Какъ на молоду ли князю на Глѣбу Оле-

*) Во второмъ?—**) Любопытный эпитетъ, нигдѣ у народа не встрѣчающійся.—*О.*

говичу былъ ратный сбруй, богатырской: колчанъ съ каленой стрѣлой, дѣдовской, да мечь кладенецъ его батюшки родимаго. И повелъ онъ, молодой князь Глѣбъ Олеговичь, на войну рать стрѣлецкую, да другу рать молодыихъ молодцовъ; а третью рать старыихъ стариковъ урядилъ во городѣ сидѣть; а городомъ вѣдать указалъ ли тому старому боярину, стрѣлецкой головѣ Неждану Борисовичу.

Не грозна туча во широкомъ полѣ подымалася, не полая вода на круты берега разливалася: а выводилъ-то молодой князь Глѣбъ Олеговичь рать на войну. Какъ прочуялъ змѣй Тугаринъ рать немирную, и началъ мутить Оку рѣку широкіимъ хвостомъ. Широка Ока рѣка возмутилася, круты берега разсыпалися, мутна вода разливалася. Нельзя къ змѣю подойти, нельзя змѣя войной воевать. Широко поле Рязанское, а негдѣ рати стать. На широкіихъ поляхъ кони не стоятъ, на круты холмы вода взошла. На ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичь догадливъ былъ: онъ вынималъ изъ колчана калену стрѣлу, натягивалъ тетивочку шелковую, а самъ приговаривалъ: «Ты лети, лети, моя калена стрѣла, да прямо во Тугарина! Ты угоди, моя калена стрѣла, во его во правой глазъ! Ты прострѣли, моя калена стрѣла, его недобрый глазъ!» Спѣла была тетивка, взвыла да полетѣла калена стрѣла. И угодила калена стрѣла его, Тугарина, да во правой глазъ. Отъ того ли боя великаго, отъ того ли стрѣла могучаго не стало права глаза у Тугарина, того ли глаза недобраго.—А и знаю я, чья та недобрая стрѣла, а и знаю я, кто ту недобру стрѣлу пускалъ, — возговоритъ Тугаринъ. — И ты, молодой князь Глѣбъ Олеговичь, не води рати на меня: погублю тебя во твоей молодости, уведу во полонъ твою молоду княжну Настасью Ивановну во ту ли Золоту орду! — На его-то змѣя слова извѣстныя молодой князь Глѣбъ Олеговичь ни словечушка не молвитъ, ни отповѣди не чинитъ. Только молодые молодцы сабельками помахиваютъ, его Тугарина на смертну рать зовутъ. И туто стрѣлецка рать въ обходъ пошла, Тугарина полонить, его, змѣя, живота лишить. На ту пору Тугаринъ догадливъ былъ: онъ Оку рѣку переймалъ, на стрѣлецку рать пускалъ; и стало стрѣльцамъ не въ мочь.

Не высоко солнце по поднебесью восходило, не румяная заря въ широкомъ полѣ растилалася: а выходилъ то молодой Акундинъ. И

видитъ онъ, Акундинъ, что Рязанцамъ стало не въ мочь, и припало у него, Акундина, желаньице постоять войной за молода князя Глѣба Олеговича. Соимаетъ онъ, Акундинъ, съ крута бедра свой мечь кладенецъ, беретъ съ могуча плеча свой тугой лукъ, а достаетъ изъ колчана калену стрѣлу. Натягиваетъ тетивочку шелковую, а самъ приговариваетъ: «Ты лети, лети, моя калена стрѣла, да во того ли змѣя Тугарина, да во его ли буйну голову! Ты разбей, разбей, моя калена стрѣла, буйну голову Тугарина!» Спѣла была тетивка, взвыла да полетѣла калена стрѣла. И угодила калена стрѣла его, Тугарина, да во самую буйну голову. И во ту пору онъ, собака Тугаринъ, догадливъ былъ, и онъ учалъ молить: — А и гой еси ты, молодой Акундинъ изъ Нова-города! А и бери ты сколько хошь золотой казны, а и бери ты болѣй того каменьевъ самоцвѣтныихъ, лишь возьми, возьми свою калену стрѣлу: а и твоя-то калена стрѣла сгубила меня, молодца, до вѣку. — И его-то, Тугарина, онъ, Акундинъ, не слушаетъ; и его то, Тугарина, онъ еретичество разрушаетъ, а разрушивши его еретичество, идетъ ко круту бережку. Во ту пору Ока рѣка въ круты берега собиралася, на днѣ Оки рѣки желты пески воздымалися. И беретъ онъ, Акундинъ, мечь кладенецъ, разсѣкаетъ его, Тугарина, на сорокъ сороковъ: и отъ того онъ, еретикъ Тугаринъ, дотолѣ и живъ былъ.

Во ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичь съ диву дивовался, а самъ со боярами говоритъ: «А и что то за невѣдомъ человѣкъ? А и какъ Ока рѣка въ круты берега собиралася? А и какъ змѣя Тугарина на бѣломъ свѣтѣ не стало? Не ужь-то и бѣда миновала надъ стольныимъ нашимъ городомъ?» И посылаетъ онъ посла къ Акундину, а велитъ ему, послу, спрошать: «Ты скажи, невѣдомъ человѣкъ: откуда родомъ ты? Какъ звать тебя по имени и какъ величать тебя по изотчеству?» А допросивши, молвить: «Молодой князь Глѣбъ Олеговичь бьетъ тебѣ, молодцу, большiимъ челобитьицемъ,» а справивши большое челобитьице звать его, молодаго молодца, во высокъ теремъ хлѣба-соли кушать да бѣлыихъ лебедей рушать. Идетъ посолъ къ Акундину, а не дошедъ покланяется, а самъ исправляетъ словеса посольскiя: «Отъ стольнаго князя Глѣба Олеговича къ тебѣ, молодцу, слово великое; повелѣлъ стольный князь Глѣбъ Олеговичь тебя спрошать: откуда родомъ ты? Какъ звать тебя, молодца, по имени и какъ величать тебя, молодца, по изотчеству?» И на ту

рѣчь посольскую Акундинъ отповѣдь чинитъ: — А и спасибо стольному князю Глѣбу Олеговичу на его словѣ ласковомъ, а и про его спросъ я самъ скажу. — И справлялъ посолъ ему, Акундину, большое челобитьице, и звалъ его, молодаго молодца, во высокъ теремъ хлѣба-соли кушать да бѣлыихъ лебедей рушать. Идетъ онъ, Акундинъ, ко городу ко Ростиславлю. Тесовы вороты растворяются, а на встрѣчу ему выходитъ весь міръ крещеный да со большіимъ челобитьицемъ. Входитъ онъ, Акундинъ, на княжой дворъ, а туто ему князья и бояре правятъ большое челобитьице отъ молода князя Глѣба Олеговича, и ведутъ его, Акундина, во высокъ теремъ за его бѣлы руки. Входитъ онъ, Акундинъ, во высокъ теремъ, и туто ему, Акундину, велику славу поютъ. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Ты скажи, скажи скорѣй, молодой молодецъ: какъ зовутъ тебя по имени и какъ величаютъ по изотчеству?» На то-то слово привѣтливое вымолвляетъ Акундинъ: — Родомъ я изъ Новагорода, со посадской стороны; зовутъ меня Акундинъ Акундинычъ. — А молвивши, билъ Анкудинъ князю челомъ. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныихъ слугъ бьютъ тебѣ, молодому молодцу, челобитьицемъ.» На тѣ-то слова княженецкія, отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныихъ слугъ выходитъ тысяцкій съ хлѣбомъ-солью: ««Ты пріими, пріими, добрый человѣкъ, большое челобитьице отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныихъ слугъ.»» А молвивши тысяцкій подносилъ ему, Акундину, хлѣбъ-соль. И кланялся Акундинъ всему міру крещеному, всѣмъ исконныимъ слугамъ на хлѣбѣ на соли. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныихъ слугъ бьютъ тебѣ, молодому молодцу, челобитьицемъ.» На тѣ-то слова княженецкія, отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныихъ слугъ выходитъ тысяцкій со шубой соболиною: ««Ты пріими, пріими, добрый человѣкъ, большое челобитьице отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныихъ слугъ.»» А молвивши тысяцкій подносилъ ему, Акундину, шубу соболиную. И кланялся всѣмъ князьямъ и боярамъ, всѣмъ исконныимъ слугамъ, на дарѣ великомъ, на шубѣ соболиной. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «За твои ли услуги великія жалую тебя, молодаго молодца, цѣпью золотой со гривною.» На тѣ-то слова княженецкія выходитъ тысяцкій со цѣпью золотою и со гривною: ««Ты пріими,

пріймп, добрый человѣкъ, большое жалованьице отъ стольнаго князя Глѣба Олеговича.»» А молвивши тысяцкій подносилъ ему, Акундину, золотую цѣпь со гривною. И кланялся Акундинъ большіимъ челобитьицемъ на великомъ жалованьицѣ молоду князю Глѣбу Олеговичу, а самъ вымолвлялъ:—Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичь! Не вели рубить-казнить, а вели слово вымолвить: велика милость Божья до вѣку, широко твое княженье Рязанское отъ Оки рѣки до Дону глубокаго, вѣрны твои слуги исконныя на всей землѣ, велико твое княженецкое подареньице! Не мнѣ, Акундину, носить цѣпь золотую, не мнѣ, Акундину, носить цѣпь золотую и со гривною. Есть у тебя, стольнаго князя, князья и бояре: и то-то подареньице князьямъ и боярамъ. — И дивились князья и бояре мудрымъ словесамъ Акундина. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь: «Князьямъ и боярамъ свой почетъ, а тебя, Акундина Акундиныча, чевствую почестью великою за твои ли услуги великія.» И на томъ князь положилъ свою рѣчь. И кланялся Акундинъ большіимъ челобитьицемъ, а самъ вымолвлялъ:—Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичь! А и не было у насъ во посадничествѣ такого подареньица, а и не было у насъ во всей посадской сторонѣ такого жалованьица; а и слышалъ я, сказывали люди старые, что во каменной Москвѣ жаловалъ стольный князь Димитрій Ивановичь на великъ день своего боярина, что наилучшаго. И ты, осударь, попечалуйся о моемъ сѣтованьицѣ, и ты, стольный князь, соизволь принять мое худое нежеланьице. — И сонмалъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь со правой руки золотъ перстень со камнемъ самоцвѣтнымъ, и жаловалъ его, Акундина, своимъ подареньицемъ, а самъ вымолвлялъ: «Гой еси ты, добрый молодецъ! Ужь и видно то, что ты со родимой земли Русскія, и знать то по всему, что въ твоемъ горючемъ сердцѣ кипитъ кровь богатырская, того ли Велика Новагорода посадничья. А и вы-то, мои слуги исконныя, урядите вы нарядъ по всей земли Рязанской, чтобы ему ли, молодцу Новогородскому, Акундину Акундинычу, пѣли славу вѣчную.» А и туто всѣ князья подходили по себѣ къ Акундину бити челомъ и обниматися, а опослѣй вымолвляли всѣ во едину рѣчь: ««А и будемъ тебѣ, молодцу Новогородскому, Акундину Акундинычу, пѣть славу вѣчную по всей землѣ Рязанской; а и слава та пойдетъ въ роды родовъ, а во той ли славѣ будемъ пѣть: сослужилъ ли онъ, Акундинъ Акундинычь, служ-

бу великую всей землѣ Рязанской, да и избавилъ ли онъ, Акундинъ Акундинычь, городъ Ростиславль отъ полону великаго, отъ люта змѣя Тугарина.»» А и кланялся онъ, Акундинъ, на всѣ стороны, а самъ вымолвлялъ: — А не я то сдѣлалъ, а не я то урядилъ: то воля Божья была! Спасибо вамъ, люди добрые, за ваши словеса привѣтливыя. А и дай же то Боже, молоду князю Глѣбу Олеговичу во вѣки на столѣ княжить! А и дай же то Боже, вамъ, исконнымъ слугамъ, ему, молоду князю, до вѣку служить! А и дай же то Боже, всей землѣ Рязанской вѣкъ вѣковать! — И повели его, Акундина, князья и бояре подъ бѣлы руки во гридницы княженецкія, сажали его, Акундина, за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя, а посадивши его за дубовы столы, прошали хлѣба-соли кушать, бѣлыихъ лебедей рушать. Пошла пирушка великая, столъ богатый на радостяхъ. А и пиръ-то былъ уряженъ на всѣ три дни: во единомъ пиру пировалъ Акундинъ во гридницѣ княженецкой, у молода князя Глѣба Олеговича; какъ во другомъ пиру пировалъ Акундинъ во палатахъ посадничьихъ, у князей и бояръ; какъ во третьемъ пиру пировалъ Акундинъ на посадской сторонѣ, у всего міра крещенаго. А опослѣй того пира великаго, выходилъ Акундинъ во высокъ теремъ къ молоду князю Глѣбу Олеговичу прощатися. Возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичь: «А и гой еси ты, добрый молодецъ Акундинъ Акундинычь! Какъ и жаль-то мнѣ съ тобой разстатися! Придумалось мнѣ, молоду князю, поселить тебя на усадьбище немалое, во палатахъ посадничьихъ, а за твои ли услуги великія наградить тебя боярствомъ. А и сталъ бы печаловаться ты по всей землѣ Рязанской, по моимъ исконнымъ слугамъ. Соизволь принять мое жалованьице княженецкое, соизволь занять усадьбище немалое, палаты посадничьи.» И билъ челомъ Акундинъ ему, молоду князю Глѣбу Олеговичу, а самъ вымолвлялъ: — Велика твоя милость княженецкая, стольный князь Глѣбъ Олеговичь! А и далъ я великъ обѣтъ итти во стольный Кіевъ градъ, да каменну Москву посмотрѣть. — И молилъ его, молода князя, чтобы отпустилъ его, Акундина, во стольный Кіевъ градъ побывать, каменну Москву посмотрѣть. И отпущалъ его молодой князь Глѣбъ Олеговичь, а на прощаньицѣ велѣлъ одарить его, Акундина, князьямъ и боярамъ казною княженецкою да хлѣбомъ-солью. И провожали его, Акундина, князья и бояре и весь міръ крещеный вплоть до Оки рѣ-

ки, до его суденышка оснащенаго. Какъ и міръ-то крещеный ему хлѣбъ-соль подносилъ, а люди-то приговаривали: ««Ты прійми, прійми, молодой молодецъ, отъ всего міра крещенаго хлѣбъ-соль на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго.»» И кланялся Акундинъ міру крещеному, прімалъ хлѣбъ-соль на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго. Какъ и князья-то со боярами молвятъ ему: ««Ты прійми, прійми, молодой молодецъ, изъ казны княженецкой золота и серебра и каменья самоцвѣтнаго сколько хошь, на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго.»» И кланялся Акундинъ князьямъ и боярамъ, а изъ казны княженецкой не бралъ онъ ни золота, ни серебра, ни каменья самоцвѣтнаго, а только молвитъ: —А и то-то добро мнѣ, молодцу, не надобно!—

Садится онъ, Акундинъ, на свое суденышко оснащеное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко внизъ по Окѣ рѣкѣ, и плыло суденышко ровно тридцать и три дня, и прибило суденышко ко круту бережку. Сидитъ Акундинъ на кормѣ, а самъ дивуется: «А и что̀ то за великъ городъ стоитъ на круту бережку?» Никто ему, Акундину, ни словечка не скажетъ, никто ему, Акундину, вѣсточки не дастъ. Подымался онъ, Акундинъ, во нарядъ, а поднявшись выходитъ на крутъ бережекъ и идетъ ко тому городу великому. Входитъ онъ, Акундинъ, во тотъ городъ великой, а во томъ городѣ великомъ бѣда учинилася: нападали злы Татарове на тотъ великъ городъ Муромъ, полонили они людей посадскіихъ во полонъ, со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной, того ли воеводы Муромскаго дочь названую. Идетъ онъ, Акундинъ, на воеводской дворъ, ко тому ли двору изукрашенному. Входитъ онъ, Акундинъ, на тотъ дворъ, а тамъ молода боярыня, Аѳимья Ивановна, плачетъ-возрыдаетъ, а сама̀ въ возрыданьицѣ вымолвляетъ:—Гой еси ты, моя ненаглядная дочь, Настасья Ивановна! Ужь воротись ты, моя лебедь бѣлая, ко своему ли ко родимому батюшкѣ, Неждану Ивановичу, ко своей ли родимой матушкѣ, Аѳимьѣ Ивановнѣ, ко своей ли родимой сестрицѣ, Авдотьѣ Ивановнѣ! Ты взойди, взойди во свой теремъ изукрашенный! Ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, опустѣлъ твой теремъ изукрашенный. Ты взойди, взойди во палаты бѣлокаменны, ко своему ли батюшкѣ родимому: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во палатахъ бѣлокаменныихъ нѣту радости, нѣту веселія у тво-

его родимаго батюшки. Какъ и онъ ли, твой родимый батюшка, со тоски со кручинушки хлѣба-соли не кушаетъ, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во теремъ брусящатый, ко своей ли матушкѣ родимой: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во теремѣ брусящатомъ нѣту радости, нѣту веселія у твоей родимой матушкѣ. Какъ и она ли, твоя родима матушка, со тоски со кручинушки позабыла свое вѣжство пригожее, позабыла свое бѣло личико сурмить *), позабыла свои дороги нарядушки рядить, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во вышку рѣшетчатую, ко своей ли родимой сестрицѣ: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во вышкѣ рѣшетчатой нѣту радости, нѣту веселія у твоей родимой сестрицѣ. Какъ и она ли, твоя родима сестрица, со тоски со кручинушки позабыла игры дѣвичьи, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во свой зеленый садъ, ко своей ли нянюшкѣ: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, опустѣлъ зеленой садъ, осиротѣла твоя нянюшка. Какъ и твоя-то нянюшка слезно плачетъ, возрыдаетъ, а сама въ возрыданьицѣ слово молвитъ: Ты разступися, мать сыра земля, ты поглоти меня, мать сыра земля, горько-одинокую! Для кого я взлелѣяла мою бѣлую лебедушку, красну дѣвицу Настасью Ивановну? Ужь досталась она, родимая, злу Татарченку, бесерменину. Ты раступися, мать сыра земля, ты поглоти меня, мать сыра земля, горько-одинокую! Ты взойди, взойди на свой широкой дворъ, какъ и тамъ ли всѣ твои подруженьки: ужь онѣ слезно плачутъ-возрыдаютъ, а въ возрыданьицѣ слово молвятъ: поднимися ты, туча грозная, по поднебесью, ты заслони, туча грозная, путь-дороженьку злу Татарченку въ Золоту орду! Ты возстань, возстань, вѣтеръ буйной со полуноши, ту умчи, умчи, вѣтеръ буйной, нашу лебедь бѣлую, молоду подруженьку, свѣтъ Настасью Ивановну, во теремъ изукрашенный! Какъ и безъ тебя ли, наша лебедь бѣлая, пріутихли игры дѣвичьи, пріумолкли тайны бесѣдушки, нѣту радости въ зеленомъ саду, нѣту веселія середи двора широкаго. Ты взойди, взойди, туча грозная, ты возгрянь, возгрянь, громова стрѣла, да во того ли зла Татарченка, бесерменина!—Какъ во ту пору выходилъ Нежданъ Ивановичь на свой широкой дворъ

*) Эта выдумка уже не совсѣмъ кстати: лицо вышло бы чернымъ, сурмятъ лишь брови.—*О.*

унимать свою молоду жену, свѣтъ Аѳимью Ивановну. Какъ и онъ ли, Неждань Ивановичь, слезно плачетъ-возрыдаетъ, а въ возрыданьицѣ слово молвитъ: ««Ты не плачь, не плачь, моя молода жена, свѣтъ Аѳимья Ивановна! Не руди ты своего бѣла личика, не надсажай своего здоровьица некрѣпкаго. Какъ и безъ того знать по твоему бѣлу личику злу тоску со кручиною; какъ и безъ того знать по твоимъ горючiимъ слезамъ бѣду наносную. Снаряжу я рать могучую, опошлю ту рать въ Золоту орду немирную, по нашу лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Ты взойди, взойди въ извѣчные домы Божьи *): ты пролей, пролей свои горючи слезы ко Создателю!»» Какъ и туто Нежданъ Ивановичь подкликалъ сѣнныхъ дѣвушекъ, а самъ прикazывалъ: ««Ужь и вы ли, сѣнныя дѣвушки! Ведите вы мою молоду жену, свѣтъ Аѳимью Ивановну, во палаты бѣлокаменны, во теремъ брусящатый. Унимайте вы мою молоду жену отъ слезъ горючiихъ, отъ надсадушки великой.»» Принимали сѣнныя дѣвушки молоду боярыню Аѳимью Ивановну подъ ея бѣлы руки и вводили во палаты бѣлокаменны, во теремъ брусящатый, унимали ее, молоду боярыню, отъ слезъ горючiихъ, отъ надсадушки великой. Выходилъ Нежданъ Ивановичь на свой широкой дворъ ко воротичкамъ тесовыимъ, ко рѣшеточкѣ золотенькой, а самъ выговаривалъ: ««Гой еси вы, добры Муромцы и весь мiръ крещеный! Вѣдомо вамъ, добры Муромцы, что на нашъ славный городъ Муромъ нападала Золота орда немирная, полонила та Золота орда немирная великъ полонъ изъ людей посадскiихъ, со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной.»» Какъ и туто всѣ добры Муромцы и весь мiръ крещеный били ему, Неждану Ивановичу, великiимъ челобитьицемъ, а сами во едину рѣчь вымолвляли: — Вѣдаемъ мы, люди посадскiе, про горе великое, про нежданъ полонъ. Какъ и та ли Золота орда немирная полонила нашiихъ дѣтушекъ со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной. Ужь и ты ли, нашъ могучь воевода, славной бояринъ Нежданъ Ивановичь, придумай-пригадай: какъ воротить изъ полону нашiихъ дѣтушекъ? Ужь у насъ ли, людей посадскiихъ, не стало ума-разума со великой бѣды; ужь у насъ ли, людей посадскiихъ, опустились бѣ-

*) Кажется, сочинитель счелъ эти „извѣчные домы“ за храмы и церкви, между тѣмъ какъ это были богадѣльни и больницы.—*О.*

лы руки со кручинушки, да и нѣтъ силы при старости, да и нѣтъ крѣпости во великомъ сиротствѣ. — Какъ возговоритъ тутъ Нежданъ Ивановичъ: ««Порадѣйте, добры Муромцы, изнять изъ Золотой орды мою лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Награжу я того золотой казной, надѣлю я того золотой парчей, кто воротитъ мою лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Будетъ старъ человѣкъ, — и я того буду чтить во отца; будетъ молодой молодецъ, — и я награжу того Настасьей Ивановной со великiимъ приданымъ.»»

Во ту пору онъ. Акундинъ, стоялъ у воротичекъ тесовыихъ, у той рѣшеточки золотенькой. И жаль ему стало добрыихъ Муромцовъ, а жалчѣй того воеводы Муромскаго. Со того ли со жалѣньица возговоритъ онъ, Акундинъ: «Ты гой еси, воевода Муромскiй, славной бояринъ Нежданъ Ивановичъ! Прикажи мнѣ, молодому молодцу, нагонять Золоту орду немирную, ослободить изъ полону крѣпкаго людей посадскiихъ да твою дочь названую Настасью Ивановну?» Какъ и туто ли возговоритъ Нежданъ Ивановичъ: ««Нагоняй ты, молодой молодецъ, Золоту орду немирную, выручай ты изъ полону крѣпкаго людей посадскiихъ да мою лебедь бѣлую Настасью Ивановну. Награжу я тебя золотой казной, надѣлю золотой парчей и отдамъ за тебя лебедь бѣлую Настасью Ивановну со великiимъ приданымъ.»» И давалъ Акундинъ великъ обѣтъ нагнать Золоту орду немирную, ослободить изъ полону крѣпкаго людей посадскiихъ да названу дочь Настасью Ивановну. Какъ и туто наряжались во нарядъ добры молодцы Муромцы, а съ ними молодой бояринъ Замятня Микитичь, того ли воеводы Переславскаго сынъ названый. И надѣлялъ его, Акундина, онъ, воевода Муромскiй, славный бояринъ Нежданъ Ивановичь, хлѣбомъ-солью на путь-дороженьку. На всходѣ солнца свѣтлаго, на ранней зарѣ утренней, выходилъ Акундинъ изъ славнаго города изъ Мурома нагонять Золоту орду немирную. Какъ за нимъ ли, Акундиномъ, выходилъ молодой бояринъ Замятня Микитичь со дружиной Муромской. Подходитъ онъ, Акундинъ, ко круту бережку, садится на свое суденышко оснащеное, беретъ весельца кленовыя, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко внизъ по Окѣ по рѣкѣ, а за тѣмъ суденышкомъ плывутъ лодочки Муромски. Ѣдетъ онъ, Акундинъ, день, ѣдетъ и другой, а на третiй завидѣлъ Золоту орду немирную на круту бережку. Какъ и туто злы Татарове полонъ дѣлятъ: доставалась ле-

бедь бѣлая Настасья Ивановна злу Татарченку, стару бесерменину. Какъ и она ли, лебедь бѣлая Настасья Ивановна, слезно плачетъ-возрыдаетъ, а сама во слезахъ слово молвитъ: — Ужь и ты ли, батюшка родимой мой! Не жалѣй золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды немирныя, изъ полону крѣпкаго. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужь и онъ ли, злой Татарченокъ, урядилъ на единъ день три дѣльца дѣлать: какъ и первое-то дѣльцо—его, стара бесерменина, поить-кормить; какъ и другое-то дѣльцо—его, стара бесерменина, качать-прибаюкивать; какъ и третье-то дѣльцо—его, стара бесерменина, стеречь бѣлоярова *) коня. Ужь и ты ли, матушка родимая моя! Не жалѣй золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды немирныя, изъ полону крѣпкаго. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужь и онъ ли, злой Татарченокъ, на единъ день меня по три раза бьетъ за вины небывалыя: какъ и первая-то вина—не велитъ мнѣ долго спать; какъ и другая-то вина—не велитъ цвѣтное платье носить; какъ и третья-то вина—не велитъ русу косу носить. Ужь и ты ли, родимая сестрица моя! Не жалѣй ты золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужь и онъ ли, злой Татарченокъ, на единъ день по три раза журитъ-бранитъ: какъ и первое-то журитъ-бранитъ — не велитъ родимую сторонушку вспоминать; какъ и другое-то журитъ-бранитъ—велитъ отца съ матерью забыть; какъ и третье-то журитъ-бранитъ—не велитъ тебя сестрой называть. — Какъ и тутъ ли онъ, Акундинъ, выходилъ на крутъ бережокъ, доставалъ калену стрѣлу, натягивалъ тетивочку шелковую и пускалъ свою калену стрѣлу во того ли зла Татарченка, стара бесерменина. Какъ его-то, братцы, калена стрѣла полетѣла въ Золоту орду, и налетѣла, братцы, его калена стрѣла прямо во того ли зла Татарченка, стара бесерменина. Дотолѣ онъ злой Татарченокъ и живъ былъ. Во ту пору злы Татарове осержалися, а и хотятъ его, Акундина, съ душой съ животомъ разлучить. Какъ и онъ ли, Акундинъ, вынималъ свой мечь кладенецъ, да учалъ рубить Золоту орду немирную. Бьетъ онъ, Акундинъ, Золоту орду единъ день, и той орды кабы на половину стало; бьетъ онъ Золоту орду и дру-

*) Бѣлоярая—у народа пшеница, которой кормятъ коня; но „бѣлояраго коня“ не слыхано.—*О.*

гой день, и той орды кабы треть осталась; бьетъ онъ Золоту орду и третій день, и той орды кабы не бывало. А добивши онъ Золоту орду, выручалъ людей посадскіихъ со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной изъ полону крѣпкаго и снарижалъ онъ тѣхъ полоняниковъ во нарядъ ко славному городу Мурому, со тѣмъ ли молодымъ бояриномъ Замятнею Микитичемъ.

Пошли тѣ Муромцы по круту бережку, а онъ, Акундинъ, садился на свое суденышко оснащеное, да и поплылъ по Окѣ по рѣкѣ, къ тому ли славному городу Мурому. Ѣдетъ онъ, Акундинъ, день, ѣдетъ и другой, а во ту пору идетъ-плыветъ на встрѣчу ему друга орда немирная. Какъ и туто злы Татарове окружали его суденышко оснащеное, а и требовали они, злы Татарове, дани великой. На ту пору денегъ съ Акундиномъ не случилося: только было съ нимъ сто рублей дробныхъ денежекъ. И спрошалъ Акундинъ ту орду немирную: «А и что та за дань великая? А и кому та дань идетъ? А и кто у васъ большой-набольшой?» И туто злы Татарове промолвляли: ««Дани-то великой потягло на всѣ лодочки, а и та дань идетъ въ Большу орду Астараканскую, ко тому ли славну Татарину Тугарину.»» И на тѣ-то рѣчи отвѣтныя Акундинъ вынималъ свой мечь кладенецъ, а самъ промолвлялъ: «А и та ли Ока рѣка ему въ отчину досталася, и онъ-то, Акундинъ, сбираетъ по Окѣ по рѣкѣ со всѣхъ лодочекъ голдовщину и мостовщину.» И туто Акундинъ учалъ со той орды Астраканской насчитывать велику дань за голдовщину и мостовщину: а и той-то дани выходило со сто рублевъ. А и они-то, злы Татарове, хотятъ его съ душой съ животомъ разлучить. Не долго думалъ Акундинъ, да и давай рубить ту орду Астараканскую. На право мечемъ махнетъ,—кабы тутъ орды не бывало; на лѣво мечемъ махнетъ, — кабы пусты лодочки чернѣются. Билъ Акундинъ ту орду Астараканскую цѣлыхъ три дни, а добивши ставилъ по Окѣ по рѣкѣ заставы крѣпкія. И туто онъ, Акундинъ, поѣхалъ ко тому славному городу Мурому, ко тому ли воеводѣ Муромскому ко Неждану Ивановичу. Пріѣзжалъ Акундинъ ко тому славному городу Мурому, а во ту пору во Муромѣ радость великая учинилася: тотъ ли славный бояринъ Нежданъ Ивановичь выдавалъ дочь свою названую Настасью Ивановну за того молода боярина за Замятню Микитича. Входитъ онъ, Акундинъ, во палаты бѣлокамен-

ныя, а и во тѣхъ палатахъ идетъ пиръ княжой, а и туто за дубовымъ столомъ сидятъ князь со княгинею, молодой бояринъ Замятня Никитичь со своей ли молодой женой съ Настасьей Ивановной. А туто молода боярыня Аѳимья Ивановна подносила ему, Акундину, чару съ зеленымъ виномъ, а Нежданъ Ивановичь приговаривалъ: ««Гой еси ты, добрый молодецъ! Пріими чару зелена вина, а выпей ты чару зелена вина за князя со княгинею!»» Пріималъ Акундинъ чару зелена вина, выпивалъ чару зелена вина за князя со княгинею. И опослѣй того онъ, Нежданъ Ивановичъ, рѣчь вымолвлялъ: ««Не знали мы и не вѣдали, что̀ съ тобой содѣялось. А и думали мы, что тебя въ живыхъ не стало: ни то злы Татары полонили, ни то люты звѣри растерзали. А и тотъ ли Замятня Никитичь присватался за нашу Настасью Ивановну; а мы, не вѣдая тебя въ живыхъ, приговорили: отдать свою лебедушку бѣлую за того ли за Замятню Никитича. Будь хочешь ты, за твои заслуги великія награжу я тебя золотой казной, надѣлю я тебя золотой парчей, а на нашей лебедушкѣ не погнѣвайся.»» И билъ челомъ Акундинъ на тѣхъ словахъ вѣжливыхъ, а золотой казны не бралъ, а золотой парчи не спрашивалъ, а бивши челомъ вымолвлялъ: ««По моимъ счасткамъ бѣда учинилася: нападала орда Астараканскаа. Избываючи ту орду Астараканскую, не думалъ я и не гадалъ другой бѣды. А и дай же то Боже, князю со княжною *) вѣкъ вѣковать, добра наживать да дѣтушекъ возрастать!» И прощался Акундинъ съ воеводою Муромскимъ, а на прощаньицѣ слово молвилъ: ««Не дай же то Боже, во вѣкъ въ Муромѣ бывать, того воеводу Муромскаго видать. А и его-то воеводины слова перелетныя: на посуляхъ виситъ.» И за то-то слово изоймаючи, возговоритъ Нежданъ Ивановичь: ««А и бѣгите сюда, добры Муромцы! Вы гоните его, невѣжу, со двора долой, вы гоните его, мужика, и изъ городу вонъ. А и онъ ли, невѣжа, деревенской мужикъ, смѣлъ свататься за боярску дочь!»»

И пошелъ онъ, Акундинъ, изъ Мурома ко круту бережку, садился на свое суденышко оснащеное, да и плылъ внизъ по Окѣ по рѣкѣ ко стольному городу ко Кіеву. Приплывши онъ, Акундинъ, ко столь-

*) Княгинею, новобрачною.—*О.*

ному городу ко Кіеву, справлялъ поминочки съ сорочинами по своемъ родномъ батюшкѣ. На тѣхъ ли поминочкахъ съ сорочинами сидѣли за дубовымъ столомъ сорокъ Каликъ съ Каликою. И пили-ѣли тѣ сорокъ Каликъ съ Каликою канунъваренъ по всѣмъ роднымъ. А опослѣй тѣхъ поминочикъ одѣлялъ Акундинъ тѣхъ сорокъ Каликъ съ Каликою золотой казной на поминъ души по всѣмъ роднымъ. Во ту пору выходилъ старый Калѣчище на особицу, и билъ ему, Акундину, челомъ: ««Спасибо тебѣ на поминочкахъ, на золотой казнѣ! За твою хлѣбъ-соль великую, за твой канунъ варенъ, повѣдаю твою судьбинушку: тебѣ ли, доброму молодцу, на роду счастье написано — женитися на молодой вдовѣ во чужомъ городу. Не умѣлъ ты, добрый молодецъ, изловить бѣлую лебедушку, такъ съумѣй же ты, добрый молодецъ, достать сѣру утицу. Вѣдь твоя-то, сѣра утица, распустила крылушки на крутомъ бережку во большомъ городу, гдѣ палатушки бѣлокаменны, гдѣ вороты красны.»» И тому слову дивился Акундинъ: кабы сходить ко тому городу, гдѣ вороты красны, гдѣ палатушки бѣлокаменныя, да сѣру утицу достать? Справивши во Кіевѣ всѣ поминочки съ сорочинами, надѣвалъ Акундинъ на себя платье Калики Перехожаго и пошелъ во путь во дороженьку сухимъ сухопутьицемъ, тою дорогою прямоѣзжею, что потягла отъ Кіева прямо на Русь. И тою дорогою прямоѣзжею проходилъ онъ велики города съ пригородочками, а нигдѣ не видалъ тѣхъ воротъ красныихъ со палатушками бѣлокаменными. Ни мало, ни много, ходилъ онъ, Акундинъ, тою прямоѣзжею дорогою ровно три года, а на четвертый годъ подходилъ ко круту бережку, ко незнаму городу ко большому. И видитъ Акундинъ туто вороты красны со палатушками бѣлокаменными. Не долго онъ думалъ, да и пошелъ искать по городу сѣру утицу. Ходитъ онъ, Акундинъ, день, ходитъ и другой, а на третій съ надсадушки у него, молодца, ретиво сердце надрывалося, бѣлы руки опускалися, рѣзвы ноги подкашалися. И садился Акундинъ посередъ торгу со Каликами. А тѣ-то Калики Перехожіе были стары старики, а и пѣли они, стары старики, сказаньица немалыя: про стару старину до про Божіихъ людей. И дарилъ онъ, Акундинъ, ихъ, старыхъ стариковъ, золотой казной, а самъ приговаривалъ: «Гой еси вы, Калики Перехожіе! И вы спойте, стары старики, про каменну Москву, и вы спойте, стары старики, про Великъ Новградъ!» И дивились стары старики на великъ подарочекъ, а сами промежь

себя говорятъ:««А и тотъ великъ подарочекъ не посадской: ни то отъ князя, ни то отъ боярина, ни то отъ торгова человѣка.»»И молвитъ туто старый Калика: — Ой вы, глупые старики! Не ужь-то вы не свѣдали дорогой подарочекъ изъ Новагорода? Не ужь-то у васъ ума-разума не стало? — И пѣли стары старики про каменну Москву, а далѣй пѣли про Великъ Новградъ. И за тѣ-то рѣчи старыя дарилъ Акундинъ старыихъ стариковъ золотой казной. И за то-то подареньице пѣли стары старики про него Акундина:««Жилъ-былъ Акундинъ, удалъ молодецъ. А и тотъ добрый молодецъ удалъ изъ Новагорода со посадской стороны со торговой. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодецъ удалъ, на суденышкахъ по Волгѣ по рѣкѣ стары бусы разбивать, животы наживать. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодецъ удалъ, на суденышкахъ по Волгѣ по рѣкѣ стары бусы разбивать, животы наживать. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодецъ удалъ, на стружечку по Окѣ по рѣкѣ отъ полону слобожать, Золоту орду разбивать. Ужь и тамъ ли добрый молодецъ удалъ змѣя Тугарина побивалъ, отъ полону городъ слобожалъ. И за то его, удала молодца, жаловалъ стольный князь со правой руки золотымъ перстнемъ. Какъ и онъ ли, добрый молодецъ удалъ, отъ полону городъ Муромъ слобожалъ, отъ набѣгу красну дѣвицу изымалъ. Какъ и та ли красна дѣвица душа запоручена была; запоручилъ красну дѣвицу душу батюшка родимой ему, удалу молодцу: —Слобожай ты, добрый молодецъ удалъ, лебедь бѣлую мою; какъ за то я награжу тебя золотой казной, какъ за то я надѣлю тебя золотой парчей; какъ за то я выдамъ за тебя красну дѣвицу душу дочь названую свою.—Какъ доставалась лебедь бѣлая душа не ему, удалу молодцу; какъ и доставалъ лебедь бѣлую душу молодой боярской сынъ. Ужь и та-ли, лебедь бѣлая душа, ровно три годочка лебедушкой жила, а на четвертой сѣрой утицей поплыла.»»Не успѣли стары старики свою рѣчь домолвить, какъ туто восплакала-возрыдала молода боярыня Настасья Ивановна, а сама въ возрыданьицѣ слово вымолвила:—Гой еси вы, стары старики! Пріймайте отъ меня, вдовой, мало подаяньице. И вы скажите, стары старики: живъ ли добрый молодецъ удалъ?—Стары старики пріимали подаяньице, а сами промежь себя рѣчь говорятъ:««А и то-то подаяньице не посадское: ни то княженецкое, ни то боярское.»»И туто Акундинъ скидалъ съ себя платье Каличье, окликалъ себя Акундинымъ да и билъ че-

ломъ: «А и ты-то, молода боярыня Настасья Ивановна, вспознай меня, Акундина!» И вспознала она, молода боярыня, его, Акундина, а вспознавши говорила таковы рѣчи:—Богъ суди родимаго батюшку! Не поставилъ во память твои заслуги великія, не хотѣлъ породниться съ удалыимъ молодцомъ. А нонѣсь волею Божею сталося, что ни батюшки родимаго, что ни матушки родимыя, что ни моего Замятни Микитича нѣтъ у меня. Ровно три годочка живу во вдовствѣ сиротой.—

И билъ челомъ онъ, Акундинъ, молодой боярынѣ Настасьѣ Ивановнѣ во своемъ одиночествѣ, а опослѣй засылалъ сваху съ челобитьицемъ. И она-то, молода боярыня Настасья Ивановна, припоминаючи его заслуги великія, созывала честныихъ людей, старыихъ стариковъ, на рукобитьице. А и та-то свадьба была на Вязьмѣ, а и жить стали на Клязьмѣ на рѣкѣ, во селѣ боярскомъ Замятни Микитича. А и онъ-то, Акундинъ, живучи со своей Настасьей Ивановной, состарѣлся и переставился.

(Оттуда же).

III.

ЗАМѢТКА.

А.

Былевое творчество Новгорода глубоко отлично и отъ древнѣйшаго—Кіевскаго, Владиміpова, и отъ дальнѣйшаго — Московскаго. Объемомъ своимъ оно несравненно у́же сихъ обоихъ; не столь богато древнѣйшими стихіями поэзіи, истекшими изъ доисторическаго періода, какъ первое и сравнительно съ нимъ гораздо положительнѣе, историчнѣе, ближе къ исторической дѣйствительности и практичнѣе; за то, сравнительно съ Московскимъ, оно богаче вліяніемъ отдаленной старины и не выражаетъ тѣхъ элементовъ государственности, которые часто бросаются въ глаза при изученіи характера Московскаго. Складъ Новгородскаго творчества, его стихъ,—все это ближе къ Кіевскому, не столько—говоримъ—прадревними, часто неуловимыми элементами содержанія и образами творчества, сколько формою, отдѣлкой и языкомъ, явленіями опредѣленной исторической поры творчества: Былина его цѣльнѣе, такъ сказать мужественнѣе и рѣже ниспускается до краткаго женскаго склада Старины, господствующей въ творчествѣ Московскомъ и здѣсь часто отрывочной, близкой къ пѣснямъ Безъимяннымъ. Начинаясь съ той же эпохи, какъ творчество Владиміpово, съ знаменитаго лица посадника Добрыни, связаннаго съ поэтическими преданіями о водвореніи Христіанства въ Новгородѣ, объ изгнаніи Перуна, объ его послѣднихъ дѣяніяхъ и палицѣ. брошенной на Волховскій мостъ,—съ лица Добрыни, извѣстнаго съ другой стороны и въ творчествѣ Кіевскомъ между первыми его звеньями; примыкая къ той эпохѣ Владиміровой, къ которой возводится начало нашего положительнаго Былеваго творчества и съ которой изображается въ немъ лучшая пора въ первые прочно сложившагося Русскаго міра-народа,

творчество Новгородское опускаетъ однако всѣ постепенности и частности этого міро-созиданія, выраженныя въ Былинахъ о Кіевскихъ и Владиміровыхъ богатыряхъ, объ этой Земской Дружинѣ, стоявшей за возраставшую Земщину всей Руси. Творчество отдѣльнаго, хотя и Великаго, Новгорода, его отдѣльной области, послѣ нѣсколькихъ помянутыхъ образовъ, связанныхъ съ Добрынею, беретъ дѣло какъ бы уже готовымъ, въ ту минуту, когда Новгородъ со всѣмъ раздѣлался съ первобытной древностью, сложился, вышелъ на поприще положительной исторіи. Оно столь же *Земское* творчество, какъ и Кіевское, но оно ограничено эпохою болѣе позднею, болѣе тѣснымъ кружкомъ одного города съ пригородами и областью, если не совершенно внѣ—ибо это была та же Русь,—то особо отъ общихъ интересовъ *всей* Руси, представительство которой бралъ на себя Кіевъ. Татары, общее бѣдствіе всей Руси, лица, замѣшанныя вездѣ и въ Кіевскомъ, и въ Московскомъ творчествѣ, какъ не проникли въ историческій Новгородъ, такъ не попали и въ его творчество Былевое. Однимъ словомъ, главное отличіе сего послѣдняго отъ Московскаго состоитъ въ характерѣ *земства*—по содержанію—и *въ большей древности* цѣльнаго склада, а отъ Кіевскаго въ *частности* мѣстъ, лицъ и событій, въ *позднѣйшей* близости склада и языка къ опредѣленной исторической эпохѣ, къ положительной дѣйствительности.

Слѣды Новгородскаго Былеваго творчества въ семъ видѣ передаются намъ лѣтописями и другими письменными памятниками Новгорода. Послѣ смутныхъ, ему въ особенности принадлежащихъ, полуисторическихъ воспоминаній о призваніи Варяговъ, за отбытіемъ князей на Югъ, взоръ Новгородца не сопровождаетъ ихъ участіемъ, и, тогда какъ они на новомъ поприщѣ дѣйствія вызываютъ множество поэтическихъ сказаній, жизнь Новгородская знаетъ лишь съ ними борьбу, а творчество Новгородское совершенно къ нимъ холодно, хоть бы какая черта, хоть бы намекъ. Поэтическія преданія, какъ сказано, появляются въ Новгородѣ по лѣтописямъ лишь при имени Добрыни, при событіи, освѣтившемъ всю Русь, водвореніи Христіанства. Бывшій посадникъ Великаго города, дядя Просвѣтителя, являясь сюда вторично съ духовенствомъ, сокрушаетъ идоловъ, разоряетъ требища, креститъ людей, борется съ Перуномъ и посѣкаетъ его («Степенная,» ср. Замѣтку при 2-мъ вып.). По другимъ эти подвиги при-

надлежатъ и первому архіепископу, знаменитому Іоакиму Корсунянину: «Сей Іоакимъ архіепископъ раздруши въ Новгородѣ идола Перуна и потомъ повелѣ его, связавъ ужи (узами, веревками), влещи въ рѣку Волховъ, иныхъ же пристави влекомаго бити... И се чудо дивно явися, яко бѣсъ въ немъ, доселѣ живый, не стерпѣ (не стерпѣвъ) сего поношенія, начатъ велми жалостно и болѣзненно веліимъ гласомъ вопити: «Увы, увы, горе, горе, яко впадохся въ руцѣ сихъ немилостивыхъ человѣкъ, иже вчера мя яко бога почитаху, нынѣ же толика ми зла нанесоша! Увы мнѣ, увы мнѣ, что̀ имъ прочее сотворю?» Людіе же единаче (однако, все-таки) влечаху его біюще и, пришедше на мостъ, вринуша его въ рѣку Волховъ, идѣже абіе погрязе во глубину. И по малѣ явися зъ (изъ) воды: единъ же нѣкто человѣкъ верже на него палицею; онъ же, вземъ палицу, верже нею на мостъ и уби тамо мужей килка (нѣсколько). Порази же слѣпотою Новгородцовъ, яко оттолѣ въ сіе время (въ извѣстное время года) даже до нынѣ, въ коеждо лѣто, на томъ мосту люди сбираются и, раздѣлшеся на двое, играюще убиваются (Лѣтоп. Густыньская подъ 990-мъ год.),» т. е. къ этому преданію возводилось начало не только народныхъ Новгородскихъ игръ, но и древней судебной расправы, рѣшавшейся на мосту. «И въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: «О горе, охъ мнѣ! Достахся немилостивымъ симъ рукамъ!» И вринуша его въ Волховъ. Онъ же, пловя сквозѣ великый мостъ, верже палицу свою на мостъ, еюже и нынѣ безумніи убивающеся, утѣху творять бѣсомъ (Соф. Врем.; то же Псковск.).» «Онъ же, пловя сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою и рече: «На семъ мя поминаютъ Новгородскія дѣти!» Еюже и нынѣ безумніи людіе убивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ (Врем.).» За тѣмъ борьба съ Перуномъ горнчара, враждебныя рѣчи («до сыти еси ѣлъ и пилъ, а нынича поплови прочь») и проч. Такимъ образомъ древнѣйшее на глазахъ исторіи Былевое творчество Новгорода, занесенное слѣдами и въ лѣтопись, зачинается такъ же, какъ и Кіевское, со времени Владиміра и его богатырей. Но далѣе, и цѣликомъ, оно отдало своего Добрыню Кіеву. Весь XI-й вѣкъ, вѣкъ самыхъ горячихъ богатырскихъ подвиговъ, воспѣтыхъ въ Кіевской Былинѣ, проходитъ для Новгорода и его поэтическихъ преданій безслѣдно. Лѣтописи народа, по преимуществу дѣловаго и практическаго, не окрашиваются, какъ Южныя, поэтическимъ отцвѣтомъ. Только въ XII вѣкѣ появляются памятники,

происхожденіемъ и содержаніемъ принадлежащіе Новгороду, въ коихъ замѣтно возникаетъ вновь Былевое творческое настроеніе, и этотъ вѣкъ, судя по даннымъ, доселѣ извѣстнымъ, есть единственный вѣкъ памятниковъ Былеваго Новгородскаго творчества. Мы разумѣемъ памятники: о Добрынѣ II-мъ и построеніи Варяжской божницы; объ Антоніи Римлянинѣ; о побѣдѣ Новгородцевъ надъ Суздальцами (Знаменіе); о построеніи Благовѣщенскаго монастыря; о путешествіи Ивана въ Ерусалимъ; о Варлаамѣ; о видѣніи пономаря Тарасія,—памятники, насквозь пропитанные поэтическими преданіями (напечатаны въ «Памятникахъ стар. Р. литер.;» по аналогіи можно заключать, что сюда же по происхожденію примыкаетъ легенда о посадникѣ Щилѣ, исторически извѣстнаго позднѣе, но котораго едва ли слѣдуетъ искать въ исторіи). Замѣчательно, что всѣ эти событія и лица современны тѣмъ событіямъ и лицамъ, кои сдѣлались прямымъ достояніемъ поэзіи и о коихъ мы сейчасъ скажемъ.

Въ семъ же, XII-мъ вѣкѣ, записаны Новгородскими лѣтописями имена лицъ, сдѣлавшихся героями извѣстныхъ намъ Былинъ. Подъ 1118-мъ годомъ (въ Новгор. I-й) *Сотскій Ставръ*, котораго заточилъ Владиміръ Мономахъ: но поэтическія преданія объ немъ, подобно какъ о Добрынѣ, Новгородъ уступилъ творчеству Кіевскому (см. 4-й выпускъ и Замѣтку при немъ стр. LI). За то другія два лица, помянутыя также въ лѣтописяхъ, сосредоточиваютъ на себѣ все, что мы знаемъ лучшаго и главнаго въ устномъ Былевомъ творчествѣ Новгорода, до насъ дошедшемъ. Оба они—исторически—современны: но объ одномъ лѣтописи говорятъ нѣсколько ранѣе, да и Былины обильнѣе чертами, занесенными изъ доисторической древности. Это *Садко* и *Василій Буслаевъ*.

О *Садкѣ* лѣтописи, принадлежащія Новгороду или Новгородскому циклу, говорятъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, то весьма рано, то довольно поздно—въ XII вѣкѣ: но собственно онъ относится, какъ лицо историческое, къ эпохѣ весьма опредѣленной и намъ нужно только выяснить сопостановку свидѣтельствъ. Эти свидѣтельства раздѣляемъ мы на три рода. 1) По поводу построенія древнѣйшей Новгородской Софіи, разрушенія ея пожаромъ и потомъ возстановленія въ новомъ видѣ, упоминается Садко, *позднѣе* построившій въ сей же мѣстности

церковь Бориса и Глѣба. Новгор. III-я: «Въ лѣто 6.497 (989) постави владыка епископъ Іоакимъ первую (прежнюю, древнѣйшую) церковь древяную дубовую Святыя Софіи, имущую верхъ 13; и стояла 60 лѣтъ; и подняся отъ огня (сгорѣла) въ лѣто 6.557 (1.049), Марта въ 4 день, въ суботу, при второмъ епископѣ Лукѣ, въ 13 лѣто. Бысть честно устроена и украшена, а стояла по конецъ (въ концѣ) Пискупли (Епископской) улицы, надъ Волховомъ рѣкою, до каменного дѣтинца-града строенія; идѣже послѣди поставилъ *Сотко Богатой* церковь каменну святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба въ лѣто 6.558 (1.050), яже та церковь (Садкова) стояла въ каменномъ городѣ-дѣтинцѣ близъ каменной градной стѣны.» Это показаніе, которое напрасно издатели лѣтописей, Археографической Коммиссіи, исправляютъ, заключаетъ въ себѣ, именно тамъ, гдѣ они исправляютъ, весьма вѣрныя данныя, нужно только стать на точку зрѣнія лѣтописца. Онъ жилъ уже поздно: онъ только вспоминаетъ о *стоявшей нѣкогда* церкви Садка, при немъ уже не существовавшей; но, поднимаясь въ древность, онъ передаетъ: древнѣйшая, деревянная Софія построена въ 989 году; стояла 60 лѣтъ, отъ 989 до 1.049-го; сгорѣла въ семъ послѣднемъ году; потомъ, послѣ, поставилъ въ сей же мѣстности каменную церковь Садко. Вотъ вѣрныя показанія лѣтописца. Но онъ не говоритъ въ этомъ мѣстѣ о томъ, что въ 6.553 г. (1.045) заложена новая, каменная Софія; объ этомъ говоритъ онъ ниже; говорятъ и другіе лѣтописцы: поелику же съ 6.553 (1.045) до 6.557 (1.049) года протекло 4 года, то они показываютъ, что деревянная церковь Софіи стояла 4 года, какъ увидимъ ниже. Ошибка лѣтописца III-й Новгор. лѣтописи не въ томъ обстоятельствѣ, которое исправлено издателями, а въ томъ, что, не заставъ уже *каменной* церкви Садка и времени ея построенія, онъ относитъ построеніе ея къ 6.558 (1.050) году, къ тѣмъ годамъ, въ которые, спустя столѣтіе, построена церковь Бориса и Глѣба, только не каменная, а *деревянная*, и не Садкомъ; то есть, встрѣтивши въ старыхъ запискахъ упоминаніе о построеніи церкви Б. и Гл. деревянной, онъ смѣшалъ ее съ каменною. Это сейчасъ мы увидимъ далѣе. Новгородская II-я: «Въ лѣто 6.497 (989; издатели исправляютъ этотъ годъ ошибочно, какъ увидимъ ниже) постави владыка Іакимъ церковь деревянную Святую Софію, имущи верховъ 13. И стояла 4 лѣта, и поднялась церковь Святаа Софіа отъ огня (сгорѣла) мѣсяца

Марта въ 4, въ суботный день, бывше (въ старомъ видѣ) честно устроена и украшена. А стояше конець Епископли улици, надъ рѣкою надъ Волховомъ, идѣже инны (иногда, въ другое время; издатели ошибочно исправляютъ *нынѣ* по другимъ лѣтописямъ) поставилъ *Сотко Сотникъ* (при этомъ указаніи встрѣчаемъ позднѣйшія прибавки, которыя уяснимъ ниже: «*Сотко Сытничь исытинѣ,*» т. е. «и *Сытинѣ*») церковь святыхъ страстотерпець князей Рускихъ Бориса и Глѣба.» Такимъ образомъ показанія этого лѣтописца сходятся съ Новгородскою III-ею: Іоакимъ поставилъ деревянную Софію 989 года; объ этомъ пишетъ лѣтописецъ подъ 6.553 (1.045) годомъ, по поводу заложенной тогда новой каменной Софіи; по поводу же ея мѣстоположенія прибавляетъ, что *инны,* въ другое, послѣдующее время, тутъ же поставилъ свою церковь Садко, но когда, не зная или не входя въ подробности, онъ молчитъ; явно только, что онъ жилъ уже послѣ построенія Садковской церкви. Тѣ, позднѣйшіе, лѣтописцы, которые вмѣсто *инны* поставили *нынѣ,* а за ними и издатели, такъ же исправившіе текстъ, ошиблись, ибо около сего времени построена не Садковская каменная, а деревянная церковь Бориса и Глѣба. Разнорѣчіе здѣсь съ Новгородскою III-ю то, что въ сей послѣдней и нѣкоторыхъ другихъ, какъ увидимъ, годъ пожара 6.557-й (1.049), а здѣсь 6.553-й (1.045). И это бы не бѣда; лѣтописецъ считаетъ, что «стояла» деревянная Софія «4 лѣта:» отъ чего и до чего онъ считаетъ? Явно, что отъ 1.045-го до 1.049-го и, стало быть, признаетъ время пожара въ семъ послѣднемъ году. Здѣсь одно важно: день пожара указанъ «Марта въ 4, въ субботу,» а 4-е Марта въ субботу приходилось, говорятъ, въ 6.553 (1.045) году. Я не имѣю подъ рукою данныхъ для повѣрки этого разсчета (да и некогда сюда пускаться при моемъ дѣлѣ): я знаю лишь, что и въ тѣхъ свидѣтельствахъ, кои укажемъ ниже и въ коихъ пожаръ означенъ подъ 1.049-мъ годомъ, высчитано то же «4 Марта въ субботу.» Если это число съ субботою падаетъ именно на 1.045-й годъ, то остается допустить: Іоакимовская деревянная сгорѣла въ семъ году; въ семъ же году заложена новая каменная; но такъ какъ послѣдняя кончена постройкою позднѣе, то была конечно поставлена временная деревянная, не стóившая, чтобы о построеніи ея говорить особо и сгорѣвшая послѣ въ 1.049-мъ году; стало быть, лѣтописцы смѣшивали двѣ деревянныя церкви, древнѣйшую и временную, и два

пожара ихъ. Вообще въ описаніяхъ, кои мы разбираемъ, видимо сопоставляются и даже смѣшиваются, по самымъ даже годамъ, Софіи старая и новая, деревянная и каменная, да церковь Благовѣрныхъ Князей старая и новая, деревянная и каменная. Мы надѣемся, что по крайности уясняемъ путь для различенія показаній. Издатели же Археографической Коммиссіи, какъ неправильно исправили *нынѣ* вмѣсто *инны*, столь же неправильно подставили 6.553 (1.045) годъ вмѣсто 6.497 (989), ибо для лѣтописца это дѣла розныя: подъ послѣднимъ годомъ говоритъ онъ о построеніи церкви Іоакимовской, а подъ первымъ объ ея пожарѣ и возстановленіи. Теперь пойдемъ далѣе.—Въ Софійскомъ Временникѣ: «Въ лѣто 6.557 (1.049), мѣсяца Марта въ 4 день суботный, сгорѣ церкви святая Софія, бяше же честно устроена и украшена, 13 верхы имуще. А стояла конець Пискупіи улицы надъ Волховомъ (Волхвомъ), идѣже нынѣ постави *Сотко* (въ печатн. прежнемъ *Погатой*, т. е. *Богатой*) церковь камену святаго Бориса и Глѣба.»—Въ Никоновской: «В лѣто 6.557 (1.049) мѣсяца Марта въ 4 день суботныі згорѣ в Новѣгороде церковь святыя Соѳия, бѣша (бывше, бывши) бо честно устроена и украшена, 13 верхи имуще. А стояла конецъ Пискупли улицы над Волховомъ, идеже нынѣ поставилъ *Сотко* святаго Бориса и Глѣба.» Въ обоихъ случаяхъ время пожара 1.049-й годъ, а по поводу мѣстности упомянута церковь Садка, но вставка *нынѣ*, отводя построеніе ея къ 1.045 или 1.049 году, смѣшиваетъ церковь деревянную, бывшую до Садки, съ его—каменною. *Нынѣ* остается вѣрнымъ только съ той точки зрѣнія, если лѣтописцы относятъ это не къ 1.045 или 1.049-му, а ко времени своей жизни, заставшей построеніе каменной церкви Садка. — Слѣдуетъ упомянуть показаніе старѣйшей и надежнѣйшей лѣтописи Новгородской І-й, въ которой пожаръ отнесенъ къ 6.553 (1.045) году, но счетъ чиселъ и дней иной: «Въ лѣто 6.553 съгорѣ святая Софія въ *суботу*, по заутрьніи въ часъ 3, *мѣсяця Марта въ 15*. Въ то же лѣто заложена бысть святая Софія Новѣгородѣ Володимиромъ княземъ.» Этотъ счетъ заставляетъ думать, что показаніе о другомъ пожарѣ, 1.049 года, вѣрно указываетъ 4-го числа субботній день, ибо, если 15 Марта 1.045 года была суббота, а раньше ея другая 8-го числа, вторникъ 4-го, то въ 1.049-мъ году (безъ высокоснаго) 4-е число точно приходилось въ субботу. Не разнился ли тогдашній счетъ отъ позднѣйшаго, ко—

имъ нынѣ руководятся изслѣдователи?—Остается сказать, что какъ въ приведенномъ мѣстѣ Новгородской I-й, такъ и въ другихъ лѣтописяхъ, подъ 6.553 (1.045) годомъ однообразно приводится свидѣтельство о закладкѣ новой каменной церкви Софіи (освящена позднѣе), о закладкѣ, подавшей лѣтописцамъ поводъ говорить о прежней сгорѣвшей: «Въ лѣто 6.553 заложи Володимеръ святую Софію въ Новѣгородѣ;» «заложи князь Володимеръ Ярославичь и владыка Лука святую Софію каменую въ Великомъ Новѣгородѣ (при чемъ, по привычкѣ, приписано помянутое «*Сотко Сытничь и Сытинѣ*»).— 2) Любопытны теперь другаго рода свидѣтельства или, лучше, другая сторона ихъ: почему лѣтописи, если не вставляютъ *нынѣ* или не относятъ его къ годамъ, современнымъ пожару старой и закладкѣ новой Софіи, вставляютъ имя Садки тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, приписывая ему построеніе церкви, какой онъ вовсе не строилъ? Именно, какъ мы видѣли, Новгородская III-я указываетъ годъ построенія Садковской церкви 6.558 (1.050), годъ (по нѣкоторымъ) освященія каменной Софіи; Новгородская II-я (если читать съ позднѣйшими не *инны*, а *нынѣ*) приводитъ годъ 6.553-й (1.045), время пожара старой и заложенія новой Софіи; Софійскій Временникъ и Никоновская упоминаютъ 6.557-й (1.049), годъ пожара старой Софіи, и т. д.: ясно, что Софія, разными судьбами своими, пожаромъ или возстановленіемъ, по роковому сближенію ея мѣстности съ мѣстностію церкви Садковской, напоминала лѣтописцамъ сію послѣднюю, построенную тутъ же, но время построенія коей, отъ нихъ удаленное въ прошломъ, было неизвѣстно имъ въ точности. Лѣтописцы ставили года по старымъ записямъ, пріурочивали къ нимъ преданія, но сами уже не застали построенія или даже существованія Садковской церкви, и потому сбивались. Но была и другая вѣроятная причина такому смѣшенію: церковь Бориса и Глѣба была точно построена въ Новгородѣ, и именно около тѣхъ же лѣтъ, и въ той же мѣстности, только спустя столѣтіе, *деревянная*, и строилъ ее совсѣмъ, оказывается, *не Садко*. А именно. Новгор. I-я: «Томъ же лѣтѣ (6.654, 1.146) сдѣлаша 4 церкви: *святую мученику Бориса и Глѣба въ градѣ* (дѣтинцѣ), святого пророка Ильѣ, и святую апостолу Петра и Павла на Хълмѣ, и святую безмездьнику Козму и Даміяна;» Новгор. IV: «Въ лѣто 6.654 сдѣлаша 4 церкви: Бориса и Глѣба *въ городѣ*,» и проч.; Новгородская же III-я всѣхъ

точнѣе: «Въ лѣто 6.654 сотвориша въ Великомъ Новѣгородѣ, при епископѣ Нифонтѣ, 4 церкви *древяныхъ:* святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба *въ Околоткѣ, въ Каменномъ городѣ,* Козьма и Даміанъ,» и проч. Обстоятельство это усиливалось и вводило еще въ дальнѣйшія заблужденія тѣмъ, что *въ то же время* и *тѣ же самыя церкви* поставлены были *въ Смоленскѣ.* Такое показаніе, какъ на примѣръ въ Воскресенскомъ спискѣ, замѣчалось на полѣ противу событій Новгородскихъ: подъ 6.653 (1.145; ср. выше 6.553—1.045 года) годомъ—«Заложиша въ Смоленску на Смядыни церковь камену Бориса и Глѣба.» Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ Новгородскихъ вошло это и въ текстъ, напр. въ IV-й: «Въ лѣто 6.653 заложиша церковь камену святаго Бориса и Глѣба на Смядынѣ въ Смоленьскѣ.» Въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописей извѣстіе Смоленское даже вытѣснило собою Новгородское, напр. въ Никоновской: «Того же лѣта (6.653—1.145) въ Смоленце заложиша церковъ камену святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба на Смедыне;» а въ слѣдующемъ году снова: «Того же лѣта (6.654—1.146) здѣлаша четыре церкви камены в Смоленске святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба на Смедыне, а во граде святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, и святаго пророка Боговидца Ильи, і святыхъ чюдотворецъ безсребреникъ Козмы и Дамьяна.» Соблазнъ былъ такъ великъ, что, на примѣръ, Новгородская IV-я, говоря о церкви Бориса и Глѣба (деревянной) въ Новгородѣ, приписываетъ: «на Смядынѣ,» и т. п. Въ самомъ дѣлѣ: тѣ же года (хотя и столѣтіемъ раздѣленные), или, лучше, то же число лѣтъ, бросающіяся въ глаза, тѣ же церкви и имена ихъ святыхъ, упоминаніе—то деревянныхъ церквей сего имени въ Новгородѣ, то тѣхъ же каменныхъ въ Смоленскѣ,— все это непремѣнно заставляло спутывать дѣло Садки, особенно въ глазахъ тѣхъ, кои подлинной церкви его не видали или не застали. И вотъ мы получаемъ его имя, весьма поучительное для насъ, но на такомъ мѣстѣ, гдѣ ему совсѣмъ не слѣдъ: то при Софіи по близости мѣстной, то при деревянныхъ церквахъ Новгорода и Смоленска, то отсюда снова, столѣтіемъ выше, при пожарѣ и возстановленіи Софіи. Однако исправнѣйшія по тексту лѣтописи, а нѣкоторыя даже тѣ самыя, только подъ другими годами, болѣе вѣрными, сообщаютъ намъ показанія несомнѣнныя и подлинныя. Именно. 3) Въ Новгородской I: «Въ лѣто 6.675 (1.167) сѣде Мьстиславъ Изясла-

вицъ Кыевѣ на столѣ. На ту же весну заложи *Съдко Сытиницъ* (разнор. *Сотко Сытиничь*) церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба, при князи Святославѣ Ростиславици, при архіепископѣ Иліи;» объ освященіи: «Томъ же лѣтѣ (6.681—1.173) святи церковь Новѣгородѣ Илія архіепископъ Новгородьскыи святую мученику Бориса и Глѣба камяную въ градѣ, мѣсяця октября 14.»—Новгородская III-я: «Въ лѣто 6.675 (1.167) въ Великомъ Новѣградѣ, на Софійской сторонѣ, заложи церковь каменну святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба въ Околоткѣ *Сотко Сытиничь*, въ каменномъ городѣ-дѣтинцѣ, при Іоаннѣ архіепископѣ (ср. выше, какъ тотъ же самый лѣтописецъ, смѣшавъ Софію и другую церковь Бориса и Глѣбэ деревянную, разсказываетъ о построеніи ея Садкою въ 1.050 году).»—Въ Псковской I-й: «Въ лѣто 6.675 (1.167) заложи *Сотко* святаго Бориса и Глѣба.» И такъ остается несомнѣннымъ, что церковь сію, каменную, заложилъ Садко въ 1.167 году *). Былины приводятъ то же самое обстоятельство, но, подобно лѣтописямъ, смѣшиваютъ храмъ Софіи; когда Садко разбогатѣлъ,

И вложивалъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце:
Шедъ Садко, *Божій храмъ сорудилъ*
А и во имя *Софіи Премудрыя*,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.

(Ср. у насъ вып. 5, № 3); описаніе отдѣлки храма близко къ тому, что въ лѣтописяхъ о древней деревянной Софіи. Былина даже еще приписываетъ ему построеніе двухъ церквей—Стефана Архидьякона и Николая Можайскаго; послѣдняя въ № 2-мъ даже именуется «приходомъ» его:

Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ,—
Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
Того Николу Можайскаго.

*) Любопытно замѣтить, что отношеніе лѣтописцевъ Новгородскихъ къ дѣлу Садки можетъ повести къ заключенію, когда они жили и писали, какъ составлялись лѣтописи. Это явствуетъ изъ данныхъ, отчасти нами разобранныхъ.

(И вотъ почему, замѣчали мы при печатаніи текста былинъ, помѣщенная подъ № 3-мъ собственно предшествуетъ, ибо въ ней говорится только еще о построеніи церкви Николая, а въ № 2-мъ о сей послѣдней какъ уже готовой; но такія данныя, важныя въ лѣтописяхъ, неважны для былеваго творчества). — Остается намъ сдѣлать выводы. Какъ Садко въ былинахъ гулялъ по рѣкамъ и морямъ, такъ было суждено гулять его имени по лѣтописнымъ числамъ въ теченіе почти двухъ сотъ лѣтъ: имя, стало быть, слишкомъ знакомое Новгородцамъ; не всякому такъ удается. Церкви, какъ знаемъ изъ лѣтописей Новгорода, ставились часто и другими лицами: но они не стяжали такой славы. Несомнѣнно, что это былъ гость или торговецъ знаменитый, по богатству ли, или по своимъ похожденіямъ, а скорѣе по тому и другому. Имя, славное по лѣтописнымъ двухвѣковымъ записямъ, конечно еще больше жило и въ памяти, и въ устахъ народа, обставлялось разсказами, преданіями: они-то и возбудили народное творчество, породили собою былины и были виною того, что изъ развалинъ исчезшаго Новгородскаго Былеваго творчества сохранились до насъ и занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ былины именно о Садкѣ.—Крестное имя его вѣроятно было (Еврейское по происхожденію) *Садокъ*; но, или осмыслили его по Русски, или даже въ крещеніи дали имя соотвѣтственное народному (см. нашу Замѣтку при II-мъ томѣ Пѣсень собр. Рыбниковымъ), только очевидно, что народъ въ этомъ имени представляетъ себѣ *садъ*, уменьшительное *садокъ* (hortulus): въ былинахъ герой себя называетъ даже просто *Садъ*. *Садокъ* склоняли *Са́дка, Са́дкѣ, Са́дкомъ*; дальнѣйшая форма, возникшая уже изъ этого склоненія (по формѣ звательнаго, какъ въ Сербскомъ), была *Садко* и—рѣже (см. Рыбникова) *Садке*; наконецъ (откуда и звательная *Садко*)—*Садка, Садки, Садкѣ, Садкою*. Отсюда же въ лѣтописяхъ *Съдко* (Новгородское древнее нарѣчіе отличается полугласными ъ и ь тамъ, гдѣ въ другихъ случаяхъ и позднѣе *а, я, о, е*), *Сотко*; послѣднему названію помогло также вѣроятно прозвище *Сотникомъ*. *Сотникомъ* названъ онъ лишь въ одной лѣтописи, Новгородской II-й; но это не первый примѣръ для героевъ Новгородскаго творчества: Сотскимъ былъ и Ставръ. Только тотъ былъ изъ бояръ, лучшихъ мужей, почему въ Кіевскихъ былинахъ и прозванъ *бояриномъ*: Садко же конечно выборный изъ гостиной, торговой сотни. Далѣе въ лѣтописяхъ онъ

называется *Богатымъ*: таково же постоянное его прозвище и въ былинахъ, чаще всего въ сочетаніи—«Садко Купецъ Богатый Гость.» Наконецъ въ лѣтописяхъ, и лучшихъ, придается ему отчество *Сытиницъ*, *Сытиничь*, *Сытничь* (испорченное «и *Сытинъ*,» гдѣ *ь* вмѣсто *ч*): если это дѣйствительное отчество, то отъ народнаго имени (извѣстнаго нынѣ въ фамиліяхъ) *Сытъ*, *Satt*, *Satur*, имя отца, сходное съ народнымъ именемъ и сына—*Садъ*, *Садко*, *Сотко*; это же имя, въ собирательной формѣ, извѣстно какъ бранное, въ выраженіи «волчья *сыть* (ср. былины прежнихъ выпусковъ);» припомните народныя имена, перешедшія въ прозвища и фамиліи,—*Сытой*, *Сытого*, *Сытыхъ*, *Благъ*, *Благой*, *Благого-Благово*, *Благихъ*, *Сухъ*, *Сухой*, *Сухого-Сухово*, *Сухихъ* и т. п. Мы однако же склоняемся къ мнѣнію, что вѣрно одно изъ двухъ: или *Сотникъ*, или *Сытничь*, *Сытиничь*, т. е. или *Сътникъ*, *Сотникъ* подъ рукою лѣтописцевъ передѣлано изъ *Сътничь*, *Сытничь*, *Сытиничь*, или на оборотъ. Но довольно.

Другой герой Новгородскаго Былеваго творчества, столь же знаменитый, исторически современный Садкѣ, упомянутый съ нимъ почти рядомъ подъ лѣтописнымъ числомъ, но только въ одной лѣтописи и одинъ лишь разъ, есть *Василій Буслаевъ*. Никоновская лѣтопись *), спустя три года послѣ извѣстія о заложеніи церкви Садкою, подъ 6.679—1.171-мъ годомъ говоритъ: «Того же лѣта преставися в Новѣгороде *посадникъ Васка Буславичъ*.» Здѣсь стóитъ обратить вниманіе во первыхъ на то, что онъ названъ *Васкою*, *Ваською*: таково же, въ уменьшительномъ видѣ, любимое употребленіе имени его и въ народныхъ былинахъ, даже любимѣе, чѣмъ *Василій*; оно такъ и идетъ къ удальцу, проказнику, народному любимцу. Если смерть его стóило занести въ лѣтопись рядомъ съ важными событіями, то понятно значеніе этого героя въ Новгородѣ и объясняется также, почему, рядомъ съ Садкою, это любимѣйшій герой уцѣлѣвшихъ Новгородскихъ Былинъ. По году смерти нужно полагать, что лучшая пора дѣятельности Василья, какъ лица историческаго, приходилась въ половинѣ XII-го вѣка. Но въ городской дѣятельности се-

*) И рукописный хронографъ Румянц.

го времяни, довольно подробно описанной по Новгородскимъ лѣтописямъ, мы съ этимъ именемъ не встрѣчаемъ *посадника:* можетъ статься, при крестномъ имени *Василья*, какъ это бывало въ старину весьма часто, было другое народное имя, и Василій Буслаевъ скрывается отъ насъ подъ какимъ нибудь *Якуномъ*, *Нѣжатою* и т. п. Отецъ его *Богуславъ*, чисто-славянское народное имя, какъ «Богухвалъ,» «Богумилъ (Gottlob, Gottlieb)» и т. п.: отсюда уже сокращенныя формы *Буславъ*, даже *Буслаевъ* (Рыбник. II), *Буславей*, *Бусланей*, *Буславьюшко*, *Буслай*, и, сообразно тому, Василій по отчеству *Буслаевичь*, *Буславьевичь*, *Бусланеевичь*, *Буславичь*, *Буслаичь*, *Буслаевъ* (переходящее въ прозвище, фамилію), испорченно (Рыбник. I) *Сеславьевичь*. Наконецъ, какъ лѣтописью записана его смерть, такъ объ смерти же его разсказываетъ и особая былина.

Разумѣется, исторической дѣятельности сихъ двухъ историческихъ лицъ нельзя уже искать въ Былинахъ: здѣсь это типы Новгородскаго Былеваго творчества. Но любопытно замѣтить одно соотношеніе: въ Былинахъ о Садкѣ сравнительно менѣе историческаго отцвѣта, болѣе преданій и образовъ доисторическихъ, обильнѣе образы народнаго творчества, заслоняющія исторію дѣйствительную; за то, какбы въ замѣнъ, мы видѣли о Садкѣ несравненно болѣе лѣтописныхъ указаній. На оборотъ, о Буслаевѣ въ лѣтописи одно лишь скудное свидѣтельство: за то Былины, посвященныя его дѣятельности, вмѣщая сравнительно весьма мало древнѣйшихъ образовъ творчества, прямѣе и ярче очерчиваютъ Новгородскую историческую дѣйствительность, со всѣми ея мелочами, именами окружавшихъ лицъ, улицъ и т. д.

Теперь, забывая исторію внѣшнюю, положительную, дѣйствительную, перейдемъ во внутреннюю, какъ она дается намъ въ Былинахъ о Садкѣ и Буслаевѣ, въ народномъ устномъ творчествѣ.

Мы знаемъ, что въ Кіевскомъ творчествѣ Богатыри—представители Земщины, но не сидячей и осѣдлой, а той части, которая ратуетъ на заставахъ, хранитъ зерно Земщины, борется съ врагами ея, расширяетъ предѣлы ея дѣйствій, то есть представители подвижной Земской Дружины. Въ Новгородѣ, по условіямъ его торговаго быта,

были своего рода богатыри: это, во первыхъ, Гости, люди Торговые, не тѣ сидячіе лавочники и владѣтели складовъ, которые укрывались за вервями общества и частоколами города, не нынѣшніе дѣятели торговыхъ городскихъ домовъ, представители фирмъ и конторъ, не эта торговая Земщина, а по тому времени предпріимчивые удальцы, добывавшіе золото отважными подвигами, бродившіе по необходимости мѣновой торговли, водившіе обозы или по водѣ сплавлявшіе клади за черту Новгородскихъ владѣній, въ далекіе края; люди бродячіе, перехожіе и переѣзжіе, въ собственномъ смыслѣ *гости*, по необходимости вооруженные и съ вооруженными шайками, доводимые и часто доводившіе какъ чужеродцевъ, такъ и свою метрополію, до отчаянныхъ дракъ, *hostes*, составлявшіе такую же Торговую Дружину и въ тѣхъ же отношеніяхъ стоявшіе къ осѣдлымъ торговымъ общинамъ, какъ Дружина Богатырская къ общинамъ земледѣльческимъ, вообще къ Землѣ и Міру. Это, говоримъ, была Торговая Община въ движеніи (какъ артель), Торговая Дружина, сходная во многомъ съ Кіевскими Богатырями. Она, за предѣлами Новгородской области, первая разнесла въ окрестные и далекіе края имя и славу сей послѣдней, первая высматривала мѣста, приманки, пути и дѣятелей торговли, первая завязывала сношенія, и уже за нею-то послѣ слѣдовала Дружина въ собственномъ смыслѣ, не торговая, а чисто-Военная, та, которая завоевывала страны. Первое завоеваніе Новгорода всегда было Торговое, чрезъ его Гостей, славныхъ отъ Шпицбергена и Норманскихъ береговъ до островковъ въ низовьяхъ Волги, до Хвалынскаго-Каспійскаго моря, куда изстари ходили Новгородскіе Гости, а потомъ, на глазахъ исторіи, Дружины Военныя съ Князьями. Образецъ такого своеобразнаго богатыря Торговли, возможнаго лишь въ Новгородѣ, типъ сего рода людей развитъ и возстановленъ въ Новгородскомъ Былевомъ творчествѣ: это *Садко*, съ постояннымъ именемъ и прозвищемъ—*Купецъ, Богатый Гость*. Какъ онъ дошелъ до того, чтобъ быть этимъ типомъ, откуда взялось его богатство, всѣхъ перещеголявшее, какими дѣяніями добылъ онъ себѣ это славное имя, однимъ словомъ—похожденія и приключенія Новгородскаго Гостя, весь его *генесисъ*, бытіе и ростъ,—вотъ что всего больше должно было занимать воображеніе древняго Новгородца, и вотъ задача, которую взялось выполнить его Былевое творчество рядомъ Былинъ о Садкѣ. Беремъ здѣсь Былины не только

въ этомъ Выпускѣ помѣщенныя, но и отпечатанныя нами при изданіи Пѣсень Рыбникова, изъ которыхъ всего подробнѣе въ I-мъ томѣ подъ № 64-мъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ не отличался Садко какимъ ни будь ученьемъ, съ молоду былъ бѣднякъ, чуть не голь кабацкая. Только онъ не поводился съ пьяницы съ безумницы, а лучше, по веселому нраву и любви къ искусству, хотѣлъ жить Веселымъ Молодцомъ, Веселою Скоморошиной: имѣлъ у себя кое-какія гусли, умѣлъ играть, ходилъ съ ними по пирамъ по бесѣдамъ, тѣшить и занимать слушателей за денежную плату. Разъ его долго не приглашали никуда: захудалъ и оголѣлъ онъ, стоскнулся. Въ кручинѣ своей пошелъ онъ съ гуслями на берегъ Ильменя, къ окраинѣ озера, къ тому привѣтному лону водъ, къ которому издревле, съ античныхъ временъ, хаживали раздѣлять тоску всѣ пѣвцы и художники, откуда родилась сама Красота, откуда черпали золото во всѣ вѣка предпріимчивые удальцы и торговцы, гдѣ царствовалъ у Грековъ грозный и страшный, но привязчивый, но гостепріимный, грубый и невѣжественный, но любитель искусствъ и богатый покровитель ихъ—Посейдонъ, а въ нашемъ былевомъ творчествѣ *Царь Морской, Царь Водяной* или *Поддонной, Водовикъ, Водяникъ,* бурный какъ влага морская, и столь же податливый и расплывчивый какъ всякая влага. Садко сталъ на берегу играть—и не ошибся: три раза ходилъ онъ играть, три раза колыбалася вода въ озерѣ, въ третій разъ появился самъ Царь Морской: «Не знаю, говоритъ Садкѣ, чѣмъ будетъ тебя пожаловать за твои за утѣхи за великія, за твою-то игру нѣжную. Аль безсчетной золотой казной?» То и нужно было: научилъ Садку поспорить съ купцами Новгородскими, что въ Ильменѣ есть рыбы съ золотыми перьями, что лоно водъ родитъ золото. Закинули въ море неводъ, вытащили рыбъ золотыхъ, рыбы дали еще золото, рыбы сами стали золотомъ: Садко выигралъ большіе заклады, Садко обзавелся домкомъ, устроилъ себѣ палаты по небесному, на небѣ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, въ палатахъ у Садки тоже солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды. Сталъ Садко собирать у себя почестные пиры, принималъ у себя «Настоятелей Новогородскіихъ, *Ѳому Назарьева* и *Луку Зиновьева,*» — о значеніи ихъ мы поговоримъ ниже по поводу Буслаева. Сталъ Садко на пирахъ захвастываться: для него возможно было лишь одно единоборство богатырское,—въ спорѣ, у кого больше денегъ, кто повыкупитъ товары Новгородскіе. Эта борьба, которою

другія былины кончаютъ, въ настоящемъ случаѣ, по той былинѣ, которой мы пока держимся (Рыбни. Т. I, № 64), не доведена до побѣды: закупаетъ Садко товары Новгородскіе, а на другой день ихъ вдвое больше принавéзено, вдвое больше принаполнено, на ту на великую на славу Новгородскую подоспѣли товары Московскіе, подоспѣли Заморскіе. Новгородъ поднялся выше своего питомца и вскормленника; смирился торговецъ: «Не я, видно, богатъ, Богатый Купецъ Новогородскиій, побогаче меня славный Новгородъ!» Тогда догадался онъ: снарядилъ свои тридцать кораблей; начинаются его блужданія по водамъ, его похожденія и приключенія, главное содержаніе всѣхъ былинъ. Вотъ куда Садко хаживалъ: 1) «по Волхову, со Волхова во Ладожско, со Ладожска во Неву рѣку, со Невы рѣки во Сине море,» Балтійское; 2) «гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, со вершины зналъ и до устья ее — а и нижняго царства Астраханскаго;» 3) «бѣгалъ по морю двѣнадцать лѣтъ, по синю морю Хвалынскому (Каспійскому; у насъ № 3);» между прочимъ заворачивалъ и въ «Золоту орду.» Во всѣхъ этихъ поѣздкахъ, въ теченіи *двѣнадцати лѣтъ*, онъ «продавалъ товары Новогородскіе, получалъ барыши великіе, насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,» а самъ «никакой надъ собой притки и скорби Садко не видывалъ, а все молодецъ во здоровьи пребывалъ.» Здѣсь-то, за свои торговые походы по рѣкѣ Волгѣ, а черезъ нее въ Хвалынское море, получилъ Садко прозвище «*Волгскаго* (Волскаго, Волжскаго) *Сура*:» мы объяснили уже смыслъ этого названія въ Замѣткѣ къ 4-му выпуску и доказали, что оно относится къ дѣятельности древнихъ героевъ, представителей—сначала кочевья, потомъ торговаго, перехожаго и мѣноваго блужданія по суху и по морю, въ особенности по морю, откуда и Южное *Сурожское море*, и весь тотъ край *Сурожь*, и названіе сплавныхъ рѣкъ *Сурога, Сарога*, и товаровъ заморскихъ, особенно шелковыхъ,—*Сурожскіе, Суровскіе*, и самый шелкъ—*Сырецъ* и *Суровецъ, sericum*, и ряды, въ коихъ продавались сіи товары—*Суровскіе*, наконецъ самые дѣятели сего рода—*Суры, Сурожане* и *Суровцы*. Такъ мы получаемъ въ нашемъ древнемъ Былевомъ творчествѣ три образа, принадлежащихъ совершенно одинаковому разряду людей, но разнящихся мѣстностью и мѣстнымъ отцвѣтомъ: а) въ Новгородскомъ—Садко, типъ гостя порѣчнаго и поморскаго, Волжскій *Суръ*; б) въ Кіевскомъ Плѣнъ, Плѣнко, также Богатый Гость, и съ

богатствомъ несмѣтнымъ, по прозвищу *Сароженинъ*, *Суроженинъ*, знаменитый сыномъ своимъ *Чурилою* (имя одного корня съ *Суромъ*), жившій на рѣкѣ *Сарогѣ* или *Черегѣ*; в) въ былинахъ Княжескихъ, на переходѣ къ Безымяннымъ, въ области Суздальской, *Суровенъ*, *Суровецъ-Суздалецъ*, *Суроженинъ*, по роду города Суздаля, по слою народа—«сынъ отца Гостя Богатаго» и самъ «Богатый,» представитель удальцевъ Суздальцевъ, торговцевъ по преимуществу пѣшихъ и сухопутныхъ, ходебщиковъ, Аѳеней. Но въ Кіевскомъ творчествѣ, рисующемъ всѣ разнообразные слои Земщины и Земской Дружины, такіе дѣятели стоятъ въ ряду другихъ, не занимая исключительнаго вниманія: Плѣнъ, Димитрій Гость, даже Чурило, знаменитый не столько своею обиходною практическою торговлей, сколько близостью къ яркому древнѣйшему типу Чура–Гермеса, бога Торговли; въ былинахъ Княжескихъ и Безымянныхъ Суровецъ идетъ также за урядъ съ другими; Иванъ Гостинный Сынъ, мелькомъ затронутый въ Кіевскомъ творчествѣ, принадлежитъ всей Руси, безъ изъятіи мѣстныхъ взглядовъ и интересовъ, то есть преимущественно общей Былевой Сказкѣ. Напротивъ для торговли Новгорода Садко, Волжскій Суръ, есть лицо главное, исключительно привлекавшее интересъ и породившее лучшія Новгородскія Былины. Обязанный своею славою и всѣмъ богатствомъ влагѣ, рѣкамъ и морямъ, онъ долженъ былъ наконецъ чѣмъ ни будь поплатиться за то Царю Морскому. Здѣсь-то одно изъ любопытнѣйшихъ приключеній въ Были о Садкѣ, главнѣйшій эпизодъ Новгородскихъ Былинъ объ немъ, и притомъ эпизодъ лучшій, старшій по основнымъ своимъ образамъ, восходившій къ доисторической древности, къ такимъ чертамъ жизни и эпоса, которыя были вынесены Славянами Русскими изъ эпохи еще языческой, до сложившагося міра-народа, изъ времени кочевья и блужданій, изъ обще-Славянской семьи, съ самыхъ старыхъ ея поселищь въ Европѣ. Всѣ Былины согласны между собою въ томъ, что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, имѣло мѣсто *на морѣ*, но по однимъ Былинамъ на Балтійскомъ, за Невою (Рыбник. Т. I, № 64), по другимъ (у насъ № 2) на Хвалынскомъ–Каспійскомъ. Подымалась буря, а корабли, и особенно Садковъ, стали на морѣ: догадался Богатый Гость, что море и Царь его требуютъ дани, старой языческой жертвы, какою умилостивляли античные народы своего Посейдона или Нептуна. Опустить было въ море хлѣба съ солью; опускали бочку чиста серебра, потомъ красна

золота: нѣтъ толку. Царь живой головы требуетъ. Читателямъ извѣстно по былинамъ дѣло съ жеребьями, кому было итти въ море: типъ тогдашняго купца, непремѣнно въ мѣновой торговлѣ жившаго ловкимъ обманомъ, «дѣломъ торговымъ»—какъ говорятъ нынѣ, прототипъ даже и послѣдующихъ Русскихъ торговцевъ, Садко думалъ извернуться отъ жеребья ловкостью, но пришлось итти самому. Онъ дѣлаетъ предсмертное завѣщаніе и отправляется: надѣваетъ шубу, беретъ свои завѣтныя гусли, первое зачало своихъ успѣховъ (по одной Былинѣ даже три мисы, съ серебромъ, золотомъ и жемчугомъ), садится на дощечку дубовую, по другимъ на шахматницу, спускается на ней ко дну моря къ Царю или выброшенъ къ нему на далекій берегъ. Замѣчательно еще, беретъ съ собою образъ *Миколы* (у насъ № 1): тамъ, гдѣ предстояла опасность, не побѣдимая человѣческими силами, тамъ въ Христіанское время Былеваго творчества является на помощь сила высшая, обыкновенно Микола, притомъ Можайскій, рѣзной, особенно чтимый въ народѣ. Онъ, знаемъ мы, спасалъ въ крайнихъ случаяхъ другаго богатыря-бродягу, Потыка, въ образѣ Старчища, Пилигримища, Калѣки Перехожаго; онъ спасъ и Садку въ дѣлѣ съ Морскимъ Царемъ, являясь ему какъ «Старчище не знай собою (Рыбник. Т. I),» невѣдомый, грозный Калѣка Перехожій. О томъ, что̀ такое значитъ споръ Царя съ Царицею, въ которомъ засталъ ихъ Садко, какъ явился онъ туда юнымъ героемъ и вышелъ побѣдителемъ, какъ къ нему склонялась Царица и помагала, какъ за слова его потеряла свою голову отъ грознаго мужа, какъ выводили Садкѣ невѣстъ и какъ для спасенія своего онъ долженъ былъ выбирать дѣвку *Чернавку*, *Чернавушку*, иначе *Поваренную* (у насъ № 2), какъ она потомъ исчезла или обманута Садкою, и что̀ она сама за лицо въ нашемъ творчествѣ, и какъ всѣ эти образы восходятъ къ отдаленнѣйшей древности обще-славянскаго эпоса, объ этомъ мы говорили уже подробнѣе въ Замѣткѣ ко II-му тому Пѣсень Рыбникова. Здѣсь замѣтимъ только, что весь этотъ эпизодъ въ Былинахъ Новгородскихъ раздѣляется на три главныя части: а) споръ Царя съ Царицею и участіе Садки въ рѣшеніи; б) игра Садки на гусляхъ и послѣдствія ея; в) выборъ невѣсты и женидьба подъ моремъ на Чернавкѣ. Всѣ три онѣ—отрывки громадной области древнихъ творческихъ воззрѣній, потому именно не совсѣмъ ясные для непривычнаго взгляда, что отрывки. Значеніе спора старыхъ на-

чалъ или, лучше, стараго и грознаго, стихійнаго начала въ двухъ его половинахъ, мужской и женской, рѣшеніе спора началомъ третьимъ, юнымъ, явившимся изъ далека; выходъ и спасеніе непремѣнно черезъ Чернавку или дѣвушку Поваренную, мотивированные въ Новгородскомъ творчествѣ такъ, что эта женидьба, неизвѣстно почему именно на Чернавкѣ, а не другой дѣвушкѣ, приказана была явившимся во снѣ спасителемъ—Миколою:—значеніе сихъ творческихъ образовъ уяснено нами въ помянутой Замѣткѣ; остается намъ сказать о третьей части эпизода. Естественно, что грубая и грозная, вмѣстѣ невѣжественная стихія, представителемъ коей былъ Морской Царь, поддалась невольно обаянію человѣческаго искусства, игрѣ на гусляхъ, такъ точно, какъ плѣнилась игрою и вывела Садку къ успѣхамъ въ самомъ началѣ его дѣятельности: эти образы извѣстны изъ Греческаго творчества; они тождественны съ тѣмъ, что̀ совершилъ своею игрою Орфей надъ подземнымъ Аидомъ. Но здѣсь есть еще замѣчательная черта, весьма ярко выданная Русскимъ творчествомъ. Разгулъ Царя былъ дикъ и безобразенъ: голова у него какъ сѣнная копна; расплясавшись въ азартѣ, онъ полами бьетъ и шубой машетъ, и шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ. «Въ синемъ морѣ вода всколебалася, со желтымъ пескомъ вода смутилася, стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ, стало много гинуть имѣньицевъ, стало много тонуть людей праведныихъ (Рыбник. т. I);» «а сине море всколебалося, а и быстры рѣки разливалися, топятъ много бусы–корабли, топятъ души напрасныя того народу православнаго (у насъ № 2).» Дѣйствіе человѣческаго искусства на міръ буйныхъ стихій, вліяніе юнаго человѣческаго героя на древняго бога, обаяніе духа внутренняго надъ внѣшними космическими силами, все это явилось уже не частнымъ дѣйствіемъ купца Новгородскаго Садки на Царя, а дѣйствіемъ міровымъ. «Тебѣ кажется, говоритъ Царица Садкѣ, что скачетъ по полатамъ Царь, а скачетъ Царь по крутымъ берегамъ, отъ его отъ пляски тонутъ-гинутъ безповинныя буйны головы (у насъ № 1).» Творчество Былевое, Русское, Новгородское, и притомъ временъ Христіанскихъ, выходитъ къ разрѣшенію такого столкновенія міровыхъ силъ свойственнымъ себѣ путемъ: оно объясняетъ, что сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому, Садку что-то тронуло въ правое плечо,—очутился «старикъ сѣдатыій,» Микола, велѣлъ порвать струны; Царь чинить было своими слесарями, но Садко уперся,

что надо за новыми струнами и гуслями сходить на святую Русь. Въ другихъ Былинахъ Садкѣ открыла глаза на истинное значенiе дѣла склонная къ нему Царица. Такъ дѣло и порѣшилось. Но для насъ важны, здѣсь, кромѣ ясно проглядѣвшаго, сквозь творческiе образы, древнѣйшаго воззрѣнiя на соотношенiя мiровыхъ силъ, въ особенности стихiйной и чисто-человѣческой, важны соотношенiя къ другимъ эпизодамъ Русскаго Былеваго творчества. Изъ Голубиной Книги (см. наше изданiе «Калѣки Перехожiе,» вып. 2) мы знаемъ, что колеблется море, а за нимъ и вся земля, и вселенная, отъ поворота мiровыхъ существъ, въ образѣ дочеловѣческомъ, животномъ: птицы Страѳили, звѣря Индры и огромнаго Кита, образа также Посейдонова, на коемъ держится вселенная. Объ именахъ и значенiи сихъ образовъ смотрите наше изданiе Голубиной Книги и Замѣтку ко II-му тому Рыбникова. Но замѣчательно, что Страѳиль, отъ трепетанiя которой, даже однимъ пёрушкомъ, когда она *разыграется*, все синее море всколебается, потопляетъ море корабли гостиные со товарами драгоцѣнными, заморскими, и со православными христiанами, сы тѣми людями сы Московскими, что Страѳиль, говоримъ, живетъ *на синемъ мори, на бѣломъ каменѣ*—на *Латырѣ*, отъ котораго и *Алатырь-море*; Индра звѣрь, когда также *возыграется*, вся вселенная восколыбнется, но онъ также имѣетъ прямое отношенiе къ стихiи воды: когда была на сёмъ свѣти засушейца, онъ копалъ рогомъ сыру мать землю, выкопалъ ключи глыбокiи, доставалъ воды кипучiи, пускалъ по быстрымъ рѣкамъ, по малинькамъ ручьявиночкамъ, по глыбоками большимъ озярамъ, да и теперь, ходя по подземелью, прочищаетъ ручьи и проточины, пропущаетъ рѣки, кладязи студёные; куда звѣрь пройдетъ—тута ключь кипитъ, и отъ того-то, когда поворотится, воскипятъ ключи всѣ подземельные; даже самое его имя, безъ носоваго звука, съ придыханiемъ *г* (*h*), *гидра*, наше—съ придыханiемъ *в*—*выдра*, отходитъ къ образу Посейдоновскому; и онъ имѣетъ отношенiе къ морю Латырю, такъ что самое имя его *Бѣлый Индрихъ* (см. наше изданiе Голубиной Книги) выводится прямо изъ *Бѣлаго Латыря*; наконецъ, Китъ-рыба, прямой уже образъ Посейдона, содержитъ на спинѣ весь бѣлый свѣтъ, и, когда потронется, вострепещется, восколы́бнется, тогда мать земля вся поворотится, а когда *разыграстся*, все сине море восколыхнится, увесь мiръ-народъ прiужа́снется. Ясно, что всѣ

эти образы сходятся ближе всего къ морю и къ его представителю стихійному, Царю Морскому, ибо, по словамъ Голубиной Книги, Окіянъ-море, морямъ мати, обкинуло вокругъ землю всю, бѣлый свѣтъ окинуло, обошло море околъ всей земли, вокругъ земли, всей подселенныя, всего свѣту бѣлаго, въ немъ, Окіянѣ, во мори пупъ морской, а «уси рѣки, уси моря, вси хъ Кіяню морю собѣгалися, вси хъ Кіяню морю приклонилися, никуды вонъ не выходили (ср. выше Индру);» «Окіянъ-море всколебается, — вси моря ему поклоняются.» Если мы, далѣе, переведемъ эти основныя міровыя воззрѣнія на почву положительной, хотя и древнѣйшей исторіи, на почву мѣстную, Славянскую, то убѣдимся, что это Окіянъ-море по Славянскимъ исконнымъ представленіямъ есть *Латырь-море*, названное такъ по хранимому въ немъ *Латырь-камню*, Илектру, Янтарю. Вотъ что говоритъ о томъ Голубиная Книга въ Бѣлорусской редакціи (приближая къ нашему нарѣчію):

Латырь-моря всимъ морямъ отецъ,
А Латырь-каминь камнямъ отецъ.
Потому Латырь-моря всимъ морямъ отецъ,
Потому Латырь-каминь всимъ каменямъ отецъ:
Ляжить ёнъ сириди моря,
Сириди моря, сириди синява,
Идуть по морю много корабельщиковъ,—
Гли (возлѣ) того камня останавливаются,
Яны бяруть много съ яво снадобья (янтаря),
Посылають по всяму свѣту бѣлому...

Или:

Бѣлый Латырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ;
Съ–подъ камешка съ-подъ Бѣлаго Латыря
Протекли рѣки, рѣки быстрыя,
По всей землѣ, по всей вселенную,
Всему міру на исцѣленіе,
Всему міру на пропитаніе.

(Ср. «Кал. Перех.» вып. 2 и Замѣтку къ 4-му вып.)

Опять то же отношеніе Латырь-камня къ источникамъ и питанію людей, какъ въ разсказѣ объ Индрѣ. Мы достаточно объяснили уже въ прежнихъ Замѣткахъ, что Алатырь, Илектръ, Янтарь, глав-

ная приманка и главный предметъ древней торговли нашихъ праотцевъ, источникъ ихъ питанія и обогащенія, такой же источникъ въ исторической дѣйствительной торговли ихъ, каковъ источникъ питанія для земли въ водѣ, источникъ питанія для людей въ засуху, наконецъ, древнѣе, источникъ того оживленія, которое нѣкогда почерпнули Славяне въ стихійномъ началѣ своего божества среди эпохи жгучаго Дажь-бога. Этотъ Алатырь далъ имя и морю, среди коего чаще находился, Балтійскому: но также точно переведенъ и на море Тёплое-Черное, и на море Хвалынское (см. Замѣтку къ 4-му выпуску), всюду, куда проникали наши Русскіе Славяне съ своею мореходною и рѣчною торговлею. Здѣсь-то сновали наши древніе гости-корабельщики, отсюда-то выносили свои заморскія богатства; здѣсь испытывали всѣ приключенія и подвергались опасностямъ, иногда слагая и голову. Понятно, что даже внѣ міровыхъ и миѳологическихъ воззрѣній, гости-корабельщики, а за ними и весь народъ православный, должны были подвергнуться дѣйствительному ужасу, реальной, осязательной опасности, когда разыгралось такое море, по однимъ Балтійское, по другимъ Хвалынское (см. выше), а разыгралось оно отъ того, что разыгрался представитель моря, его Царь, а Царь разыгрался отъ игры Садки, отъ дѣйствій этого отважнаго удальца, Богатаго Гостя Новгородскаго. Такъ міръ древнихъ доисторическихъ и миѳологическихъ воззрѣній, міръ, на почвѣ дѣйствительности, воплощавшійся въ событіяхъ древнѣйшей Славяно-Русской торговли, переведенъ наконецъ на частную, мѣстную Новгородскую почву, въ удѣлъ героя Садки, и здѣсь сдѣланъ содержаніемъ мѣстнаго былеваго творчества. Такъ, говоримъ на оборотъ, исторія Садки, переданная въ Былинахъ, возводитъ къ древнѣйшей Славяно-Русской дѣйствительности, къ первымъ началамъ ея исторіи, къ торговлѣ по морямъ, а отсюда еще выше, къ древнѣйшимъ міровоззрѣніямъ и событіямъ, совершавшимся уже въ духѣ слагавшагося народа, при выходѣ изъ періода Дажбожескаго, въ борьбѣ силъ человѣческихъ и человѣко-образныхъ съ силами стихійными. Въ сферѣ сихъ послѣднихъ самое дѣйствіе игры Садки на гусляхъ, его искусство, это конечное обаяніе, покорившее себѣ стихійную силу, есть уже окончательная побѣда: ею вышелъ человѣкъ изъ плѣна, какъ вышелъ Орфей изъ ада. При началѣ наступившаго за тѣмъ творчества, въ мірѣ его древнѣйшихъ представ-

леній, исходъ побѣдителя изъ власти грознаго и бурнаго начала рисовался конечно какъ выходъ юнаго бога изъ пропасти помощію старой богини, къ нему склонившейся отъ бога стараго, содѣйствіемъ невѣсты—богини юной, страдавшей, терпѣвшей и даже обманутой юнымъ богомъ, а потому представлявшейся въ уничиженіи, *черною, поваренною*, наконецъ въ силу рѣшенія спора между старымъ богомъ и богинею, рѣшеніемъ ихъ загадки, такой же, какова была загадка Сфинкса. Да такъ и находимъ въ древнѣйшемъ нашемъ творчествѣ, черты коего мы собрали и изложили въ Замѣткѣ при II-мъ т. Рыбникова, по поводу Саломана и Саламаніи. Весь міръ трепеталъ при борьбѣ своего юнаго представителя и въ разгарѣ ея ждалъ гибели и себѣ, и ему. Но человѣкъ побѣдилъ, и въ настоящемъ случаѣ Славянинъ, Русскій. При началѣ положительной и дѣйствительной исторіи сего послѣдняго, то же самое повторялось во очью при подвигахъ первыхъ нашихъ удальцевъ мореходцевъ, торговцевъ янтаремъ, а послѣ и другими заморскими товарами, по морямъ Балтійскому, Черному, Сурожскому, Хвалынскому: стаи гостей-корабельщиковъ, а за ними весь родъ и племя ихъ, также точно трепетали за себя при всякомъ новомъ, отважномъ и отчаянномъ предпріятіи въ дѣлѣ съ бурною стихіей. Но и они успокоены: побѣдитель возвращался въ лоно земщины съ богатою добычей. Когда сложился окончательно міръ-народъ Русскій и размѣстился отдѣльными великими общинами, когда обособился Великій Новгородъ, тѣ же событія, то есть съ тѣми же существенными, а потому и древнѣйшими чертами, нашли мѣсто въ судьбѣ исторической Новгородской торговли по рѣкамъ и морямъ, даже въ судьбѣ историческаго лица Садки, въ XII-мъ вѣкѣ бывшаго представителемъ Богатыхъ Гостей и построившаго церкви послѣ долгихъ блужданій въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ. Былевое творчество, взявшее его героемъ, перенесло всѣ общія черты на одно частное событіе и лицо, давши намъ типъ Богатаго Гостя и разсказавши древнѣйшую повѣсть подъ именами Садки, Морскаго Царя и Царицы, Чернавки, друзей-корабельщиковъ. Корабельщики также страдаютъ отъ его подвига, также пугаются за себя и за него, но подъ конецъ принимаютъ съ радостію вернувшагося побѣдителя, товарища и начальника. Нельзя не замѣтить, всматриваясь глубже въ эти былины, что вся побѣда Садки и самый его выходъ на свѣтъ Божій, какъ

въ Кіевскомъ творчествѣ выходъ на свѣтъ Божій Потыка, зависѣли отъ собственной силы героя, вышедшаго изъ борьбы и пропасти умомъ, искусствомъ, ловкостью, умѣньемъ—и поиграть, и рѣшить споръ, и отгадать загадку, и склонить къ себѣ старую Царицу, и воспользоваться юною невѣстой, и во́ время перестать играть, и сослаться на порванныя струны; прочія лица, Царица, Чернавка, только помагали и содѣйствовали. Но Христіанство, въ пору созданія былинъ уже царившее въ Новгородѣ, придало всему свой высшій облескъ: трепещетъ въ ужасѣ народъ православный, онъ молится, его страданія и мольбы услышаны, является Микола и руководитъ спасеніемъ. Тако точно, мы видѣли нѣкогда, освѣщена Христіанствомъ и заключительная исторія Потыка въ Кіевскомъ творчествѣ. Такъ кончаетъ и Голубиная Книга, описавши грозные образы міровыхъ существъ и тотчасъ ослабляя ихъ космическую силу обаяніемъ силъ высшихъ, духовныхъ, христіанскихъ: подъ вліяніемъ сихъ послѣднихъ, Страѳиль побиваетъ уже однихъ только «непріятелевъ, потопила силу невѣрную, невѣрную силу, безбожную, никакихъ бѣдъ она не дѣлаетъ,» а трепетомъ своимъ даетъ только знать пѣтухамъ—когда запѣвать, солнцу—когда освѣщать землю; Индра поселяется «во степяхъ и никто его въ глазы не видаючи,» а потомъ также «никому побѣды онъ не дѣлаетъ» и помѣщается даже «во святой горѣ во Аѳонъ-горской, въ горы Сіонскія, во Ѳаоръ-горы, онъ и пьетъ, и ѣстъ во святой горѣ, онъ и Богу молитъ за святу гору, а хвалу произноситъ самому Христу;» въ этомъ смиренномъ видѣ, когда онъ *возыграется*, только лишь «вся святыя горы всколыхаются, вси звѣрья земные къ нему приклонятся;» Китъ-рыба до того укротился, что теперь когда «поворотится, вси-ты рыбы ему поклонятся,» а потому уже не страшенъ его поворотъ, ибо «основана земля Святыимъ Духомъ, а содержана Словомъ Божіимъ;» грозное Окіянъ-море переведено потомъ и тою же Голубиною Книгой въ чудесное, но благодѣтельное Алатырь-море, Синее, послѣ же просто въ «Теплое,» гдѣ лежитъ Алатырь-камень, въ «Хвалынское,» гдѣ живетъ Страѳиль, гдѣ гуляютъ гости-корабельщики, даже Московскіе; море освятилось тѣмъ, что изъ него выходитъ «соборная церковь;» гости-корабельщики успокоены богатою добычею «снадобья,» которое развозятъ они «по всему свѣту бѣлому;» извѣстный у древнихъ и загадочный «пупъ морской,» помянутый выше по

Голубиной Книгѣ на Окіянъ-морѣ, переносится потомъ у насъ на землю, — является «пупъ земной,» какъ у Грековъ въ Дельфахъ подъ благодѣтельнымъ покровомъ Ѳеба; наконецъ онъ помѣщается въ нашихъ сказаніяхъ на Голгоѳѣ подъ крестомъ. Сюда же передвигается прежній чудесный, дорогой, но скользкій и опасный, Алатырь-камень: по нашимъ сказаніямъ, кровь Христа текла на него, черезъ его разсѣлину на голову Адама и на весь земной пупъ, очищая ихъ. Еще болѣе: какъ въ приведенныхъ выше стихахъ Голубиной Книги изъ подъ камня Латыря протекли рѣки быстрыя во всю вселенную, такъ въ той же Книгѣ далѣе разсказывается, что на этомъ камнѣ, уже въ Ерусалимѣ, сидѣлъ Христосъ, отсюда училъ и текли струи его ученья: «на Бѣломъ Латырѣ на камени бесѣдовалъ да опочивъ держалъ самъ Исусъ Христосъ, утверждалъ онъ вѣру Христіанскую, утвердилъ Онъ вѣру на камени, распущалъ Онъ книги по всей земли, распущали Книгу Голубиную.» — Возвращаясь къ Садкѣ, повторяемъ, что̀ въ сущности разсказали о немъ былины: типъ Гостя Богатаго, игралъ онъ въ игру отважную и опасную, чуть не потерялъ въ ней головы своей, чуть не погибли его товарищи-корабельщики, и чуть не погибъ въ ужасѣ весь тогдашній міръ православный; но онъ отвагою своей и искусствомъ вышелъ побѣдителемъ, обрадовалъ друзей, сотоварищей торговаго промысла, вернулся на родину, обнялся съ женой-семеюшкой, навезъ богатой добычи, послужилъ ею всему міру православному, настроилъ церквей, между прочимъ своему избавителю — Миколѣ Можайскому; не погибъ изъ за его удали народъ православный, а еще покорыстовался его добычею, добылъ его славное имя въ свою исторію, вставилъ въ былины своего творчества. Окончательный выходъ, послѣдній шагъ изъ пропасти описывается разно: то Садко взялъ дочь Царя съ условіемъ, чтобы доставила его на святую Русь; она и доставила, но Садко «поклонился и распростился съ ёй: — Ты прощай, Царевна Морская, я тебѣ женихомъ не пришелъ, а ты мнѣ въ невѣсты не пришла (Рыбник. т. 1, № 62),» — это обманъ, весьма впрочемъ свойственный обрисованному типу торговца; то, по вѣщанію Миколы, онъ женился на Чернавѣ, легъ спать, но воздержался отъ дальнѣйшаго и—«проснулся Садке во Новѣ-градѣ о рѣку Чернаву (намѣренное сопоставленіе съ невѣстою) на крутомъ кряжу, какъ поглядитъ—ажно бѣжатъ свои (его) черленые корабли по Вол-

хову (тамъ же, № 64);» или, по завѣщанію же Миколы, чтобъ не обнимать и не цѣловать Морскую дѣвушку Поваренную, Садко «съ молодой женой на подклѣтѣ спитъ,—свои рученьки къ сердцу прижалъ;» въ просоньи соблазнился было, двинулъ ногу,—«ото сна Садко пробуждался, онъ очутился подъ Новымъ-городомъ, а лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ (у насъ № 2),» —такъ опасно было его положеніе въ далекомъ торговомъ предпріятіи, такъ онъ на минуту былъ между двухъ міровъ, между жизнію и смертію; или же, заснулъ онъ съ женою, — «какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго, и увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное, и увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ крежу, у быстрой рѣки, и бочки съ имѣніемъ лежатъ подли его, а невѣсты его и въ слыху нѣтъ (у насъ № 1);» наконецъ, и всего хуже, ибо непослѣдовательно, разсказывается, что Садко, увидавши вокругъ отчаянную пляску и догадавшись, что отъ нея «Окіянъ сине море всколыбалося, кораблики всѣ повыломало, людей-то всѣхъ повытопило,» объявилъ, что это пляски «бѣсовскія,» отказался дальше играть и заставилъ Царя воротить гостя домой (Рыбник. т. I, № 63): говоримъ—непослѣдовательно по ходу творческаго разсказа, но, коли хотите, согласно съ основною мыслію, когда убѣдился Садко въ опасности черезъ чуръ отважной игры своей и, бросивъ дальнѣйшія торговыя предпріятія, рѣшился вернуться домой. Жена, въ этомъ мірѣ, не отплатила Садкѣ за измѣну по ту сторону, въ другомъ мірѣ; товарищи не поступили съ нимъ такъ, какъ хотѣлъ онъ поступить съ ними, высовывая ихъ вмѣсто себя по жеребью на явную опасность: они поминали его, горевали по немъ. Когда Садко очутился въ Новгородѣ по добру по здорову, узналъ онъ церкву — приходъ свой, того Николу Можайскаго, встрѣтилъ плывшихъ по Волхову съ Хвалынскаго моря товарищей, выгрузилъ съ нихъ казну (у насъ № 2); по другимъ проснулся—бочки съ имѣніемъ лежатъ возлѣ, «съ имѣніемъ и домой пошелъ (у насъ № 1);» по третьимъ, встрѣтила его обрадованная жена, мужь повыгрузилъ богатства съ прибывшихъ кораблей, состроилъ на нихъ «соборнюю церкву Миколы Можайскому, не сталъ больше ѣздить Садке на сине море, сталъ поживать Садке во Новѣ-градѣ (Рыбник. т. I, № 64);» наконецъ влагаются женѣ слова: «Ай же ты, любимая семеюшка! Полно тебѣ ѣздить по синю морю, тосковать мое ретливое сердечушко по твоей по буйной по головушкѣ: у насъ много есть

именьица – богачества и растетъ у насъ малое дѣтище (тамъ же, № 63)!» Все однакоже согласно въ томъ, что послѣдняя отчаянная игра изъ за страсти къ добычѣ рѣшила наконецъ Садку вернуться окончательно въ лоно своей земщины и здѣсь искать успокоенія. Но такое окончательное водвореніе Садки среди города и семьи послужило предметомъ еще особой, и единственной, Новгородской былины, помѣщенной у насъ подъ № 3-мъ: здѣсь въ основѣ лежитъ собственно то же, что упомянули мы въ началѣ Садковой исторіи,—обогащеніе черезъ рыбу, обратившуюся въ деньги, то есть черезъ тѣ же торговые обороты по рѣкамъ и морямъ, но положительнѣе разсказаны успѣхи Садки среди прочихъ его горожанъ, окончательнѣе побѣда надъ ними всѣми, подробнѣе построеніе церквей, а источники обогащенія—вóды получили иной образъ, не Моря и Морскаго Царя, а Волги и Ильменя. Ѣздивши по Волгѣ до самаго устья въ теченіе 12 лѣтъ и заслуживши на ней имя Волжскаго Сура, Садко захотѣлъ побывать въ Новгородѣ и сталъ прощаться съ Волгою тою же благодарственной жертвой, какую мы видѣли выше на морѣ,—опустилъ въ воду хлѣба съ солью. Волга передала ему какъ свое благословеніе, такъ и поклонъ черезъ него брату, славному озеру Ильменю, то есть свое покровительство и благоволеніе къ Садкѣ передала теперь Ильменю, по мѣсту новаго жительства, куда переходилъ торговецъ съ Волги. Садко по указанію ея подъѣхалъ по Волхову въ Новгородъ и сталъ подъ башнею проѣзжею (помѣщавшеюся на Волховскому мосту, ибо такъ, съ проѣзжими башнями на концахъ, изстари строились у насъ мосты; или при въѣздѣ изъ Волхова въ Ильмень?): здѣсь справилъ поклонъ и челобитье; по рѣкамъ ходитъ слава до моря, тѣмъ паче должно было дойти челобитье по Волхову къ Ильменю. Отъ Ильменя въ отвѣтъ явился удалой доброй молодецъ, вѣроятно Волховъ: онъ зачалъ разговоръ отъ имени Ильменя и, узнавши о близкомъ знакомствѣ Садки съ сестрою Волгою, тотчасъ же поспѣшилъ выразить Гостю благоволеніе новаго патрона, научилъ закидывать невода въ Ильмень, въ неводахъ оказалась разная рыба, а на четвертый день въ подвалахъ вмѣсто рыбы—дробныя (мелкія) деньги, червонцы и монеты. Мѣсто моря въ покровительствѣ Богатому Гостю занялъ теперь Ильмень, тотъ же, что и съ перваго начала поставилъ Садку на ноги въ его родинѣ Новгородѣ. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ образцахъ Голубиной Книги, исхо-

дившихъ вѣроятно изъ Новгородской области, мѣсто Океана-моря, со всѣми его помянутыми особенностями, занимаетъ Ильмень: «Ильмень озеро озерамъ мати, озерамъ отецъ,» и, хотя тутъ же прибавлено, что «не тотъ Ильмень, который подъ Новымъ-градомъ, да не тотъ Ильмень, кой у Большой Орды, не тотъ Ильмень, который во Царѣградѣ, а тотъ Ильмень, который въ Турецкой земли, стоитъ близь Ерусалима,» но изъ этого уже видно, что слава Ильменя и имя его простерлись въ древнемъ воображеніи на всѣ воды міра. Любимецъ Алатырь-моря, Балтійскаго, любимецъ Хвалынскаго и рѣки Волги, сдѣлался теперь, по возвратѣ на родину, снова любимцемъ Ильменя, ведя съ нимъ сношенія черезъ удалаго молодца—черезъ Волховъ. Садко сходилъ къ Ильменю поблагодарить за подарокъ и попросилъ еще «поучить жить во Новѣ-градѣ.» Совѣтъ Ильменя былъ практическій, пригодный во всѣ вѣка торговцамъ: повести дружбу съ людьми таможенными, нынѣшними чиновниками и полиціей, а для посадскихъ людей, сограждaнъ, дѣлать угощенія. Входя мало по малу во всѣ связи съ городомъ, Садко вступилъ членомъ и въ братчину, Никольщину, въ праздникъ и при церкви Николы Можайскаго. На братчинскомъ пиру онъ захвастался, тѣмъ же, чѣмъ и въ началѣ своего обогащенія,—повыкупить всѣ товары въ Новгородѣ: но тогда онъ не выигралъ заклада и долженъ былъ признать превосходство своей метрополіи; теперь же, обогащенный долгою торговлей по рѣкамъ и морямъ, онъ дѣйствительно поскупилъ всѣ товары, до того, что остались въ рядахъ одни черепаны, гнилые горшки, а всѣ горшки уже битые. И ихъ поскупилъ все-таки Садко: «пригодятся—ребятамъ черепками играть, поминать Садку, Гостя Богатаго!» Прежнія слова свои о богатствѣ Новгорода, приведенныя нами выше, теперь, какъ побѣдитель, Садко оборотилъ уже въ совершенную насмѣшку: «что не я, Садко, богатъ,—богатъ Новгородъ всякими товарами заморскими и тѣми черепанами, гнилыми горшки!» Однако и здѣсь сила роднаго города и христіанства окончательно побѣдила самого побѣдителя,—заключеніе, всюду замѣтное въ нашемъ былевомъ творчествѣ, въ силу того, что оно развилось въ эпоху уже Христіанскую: богатство свое положилъ Садко на городъ, на церковь, народу православному; онъ построилъ дивныя три церкви—Стефана Архидьякона, Софіи Премудрыя, связанной въ лѣтописяхъ съ именемъ Садки, и Николы Можайскаго, церковь, помянутую выше

какъ готовую, но въ заключенiи и лучшемъ видѣ приписанную все-таки Садкѣ. — Заключимъ тѣмъ, что нигдѣ не выразился такъ ярко, какъ въ былинахъ о Садкѣ, типъ торговаго Новгорода, не только сложившагося и историческаго, но въ связи и съ древнѣйшими, даже доисторическими преданiями, общими всей Руси и Славянамъ. Отъ того эти былины имѣютъ цвѣтъ преимущественно мѣстный Новгородскiй, и отъ того же, ни въ былинахъ Кiевскихъ, ни въ Княжескихъ, ни въ Московскихъ не извѣстенъ и не помянутъ Садко, ни съ однимъ изъ его частныхъ, личныхъ обстоятельствъ, ни въ самихъ былинахъ о немъ не вставлено подробностей и чертъ, какiя принадлежали бы извѣстному, исторически сложившемуся творчеству Кiева, Княжескихъ удѣловъ, Москвы. Связь съ сими послѣдними только доисторическая—относительно содержанiя, только въ языкѣ и складѣ творчества. Равнымъ образомъ, и по тому же, былины о Садкѣ неизвѣстны въ Средней полосѣ Руси, а только на Сѣверѣ, въ Сибири, Архангельской округѣ и Олонецкой, куда шли Новгородскiе выходцы, выходцы изъ метрополiи уже сложившейся и обособившейся.

Въ связи съ Былинами о Садкѣ мы должны разсмотрѣть Былевую Пѣсню о *Терентьищѣ*: мы не можемъ назвать ее въ строгомъ смыслѣ Былиною, ибо складъ ея болѣе краткiй и женскiй, то, что въ народѣ называется *Стариною*. Но, съ этой стороны приближаясь къ пѣснямъ Былевымъ Безъименнымъ, она богаче еще ихъ собственными именами и подробными мѣстными чертами, весьма ярко рисующими Новгородъ, а потому старше и можетъ быть сопоставлена съ новгородскими Былинами о Садкѣ и Васильѣ Буслаевѣ. Форма имени героя, не Терентiй, а *Терентьище* — по свойству нашего языка принадлежитъ всему или грозному, страшному, или старому, неловкому, неуклюжему, и, съ этой послѣдней точки зрѣнiя, идетъ къ старому обманутому мужу. Онъ также *Богатый Гость*, какъ и Садко: но лицо его, какъ героя, а вмѣстѣ обстоятельства, послужившiя содержанiемъ пѣсни, слишкомъ частны, мелки и семейны, чтобы возрасти въ полную, мужескаго склада Былину или сдѣлаться общимъ содержанiемъ для творчества Руси; потому опять это содержанiе неизвѣстно ни Кiевскому, ни прочему Русскому творчеству, исключая предѣловъ мѣстнаго Новго-

родскаго. Есть однако и здѣсь, если глубже всмотрѣться, черты болѣе древнія и общія остальному творчеству: дворъ Терентьища описанъ какъ дворъ Плѣнка или Ермы; самое лице его, старика и Богатаго Гостя, сродно съ сими послѣдними лицами; положеніе обманутаго чужимъ молодцомъ мужа напоминаетъ исторію Ермы и Чурилы. Но вся эта основа проткана совершенно новыми цвѣтами и узорами чисто-исключительной мѣстности Новгородской и господствовавшихъ въ ней воззрѣній. Нельзя не остановиться здѣсь на любопытной особенности: тогда какъ любовь играетъ такую важную роль въ Южномъ творчествѣ Кіева и потомъ въ разрозненныхъ частяхъ эпоса повсемѣстнаго—Княжескаго, тогда какъ она тамъ создаетъ для лицъ столько драматическихъ положеній, въ самомъ эпосѣ указывающихъ на зародышь драмы, а вмѣстѣ вызываетъ столько различныхъ образовъ и красокъ, дышащихъ всею нѣжностью или всѣмъ пыломъ страсти, до тончайшихъ ея изгибовъ, вызываетъ столько яркихъ выраженій сладостнаго, ревниваго, мстительнаго чувства, создавшаго даже въ языкѣ множество себѣ свойственныхъ названій, словъ, оборотовъ,— вспомните хоть Былины объ одномъ Добрынѣ или въ Княжескихъ о Романѣ, Михайлѣ, Князѣ Волхонскомъ, — ничего этого нѣтъ даже и слѣда въ Былинахъ Новгорода, такъ точно какъ въ его лѣтописяхъ, столь отличныхъ во всемъ отъ Южныхъ, видимъ постоянно лишь практическаго, по преимуществу торговаго дѣятеля, которому, среди многихъ дѣлъ общественнаго устройства и преимущественно торговли, совсѣмъ не до положеній драматическихъ, не до яркихъ и длинныхъ разсказовъ и описаній, не до выраженій чувства, который—наконецъ—въ самыхъ важныхъ дѣлахъ и разсказѣ объ нихъ до крайности лаконичен и кратокъ, не договаривая необходимаго— даже для смысла, останавливаясь часто на полусловѣ: на все это ему—*некогда*. Это единственный на Руси второобразъ типа Лаконскаго и Дорическаго. Тѣмъ паче некогда ему распространяться о любви: мы встрѣтили только нѣсколько нѣжныхъ словъ на устахъ жены Садковой, да и то на порогѣ семейнаго дома, при возвратѣ мужа на лоно строгой матроны. Такъ и дѣло Терентьища, въ подобномъ случаѣ вызвавшее у Кіевскаго творчества страстныя описанія увлеченій жены Ермы, таинственныхъ продѣлокъ и ночныхъ свиданій Чурилы, ярости ревниваго и мстительнаго мужа, — дѣло Терентьища въ Новгородскомъ творчествѣ передано какъ простая, хотя

и поэтическая по своему, семейная сцена зажирѣвшей купеческой жены, готовой отъ старика отдаться первому встрѣчному молодцу, потомъ наглое вторженіе разгульныхъ скомороховъ въ укрощеніе заблудившейся жены, самое укрощеніе въ формѣ домашней Русской потасовки, наконецъ угощеніе непрошенаго гостя ременчатою дубиною. Во всемъ этомъ событіи движется уже никакъ не любовь, не страсть и не чувство, а вопросъ безпорядочной семейной жизни, переданной, для водворенія порядка, на рѣшеніе призванныхъ въ помочь горожанъ и на судъ Новгородскаго общественнаго мнѣнія. Сцены, готовыя повторяться съ давнихъ поръ доселѣ въ любой семьѣ Русскаго купечества: потребна была большая сила творчества и въ основѣ ея глубокое убѣжденіе въ законномъ порядкѣ, чтобы отсюда создать очень хорошую Былевую Пѣсню, такъ точно какъ въ наше время для такого дѣла нуженъ талантъ не менѣе Островскаго. Но отнести это важное событіе къ эпохѣ исторической уже нельзя: слѣдъ эпохи, какъ въ Безымянныхъ пѣсняхъ, здѣсь потерянъ; лишь стройный складъ свидѣтельствуетъ о значительной древности, да по крайности, въ отличіе отъ пѣсень Безымянныхъ, сохранены имена лицъ и мѣстностей, мѣстный отцвѣтъ Новгородскій. Терентьище жилъ въ улицѣ *Юрьевской*, въ слободѣ—по его имени—*Терентьевской*. Когда жена, наскучивши старымъ мужемъ, захотѣла его выпроводить подъ предлогомъ нервнаго разстройства и послала за дохтурами, онъ за дверь, а любимый молодецъ въ дверь и на кровать. Бѣдняга мужь хлопочетъ. По счастью его, у церкви *Воздвиженія*, у *мосту*, близь распутья, гдѣ въ древнемъ Русскомъ городѣ всегда можно было встрѣтить или Калѣкъ Перехожихъ, или удалыхъ Бойцовъ-борцовъ, или разгульныхъ Скомороховъ, попадаются старику сіи послѣдніе: вѣжливые, очестливые, пронырливые, пройдохи; пѣвцы и игроки, представители народныхъ драматическихъ сценъ съ масками; первые зачальники и надежные товарищи кому погулять, попить, попроказить; всюду — по пирамъ, свадьбамъ, по домашнимъ досугамъ отъ скуки прошеные и зватые гости; любившіе брать, но не любившіе и не имѣвшіе откуда давать деньги, потому на складчинахъ и братчинахъ гости всегдашніе, но не званые и не прошеные, ѣвшіе и пившіе сильно; готовые позабавить, но также точно и обокрасть, а за то часто битые, если же посильнѣе они или побольше ихъ, то также охотно и бившіе; вь семьѣ пріятные гости—пока играютъ, а то и

накладные, и обжорливые, и воровскіе; дешевые совѣтники—чтобъ разстроить, дорогіе помощники—чтобы устроить и поправить бѣду; къ частному и общественному быту относившіеся въ родѣ нынѣшнихъ Русскихъ благородныхъ артистовъ: однимъ словомъ, Веселые Молодцы—ихъ прозвище,—другая сторона медали, обратная той, гдѣ стояли «Угрюмые Старики,» Калѣки Перехожіе, мрачные и таинственные какъ сама слѣпота, такіе же бродучіе, такіе же творцы и пѣвцы, такіе же гости общества и семьи, но другаго сорта, на храмовыхъ праздникахъ до конца обѣдни и обѣда, до начала хороводовъ, на поминкахъ, кормахъ, и прочее, нами не разъ описанное. Скоморохи давно знали Терентьища, давно разѣвали рты на его угощенья и деньги, да старикъ былъ скряга, поживы отъ него не было, «доселѣва его было слыхомъ не слыхать и видомъ не видать;» только теперь объявился онъ, «бродитъ по чисту полю что корова заблудящая, что ворона залетящая,» да «и не самъ онъ зашелъ, не конь его завезъ, завела нужда.» Передаетъ онъ нужду: пришлось дорого заплатить за помочь, далъ Скоморохамъ сто рублей, да еще послѣ другое сто рублей «за правду великую.» Скоморохи были настоящіе помощники въ его дѣлѣ, тѣ дохтуры, которыхъ лучше нельзя было желать: они сей часъ смекнули, въ чемъ дѣло, какъ вывести на свѣтъ «правду великую» и тотчасъ приступили къ дѣлу. Накупили — на деньги Терентьища — нужныхъ вещей, мѣшокъ, вязъ, дубину, тогдашній галантерейный товаръ; обычно оборванцы, голь кабацкая, они теперь, какъ при началѣ своихъ представленій, нарядились, стали въ строй, готовы въ походъ: у однихъ гусельцы, другіе съ голосами на пѣсни, мѣхоноша съ мѣшкомъ. Въ мѣшкѣ должны бы быть инструменты, орудія—иногда воровскія, куски пироговъ — денное продовольствіе: но въ настоящемъ случаѣ туда посадили старика съ вязомъ и дубиною (мѣшки были у нихъ столь же просторны, какъ можно видѣть донынѣ у Калѣкъ Перехожихъ). Подходятъ къ Терентьеву двору. Жена, по естественной опасливости, нѣтъ, нѣтъ, да поглядывала въ окошко, не вернулся бы мужъ: идутъ Скоморохи. Она было не пускать, хозяина дома нѣтъ: но Веселые утѣшили вѣстью, что со кручины старикъ валяется у мосту безъ заднихъ ногъ. Тогда женѣ кстати повеселиться: зазвала, пошли игры и пѣнье, остальное достаточно краснорѣчиво передаетъ сама пѣсня. Наказана жена, наказанъ и Недугъ, прятавшійся подъ собо-

линымъ одѣяломъ. Мужъ, удовлетворенный, не отсѣкъ головы ни измѣнницѣ, ни гостю непрошеному, какъ Ерма въ Кіевскомъ творчествѣ: они прибавилъ лишь скоморохамъ за помощь, получилъ для дальнѣйшаго продолженія жену, да не могъ не радоваться съ точки купеческой, а вмѣстѣ и всей Новгородской, отпечатлѣвшейся въ словахъ былины,—убѣжавшій молодецъ оставилъ въ барышь дорогой кафтанъ и камзолъ, да денегъ пятьсотъ рублевъ.—Нельзя однакоже не замѣтить, что весь тонъ этой пѣсни шутливый и сатирическій: какъ въ Гомерическомъ эпосѣ, такъ и во всѣхъ развѣтвленіяхъ нашего, не исключая Кіевскаго, Княжескаго и Московскаго, всегда возлѣ былинъ серьезныхъ, смотрѣвшихъ на предметъ съ серьезной точки зрѣнія, стоитъ хоть одна, иногда двѣ и три шутливыхъ; мы уже отчасти разъяснили происхожденіе такого явленія, говоря о былинѣ «Каково жить птицамъ (Рыбн., т. II).» Такова же въ Новгородѣ, при былинахъ о Садкѣ и Васильѣ, пѣсня о Терентьищѣ, и вотъ разгадка, почему творчество сдѣлало содержаніе ея, ничтожное само по себѣ, достойнымъ своимъ предметомъ, и вышло побѣдоносно: то, что было бы плохо въ былинѣ важной и крупной, то сдѣлалось поэтично, какъ скоро направлена сюда сатира, шутка и улыбка; элементъ комическій вывелъ предметъ изъ ничтожества на достойную степень творческаго созданія. Какъ не замѣтить, что тотъ же Новгородъ, который раздѣляетъ участь Терентьища и сочувствуетъ расправѣ скомороховъ, смотритъ сатирически и на обманутаго старика скрягу, и на неудачу прикинувшейся жены, и на похожденія молодаго парня черезъ окно подъ дубиной? А къ Веселымъ Молодцамъ — нечего и прибавлять, что—творчество относится весело.

Такой же, какъ Садко, любимый герой Новгорода, занявшій собою другой отдѣлъ былинъ Новгородскихъ,—*Василій Буслаевъ*. Но это совсѣмъ другой типъ, чѣмъ Садко, выразитель совсѣмъ инаго слоя Новгородской жизни, совсѣмъ другихъ ея воззрѣній. Это представитель уже не мирнаго занятія торговли, даже не древнихъ безпокойныхъ и отважныхъ подвиговъ съ торговой цѣлью, не торговой посадской и не торговой гостинной стороны, а Новгородской *Вольницы* или *Повольницы*. Тамъ, гдѣ есть въ жизни достаточная доля свободы, въ семействѣ ли, или въ общинѣ, въ земщинѣ, даже въ государствѣ, тамъ молодежь, молодые подростки растутъ всегда на просторѣ, полные цвѣтущей—по древнему нашему языку—буйной жиз-

ни, полные всей роскошной силы и красоты юнаго бытія, съ ранней смѣлостью ума, съ неожиданною отцами молодеческою отвагой, какъ горячая надежда на будущее, но, непремѣнно и рядомъ, — съ неудержимымъ разгуломъ, съ задоромъ и дерзостью, съ буйствомъ и насмѣшкою, какъ поводъ невольныхъ опасеній каждому за настоящее. Мужи возраста зрѣлаго, мужья семействъ, составляли въ Новгородѣ крѣпкую и тяжелую Земскую Дружину, защищавшую предѣлы роднаго края, ходившую въ серьезныя дѣла съ князьями, отправляли работы на прокормленье семействъ, вели торговлю внутри, а больше за предѣлами, каковъ — мы видѣли — былъ Садко, принимали участіе въ вѣчѣ и во всемъ общественномъ устройствѣ; старики, дѣды семей и главы родовъ, сторона по преимуществу охранительная, нужны были не столько энергическимъ дѣломъ, выходившимъ изъ предѣла ихъ силъ, сколько голосомъ, думою, вліяніемъ: но и тѣ, и другіе, не могли не тяготиться крайностями молодежи, ибо это была не свобода, не охрана, а Вольница; они считали необходимымъ и были вынуждаемы необходимостью умѣрять разгулъ ея незрѣлыхъ силъ, давать ей направленіе, по временамъ куда либо сбывать ее, пока она уходится и вернется на родину зрѣлымъ мужемъ. Такъ сбывали Вольницу — не въ Земскую Дружину, а въ тѣ летучіе отряды Новгорода, которые ежегодно, если не еженедѣльно, дѣлали вылазки къ опаснымъ сосѣдямъ и тревожили врага, которые хаживали въ легкія стычки съ князьями, которые не могли, говоритъ лѣтопись, драться на конѣ и въ сапогахъ, а спѣшивались, разувались и босые метались въ сѣчу. Эту же Вольницу подзадоривали торговцы, когда прознавши въ иномъ краю добычу и завязавши первыя знакомства, указывали ей на лакомый кусокъ, на предметъ захвата; ее торговцы водили за собой и съ собою. Новгородъ, по своему торговому характеру, никогда не былъ суровымъ завоевателемъ въ строгомъ смыслѣ: его пріобрѣтенія въ далекихъ краяхъ добывались Вольницею, и она - то, за торговцами, проникала на послѣднія точки Сѣвера, на устья Волги и въ море Хвалынское. Съ этой стороны Вольница Новгородская сходна съ Богатырями, воспѣтыми въ Кіевскомъ творчествѣ: мы видѣли уже тамъ, какъ тяготилась Земщина проказами Богатырей въ своемъ нѣдрѣ, въ селѣ и городѣ, какъ сбывала ихъ на окраины и заставы, и какъ длились тамъ ихъ ежеминутные богатырскіе подвиги безконечнымъ рядомъ. Потому-то имя Василья Буслаева, представителя

Вольницы,—не такъ какъ имя Садки, — перешло даже въ Кіевское творчество, въ Богатырскія Былины, разумѣется не на первыхъ порахъ ихъ склада, а позднѣе, чередовалось тамъ съ именами нѣкоторыхъ Кіевскихъ Богатырей, на примѣръ занимало мѣсто Ивана Годиновича (Рыбник. т. II), а отчество *Буслаевича* является при Вольгѣ вмѣсто «Святославича,» вѣроятно по сходству имени «Вольга» съ Волхомъ и Волховомъ Новгородскимъ (Рыбник. I, № 1); когда же изъ Богатырскихъ пѣсень выродились Безымянныя, имя Василья перенесено на героевъ въ сихъ послѣднихъ (ср. тамъ же, въ былинѣ, выродившейся изъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ), наконецъ помѣстилось даже въ ряду витязей, когда, по разсказу былины, они переводились на Руси (у насъ вып. 4; впрочемъ упоминаніе здѣсь Василья Буслаева, по самому происхожденію нѣсколько подправленной былины, намъ подозрительно). И на оборотъ, изъ Кіевскихъ былинъ въ былины о Васильѣ перешли нѣкоторыя лица, составлявшія обстановку Богатырей, извѣстные намъ *Мужики Залѣшена* и *Семь братовъ Збродовичи* (у насъ № 3). Потому же былины и сказки о Васильѣ Буслаевѣ, подобно Кіевскимъ, болѣе распространены на Руси, чѣмъ, на примѣръ, о Садкѣ. Но этимъ лишь и ограничивается сходство между Кіевскими Богатырями и Новгородскою Вольницей: гораздо больше есть различій. Первые составляли настоящую и зрѣлую Земскую Дружину, были только отборными ея перлами и типами, удостоенными былеваго творчества: такъ требовали обстоятельства Южной Руси, слагавшейся за всю Русь среди безпрестанныхъ отвсюду враговъ, между самыми разнородными сосѣдями, между разнообразнѣйшими, облежавшими племенными вѣтвями, которыя предстояло объединить и сплотить, иногда обсоюзить, иногда обложить данью и даже покорить. Земская Дружина Новгорода, не поставленная самою мѣстностью въ такое положеніе, не доросла до Богатырства, не дала изъ себя Богатырей: завѣтныя стремленія ея членовъ, послѣ всякой вынужденной войны и стычки, простирались лишь къ торговлѣ и къ охранѣ своей великой торговой общины; богатыри ея были лишь богатыри отважной Торговли. Отъ того на Кіевскихъ Богатыряхъ лежитъ печать характера всеобщности, на Земской Дружинѣ Новгородской и на Вольницѣ— характеръ лишь частности. Тамъ стояли за всю Русь, сложившуюся въ прошедшемъ, наличную и будущую, готовившуюся; здѣсь за мѣстность, за свои интересы, за Новгородъ. Тамъ Богатыри не подрост-

ки, а преимущественно зрѣлые мужи, даже старики, какъ Илья: здѣсь старикъ внѣ всякой Дружины, внѣ отважныхъ предпріятій, домосѣды сравнительно съ мужами зрѣлыми и болѣе молодою Вольницей; здѣсь Земскіе Дружинники, зрѣлые мужи, — не Богатыри, а по нуждѣ Дружинники Ратные, по охотѣ и любви Торговые; здѣсь Вольница, подрастая, дорастала не до Богатырства, а до тѣхъ же Земскихъ Дружинниковъ Новгородскихъ, до людей рабочихъ, людей вѣча, семьянъ и стариковъ. Богатыри Южные дѣйствовали самостоятельно, силами Земщины, но вокругъ Князя; Южная Русь зародила въ себѣ Русь дальнѣйшую и въ нее перешла нажитымъ наслѣдствомъ: Дружинники Новгорода дѣйствовали въ Новгородѣ и вокругъ Новгорода, порою съ своими перемѣнными Князьями, но совсѣмъ не для идеи, руководившей сими послѣдними, передававшейся искрою отъ Кіевскихъ Князей ко всѣмъ Князьямъ Русскимъ и перешедшей даже къ Князьямъ Московскимъ; тѣмъ паче летучая Новгородская Вольница, хотя и сдѣлала что для всей Руси, но не прямо, а лишь косвенно, черезъ посредство своего Новгорода, куда перешли ближайшіе плоды ея похожденій. Тѣмъ менѣе могла она создать что либо прочное, исторически передавшееся позднѣйшимъ вѣкамъ; Новгородъ какъ жилъ своею жизнію *о себѣ*, особо, такъ и замеръ, и сгибъ въ этой особной жизни, цѣликомъ захваченный Москвою какъ добыча, но не передавшійся въ ея плоть и кровь, не переродившійся и послѣ захвата, а либо заморенный, либо самъ замершій въ постепенномъ разложеніи, въ ниспаденіи до простаго отличія мѣстнаго, географическаго и этнографическаго. Ни Владиміръ, ни Москва не захватывали древняго Кіева (говоримъ *древняго*): а между тѣмъ изъ него все нажитое перешло живѣйшимъ преданіемъ во Владиміръ и Москву, и въ родѣ Князей, и въ самой Землѣ, Міръ–народѣ. Здѣсь-то, можетъ быть, въ прочности и всеобщности началъ, лежавшихъ на одной сторонѣ, въ зыблемости и узкости на другой, лежитъ разгадка паденію, и снова зародышу, и возстанію, и даже возможнымъ и будущимъ судьбамъ Кіева, сочнаго корня, зрѣлаго и питательнаго плода Русской жизни, здѣсь же конечному паденію и невозможному возстанію древняго Новгорода, красиваго отростка, *буйнаго* цвѣта Руси, буйнаго въ помянутомъ выше смыслѣ, какъ говорятъ доселѣ многіе Славяне, полнаго бытіемъ, но скоропреходящаго и на всегда поблекшаго. Въ Кіевѣ не было Вольницы, въ родѣ Новгородской, молодежь зрѣла до Богатыр-

ства и переходила въ творчество какъ типъ Богатыря: въ Новгородѣ неизвѣстны Богатыри въ родѣ Кіевскихъ. Богатыри принадлежали и доселѣ принадлежатъ всей Руси, какъ типы ея зачала и первобытной жизни: Дружинники Новгородскіе полегли за свой городъ не оставивши славныхъ именъ и типовъ творчеству; типъ Новгородской Вольницы, Василій Буслаевъ, принадлежитъ лишь мѣстности Новгородской, и только лишь черезъ нее, косвенно, остальной Руси. Тамъ Богатырей много: здѣсь героевъ мало, даже одинъ, если не считать торговца Садки; тамъ они выходили изъ всѣхъ слоевъ тогдашней Земщины, и Бояръ, и Крестьянъ, и Поповъ, и Гостей, и Посадскихъ, и т. д.: здѣсь они не различались въ своей густой массѣ по слоямъ, ибо не было различавшихъ крупныхъ чертъ; туда собирались Богатыри изъ всѣхъ краевъ тогдашней Руси, даже изъ Мурома и Ростова, роднаго брата Новгороду, только лишь не изъ Новгорода: здѣсь выступали дѣятелями лишь свои, Новгородцы. Это какъ нельзя лучше отпечатлѣлось въ послѣдовательной связи Русскаго Былеваго творчества. Старшіе Богатыри, выразители первобытной эпохи только лишь начавшей слагаться Руси, неизвѣстны творчеству Новгорода, а между тѣмъ въ тѣсной связи съ Богатырями Кіевскими, представителями Руси сложившейся, на первой лучшей порѣ Владиміровой; между самими Богатырями Кіевскими замѣтна постепенность отъ болѣе старшихъ къ младшимъ, исторически доводится ихъ существованіе до битвы при Калкахъ и дотягивается даже до Ермака Сибирскаго; изъ пѣсней Былевыхъ Безымянныхъ многія выродились изъ тѣхъ же Богатырскихъ, только съ потерею исторической эпохи, именъ личныхъ и мѣстныхъ, да съ пониженіемъ склада творческаго, выродились также, какъ изъ Княжескихъ и Московскихъ; черезъ то имена и типы Богатырей болѣе или менѣе перешли во всю Русь, даже въ Новгородскую нынѣшнюю область, а мотивы творчества, занятые изъ древнѣйшаго содержанія Богатырскихъ Былинъ, проникаютъ собою все дальнѣйшее творчество Русское, видоизмѣняясь на разные лады, такъ что у Москвы, внѣ ея особыхъ, своеобразныхъ Московскихъ Былинъ, есть пѣсни въ народѣ, ведущія начало отъ Кіевскихъ: Новгородское творчество не приняло въ себя всѣхъ этихъ наслѣдій, за исключеніемъ какой ни будь пары менѣе цвѣтныхъ именъ (какъ на примѣръ помянутые Залѣшена и Сбродовичи), и осталось особнякомъ внѣ общей Русской связи; бы-

лины объ его Вольницѣ, то есть объ единственномъ типѣ ея—Васильѣ Буслаевѣ, остались чисто-мѣстнымъ Новгородскимъ выродкомъ, неразлагаемымъ ни на какія послѣдствія въ творчествѣ остальной Руси, кристаллизовавшимся и замершимъ въ своей кристаллизаціи. Онѣ не ведутъ начала отъ Былинъ о Богатыряхъ Старшихъ, не связаны съ Кіевскими, за исключеніемъ двухъ - трехъ древнѣйшихъ преданій, исходившихъ изъ поры доисторической, какъ мы видѣли въ Садкѣ, да обмѣна въ двухъ-трехъ именахъ, въ силу помянутаго нѣкотораго подобія Вольницы и Богатырства, да внѣшняго склада творчества, стиха и эпическаго языка, общаго всей эпической эпохѣ въ творчествѣ Русскомъ; наконецъ отсюда не выродилось ни пѣсень Безымянныхъ, ни другихъ какихъ либо общихъ для Руси мотивовъ творческаго содержанія. Послѣ Былинъ, выходившихъ по времени сложенія ихъ изъ XII вѣка, Новгородъ, сколько мы знаемъ изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ данныхъ, пѣлъ Былины Московскія (нѣкоторыя изъ нихъ записаны въ Новгородѣ), а теперь поетъ тѣ же пѣсни, какъ вся Русь, прошедшая чрезъ Московскій періодъ, даже безъ крупнымъ отличій мѣстности. — Высказать всю исторію Вольницы въ главномъ ея представителѣ, возведенномъ въ типъ творческій, исторію этого типа съ рожденія и дѣтства до самой смерти, въ зародышѣ среди Новгорода, въ воспитаніи, въ первыхъ дѣйствіяхъ, въ борьбѣ съ окружавшею сферой, потомъ внѣ ея, на сторонѣ, до возвращенія на родину или до конца послѣдняго,—вотъ задача, исполненная, нужно сказать правду, превосходно Былинами и отчасти Сказками о Васильѣ Буслаевѣ. Передавая содержаніе, мы получимъ случай безпрерывно сравнивать этотъ типъ съ типомъ Садки, чтобы видѣть близость, а еще больше все различіе: только предваряемъ, что все это отнюдь не *подвиги* — подвиги были только у нашихъ Богатырей, — а *похожденія* и *приключенія*.

Объ родѣ-племени Садки и даже объ отчествѣ не стоило говорить: безъ роду-племени, выскочкой вышелъ онъ въ люди усильными трудами; совсѣмъ не то Василій: его отецъ *Буслай* (см. выше развѣтвленія имени), мать *Авдотья Васильевна* или — типическое имя былеваго творчества—*Афимья Александровна*, еще типичнѣе—*Амелоа Тимоөеевна*; дворъ ихъ и имѣнье постоянно называются *дворянскими*, то есть вѣрнѣе, боярскими; они были боярами, конечно не тѣми, кои подъ-

ланы Князьями изъ ихней дружины, а Земскими. Буслай занималъ въ городѣ видное мѣсто, быть можетъ посадничество, ибо Былины даютъ замѣтить, что онъ «съ Новымъ-городомъ не спориваль, со Опсковымъ онъ не вздоривалъ, а со матушкой Москвой (позднѣйшая вставка) не перечился.» Жилъ онъ économъ, обыкновенно разсказывается, до 90 лѣтъ, пока зубовъ во́ ртѣ нѣтъ: Василій, какъ говорятъ въ народѣ, былъ сыномъ «молёнымъ и божёнымъ.» Скоро, со смертію отца, остался онъ наслѣдникомъ почетнаго въ городѣ имени и большаго богатства: воспитательницею была мать. Садко не былъ «въ грамотѣ поученый человѣкъ» и вѣроятно на жеребьяхъ писалъ какъ пишутъ нынѣшніе Русскіе торговцы — каракульками, а въ завѣщаніи, хотя и принесли ему богатую «чернилицу вальяжную (Рыбн. I, стр. 377),» вѣроятно приложилъ руку въ собственномъ смыслѣ, то есть обмакнувши ее, или выставилъ чернилами крестъ; да высшая образованность торговому Русскому человѣку и не полагается нужною: но, какъ Богатыри Кіевскіе, представитель Вольницы обученъ всѣмъ тогдашнимъ наукамъ. Семи лѣтъ выученъ онъ матерью грамотѣ и перомъ писать: то и другое ему въ наукъ пошло. А какъ стали его учить пѣтью церковному, то это до такой степени пошло ему въ наукъ, что Былина прибавляетъ: «а и нѣтъ у насъ такова пѣвца во славномъ Новѣ-городѣ сопротивъ Василья Буслаева,»—знакъ, что Былина, въ ея уцѣлѣвшемъ видѣ, сложена и пѣлась въ Новгородѣ (да и гдѣ же иначе?). Настоящее его воспитаніе было впрочемъ такое: на улицѣ, среди ребятишекъ, въ дѣтскихъ играхъ, а ребяты въ вольномъ Новгородѣ были конечно не только какъ всѣ уличные мальчишки, а даже какъ Лондонскіе. Прибавьте сюда надежду на имя и богатство, да несомнѣнное баловство матери къ единственному и позднему сыну. Василій сталъ шутить шутки недобрыя, тѣ, которыя разсказываются впрочемъ и объ другихъ герояхъ нашего эпоса, какъ признакъ ранней ихъ силы: особенность Василья была въ томъ, что онъ шутилъ такъ, рвалъ руки, ноги и головы, не только на знаменитой Новгородской улицѣ *Рогатицѣ*, рано извѣстной по лѣтописямъ и перешедшей даже въ другія Былины (собственно это была всякая древняя наша улица, огороженная, вмѣсто тумбъ и троттуаровъ, рогатками), но и на всѣхъ улочкахъ, да сталъ загуливать и *на княженецкій дворъ*, сталъ пошучивать свои шутки съ дѣтьми *боярскими* и *княженецкими*

(Рыбник. т. I). Еще хуже: въ противность скромному Садкѣ, Василій «поводился со пьяницы, съ безумницы, съ Веселыми удалыми-добрыми молодцы,» знакомыми намъ Скоморохами; въ раннихъ лѣтахъ онъ «до пьяна ужь сталъ напиватися (у насъ № 3).» Вотъ важнѣйшій толчекъ происхожденію Вольницы, необходимо возникавшей въ общественномъ складѣ такого города. Поднялись ропотъ, говоръ, недовольство, дошли они до матери. Былины передаютъ это различно: по однимъ, мужики (т. е. мужи, люди) Новгородскіе только пригрозили Васькѣ—«тебѣ съ эстою удачей молодецкою наквасити рѣка будетъ Волхова,» помочиться въ Волховѣ, побывать въ немъ съ мосту по мірскому приговору! По другимъ стали доходить жалобы и просьбы къ матери, притомъ съ угрозами: «унимай-ка своего чада милаго, а ты не уймешь, такъ мы уймемъ!» Еще, будто съ такою жалобой приходили *отъ князей Новгородскіихъ* (Рыбник. т. I); наконецъ, являлись жаловаться прямо и лично люди «посадскіе, богатые.» Частію разсерженный, частію и напуганный угрозами, Василій къ матери; мать отъ баловства перешла къ журьбѣ-брани, конечно жалѣя сына; сыну избалованному, «журьба Васькѣ не взлюбилася.» Нѣкоторыя Былины прибавляютъ, что мать даже перестала пускать его гулять по Новгороду (Рыбник. т. I): еще хуже. Двѣ стороны уже крѣпко расходились въ рознь: но мать еще пособила дальнѣйшему. Слезливая старуха ревѣла надъ сынкомъ и, пугаясь за участь его въ предстоящей непремѣнно борьбѣ съ горожанами, начала причитать: отецъ твой «не имѣлъ въ карманѣ сто рублей, а имѣлъ дружину хоробрую,»—пословица, не имѣй въ карманѣ сто рублей, а имѣй сто друзей; «а у тебя нѣту братій и дружины хоробрыя, не съ кѣмъ тебѣ будетъ поправлятися (Рыбник. т. II)!» «Ай же ты, Васильюшка Буславьевичь! Прибирай-ка собѣ дружину хоробрую, чтобъ никто ти (те, тебя) въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ (т. I)!» Садко предпочелъ бы въ этомъ случаѣ сто рублей: но Василью ложились слова въ сердце глубоко и попадали въ желанную имъ самимъ цѣль. «За эти рѣчи, говоритъ былина, Василій принимается (т. II).» Онъ и самъ подумывалъ, какъ огородить себя и отъ досадныхъ жалобъ съ угрозами, и отъ докучной журьбы матери. Слѣдуетъ второй, и главный шагъ въ образованіи Новгородской Вольницы, второй періодъ въ воспитаніи Буслаева. Обучаться принялся онъ теперь самъ: «семнадцати лѣтъ обучился Василій на-

укъ воинскіихъ (даже, прибавляетъ былина, «рыцарскіихъ»), ощутилъ въ себѣ силушку великую, и дѣлалъ себѣ сбрую ратнюю, палицу воинскую и копье мурзамецкое, тугой лукъ разрывчатый и саблю вострую (Рыбник. т. I);» любимымъ однако оружіемъ Василья съ тѣхъ поръ былъ и остался «червленый» или «стемляный вязъ,» порою ось телѣжная, — черты эпохи древней. Тутъ пора бы Василья сбыть въ походы съ прочею Вольницею: да онъ, вѣроятно, и хаживалъ, но мать не могла на долго разставаться, ворочался; притомъ одна толпа Вольницы изъ Новгорода убывала, другая оставалась или прибывала. Это и дало возможность творчеству брать типъ ея какъ постоянный элементъ Новгорода, держать здѣсь Василья для дальнѣйшей борьбы и описывать постепенный разгаръ ея съ окружавшими враждебными элементами городской общественной жизни. При такомъ порядкѣ вещей и въ такомъ городѣ, какъ Новгородъ, полный безпрестанно смѣнявшимися гостями и пришельцами, полный удалой молодежи, конечно всегда было много голи кабацкой и праздношатающихся удальцевъ, искавшихъ понагрѣть руки около богатствъ или потѣшить руки борьбою: самое устройство общины, разлагавшее и сталкивавшее партіи, требовавшее для партій крѣпкихъ рукъ и бойцовъ, тому способствовало. Къ такимъ-то молодцамъ обратился Василій, набирая себѣ дружину, по свидѣтельству былинъ разсылая письма съ приглашеніями или—по нашему—прибивая уличныя афиши, съ зазывомъ пить и ѣсть готовое, носить дорогое платье, разгуливаться: афишъ и писемъ даже было не нужно, дружина Вольницы сама собою скоплялась вокругъ надежныхъ предводителей; а чего было надежнѣе именитаго и богатаго баловня? Собираются, по былинамъ, на дворъ къ Василью. Одна былина (Рыбник. т. II) такъ очерчиваетъ толпу въ общихъ чертахъ: «тати, воры, разбойники, плутъ, мошенникъ.» Впрочемъ нѣкоторые, судя по описанію, были и порядочные. Набиралось чернымъ-черно, какъ черна ворона: отобралось лучшихъ 29, самъ Васька сталъ тридцатымъ. Вотъ главныя лица по былинамъ: первый и главнѣйшій *Костя Новоторжанинъ*, изъ Торжка, Новгородской области, по одной былинѣ съ отчествомъ—*Костя Никитинъ* (не ошибка ли вмѣсто Новоторжанинъ? У насъ № 4); *Потанюшка* (Потапъ), *Потаня*, съ прозвищами и описаніями — *Малый-упалый*, *Маленькой*, *Хроменькій* или *Хромненькій*, на праву ножку припадываетъ, на лѣву прихрамываетъ, изъ подъ ручки

посматриваетъ,—видно, одно слово, пройдоха; *Васинька Маленькой; Ѳома* или *Ѳомушка, Хомушка, Горбатенькій, Толстъ-благоуродливый* (уродился во благо, въ добро ему шло, кругленькій, гладенькій, брюшковатый),—толстый да горбатый, приземистый, ражій; *Котельная Пригарица,* прозженый, то же, что «Дѣтина Поваренный,» «Таракашка» и т. п., съ давнихъ поръ типъ всякого ловкаго помощника, услужливаго чернорабочаго; *Иванище Сильное,* Калѣка Перехожій, извѣстный и въ Кіевскомъ творчествѣ: ему бы собственно здѣсь не слѣдъ и быть, да онъ попалъ потому, что Калѣки встрѣчались тогда на каждомъ шагу; знакомые намъ оттуда же *Мужики Залѣшена* и *Семь братовъ Збродовичи*; *Лука и Моисей, Дѣти Боярскіе,* заставляющіе подозрѣвать сходство съ Лукою и Петромъ, «Королевичами изъ Крякова (Кракова; Рыбник. т. I).» Подобныя же лица встрѣтимъ мы и послѣ, въ числѣ бойцовъ на Москвѣ. Своеобразно пробовалъ или испытывалъ пришедшихъ Васька,—вязомъ по головѣ, кто не ворохнется, у кого кудри не тряхнутся и т. п.: кто оказывался годенъ, называлъ братомъ названымъ, угощалъ; мужиковъ Залѣшанъ, страшныхъ и въ Кіевскомъ творчествѣ, до того самъ перепугался, что не посмѣлъ даже къ нимъ и показаться на первое знакомство. Одна стѣнка была такимъ образомъ готова; поводы къ столкновенію также на чеку: познакомимся и съ другою стѣнкою, представителями города, ставшими во враждебное отношеніе къ молодежи. Нельзя не замѣтить, что у Садки, практическаго человѣка, вовсе нѣтъ враговъ: страшилище Морской Царь все-таки ему благодѣтельствуетъ; Царица на его сторонѣ; Чернавка выводитъ его на Русь; купцы и «настоятели» Новгорода, временно поспоривши, подъ конецъ все-таки помогаютъ обогатиться; башлыки, люди таможенные—то же; еслибы въ то время существовалъ полицеймейстеръ Новгорода, и онъ явился бы «отцемъ и благодѣтелемъ» Садки; нечего уже говорить о Волгѣ, Ильменѣ и т. п.: напротивъ у Василья все, даже родные—какъ крестовый батюшка—все задѣто и лѣзетъ противъ него на стѣну. Стѣна же эта вотъ какая. Во первыхъ, упоминается въ былинахъ оскорбленный Васильемъ «*Княженецкій* дворъ» и «*Князь* Новгородскій,» какъ глава, распорядитель, судья, наказующій и милующій (см. ниже): но это не тотъ Князь, какіе бывали въ Новгородѣ выпрошенные, назначенные или выбранные изъ извѣстнаго рода Варяжскаго. Ближайшее

изученіе Русской исторіи въ связи съ исторіею другихъ Славянскихъ племенъ, особенно Южныхъ, не оставляетъ сомнѣнія, что и прежде сихъ Князей, и при нихъ, кромѣ ихъ, были Князья изъ своего рода, съ достоинствомъ и правами своими, такъ точно, какъ искони было у Славянъ именованіе *Князя*, такъ точно, какъ Князья были всегда и остались доселѣ у Славянъ Южныхъ, не призывавшихъ никого изъ Варяговъ, доселѣ въ достоинствѣ старшинъ и судей надъ общинами, такъ точно, наконецъ, какъ имя и достоинство Князя, хотя въ иномъ смыслѣ, искони придавалось жениху на свадьбахъ. Подобнымъ образомъ и *Бояре*, кромѣ возникшихъ изъ дружины Княжеской, Варяжской, на Руси, были искони и здѣсь, и у всѣхъ Славянъ свои собственные; такъ что на оборотъ изъ дружины Княжеской дѣлались Бояре по образцу Земскихъ и, кромѣ Варяговъ, съ самаго начала въ дружинѣ Княжеской, въ Земской и прямо въ Земщинѣ были Бояре Русскіе-Славянскіе. И дѣйствительно, по былинамъ Новгорода, упоминаются въ немъ, и въ одно время, «*три Князя* Новгородскихъ (Рыбник. т. I).» потомъ «*два Князя*» и просто «*Князья* Новгородскіе,» объясняемые тутъ же—«*Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Ѳома Родіоновичъ* (тамъ же).» Тѣ же два лица — одинъ сходенъ и именемъ — видѣли мы въ былинахъ о Садкѣ подъ именемъ «Новгородскихъ *Настоятелей.*» Въ другой былинѣ и въ томъ же совершенно положеніи, какъ лица предыдущія, упоминается «*Городничій Ѳома Родіоновичъ,*» очевидно то же лицо, что выше названъ Княземъ и Старшиною. Тѣ же *Никола Зиновьевичъ* и *Ѳома Родіоновичъ* выводятся въ другихъ двухъ былинахъ (унасъ № 1 и 2) просто какъ «мужики,» т. е. «мужи Новгородскіе;» тамъ, гдѣ въ однихъ былинахъ описывается пиръ у «Князя,» въ другихъ одно лишь имя «у *Викулы Окулова* (*Викулы*—вѣроятно изъ *Микулы*, Николая Зиновьевича; Рыбник. т. II).» Очевидно, что все это простые, обычные мужи Новгородскіе, но облеченные въ достоинство *Князя,* а Князей этихъ могло быть нѣсколько въ одно время и достоинство ихъ, по роду службы, дѣлилось на *Судью* въ строгомъ смыслѣ (см. ниже), *Городничаго* или *Старшину* (городскаго), *Воеводу*. Какъ они выходили изъ Земщины и къ ней относились, и въ нее возвращались послѣ службы, и какой срокъ былъ ихъ службѣ, и какъ рядомъ службъ и служебныхъ лицъ въ роду образовались Служилые люди, какъ относились къ помянутымъ званіямъ По-

садникъ и Тысяцкій, подъ какими изъ упомянутыхъ именъ скрывались и когда собственно организовались въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ ихъ по лѣтописямъ, здѣсь входить въ подробности не мѣсто. Не лишне однако прибавить, что показанія былеваго творчества, обыкновенно хранимаго какъ святыня въ памяти и устахъ народа, очень важны въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что ихъ нельзя здѣсь объяснить никакъ ослышкою или искаженіемъ. Равнымъ образомъ, какъ въ именахъ при Садкѣ, *Ѳома Назарьевъ* и *Лука Зиновьевъ*, такъ и въ помянутыхъ при Буслаевѣ нельзя конечно видѣть лицъ непремѣнно историческихъ, тѣмъ болѣе, что мы ихъ не находимъ по лѣтописямъ, но нельзя однакоже вовсе оставить безъ вниманія, съ какимъ постоянствомъ въ былинахъ народъ держится именъ *Ѳомы Родіоновича* и *Николы* (онъ же, вѣроятно, при Садкѣ, жившемъ въ ту же эпоху, *Лука*) *Зиновьевича*. Скрытое отъ исторіи по лѣтописямъ возстаетъ нерѣдко въ поэтическомъ творчествѣ: и на оборотъ, дѣянія Садки и Буслаева приходились во времена Князей, княжившихъ въ Новгородѣ «изъ рода Варяжска,» съ Посадниками и Тысяцкими, а творчество, мы видѣли, представляетъ устройство правительства въ своемъ видѣ, то есть типическомъ, можетъ быть старшемъ, даже болѣе самобытномъ и народномъ, чѣмъ устройство, введенное при Князьяхъ и Князьями съ чужи, съ далека или изъ инаго рода. Какъ бы то ни было, но только Василій Буслаевъ съ окружившей его Вольницей, видимъ мы, поставилъ противъ себя все тогдашнее правительство Новгорода. Въ иныхъ былинахъ оно все называется гуломъ «мужиками Новгородскими;» въ другихъ, гдѣ различаются лица правительства, исполнителями его въ борьбѣ съ Васильемъ именуются особо «*господа* (бояре),» «*мужики* Новгородскіе,» мужики «и все *купцы богатые*,» «мужики *посадскіе*,» наконецъ «городо-*Кемскіе*,» подоспѣвшіе къ дѣлу также, какъ Костя изъ Торжка при Буслаевѣ: то есть, это все были естественные враги Вольницы, мужи зрѣлаго возраста, стойкіе - посадскіе, дружинники земскіе, гости и проч., за исключеніемъ стариковъ, зрѣлый возрастъ противъ молодежи, горожане въ собственномъ смыслѣ, полноправные дѣятели противъ Вольницы. Былины, обрисовавшія не совсѣмъ красиво дружину Буслаевскую, не скупятся и на враговъ ея: они «на питье завидные (см. ниже ссору изъ за пира),» даже «воры (городо-Кемскіе),» а все творчество, въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа, съ явнымъ со-

19

Bayerische Staatsbibliothek München

чувствіемъ становится на сторонѣ Буслаева; видно, онъ имѣлъ правду на своей сторонѣ и сторона охранительная понадоѣла народу, попротивѣла въ глазахъ его. Предлоговъ къ рѣшенію натянутыхъ отношеній съ обѣихъ сторонъ могло быть конечно, замѣчали мы, вдоволь. Нѣкоторыя былины всего проще зачинаютъ борьбу, безъ предлога; «говоритъ Васильюшка Буслаевичь:—Есть бы (еслибы) у меня была дружинушка хоробрая, тридцать молодцовъ безъ единаго, самъ-то я, Васильюшка, въ тридцатыихъ, такъ ѣхалъ бы я биться со всѣмъ Новымъ-градомъ;» когда же собралось ихъ столько, «тутъ оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали (Рыбник. т. 1).» Но другія наблюдаютъ постепенность и выставляютъ предлоги. Когда собранная Вольница пировала во дворѣ Буслаева, «какой зайдетъ, убьютъ его, убьютъ его — за ворота бросятъ.» Завидные на питье, послѣ афишь и приглашеній Буслаева, мужики Новгородскіе собирались къ его чанамъ: но они не могли и поднять чары, только лишь «шатаются день до вечера;» это надоѣло Василью, выбѣжалъ онъ на дворъ и ну ихъ бить. По другимъ, мужики собрались къ Василью, такъ бы и быть, да расхвастались: «Мы теперь стали на твоемъ дворѣ, всю мы у тя ѣству выѣдимъ, и всѣ напиточки у тя выпьемъ, цвѣтно платьице повыносимъ, красно золото повытащимъ.» Разумѣется, «этыя рѣчи ему не слюбилися» и онъ зачалъ ихъ валять по двору. Наконецъ, разсказываютъ, что мужики собрались было честью: но Василій кормилъ-поилъ свою дружину, «а тыхъ мужиковъ Новгородскіихъ не кормилъ не поилъ да не чевствовалъ, а посылалъ по въ-зашей да въ сутычь ихъ. Тутъ-то мужики Новогородскіе видятъ, что не хорошо то есть: «Осмѣемся (отсмѣемся) мы насмѣшку Васильюшкѣ, сдѣлаемъ мы, ребята, почестенъ пиръ, заведемъ (подадимъ видъ, будто) для Василья для Буслаевича, не позовемъ-ка мы на почестенъ пиръ того Васильюшку Буслаева!»» Каки бы то ни было, только со двора Васильева «пошли мужики — сами заплакали: «были у Васьки на честномъ пиру, не упили мы, не уѣли, а въ безвѣчье (увѣчье) залѣзли у Васьки на вѣки!»» Мужики Новгородскіе сдѣлали складчину, Братчину Никольщину (пиръ въ Николинъ день), по нѣкоторымъ у самого Новгородскаго Князя: Василья не пригласили, но онъ отправился незваный съ дружиною, не смотря на предостереженія матери и съ явнымъ желаніемъ добиться рѣшительной борьбы. Пиръ этотъ не могъ обойтись безъ конечной ссоры.

Bayerische Staatsbibliothek München

Одна Былина передаетъ, что ссора вспыхнула случайно: староста церковный, казначей Братчины, принялъ отъ Василья и дружины долю складчины, пиръ шелъ порядкомъ, но Вольница къ вечеру напилась въ кабакѣ; начались игры, кулачная борьба, дошло до драки: Василій бросился разнимать, а тутъ какой-то дуракъ его по уху оплелъ; Василій крикнулъ—«Уже Ваську меня бьютъ!» Подоспѣли его товарищи и вышло побоище. Въ другихъ былинахъ, послѣдовательнѣе, незваный гость не могъ ожидать радушія: явившись въ буйномъ видѣ, онъ съ товарищами влѣзъ насильно, попихалъ и разогналъ собравшихся. Впрочемъ, не смотря на эти схватки, схватки сравнительно съ послѣдующимъ боемъ, пиръ тѣмъ бы и кончился; но подъ конецъ его пьяная Вольница расхвасталась; Костя говоритъ: «Нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати, я остался отъ батюшки малешенекъ, малешенекъ остался и зеленешенекъ; развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати: ударить съ вами о великъ закладъ, о буйной головы,» именно что онъ напустится «на весь на Новгородъ, окромѣ трехъ мона́стырей (не трогая ихъ изъ уваженія)—*Спаса Преображенія, Матушки Пресвятой Богородицы*, да еще монастыря *Смоленскаго!*» Та и другая сторона взаимно перечила, а Василій говорилъ еще сильнѣе: «Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичь, не боюсь я тебя, Ѳома Родіоновичь, не боюсь я всего Новго́рода!» Это было уже близко къ вызову; мужики возражали: «Загадываешь загадку великую! Когда ты, Василій, удалъ е, пойдемъ же драться на мостикъ на Волховскій, на тою на рѣченьку на Волхову: ты со своима со *дружинамы* хоробрыма, а мы̇ будемъ драться *всѣмъ народомъ.*» Василій не замедлилъ форменнымъ вызовомъ: «Гой еси вы, мужики Новгородскіе! Бьюсь съ вами о великъ закладъ: напущаюсь я на весь Новгородъ битися-дратися, со всею дружиною хороброю. Только (если) вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ, буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою; а буде же я васъ побью, и вы мнѣ покоритеся, то вамъ платить мнѣ такову же дань.» Сдѣлали договоръ письменный за рукоприкладствомъ: «и ударился Васька о великъ закладъ, не о ста рубляхъ, не о тысячѣ, ударился Васька о своей буйной головѣ, за утро̀ (завтра, на другой день утромъ) биться Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ;» «и ударилъ о великъ закладъ со трема Князьямы Новгородскима, выходить на мостикъ на Волховскій и биться Василью съ Новымъ городомъ, побить всѣхъ мужи-

ковъ до единаго;» «ударили они о великъ закладъ, подписали подписи великія, что съ утра още ранымъ рано итти-то па рѣченьку на Волхову, на тотъ ли на мосточикъ на Волховскій *).» Вспомните, что такъ точно бился объ закладъ въ Кіевѣ, и раздѣлилъ его на партіи, Иванъ Гостиный Сынъ (вып. 3); что такъ точно съ Новгородцами бился объ закладъ Садко: но для Гостя-Купца единоборство состояло въ лучшемъ товарѣ (какъ у Гостинаго Сына), или (какъ у Садки) въ закупкѣ всѣхъ Новгородскихъ товаровъ; здѣсь же шло дѣло объ единоборствѣ въ собственномъ смыслѣ, на животъ и на смерть. И какое неравенство стѣнокъ: съ одной стороны весь Новгородъ опричь женщинъ, дѣтей и стариковъ, опричь монастырей—духовенства, церковниковъ, зрѣлое, испытанное ядро населенія, бывавшее и состоявшее въ Дружинѣ Земской, ходившее въ походы съ Князьями, въ далекіе, чужіе и враждебные края съ купеческими товарами; съ другой Вольница хотя и рьяная, но неопытная, большею частію молодежь, и всего тридцать человѣкъ. Но при этомъ нужно однако вспомнить, что тридцать человѣкъ, по точному смыслу творчества, было лишь выборныхъ и отборныхъ, друзей Василья, его названыхъ братьевъ, душа въ душу, и это собственно была его *дружина;* Вольница же расла около дружины конечно сбродомъ и толпою, клубокъ росъ по мѣрѣ движенія. На первый же зовъ Василья пришла къ нему «силушка черны̀мъ черно̀:» было изъ чего выбирать, было чѣмъ и пополниться отборному. Приставали къ нему всѣ недовольные, и выходитъ, что кажущееся неравенство стѣнокъ на самомъ дѣлѣ было не такъ велико. Во всякомъ случаѣ, главное дѣ-

*) Во II-мъ томѣ у Рыбникова все дѣло перенесено въ Кіевъ, Василій дѣлаетъ закладъ побороть весь Кіевъ, каменну Москву, со всѣми и со малыми пригородками, а дерутся мужики городо-Кемскіе: происхожденіе сему было то, что былина начинается описаніемъ пира, „да идетъ-то Василій во почестный пиръ *ко князю*" — Новгородскому; но, какъ скоро сказано „ко князю," нетвердый пѣвецъ, по привычкѣ къ Кіевскимъ былинамъ, продолжилъ—„ко Владимеру," и пошло писать—„у ласкова у князя у Владимера" и т. д. Подобныхъ явныхъ искаженій (сравните въ одной Былинѣ, Рыбник. т. II, мостъ *Обуховъ* вмѣсто *Волховскаго*) мы никакъ не должны относить къ помянутому общенію творчества Кіевскаго и Новгородскаго: общеніе тамъ, гдѣ безъ искаженія есть связь внутренняя, выраженная въ сознательномъ сближеніи лицъ, мѣстъ, именъ и т. п.

ло было въ томъ, на чьей сторонѣ правда и кто долженъ былъ побѣдить по сочувствію и воззрѣнію творчества: а все это было на сторонѣ Василья, а съ этой помощію въ Кіевскихъ Былинахъ и одинъ Богатырь побивалъ тысячи. Василій представлялъ собою юную, притѣсняемую силу, а эта сила, права или неправа, всегда скорѣе встрѣчаетъ въ творчествѣ сочувствіе; замѣтьте еще сторону, крайне всегда щекотливую для нашего народа: Василій шелъ противъ служилыхъ и богачей.—И такъ, «ударили о великъ закладъ, и записи написали, и руки приложили, и головы приклонили.» Какъ ни былъ однако же увѣренъ въ себѣ и друзьяхъ Васька, былины прибавляютъ, что когда онъ пошелъ съ пиру домой и хмѣль съ него свалилъ, пошелъ онъ не веселъ не радошенъ, повѣсилъ буйную голову, утупилъ очи ясныя. Къ матери дошла вѣсть о сдѣланномъ закладѣ, разсказала дружина, разсказалъ самъ Василій. Завалился ли онъ самъ съ тяжелой попойки и уснулъ мертвымъ сномъ въ прохладномъ глубокомъ погребѣ, какъ разсказываетъ одна былина (Рыбник. т. I, № 57); или мать съ намѣреніемъ еще напоила его «питьемъ забудущімъ (т. II)» и уложила; или даже сама вывела съ пира и засадила (т. I),—только во всякомъ случаѣ, испуганная вѣстью о происшедшемъ и предстоящемъ, старуха плакала и не нашла сдѣлать ничего лучше, какъ запереть сына всѣми возможными запорами, спрятать все его оружіе, выпустить въ поле коня и т. д. То, чего не смогъ бы весь Новгородъ, сдѣлала мать своею властію: подъ крѣпкими запорами Василій лежалъ безоруженъ, спалъ безъ просыпу да и забывалъ объ дѣлѣ. Одна былина (у насъ № 3) называетъ за это мать «старухою неразмышленою:» но она знала, что̀ дѣлала, сынъ ей былъ дороже всей гражданской и воинской чести. Поспѣшно она «налила (насыпала) чашу красна залота, другую чашу чиста серебра, третью чашу скатна жемчуга, и понесла въ даровья *Князю Новогородскому*, чтобы *простилъ* сына любимаго.» Здѣсь-то особенно выступаетъ *одинъ* Князь, и притомъ въ качествѣ Судьи, такъ что пѣвецъ къ одной былинѣ прибавлялъ, что Амелѳу Тимоѳеевну «позвали въ *Судъ* и крѣпко тамъ разобидѣли (Рыбник. т. I):» если гдѣ искать Рюриковича, то конечно вотъ гдѣ; тогда, съ этой точки зрѣнія, «Посадникъ» соотвѣтствуетъ помянутому «Князю-Старшинѣ» или «Городничему,» «Тысяцкій» — «Князю-Воеводѣ.» Конечно обида въ Судѣ состояла въ естественномъ рѣшеніи Судьи,—

«говоритъ Князь Новогородскій: «Тожно (въ такомъ случаѣ) прощу, когда голову срублю!»» Самое живописное лицо Новгородскаго творчества со стороны нравственнаго характера есть конечно мать Буслаева, и нигдѣ такъ вѣрно и послѣдовательно не выражается творчество Новгорода, какъ въ разсказѣ о взаимныхъ отношеніяхъ матери и сына (смотрите еще ниже). Пошла она домой, «закручинилась пошла, запечалилась, разсѣяла красно золото, и чисто серебро, и скатенъ жемчугъ по чисту полю, сама говорила таковы слова: —Не дорого мнѣ ни золото, ни серебро, ни скатенъ жемчугъ, а дорога мнѣ буйная головушка своего сына любимаго, молода Васильюшка Буслаева!—» Одна осталась у ней надежда—на крѣпкіе запоры и на крѣпкій сонъ сына.—Между тѣмъ мужики Новгородскіе всю ночь готовились къ бою и готовили оружіе: къ чести обѣихъ сторонъ, вытекавшей впрочемъ изъ условій подобнаго боя, нужно замѣтить, что оружія остраго не употребляли, мужики приготовляли молоты и шалыги или шелепуги подорожныя, какія бывали у Калѣкъ Перехожихъ, страшно тяжелыя клюки или длинныя дубины, иногда налитыя свинцомъ, иногда всѣ свинцовыя; Вольница была вооружена также; самъ Василій, не смотря на то, что, какъ мы видѣли, обучился наукамъ воинскимъ и рыцарскимъ, имѣлъ и копье, и саблю, но дерется обыкновенно дубиною, именно вязомъ, по нуждѣ—какъ увидимъ—желѣзною осью телѣжною, при случаѣ—языкомъ отъ колокола. Нельзя одного похвалить у Вольницы и Дружины Буслаева: какъ всякая молодежь и самоувѣренность, какъ типъ Славянина вообще и Русскаго, увѣреннаго въ правотѣ дѣла, они, въ то время, какъ опытные враги готовились и эта черта выставлена ярко въ былинахъ, по молчанію былинъ—не принимали никакихъ особыхъ мѣръ, ринулись какъ попало и не догадались даже всѣ собраться, дождаться и вызвать своего предводителя. Бой, еще во время роковаго пира и заклада, назначенъ *на мосту Волховскомъ и у моста:* тамъ гдѣ предрекъ будущее плывущій богъ язычества, Перунъ, куда бросилъ свою палицу, куда биться палицами сходились потомъ Новгородцы въ своихъ воинскихъ играхъ, гдѣ преимущественно бились въ городскихъ распряхъ. Въ частности бой размѣренъ былъ въ условіяхъ такъ: куча Новгородцевъ, какъ застава, встрѣтитъ Василья съ дружиною первая *до мосту*, съ той стороны, откуда ему итти; другая *середи мосту*; третья *въ концѣ моста*; если хоть на одной Василья побьютъ,

потерялъ онъ свою заложенную голову; но если пробьетъ заставу третью, то онъ побѣдилъ. Вотъ эти условія по былинѣ: «Итти Василью съ утра черезъ Волховъ мостъ; хоть свалятъ Василья до мосту,—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; хоть свалятъ Василья у моста (та же куча, подвинувшись),—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; хоть свалятъ Василья посередъ моста,—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; а ужь какъ пройдетъ третью заставу, тожно (въ такомъ случаѣ) больше дѣлать нечего (рѣшена борьба, побѣдилъ).» Судьба Василья должна была рѣшиться тамъ же, гдѣ рѣшилась судьба Садки, гдѣ сему послѣднему (подъ мостомъ?) явился Волховъ и передалъ отъ Ильменя средства обогащенія. Рано утромъ, на другой день послѣ договора, сошлись двѣ стороны; мужики Новгородскіе, собравшись на мѣсто, кричатъ: «Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мостъ, рушай-ка (рѣшай) завѣты великіе!» Но Василья не было. Впереди Вольницы выступилъ *Хомушка Горбатенькій,* на смѣну *Потанюшка Хроменькій,* потомъ *Костя Новоторжанинъ;* по другимъ впереди были *Котельная Пригарина* и *Потанюшка.* Они дѣлали все, что могли, били каждый сотнями: но они бились три часа, потомъ цѣлый день, потомъ другой день, третій день и третью ночь; въ каждый срокъ посматривали и поджидали они Буслаева: его нѣтъ какъ нѣтъ. У дружины головы проломаны, кушаками головы завязаны, платками руки перевязаны, не пили они, не ѣли, себѣ отдыху не давали, стоятъ они по колѣна въ крови, иные отъ мужиковъ уже кушаками исперевязаны и веревками запутаны. Раздается вопль ихъ: «Что̀ ты, Васька Буслаевичь, измѣнилъ ты своимъ товарищамъ!» А мужики съ своей стороны насмѣхаются: «Еще что̀ же, братцы, Васька за дуракъ такой? Измѣнилъ, братцы, Васька своимъ товарищамъ, продалъ за дешево, братцы, Васька своихъ товарищей! Трои сутки бьются братаны за Ваську Буслаева, молотами у нихъ головы испроломаны, кушаками у нихъ головы испривязаны, а Васьки Буслаева въ явѣ нѣтъ: еще что̀ же, братцы, Васька за дуракъ такой!» Нѣкоторыя былины говорятъ, что Василій проснулся тотчасъ на плачевный вопль товарищей и дѣло приняло новый оборотъ, какъ послѣ Плача Ярославны въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Другія, что онъ заслышалъ въ погребу отъ мужиковъ говорю ихъ похульную, хульную и похвальную: а похвалы, хвастовства, извѣстно въ нашемъ народѣ,

не терпятъ высшія силы и дѣло ими переворачивается (τὸ θεῖον φθονερόν, какъ выражаетъ народное мнѣніе Геродотъ). Но большинство былинъ наблюдаетъ еще ступени послѣдовательности. На четвертый день битвы, рано по утру служанка матери Васильевой, *Дѣвка Чернавка* пошла на Волховъ по воду. Мы знаемъ уже это лицо изъ прежнихъ Замѣтокъ: вмѣстѣ съ Котельной Пригариной это единственное, что́ досталось изъ древнѣйшихъ доисторическихъ преданій и первобытнаго эпоса въ былины о Буслаевѣ. Она непремѣнно въ службѣ у старшей госпожи или матроны, какъ Ириса у Геры: у насъ потому иначе она именуется Поваренною, даже, въ переводѣ на языкъ общежитія, кухарка, хлѣбница и т. п. Она вѣстница, посредница двухъ сторонъ, какъ въ былинахъ о Саломанѣ, Садкѣ, Ермѣ и Чурилѣ, и т. д. Она помощница то одной, то другой сторонѣ, чаще—въ выводѣ—юному герою. Какъ древняя Ириса съ символомъ Радуги, она въ эпическомъ образѣ среди исторіи съ полукруглымъ коромысломъ черезъ плечо, расписаннымъ, изъ разнаго дерева: иногда, какъ въ разбираемыхъ былинахъ Новгородскихъ, коромысло ея металлическое—желѣзное, или кипарисовое, занесенное Русскими еще съ Юга. Древнее происхожденіе ея и былое значеніе выражается въ уцѣлѣвшей громадной ея силѣ. Къ ней-то обратились побитые товарищи Василья: «Не подай (не выдай) насъ у дѣла ратнаго, у того часу смертнаго!» Чернавка поставила ведра, коромысло въ рукахъ ея начало помахивать, прибила враговъ до пятисотъ. Но этого все-таки было мало. Чернавка бросилась домой, своей силою сорвала замки и запоры, разбудила грознымъ упрекомъ Василья, разсказала о случившемся, выпустила его изъ заперти. Очнувшійся выскочилъ на дворъ, все оружье было прибрано (послѣ уже упоминается въ рукахъ Василья любимый вязъ), схватилъ онъ желѣзную ось телѣжную и, какъ спалъ, въ однихъ чулкахъ безъ чоботовъ, въ одной рубашкѣ безъ пояса, бросился выручать товарищей. Когда появился онъ «по Волхъ-рѣкѣ, по той Волховой по улицѣ, завидѣли добрые молодцы, а его дружина хоробрая,—у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ думушки прибыло.» Подскочилъ Василій: «Вы теперь позавтракали, мнѣ-ко-ва дайте пообѣдати! Идьте же, братцы, на отдыху, идьте же, братцы, не съ упадкою, а я за васъ поработаю! Садитесь вы, братцы, на лавочку: продалъ васъ не я, добрый молодецъ, продала васъ моя матушка родимая, измѣнилъ

вамъ не я, добрый молодецъ, измѣнила вамъ моя родна матушка! Теперь я съ ними побратаюсь.» Кто могъ еще драться изъ дружины, развязалъ онъ и пустилъ въ дѣло (Рыбник. т. II), а самъ впереди: на часу вся сила мужиковъ была выгублена. Но они помнили, что̀ говорилъ Васька еще на пиру при похвальбѣ: не боюсь, говорилъ онъ, никого, ни всего Новгорода, «лишо боюсь я крестоваго батюшка, *Матераго Старчища Игнатьища*, да боюсь я крестоваго брателка, молода *Григорья Игнатьича*, — имъ отъ меня и честь, и почётъ; а что по чему пойдетъ, такъ и всѣхъ не боюсь!» Была правда, что Василій боялся ихъ, была правда, что и съ ними могъ въ крайнемъ случаѣ справиться. Мужикамъ приходилось схватиться за краюшекъ. «Мужиковъ Новгородскіихъ мало ставится, очень рѣдко и мало ихъ. Видятъ Князья (они въ сторонѣ ожидали конца, какъ старшины) бѣду неминучую, — прибьетъ мужиковъ Василій Буславьевичь, не оставитъ мужиковъ на сѣмена, — приходятъ Князья Новгородскіе, Воевода Николай Зиновьевичь, Старшина Ѳома Родіоновичь, ко его государынѣ ко матушкѣ, сами говорятъ таковы слова: — Ай же ты, честна вдова Мамелоа Тимоѳеевна! Уговориуйми свое чадо милое, молода Василья Буслаевича, укротилъ бы свое сердце богатырское, оставилъ бы мужиковъ хоть на сѣмена! — Говоритъ Мамелоа Тимоѳеевна: — Не смѣю я, Князья Новгородскіе, унять свое чадо милое, укротить его сердце богатырское: сдѣлала я вину ему великую, засадила его во погреба глубокіе (я уже сдѣлала одну вину прежде и дала вамъ потачку). Есть у моего чада милаго во томъ во монастырѣ во *Сергѣевомъ* крестовый его батюшка *Старчище Пилигримище:* имѣетъ силу нарочитую. Попросите, Князья Новогородскіе, не можетъ ли унять мое чадо милое? — И такъ Князья Новогородскіе пріѣзжаютъ къ монастырю ко Сергѣеву и просятъ Старчище Пилигримище, со великимъ просятъ съ униженіемъ: — Послужи ты намъ вѣрой-правдою, сходи ты на мостикъ на Волховскій ко свому ко сыну крестовому, уговори его сердце богатырское, чтобы онъ оставилъ побоище...» — Или прямо, не ходя къ матери и помня слова Василья на пиру, «мужики думу думали (со злобнымъ уже умысломъ): — Во томъ ли монастырѣ во *Кириловскомъ* есть *Старчище-Пилигринище:* пойдемте-ка, братцы, подкупимте, бываетъ — онъ побьетъ Ваську Буслаева! — Они ѣхали скорымъ скоро во тотъ ли во монастырь во Кириловскій: — Ай же ты, Старчище-

Пилигримище! Послужи-ка намъ вѣрой-правдою, на тебѣ красна золота, чиста серебра и скатна жемчуга!—» Это новое лицо, крестный отецъ Василья, былъ еще въ роднѣ ему, ибо передъ походомъ на мостъ «идетъ онъ ко своей сестры, ко Васильевой матушки, говоритъ ей таково слово, что силушка мужиковъ городо-Кемскiихъ поразбита и чтобъ она прiуняла своего сына Васильюшка (Рыбник. т. II).» Наконецъ, онъ называется еще (Рыбник. т. I) *Старчище Елизарище*» и опять просто (у насъ № 3) *Старецъ Пилигримища*. Стало быть, лицо это въ сущности не новое, а весьма старое и намъ уже хорошо знакомое; онъ въ разныхъ монастыряхъ, различны его имена, но типъ одинъ: это Калѣка Перехожiй, со всѣми обычными своими свойствами, принадлежностями, дѣйствiями. Помянутыя составныя части этаго типа легко намъ уразумѣть: Старецъ, Старчище, Пилигримище—peregrinus, pielgrzym, т. е. Странникъ, Перехожiй,—обычныя прозвища Калѣкъ; даже *дядей* Василью онъ сталъ изъ Польскихъ и Бѣлорусскихъ *Дзядовъ*, Югозападныхъ *Дидовъ-Дѣдовъ*,—имя Калѣкъ. Впрочемъ, онъ могъ быть и по типу дядей Василью, братомъ его матери, въ мiру: подъ конецъ пошелъ душу спасать въ монастырь и жилъ тамъ, какъ жили обычно Калѣки Перехожiе при любимыхъ монастыряхъ. На эту прежнюю его исторiю въ мiру намекаетъ также имя *Игнатьище*, подъ другимъ именемъ *Данило Игнатьевичъ* или *Данилище*, герой, извѣстный намъ изъ Кiевскаго творчества, прежде сильный богатырь, потомъ ушедшiй жить при монастырѣ и спасать тамъ душу, послѣ встрѣчавшiйся съ Ильею на дорогѣ уже въ качествѣ Калѣки Перехожаго, также съ именемъ *дяди* (вып. 3 и 4). Сынъ его также извѣстный въ Кiевѣ *Иванъ* или *Михайло Даниловичъ:* вотъ откуда и въ Новгородѣ взялся сынъ *Григорiй Игнатьевичъ*, крестовый братъ Василью; описанный такъ же, какъ отецъ его, и Калѣка, онъ только раздвоился изъ одного лица отцовскаго, мѣшаетъ единству сего послѣдняго и ничего не прибавляетъ къ творчеству, возникши не въ силу творческой необходимости, а случаемъ и по смѣшенiю съ лицами Кiевскаго творчества. Послѣ онъ, до отца, дрался съ Васильемъ, но ничего ровно не пособилъ ни дѣлу, ни творчеству, а только замедлилъ ходъ его и раздвоилъ одно типическое лицо; выгода, лишняя черта отъ него была лишь развѣ та, что, побивши его, Василiй получилъ шалыгу или вязъ, дравшись прежде осью те-

лѣжною. Былины, удивительно вѣрныя основному типу, ловко подмѣтили именно эту черту, ибо Василій, получивъ въ наслѣдство отъ убитаго шалыгу, говоритъ: «Нѣтъ (не было оружья) на друга на стараго, на того ли на брата крестоваго, — какъ братъ пришелъ, по плечу ружье принесъ (въ основѣ пословица: не было оружья на брата, пришелъ онъ — принесъ шалыгу, пригодилась на него)!» Съ той минуты «и пошелъ Василій по мосту съ шалыгою (Рыбник. т. I).» Потому и мы оставимъ безъ вниманія это вставочное, случайно возникшее лицо: смотримъ на одинъ типъ, на одного Калѣку Перехожаго. Имена его, мы видѣли, одинаковы у творчества Новгородскаго съ Кіевскимъ: такъ и должно быть, ибо эти типическія лица были тамъ и здѣсь общими и, Перехожія, не были исключительнымъ достояніемъ мѣстности; Новгороду принадлежитъ лишь одно имя, доселѣ не встрѣченное въ Кіевѣ, — старчище *Елизарище*.— И такъ, лицо старое, изношенное былыми подвигами, само въ обноскахъ и отопкахъ, вышедшее на Русь изъ старины глубокой, хранившее всегда старину, Былину ли, Стихъ ли, Калѣка Перехожій принадлежалъ весь охранительному началу и теперь долженъ былъ взять его сторону противъ молодежи и вольницы. Кромѣ того, по одной былинѣ, Калѣка, увидавши поднесенныя ему, помянутыя богатства, польстился: «на то Старичище кидается, на то Старичище позывается,» извѣстная приманка Калѣкъ-попрошаекъ. Изъ монастыря, опричь коего клялся Костя и Буслаевъ, Старчище былъ для Новгородцевъ послѣднимъ резервомъ, запасомъ, выведенъ какъ крайній оплотъ, въ родѣ тѣхъ Заточниковъ, которыхъ всегда, по памятникамъ Славянской поэзіи (ср. о Саурѣ Ванидовичѣ, вып. 3, и пѣсни Сербскія), берегли на случай въ тюрьмѣ и выпускали на врага въ отчаянныхъ случаяхъ. На него можно было и понадѣяться: хоть голова Калѣки при старости, нога за ногу запинается, рука за руку заплетается (ср. вып. 4), но этотъ типъ изъ древности отдаленной, эпохи кочевья и стихій, занималъ силу громадную и ужасную, мыкая ее въ бродячихъ переходахъ, но здѣсь же часто и подымая ее до страшной энергіи; не даромъ самъ Илья признавалъ въ немъ силы «два меня (въ двое себя),» не даромъ Амелѳа Тимоѳеевна отнеслась объ его «силѣ нарочитой,» а мужики надѣялись, «бываетъ—онъ побьетъ Ваську Буслаева.» Ему бы по настоящему достойно сразиться съ Иванищемъ Сильнымъ, Калѣкою, забравшим-

ся въ дружину Васильеву: но этотъ, какъ случайно забрелъ сюда изъ Кіева, такъ скоро и улизнулъ; къ концу рѣшенія дѣла устранялось въ былинахъ все случайное и оставались только существенные типы. Настоящій Новгородскій Калѣка былъ привязанъ къ мѣстному монастырю, Сергѣеву-Троцкому, Кирилову-Бѣлозерскому; они, питавшіе не одного Калѣку, также типически пріурочены Новгороду: судьба его вела на конечную расправу. Откуда бы ни взяли его, его тащили на мостъ Волховскій: здѣсь было настоящее мѣсто его, ибо — не только типически, но и исторически — главное мѣсто Калѣкъ на мостахъ, какъ на примѣръ на Волховскомъ въ Новгородѣ, на Днѣпровскомъ въ Смоленскѣ, на Спасскомъ нѣкогда въ Москвѣ. Здѣсь, на мосту, непремѣнно и долженъ былъ встрѣтить его Василій, по типу творчества. И въ разсказѣ о были выдержанъ тотъ же порядокъ: до прихода Василья дружина его была отъ мосту «попячена;» когда же, частію отстороннвъ ее, частію отославъ, а частію ободривъ, Василій рванулся впередъ и порядочно поколотилъ уже мужиковъ, равнымъ образомъ, пока Князья ходили съ поклономъ къ матери и Калѣкѣ, а Калѣка пока снаряжался и двигался, Буслаевъ, очищая дорогу и сваливая встрѣчныхъ, дошелъ уже до середки моста Волховскаго. Здѣсь-то и встрѣтилъ его во всеоружіи Старчище. У Старчища упоминается обычный «костыль,» клюка; «шалыга девяноста пудъ,» то же; «клюка въ десять пудъ;» «колпакъ въ двадцатъ пудъ,»—шляпа земли Греческой; «кафтанъ въ сорокъ пудъ,» — гуня подорожная; недоставало лишь лапотковъ семи шелковъ, да сумы бархатной: но все это нарядъ типическій, а здѣсь былъ случай чрезвычайный. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Старчище воспользовался тѣмъ, что̀ всего ближе было подъ рукою въ монастырѣ: онъ скочилъ на башню колокольную, сорвалъ колоколъ, надѣлъ на голову колоколъ, поднимаемый творчествомъ въ разныхъ былинахъ Новгородскихъ съ 12-ти до 40, 90, 150, 300 и 1.000 пудовъ; въ правую руку взялъ оторванный колокольный языкъ во 500 пудовъ. Идетъ онъ на мостъ, языкомъ-то онъ подпирается,—подъ нимъ мостъ нагибается (Рыбник. т. II). На середкѣ загородилъ онъ Василью дорогу и началъ то мягко, а то ужь и не мягко: «Ай же ты, мое чадо крестное! Укроти свое сердце богатырское, оставь мужичковъ хоть на сѣмена!» «Ай же ты, мое чаделко крестовое! Молодой курень (пѣтухъ), не попархи-

вай, на своего крестоваго батюшка не наскакивай!» А потомъ: «А малый куръ, не запурхивай, а ты, дитя, не заскакивай, а прямоѣзжей дорожки не заваливай!» «А стой ты, Васька, не попархивай, молодой глуздырь, не полетывай! Изъ Волхова воды не выпити, во Новѣ-градѣ людей не выбити, есть молодцовъ сопротивъ тебя, стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!» «Какъ пурхалъ-то ясный соколъ да и до́пурхалъ, ходилъ-то добрый молодецъ да и до́ходилъ!» Наконецъ прямо: «Я иду — Василью смерть несу!» Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, и въ отвѣтѣ Василья, былины, по разнымъ образцамъ своимъ, выражаютъ въ творчествѣ постепенность. Вотъ какимъ путемъ разгоралось слово и дѣло Буслаева: «Ужь ты здравствуешь, крестовый батюшка! Ты за чѣмъ идешь, старъ человѣкъ? На что ты идешь, крестовый батюшка?» «Старца убить—не спасенья залѣзть (найти), а грѣха себѣ на душу: поди-тко ты, Старецъ Преугрюмище, на свое мѣсто, а въ наше дѣло ты не суйся!» «А и гой еси, Старецъ Пилигримища! А и бился я о великъ закладъ со мужики Новгородскими *опричь тебя*, Старца Пилигримища: во задоръ войду — тебя убью!» И вошелъ: «Тебя ли чортъ несетъ во той поры на своего на любимаго крестничка? Головамы, батюшка, играемся!» «Не корись ты, старая шлея бросовая, не корись ты, корзина дертюжная, дертюжная корзина, вѣковалая!» «А не далъ я ти яичко о Христосьскомъ днѣ (въ Свѣтлое Воскресенье), а дамъ ти яичко о Петровомъ днѣ (бой былъ во время Петровокъ или въ Петровъ день)!» «Колько я тебя хрёстнымъ ни называвалъ, на вѣку ты мнѣ яичка не казывалъ, теперь мы съ тобой похристосуемся: вотъ тебѣ красно яичко—Христосъ воскресъ!» Яицами чокаются, бьются въ головки: за послѣдними словами Василья слѣдовалъ ударъ по головкѣ батюшки, по колоколу, желѣзною осью, по другимъ булатною палицей. Колоколъ разлетѣлся въ мелкія черенья, за колоколомъ голова, изъ головы глазные яблоки какъ пивны чаши; Василій заглянулъ еще подъ колоколъ, какъ говоритъ одна былина: «а во лбѣ глазъ ужь вѣку нѣтъ,» давно ужь умеръ старикъ, да давно и глазъ не было, потому что вѣроятно Калѣка былъ слѣпой. Спихнулъ его Василій подъ мостъ Волховскій, задавило тамъ Старика языкомъ колокольнымъ; но Василій черезъ чуръ разъярился, онъ слѣзъ подъ мостъ, еще издѣвается надъ тѣломъ: «еще сердце въ емъ не уходилося, еще граетъ (играетъ) надъ тѣломъ Васька Буслаевъ сынъ: — Лежи

ты здѣсь, сучище облѣзлое, вотъ тебѣ яичко,—Христосъ воскресъ!—» Взялъ Буслаевъ колокольный языкъ и явился опять на мостъ съ новымъ оружіемъ: «Тутъ-то Васильюшку червленый вязъ, копье долгомѣрное, тутъ-то и сабля острая, и палица военная!» Начавши споръ языкомъ, Василій и доканчивалъ его языкомъ же.—Съ паденіемъ Старчища пала послѣдняя застава и послѣдній оплотъ стѣнки мужиковъ Новгородскихъ: бой былъ ими проигранъ окончательно; теперь слѣдуетъ только исторія укрощенія и умилостивленія Василья. Въ ней опять по разнымъ былинамъ есть своя постепенность. Вторично отправляются съ просьбою къ матери: «тутъ-то два Князя Новогородскіихъ (замѣчательно, что *одинъ* Князь, Судья, вѣроятно изъ Рюриковичей, въ этихъ покорныхъ депутаціяхъ не участвуетъ), Воевода Николай Зиновьевичь, Старшина Ѳома Родіоновичь, приходятъ къ его государынѣ матушкѣ: — Упроси свое чадо любимое, укротилъ бы свое сердце богатырское: мужичковъ въ Новѣ-градѣ рѣдко ставится (мало становится), убилъ онъ крестоваго батюшку, честнаго Старчища Пилигримища.» На этотъ разъ, по свидѣтельству одной былины (у насъ № 3), мать послала извѣстную намъ Чернавку: едва могла она пройти между убитыми тѣлами, сильная—«сохватила Василья за бѣлы руки,» разсказала о покорности мужиковъ, повела Василья со дружиною на широкой дворъ (въ этой былинѣ два раза повторяется одно и то же: Чернавка будто бы и прежде притащила Василья, послѣ чего онъ былъ запертъ въ погребъ; явная путаница отъ пѣвца). Но, или Василій снова вернулся на побоище, или вообще не здѣсь еще былъ конецъ, только въ большей части былинъ продолжаются и драки, и депутаціи, чтобы вызвать саму мать, которая одна могла укротить сына. Вотъ нѣсколько описаній: «тутъ мужики видятъ, что бѣда пришла, бѣда пришла неминучая, бѣжали они скорымъ скоро ко его ко родной ко матушкѣ: — Выручи насъ отъ смерти отъ напрасныя, отъ того Васильюшка Буслаева!—» «Мужики покорилися, покорилися и помирилися, понесли они записи крѣпкія къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ; насыпали чашу чистаго серебра, а другую чашу краснаго золота, пришли ко двору дворянскому, бьютъ челомъ— покланяются: — Принимай ты дороги подарочки, а уйми свое чадо милое: а и ради мы платить на всякой годъ по три тысячи, на всякой годъ будемъ тебѣ носить съ хлѣбниковъ по хлѣбику, съ калач-

никовъ по калачику, съ молодицъ повѣнечное, съ дѣвицъ повалешное, со всѣхъ людей со ремесленныхъ, опричь поповъ и дьяконовъ (разряды Новгородскихъ и вообще древнихъ городскихъ податей).—» «И Городничій Ѳома да Родіоновичь наклалъ злата-серебра, скатного жемчуга подарками, и приноситъ къ его къ родной матушкѣ: —Уговори-тка сво во чада милаго, не прибьетъ-то онъ да весь Новгородъ!» По нѣкоторымъ, старуха бросилась въ однихъ чулкахъ и рубашкѣ; по другимъ болѣе естественная размѣренность дѣйствій: старуха «одѣвала платьица черныя (вдовиныя и смиренныя), одѣвала шубу соболиную (въ Петровки это немного жарко), полагала шеломъ на буйну голову (она шла въ средину побоища: примѣръ Кіевскихъ героинь и Новгородской Марѳы не единственный), и пошла Мамелѳа Тимоѳеевна унимать своего чада любимаго. То выгодно собой старушка догадалася (распорядилася), — не зашла она спереди его, а зашла она позади его и пала на плечи на могучія:—Ай же ты, мое чадо милое! Укроти свое сердце богатырское, не сердись на государыню на матушку, уброси свое смертное побоище, оставь мужичковъ хоть на сѣмена! —» Кого не могъ укротить весь Новгородъ, того, съ удивительною вѣрностью типическаго творчества, укротила старуха мать, и мгновенно, какъ электрическимъ ударомъ: «тутъ Васильюшка Буславьевичь опускаетъ свои руки къ сырой землѣ, выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ на тую на матерь сыру землю:—Ай ты, свѣтъ государыня матушка, тая ты старушка лукавая (хитрая, умѣлая), лукавая старушка, толковая! Умѣла унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня: а ежелибъ ты зашла впереди меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ, убилъ бы за мѣсто мужика Новгородскаго!—» «—Никого я не послухалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку: не послухать мнѣ — законъ не даетъ! —» Сравните въ Кіевскомъ творчествѣ такое же укрощеніе Ильи Добрынею. Отъ матери по плоти творчество Новгородское шагнуло еще выше; когда Василій, недовольный однимъ побоищемъ, «напустился на домы на каменные,» разбивать ихъ и давать дружинѣ добычу разбоя, тогда конечно взмолился народъ православный, подобно какъ взмолился при наступившей опасности отъ разыгравшагося Садки. Тогда, по молитвамъ народа, «вышла Мать Пресвятая Богородица со того монастыря *Смоленскаго*» и обратилась къ матери Василья со сло-

вами: «—Закличь своего чада милаго, милаго чада, рожонаго, хоть бы оставилъ народу на сѣмена!—» Выходила мать и закликала. Поводомъ къ этому явленію послужилъ конечно выходъ *матери* Василья, отъ которой перенеслись уже къ *Матери Пресвятой*. Такія явленія, какъ замѣчено выше, не составляютъ необходимости въ нашемъ творчествѣ: но въ то же время они здѣсь естественны и случаются нерѣдко, какъ естественно было явленіе боговъ для рѣшенія участи битвъ въ Гомерическомъ творчествѣ или Deus ex machina во всемъ творчествѣ античномъ; если же это естественно вездѣ, гдѣ только въ народѣ жива вѣра, даже въ язычествѣ, то тѣмъ естественнѣе въ нашемъ Былевомъ творчествѣ, развившемся въ эпоху живой Христіанской вѣры и уцѣлѣвшемъ въ устахъ народа, ей преданнаго. — Пока продолжалось побоище Васильево и происходили переговоры депутацій, прошелъ весь четвертый день, съ утра до вечера, и былины согласны въ томъ, что конецъ имѣлъ мѣсто въ вечеру. Василій Буслаевъ побѣдилъ Новгородъ въ единоборствѣ, какъ побѣдилъ Садко съ своей стороны: но Садко удовольствовался торжествомъ и насмѣшкою, а послѣдствія единоборства смертнаго еще должны были продолжаться. Слѣдовало выкупить тѣла убитыхъ чтобы погребсти, подобно Гомерическимъ посольствамъ къ Ахиллу. Передъ ночью того же дня—такъ слѣдуетъ по всему ходу разсказа — «приходятъ Князья Новогородскіе, Воевода Николай Зиновьевичь, Старшина Ѳома Родіоновичь, ко тому Васильюшку Буславьеву. Пали ко Василью въ рѣзвы ноги, просятъ Василья во гостебьице (на пиръ къ себѣ), сами говорятъ таковы слова: — Ай же ты, Васильюшка Буславьевичь! Прикажи обрать тѣла убитыя, предать ихъ матери сырой землѣ; во той ли во рѣченькѣ Волховѣ на цѣлую на версту на мѣрную вода съ кровью смѣсилася: безъ числа пластина принарублена!—» Какъ Ахиллъ, великодушно и гордо, Василій «приказалъ обрать тѣла убитыя; не пошелъ къ имъ въ гостебьице: зналъ, де, за собой замашку великую (что опять не утерпитъ).» Садко послѣ всѣхъ похожденій принятъ и успокоенъ женою, товарищами: съ дружиною Василій нашелъ отдыхъ у матери. Сюда опять явились Новгородчана и заключили окончательный миръ: «втапоры мужики Новогородскіе приносили Василью подарочки, вдругъ сто тысячей, и за тѣмъ у нихъ мирова пошла, а и мужики Новогородскіе покорилися и сами поклонилися.» Все кончается пиромъ, а на пиру раздаются голоса

дружины, Вольницы: въ родѣ хора, какимъ кончались античныя произведенія, а вмѣстѣ какъ выводъ изъ всей исторіи и указаніе предмета, послужившаго содержаніемъ былинъ. «Сѣли они молодцы во единой кругъ, выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина, вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ: — У мота и у пьяницы у млада Васютки Буслаевича не упито, не уѣдено, въ краснѣ-хорошѣ не ухожено, а цвѣтнаго платья не упошено, — а увѣчье на вѣкъ залѣзено (всего вдоволь, но вдоволь на вѣки и увѣчья отъ побоищъ)! — » Тѣмъ кончена въ былинахъ исторія Василья Буслаева, а въ ней исторія Новгородской Вольницы, возведенная въ одинъ цѣльный типъ, разсказанная какъ событіе типическое, только лишь пріуроченное извѣстному имени, лицу, мѣсту и времени, ибо это имя, и лицо, и мѣсто, и время—изъ XII-го вѣка—дали творчеству такіе живые образы, такъ возбудили его своими образами, что отсюда оказалось возможно создать цѣльный творческій типъ, цѣльное творческое созданіе.

Когда вы прослушали или прочитали былины о Садкѣ и зададитесь вопросомъ — что̀ же послѣ того дѣлалъ Садко и какова дальнѣйшая его судьба, — вы чувствуете, что отвѣтъ намѣченъ въ былинахъ: жилъ, да поживалъ, да добра наживалъ, больше ничего и не могло быть. Сдѣлался онъ первымъ богачемъ, даже монополистомъ, подчинилъ себѣ Новгородъ въ торговыхъ дѣлахъ, усѣлся дома, съ женой, съ подраставшимъ сыномъ, съ товарищами прежнихъ поѣздокъ, а теперь прикащиками и довѣренными лицами, наконецъ на свою наживу строилъ церкви, украшалъ ихъ, всячески пособлялъ подобными вкладами городу, попалъ за то въ лѣтописи. Но, послѣ побѣды Василья надъ Новгородомъ, хотя и рѣшительной, былины вамъ оставляютъ его въ первомъ цвѣту молодости и въ пылу страстей, противъ Русскаго обычая — неженатымъ, съ побѣдоносною, столь же рьяною какъ самъ предводитель, дружиною: что̀ же съ ними дальше, какова же была судьба? Отвѣта нѣтъ, ибо былины прибавляютъ: «и стала тутъ—мать—Васильюшка кормить-поить, въ покояхъ хоронить (сберегать) и весело съ нимъ жить;» «и жилъ Васильюшка въ праздности, излѣчилъ дружинушку хоробрую отъ тыихъ отъ ранъ кровавыихъ и привелъ дружину въ прежнее здравіе.» То есть, ничего не дѣлалъ: но вы чувствуете, что, судя по всему, этого никакъ не могло быть. Слова былинъ значатъ, что въ даль-

нѣйшей жизни Буслаева творчество не признаетъ ровно ничего достойнаго былины, другими словами, что онъ важенъ для творчества и великъ какъ типъ Вольницы, какъ выраженіе извѣстной борьбы, а послѣ борьбы былины оставляютъ его равнодушно. Но вы сознаете тотчасъ, что, покинутый былинами, Василій со своею Вольницею продолжалъ похожденія: они принадлежатъ исторіи, ищите ихъ по лѣтописямъ, взвѣшивая, что̀ для Новгорода сдѣлала его Вольница, какъ билась съ сосѣдними врагами, какъ проникала въ далекіе края, какъ заводила счастливыя колоніи. Здѣсь мыкались и умыкивались молодыя безпокойныя силы, пока возвращались въ лоно Великаго Новгорода зрѣлыми, стойкими, осѣдали, давали истинныхъ гражданъ. Если молчатъ былины, то говоритъ лѣтопись, что то же было съ Васильемъ: онъ удостоился сдѣлаться Посадникомъ; такимъ именуетъ его лѣтопись, записавши годъ его смерти. Это не значитъ, что умеръ онъ въ должности Посадника: напротивъ, какъ увидимъ ниже. Значитъ лишь, когда онъ умеръ, лѣтопись помянула его въ этотъ годъ какъ бывшаго Посадника.

Минуя всю эту жизнь Буслаева, послѣднимъ звѣномъ коей былъ высшій почетъ Посадничества, Былины обращаются къ его *смерти*, подоспѣвая съ своимъ разсказомъ тамъ, гдѣ оставляетъ насъ лѣтопись. Для творчества Василій существуетъ только какъ отчаянный и побѣдоносный борецъ въ первой молодости, а потомъ какъ умирающій удалецъ. Но въ семъ послѣднемъ случаѣ для былинъ Новгородскихъ существуетъ Василій не какъ Посадникъ, не какъ опытный степенный Новгородецъ, прошедшій бурную жизнь и вышедшій къ успокоенію: для нихъ остался тотъ же Василій, что и въ былой борьбѣ съ Новгородомъ, тотъ же юный и удалый, неженатый, съ тою же матерью, съ тою же дружиною, съ тѣмъ же неизмѣннымъ вязомъ, съ той же отвагою, доходившею до дерзости. При этомъ разсказывается одно изъ похожденій или одинъ изъ походовъ, какіе свойственны были Новгородской Вольницѣ и какихъ не мало было объ ней извѣстно: но не изъ такихъ, которые кончались мирнымъ ея возвращеніемъ или водвореніемъ,—этого, съ послѣдствіями, посадничествомъ, знать не хочетъ творчество, — а напротивъ такихъ, въ которыхъ Вольница складывала свою голову, и не даромъ, за крайнюю предпріимчивость и дерзость; дерзость, которой, при по-

стоянномъ ея нарожденіи, не могъ укротить весь Новгородъ, которая сама побѣждала его, побѣждалась послѣ лишь сама собою, сама въ себѣ получала казнь и смерть.—Говоря объ этомъ событіи, воспѣтомъ въ Былинахъ, мы приведемъ прежде Сказку, весьма рѣдкую съ концемъ сего рода и помѣщенную у насъ подъ № 1-мъ въ Приложеніяхъ. Записана она въ Пермской губерніи, вдали отъ Новгорода: обстоятельства подробныя стерлись, выведена рѣка *Обь*, событіе само округлилось, потерявши частности, но тѣмъ любопытнѣе намъ уцѣлѣвшія черты главнаго, общаго типа. Сначала сущность та же, что въ приведенныхъ Былинахъ. Есть и дополнительная черта, именно что Василій отданъ былъ обучаться грамотѣ, перомъ писать, извѣстному Старику Угрумищу, т. е. Пилигримищу: на это есть указаніе и въ Былинахъ, гдѣ сынъ Пилигримища напоминаетъ Василью, — «Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты? Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большій братъ (Рыбник. т. I).» Это весьма древняя черта творчества: вспомните (вып. 1), что также Илья учился грамотѣ вмѣстѣ съ Калѣчищемъ; дѣло въ томъ, что это сообразно съ жизнію, ибо въ ней издревле у Калѣкъ были свои училища (да и до послѣдняго времени), особенно когда жили они при монастыряхъ. Вторая черта Сказки сближаетъ Василья съ Вольгою или Волхомъ Сеславьичемъ (Рыбник. т. I), а также Княземъ Романомъ, старше же съ Саломаномъ (т. II): «выучился Василій не во листы писать, а выучился *соколомъ летать*,» пріобрѣлъ способность изворачиваться, быть оборотнемъ, проходить въ приключеніяхъ разные виды бытія, выучился высшей премудрости. Но важенъ особенно конецъ, гдѣ разсказывается именно то, къ чему перешли мы въ разсмотрѣніи творчества Новгородскаго. Разсказывается, когда Василій побилъ множество Новгородцевъ, мать осердилась на него за пролитіе крови, снарядила ему корабль, набрала дружину, пустила въ море и махнула въ слѣдъ рукой. Начался обычный походъ Вольницы: онъ лежалъ на море, куда ходилъ и Садко, и всѣ удальцы Новгородскіе, гдѣ часто, за излишнюю дерзость, слагали они голову. Всего замѣчательнѣе, что Василій встрѣчаетъ *Морскую Пучину*: въ Замѣткѣ къ 4-му выпуску (стр. IV) мы объяснили уже, что самое имя Пучины значитъ и Море, Понтъ, и Путь, обыкновенный, главный путь древле-Славянскихъ и Русскихъ удальцевъ. Морская Пучина «лежитъ,» у нея «кругомъ глаза:» это образъ,

столь извѣстный въ Греческомъ творчествѣ подъ именемъ Медусы-Горгоны, столь же страшной и именно морской, любимицы Посейдона, нашего Морскаго Царя; на сушѣ занималъ ту же роль многлазый, всевидящій Аргосъ. Какъ герои Греческаго творчества, герои наши, и именно типы торговли, далекихъ торговыхъ предпріятій, также точно боролись съ сими чудовищами: Садко, препиравшійся съ Морскимъ Царемъ, нашелъ его въ глубинѣ моря въ томъ же видѣ, какъ Пучину,—онъ «лежитъ (у насъ № 3),» «голова у Царя *какъ куча сѣнная* (Рыбник. т. I),» такая точно, какая изображалась у Медусы; Чурило, сынъ Плѣнка, Гостя Богатаго, Суроженина, и самъ такой же, выродокъ Чура-Гермеса (см. вып. 4), подобно сему послѣднему, «Убійцѣ Аргоса,» былъ губителемъ Ермы, типа стоглазой ревности, и такъ же на сушѣ, уже не на морѣ. То же затѣялъ и Василій,—одолѣть Пучину, перескочить ее: перескакала дружина, Василій палъ жертвою своей дерзостной отваги, онъ погибъ отъ Пучины, не перескочилъ ее, не вернулся изъ мореходства. Любопытно еще, что въ Сказкѣ Морская Пучина, вопреки видимому смыслу, помѣщена «на зеленыхъ лугахъ,» именно чтобы дать Василью, съ позднѣйшей точки зрѣнія, возможность скакать черезъ нее ногами. Но этотъ выводъ на сушу, извѣстный и въ миѳѣ о Медусѣ, выразившійся въ сухопутномъ Аргосѣ, дѣйствительно случился для Русскихъ Славянъ въ дальнѣйшее время, при выходѣ ихъ къ положительной исторіи, по мѣрѣ отдаленія отъ морей или развитія дѣятельности на землѣ, среди сложившейся Земщины: съ тѣмъ вмѣстѣ камень Алатырь, янтарь, нѣкогда привлекавшій и питавшій нашихъ отважныхъ мореходцевъ гостей, переведенъ былъ также на сушу, какъ не разъ уже доказали мы и какъ увидимъ сейчасъ, ибо Василій, въ сказкѣ погибшій отъ Морской Пучины, по Былинамъ гибнетъ отъ того, что скакалъ черезъ камень Алатырь.—Переходимъ къ Былинамъ, возникшимъ въ самомъ Новгородѣ, гдѣ всѣ обстоятельства изложены по тому самому подробнѣе и опредѣленнѣе (Рыбник. т. I, II, и нашь настоящій выпускъ). У Василья есть уже корабль, онъ плаваетъ на немъ по *Ильменю,* съ обычными приключеніями Вольницы, окруженный своею дружиною, тридцатью друзьями, изъ которыхъ держитъ корму *Костя Никитинъ* (Новоторжанинъ), на носу стоитъ *Маленькой Потаня,* намъ уже извѣстные. Они пристаютъ къ Новгороду, для задуманной цѣли: Ва-

силій проситъ у матери благословенія съѣздить съ дружиною въ *Ерусалимъ,* помолиться Богу, приложиться къ Святымъ, искупаться въ Ерданѣ, осушиться на Ѳаворѣ и проч. Для этого они между собою «складываются» особо «на лодочку.» Побужденіе главное, сходное съ показаніемъ приведенной сказки, узнаёмъ далѣе изъ словъ Василья встрѣчнымъ гостямъ-корабельщикамъ: «А мое-то вѣдь гулянье неохотное (ѣду по неволѣ), —съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти.» Это не значитъ, что онъ былъ уже дѣйствительнымъ старикомъ, ибо въ той же Былинѣ называется «молодымъ» и такимъ же описывается, оставаясь для творчества героемъ юнымъ: но онъ помнилъ проказы своей молодости и заготовлялъ подъ старость спасеніе. Въ этихъ видахъ онъ *дѣлается* Старикомъ, Старцемъ, ибо путешествіе къ Святымъ мѣстамъ есть удѣлъ Калѣкъ Перехожихъ, Странниковъ, безъ различія лѣтъ представляемыхъ типически Старцами. Итакъ Вольница съ своимъ предводителемъ принимаетъ на себя иной типъ—Странниковъ, Перехожихъ, «по водѣ бродящихъ,» и отъ вѣрности этому типу зависитъ успѣхъ и спасительность ихъ предпріятія. Мать напоминаетъ это, давая благословеніе лишь въ томъ случаѣ, если пойдутъ они «на дѣла добрыя: то коли ты, дитя, на разбой пойдешь (по обычаю Вольницы), и не дамъ благословенія великаго, а и не носи Василья сыра земля!» Потому же напоминаетъ она — «побереги ты буйну голову свою,» по, по мягкости материнскаго сердца, какъ замѣчаетъ былина, даетъ на случай и оружья, и боевыхъ снарядовъ; не забылъ Василій и своего вяза, съ которымъ является въ теченіи разсказа. Отправляются они по *Ильменю,* выѣзжаютъ отсюда на Волгу, ибо послѣ оказываются на морѣ *Каспійскомъ.* Первые встрѣчные, какихъ тогда вездѣ бывало встрѣтишь,—гости-корабельщики; они первые предостерегаютъ о разбойникахъ впереди, « атаманахъ козачихъ (встрѣчавшихся Ильѣ Муромцу, еще болѣе извѣстныхъ и дѣйствительныхъ на морѣ Каспійскомъ);» и въ первые же Василій высказываетъ буйную самонадѣянность Вольницы: «А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а и вѣрую въ свой червленой вязъ,—а бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ!» Слѣдуетъ второе предостереженіе или знаменіе. При въѣздѣ въ Каспійское море, Василій замѣтилъ на берегу гору *Сорочинскую* (всѣ высокія горы—Сорочинскія), вышелъ на берегъ поглядѣть. Тамъ лежитъ «пуста голова, че-

ловѣчья кость,» такая же, какъ помянутая голова Медусы, на сушѣ съ своими пророчествами являющаяся у насъ Олегу, Добрынѣ, богатырю Ивану (см. Замѣтку къ 3-му вып. и II т. Рыбник.). Какъ Пучину, Василій началъ эту новую Медусу ногою попинывать: та въ отплату пророкла, что и его головѣ валяться будетъ тутъ же. Снова Василій отнесся дерзко: «Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ, или нечистой духъ?» «Сама ты себѣ спала, себѣ сонъ видѣла!» Плюнулъ и пошелъ дальше въ гору, а тамъ лежитъ камень, камень Алатырь, смѣнившій (на сушѣ) Пучину: но его еще увидимъ мы ниже. Молодцы начали поперегъ его скакать, а вдоль не смѣютъ, по угрозѣ надписи; Василій же, прибавлено, опять-таки «тому не вѣруетъ.» Сошедши снова на корабль, путешественникъ *на морѣ Каспійскомъ, на островѣ Куминскомъ*, нашелъ предсказанныхъ разбойниковъ: слава Василья Буслаева была такъ велика, что они тотчасъ его узнали по полеткѣ соколиной — поступкѣ молодецкой, угостили, дали провожатаго къ Ерусалиму. Прямо съ моря въѣхали они въ Ердань и бросили якори: въ Ерусалимѣ выполнили все, что слѣдовало Странникамъ,—молились, прикладывались, служили заупокойную обѣдню съ панихидою по покойномъ Буслаѣ, заздравную за мать Буслаева и его самого, обѣдни съ молебнами за дружину, «что съ молоду бито много, граблено,» расплачивались съ попами и дьяконами, давали милостыню несчетную Богадѣльнымъ Старцамъ при церкви (въ странноприимницѣ), и прочее. При купаньѣ въ Ерданѣ Василій опять подпортилъ: мать предостерегала его при поѣздѣ не купаться здѣсь «нагимъ тѣломъ,» а въ рубашечкѣ; при случаѣ мы объяснимъ, почему, на основѣ древнѣйшихъ воззрѣній, нѣкоторымъ нашимъ героямъ, на примѣръ Добрынѣ (см. прежніе выпуски наши и Рыбник.), и въ нѣкоторыхъ рѣкахъ нельзя было этого дѣлать; съ христіанской же точки зрѣнія извѣстно, что безъ одежды крестился лишь въ Ерданѣ Іисусъ Христосъ, а богомольцы доселѣ купаются въ рубашкахъ (сохраняя ихъ, чтобъ послѣ лечь съ ними въ гробъ). Василій опять-таки пошелъ на перекоръ, купался нагой, «нарушилъ родительско благословленьице, не послушалъ государыни матушки.» Этимъ вызвано новое предсказаніе, — приходила *Баба Залѣсная*, т. е. Баба Горынинка, она же Алатырка (связанная съ Пучиною и Алатыремъ), намъ извѣстная изъ Кіевскаго творчества. Она догадалась, что опричь Василья Буслаева некому сдѣлать эту дерзость, купаться

нагому, и за то предрекла дружинѣ: «Потерять его вамъ будетъ, большаго атамана Василья Буслаевича!» И тутъ дружина нашлась сгрубить: «Нашъ Василій тому не вѣруетъ, ни въ сонъ, ни въ чохъ!» Впослѣдствіи, когда творчество спустилось въ этихъ былинахъ ступенью ниже, мѣсто Бабы Залѣсной заняла простая «женщина престарѣлая» и Василій обошелся съ ней болѣе положительно: «Кабы ты была, сказалъ онъ, на сей сторонѣ, я бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчиковъ, двухъ бога́тырей!» Плюнула женщина и прочь пошла, а между тѣмъ, видите, надъ головой Василья скопилось уже слишкомъ много дурныхъ предзнаменованій (ср. предзнаменованія въ походѣ Игоря) и все-то вызвано было его дерзостью, и сопровождалось дерзостью его новою, а задача странниковъ все нарушалась да нарушалась, и за невыдержку священнаго народу типа непремѣнно должна была послѣдовать казнь. Вспомните изъ исторіи Потыка и его товарищей, сухопутныхъ странниковъ къ Ерусалиму, какъ страшно заклинались они противу грѣховъ, какія страшныя казни выполняли надъ своими членами при малѣйшемъ даже подозрѣніи (вып. 3): тѣмъ грознѣе казнь свыше. Но, исполняя своимъ чередомъ внѣшніе обряды, въ кожѣ Странниковъ, внутри тою же Вольницей, пошли прибывшіе на послѣднюю святыню, на Ѳаворъ-гору, гдѣ стояла церковь, стоялъ образъ Преображенья. Голова-Кость богатырская перенеслась съ Каспійскаго моря, съ Сорочинской горы, и сюда, съ тѣмъ же пророчествомъ о гибели (Рыбник. т. I): и естественно, ибо какъ перешелъ, мы видѣли выше, пупъ морской въ пупъ земной, а этотъ послѣдній съ теченіемъ времени на Голгоѳу, такъ и эта древнѣйшая голова въ христіанскихъ преданіяхъ признана «головою Адамовою,» лежавшею съ костьми подъ крестомъ; на нее-то, по преданію, текла кровь съ креста, текла и на пупъ земной, сквозь разсѣлину камня Алатыря; она же владѣла и силою пророческой о суетѣ сей жизни. Но, еще важнѣе, за головою, съ невѣдомой горы Сорочинской, послѣ того какъ народъ сближался съ христіанствомъ и шелъ въ его глубь, перенесся въ Ерусалимъ и самъ камен *Бѣлый Алатырь*. Потому, тогда какъ въ одной былинѣ Василій гибнетъ на пути возвратномъ изъ Ерусалима, проѣхавши заставу козачью и взошедши на Сорочинскую гору, въ другихъ его постигаетъ эта участь уже въ самомъ Ерусалимѣ: то же движеніе Алатыря, какъ въ Голубиной Книгѣ, съ моря на сушу, на гору

(ср. «Латыгорку,» вып. 4), на путь-дорогу, въ Ерусалимъ. «Поѣхали, говоритъ былина, на Ѳаворъ гору, *ко тому ко каменю ко Латырю*, и ко той ко церкви соборнія, которая стоитъ со двѣнадцатью престоламы, *у того у каменя у Латыря*, на которомъ камени преобразился самъ Исусъ Христосъ... Итакъ Васильюшка поѣздъ держалъ ко той ко церкви ко соборнія, *ко тому ко каменю ко Латырю*» и т. п. Камень описывается огромный, въ нѣсколько сажень, самою величиною достойный своего великаго значенія. И, какъ мы знаемъ изъ Кіевскаго творчества, когда перешелъ онъ уже на перекрестки богатырскихъ дорогъ и легъ здѣсь, какъ постоянно читались на немъ надписи, пророчившія богатырю судьбу его въ будущемъ, такъ и на Ѳаворѣ Алатырь имѣлъ разныя надписи того же рода. Прочтемъ ихъ: «Кто на эту гору захаживалъ, тотъ оттуль живъ не выхаживалъ; кто скочитъ черезъ этотъ бѣлъ-горючь камень, тотъ буде живъ, а не скочитъ, не бывать живу.» Явно, онъ подзадоривалъ на опасную игру, какъ подзадоривалъ Садку на игру Царь Морской. «Кто перескочитъ трожды черезъ бѣлъ камень, тотъ достигнетъ церкви соборнія и тому образу Преображенскому; а кто не перескочитъ черезъ бѣлъ камень, тотъ не достигнетъ церкви соборнія и тому образу Преображенскому:» еще вызывательнѣе, особенно послѣ надоѣдныхъ пророчествъ пустой головы, не сулившей Василью доѣхать до церкви, твердившей о суетѣ жизни и смерти. Наконецъ: «А кто у камня станетъ тѣшиться, а и тѣшиться-забавлятися, вдоль скакать по каменю,—сломить будетъ буйну голову.» Это ужь былъ прямой вызовъ, послѣ коего не утерпѣлъ бы ни одинъ удалецъ: это какъ будто нарочно было разсчитано на Василья, будто знали его характеръ. Виноватъ былъ Василій прежней своей дерзостью въ богомольѣ; не молился народъ православный за личную судьбу его, противъ опасностей игры его; никто не тронулъ его въ плечо, чтобъ удержать во время какъ Садку: Василій новой дерзостью купилъ себѣ гибель. Дружина его, какъ ни была смѣла, рѣшилась скакать только *поперегъ*: Василій пустился *вдоль* (въ долину камень былъ три аршина съ четвертью, поперегъ же только лишь топоромъ подать); дружина перескочила черезъ камень, перескочила и трижды: Василій въ третій разъ придумалъ скакнуть не передомъ, а *задомъ*. И задѣлъ онъ каблучкомъ, ножкой правою, и ударился о жестокъ камень плечами богатырскими, ударился го-

ловушкою. Сталъ онъ умирать, сталъ прощаться, наказывать братіи: «Скажите-ка, братія, родной матушкѣ, что сосватался Василій на Ѳаворъ-горѣ и женился Василій на бѣломъ-горючемъ камешкѣ.» Не довелось ему и въ законъ вступить. Похоронили его, гдѣ валялась прорицательница голова человѣческая.—Поѣхала, пріѣхала дружина въ Новгородъ: не встрѣтила ее, какъ Садкову, жена съ ребенкомъ, не подошелъ нечаянно Василій, какъ спасшійся Садко. Ожидала одна горемычная старуха. Передали ей завѣщаніе сына, подали письмо. Прочитала она, заплакала: «Гой вы еси, удалы-добры молодцы! У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего; подите въ подвалы глубокіе, берите золотой казны не считаючи!» Въ послѣдній разъ явилась знакомая намъ Чернавка, повела въ подвалы: благородная дружина, подвизавшаяся не изъ за денегъ, а изъ за молодости и отваги, брала казны «по малу числу.» Замѣтьте эту противуположность, выставленную творчествомъ: первые люди города, благородные, сановные и гордые, оказались, когда пристращали ихъ, послѣдними низпоклонниками, готовыми на подкупъ и всякое подлое дурно; молодежь почти что распутная, тати-разбойники, явились подъ конецъ образцемъ благородства и великодушія. Разсчитавшись, поклонились они вдовѣ: «Спасибо, матушка Амелѳа Тимоѳеевна, что поила-кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ (таковы были условія содержанія)!» Поднесла еще имъ Чернавка по чаркѣ, «и пошли добры молодцы, кому куда захотѣлося:» у Садки они бы остались въ прикащикахъ. Садко при жизни утѣшался вкладами на церкви: старуха, на концѣ дней своихъ, съ горемъ «собрала все свое имѣнье-богачество, и роздала она по Божьимъ церквамъ, по монастырямъ.» Такъ вѣрно выдержаны типы творчества въ былинахъ о Буслаевѣ до самого конца, такъ вѣрно во всемъ представляютъ они противуположность типамъ былинъ о Садкѣ!

Теперь упомянемъ вкратцѣ о Сказкахъ, помѣщенныхъ нами въ Приложеніяхъ этого выпуска подъ №№ 2-мъ и 3-мъ. Мы ихъ не брали для изложенія дѣла и можемъ брать только для свѣдѣнія: въ основѣ ихъ лежатъ Былины, Сказки и Преданія народныя, но все это передѣлано, болѣе или менѣе. Чулковъ еще лучше. Онъ весьма близко выдерживаетъ основы народныхъ представленій и даже разсказа, допустивши только для украшенія — по его мнѣнію—витіеватость лите-

ратурнаго языка своей эпохи. Но его поправки легко отдѣлить опытному чутью. Главная бѣда его—отъ воззрѣній на Русскую исторію, царствовавшихъ въ его время. У него является Новгородъ не дѣйствительный, а «сія гордая и славная Республика,» долженствующая непокорствовать предъ Князьями, «въ землѣ *Старо-Словенской* и Княжествѣ *Русскомъ.*» Для той же цѣли покойникъ *Богуслай* выставленъ *Княземъ*, не такимъ, каковы Князья въ былинахъ, а настоящимъ Рюриковичемъ; вдова его, мать Василья, *Княгиня*; самъ Василій *Княжичь*, *Витязь* и живетъ съ матерью въ «*Старо-Словенскомъ дворцѣ.*» Въ разсказъ вставлена *интрига*: Василій въ тихомолку подумываетъ, какъ бы взять всѣхъ Новгородцевъ въ ежовыя рукавицы и для того въ молодости запасаетъ себѣ надежную дружину, для своего будущаго княженія; «буйные» вожди Республики, именуемые всѣ «Посадниками (даже въ выраженіи—«*всѣ Посадники*»),» пользуясь молодостью Княжича, дѣлаютъ заговоръ лишить его «престола» подъ предлогомъ проказъ его; послѣ побіенія Посадниковъ, они подносятъ Василью Княжество, Княжичь пріемлетъ, правитъ «съ мудростью и милостью,» получаетъ дани съ *Чуди*, и т. д. Подобную щелуху впрочемъ, какъ говорили мы, легко сдунуть, и въ основѣ остается все-таки замѣчательный народный разсказъ, любопытный нѣкоторыми чертами, которыя сейчасъ приведемъ мы и которыя то повторяютъ дословно показанія былинъ, то присоединяютъ къ нимъ пополненія и разнорѣчія. Товарищи Василья—знакомые намъ *Ѳома Толстой сынъ Ременниковъ* и *Новгородецъ Потанюшка*, «малъ собою—невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ.» Они въ битвѣ не участвуютъ—то единоборство Василья съ Новгородомъ,—а лишь готовы только на подмогу, на случай.—Первыми именитыми гражданами, а на языкѣ Чулкова «первыми посадниками» выставлены: 1) *Сотко Богатой Гость*, весьма естественно, ибо онъ исторически былъ современникомъ Василья; 2) общій типъ древняго творчества и вѣчеваго Старца, «*Чуденъ* Старъ-матёръ человѣкъ,» изъ котораго Чулковъ сдѣлалъ лицо *Чудина*, соблазнившись вѣроятно еще названіемъ Новгородскаго «*Чудинова* конца,» названнаго въ дѣйствительности конечно по первоначально жившей здѣсь Чуди, участвовавшей—по преданію—и въ призваніи Князей, подобно какъ въ томъ же Новгородѣ была «сторона *Славянская,*» былъ «конецъ *Славянскій*,» мѣсто жительства главной, господствующей части со-

шедшагося въ городъ народонаселенія.—Рѣчь Василья на пиру у Новгородцевъ, что «послѣ государя батюшки остался онъ сиротою малешенекъ, а государыня его матушка во вдовствѣ живетъ» встрѣчается и въ былинахъ, именно въ устахъ Кости: мы даже склонны думать, что тамъ она попала къ Костѣ по сбивчивости, ибо совершенно соотвѣтственно,—и эта черта пополнительная,—что Василій говорилъ на пиру сначала весьма скромно и лишь послѣ дошелъ до дерзости.—Знаменитый *Старчище-Многолѣтище* (Пилигримище, Калѣка) очерченъ хорошо: только что онъ тридцать лѣтъ не выходилъ «изъ *теремовъ* своихъ,» это могъ бы Чулковъ оставить про себя,—ибо типъ Старика быть бродячимъ и Василій непремѣнно долженъ былъ встрѣтить его на мосту. Далѣе, что онъ снимаетъ колоколъ съ *вѣча*, а не съ колокольни, какъ говорятъ былины, это даже естественнѣе былинъ. Оставимъ народу то и другое: по типу своему, Калѣки были и звонарями, и первыми лицами при набатахъ, такъ что Викторъ Гюго знаменитаго своего Квазимодо взялъ изъ дѣйствительныхъ, древнѣйшихъ народныхъ преданій. Наконецъ, Василій, порядкомъ поучивъ старика, отпускаетъ ему душу на покаяніе: это есть, какъ видѣли мы, и въ нѣкоторыхъ былинахъ.—Что особенно хорошо у Чулкова, ибо совершенно согласно и съ типомъ Василья, и съ народными преданіями, это то, что Василій умеръ *не оставивши роду-племени*, а оставивши только на память Новгороду, какъ древнѣйшій Перунъ, какъ второобразъ его, свой *стемляный вязъ*.—Прочія подробности, улица *Рогатица*, *Чернавка* и т. п., совершенно вѣрны и согласны съ дѣломъ.

Нельзя того же сказать о г. Сахаровѣ, объ И. П. Сахаровѣ. Мы помѣщали его Былевыя Сказки, помѣщаемъ и будемъ помѣщать, ибо въ ихъ основу положены все-таки разсказы народные. Но—пора же сказать правду, Сахаровъ ихъ обдѣлывалъ, передѣлывалъ, додѣлывалъ и все, что угодно, и какъ ему было угодно, и не такъ наивно, какъ Чулковъ, а съ полной свободою фантазіи личной, съ притязаніями художника въ народномъ жанрѣ, съ образованностью регулятора, съ языкомъ не литературнымъ, а поддѣльнымъ народнымъ, исправленнымъ, вымытымъ, причесаннымъ, разсыпая въ немъ дары своихъ знаній рукою полною, pleno manu. Дивиться этому не слѣдуетъ: Чулковъ по себѣ оставилъ первый Русскій печатный

Пѣсенникъ, нынѣ сдѣлавшійся библіографической рѣдкостью, и въ рукописи, съ которой печаталъ, не разбирая нѣкоторыхъ словъ, какъ самъ признается, подставлялъ ихъ. Новиковъ, знаменитый Н. И. Новиковъ, перепечатывая Пѣсенникъ Чулкова, не усумнился также кое что переиначить. Это были еще осторожнѣйшіе издатели: имъ въ точности послѣдовали многочисленныя изданія нашихъ Пѣсенниковъ на спекуляцію, въ простотѣ своей не находившія поводовъ къ исправленію. За тѣмъ И. И. Дмитріевъ, въ своемъ «Карманномъ пѣсенникѣ,» 1796 г., столь же и даже болѣе рѣдкомъ нынѣ, какъ Чулковскій и Новиковскій, многія пѣсни прямо уже передѣлалъ по своему, соблазнивши и тѣхъ, кто изъ него перепечатывалъ. Нечего уже прибавлять о Макаровѣ, справедливо вызвавшемъ общее негодованіе, но несправедливо понесшемъ всѣ тяжкіе упреки на себѣ одномъ за поддѣлки. Первымъ безукоризненнымъ издателемъ народныхъ пѣсень можетъ быть названъ лишь К. Ѳ. Калайдовичь. Со Стихами духовными и Сказками была у насъ та же исторія. Такъ воспитался Сахаровъ и, хотя умѣлъ сердито критиковать, самъ увлекся путемъ ложнымъ. Вспомните, что даже почтеннѣйшій В. И. Даль, современникъ дѣятельности Сахаровской, пошелъ было также по этому *ложному*, какъ нынѣ самъ признаетъ, пути: его тактъ не дозволилъ однако ему передѣлывать, а лишь возсоздавать народное творчество, но и то было отчасти уклоненіемъ. Единственный великій художникъ, умѣвшій и записывать у народа, и, не передѣлывая, возсоздавать народное творчество, то есть переводить его въ иную область, область посредственнаго художества, образованнаго сферою высшею, — законная задача для будущихъ писателей-поэтовъ,—былъ Пушкинъ. Но доселѣ еще, ни равенство геніальныхъ силъ, ни художническая образованность, ни умѣнье не дали никому другому ни охоты, ни права наслѣдовать въ семъ дѣлѣ Пушкину. Что́ же сталось бы съ тѣмъ, кто вздумалъ бы не возсоздавать,—на это не хватало силъ,—а передѣлывать народное творчество, подправлять и выдавать за цѣльное, извращать и увѣрять, что такъ творилъ самъ народъ, однимъ словомъ на частное лицо свое надѣвать маску, снятую со всего великаго народа? Сахаровъ поддался этой неблагодарной роли, доказалъ свою роль тысячью опытовъ. При всемъ томъ, мы не рѣшились бы этого говорить о почтенномъ въ другихъ отношеніяхъ дѣятелѣ, сдѣ-

лавшемъ все-таки много для словесности народной, не рѣшились бы легкомысленно, если бы предварительно не взяли на себя труда провѣрить *всѣ* напечатанные имъ памятники устнаго народнаго творчества съ образцами неподдѣльными, до насъ уцѣлѣвшими. Выводъ нашего безпристрастнаго сличенія оказался крайне неблагопріятенъ для издателя «Сказаній Русскаго народа» и «Русскихъ народныхъ Сказокъ.» Довольно припомнить обдѣланный имъ Стихъ Егорья, помѣщенный у насъ во 2-мъ выпускѣ «Калѣкъ Перехожихъ;» довольно привести пѣсню объ осадѣ Волока и Карамышевѣ, гдѣ Сахаровъ, по мнимымъ историческимъ требованіямъ, подставилъ вмѣсто Волока Псковъ, вмѣсто Карамышева—Шуйскаго Ивана Петровича; въ пѣсняхъ болѣе мелкихъ онъ вездѣ почти стеръ особенности мѣстныхъ нарѣчій, укорачивалъ—удлиннялъ стихъ по произволу, дѣлалъ тѣ же поправки и вставки. Дошло до необходимости создать уже какой нибудь авторитетъ подобныхъ поправокъ: это и была знаменитая *рукопись Бѣльскаго,* выведенная Сахаровымъ въ ссылкахъ, но не на показъ, ибо она гораздо болѣе сомнительна, чѣмъ Акимовская-Татищевская; и увидать ее въ томъ видѣ, какъ она цитовалась, конечно мы никогда не увидимъ. «Эта рукопись, говоритъ Сахаровъ въ Примѣчаніяхъ къ Сказкамъ, писана въ поллистъ, скорописью, разными руками въ XVIII вѣкѣ. Впереди всего были, почти безъ раздѣленія, помѣщены Былины (здѣсь образцемъ послужила Сахарову рукопись Кирши), а послѣ ихъ Сказки. Бѣльскій, постоянный житель города Тулы, какъ самъ сказывалъ мнѣ, получилъ эту рукопись изъ дома Демидова (опять желаніе сродниться съ рукописью Кирши)... Изъ этой рукописи Бѣльскаго всѣ Былины буквально перепечатаны; Сказки же помѣщаю теперь.» Столь точно описанную рукопись познали мы отъ плода ея: Былины, изъ нея напечатанныя, оказались совершенно тѣ же, что у Кирши, но, съ естественными, казавшимися необходимостью, исправленіями. Въ Былинѣ объ Ильѣ (у насъ вып. 1), «*И начался* (начаялся, показался, по мнѣнію) Добрынѣ какой сильной могучій богатырь,» рукопись Бѣльскаго объяснила — «*показался;*» въ другой — «А Спиря встаетъ, то *постыриваетъ,*» исправлено вѣрно «*поспириваетъ;*» въ Былинѣ о Добрынѣ (у насъ вып. 2) «*Никитъ*» вмѣсто «*Никитичу,*»— рукопись Бѣльскаго исправила «Никитичу».—Тамъ же—«не мнѣ *вода* грѣть,» древнее словосочиненіе, а рукопись Бѣльскаго нашла совре-

меннѣе—«не мнѣ *воду* грѣть;» тамъ же, гдѣ нужно бы поправить—«сидитъ онъ, ничего, *свѣтъ,* не видитъ,» ошибка рукописи Киршевской *свѣту* перенесена и въ Бѣльскую; неправильное «*зашельщина*» вмѣсто «*засельщина*» оставлено по недосмотру и у Бѣльскаго; въ Былинѣ объ Алешѣ (у насъ вып. 2) древняя форма «*убихъ*» замѣнена болѣе понятною нынѣ «*убилъ*;» вмѣсто «*мочно*» также точно явилось «*можно;*» вмѣсто сокращеннаго народнаго «*подъ небесью*» болѣе обычное «*по поднебесью*;» вмѣсто народнаго «замочило *Тугарина*—крылья бумажныя,»—«*у Тугарина*;» вмѣсто «*Тугаретинымъ,*»—«*Тугаринымъ.*» Въ Былинахъ о Чурилѣ (у насъ вып. 4), «*другую* сорокъ,» возникшее вѣроятно изъ «другое,» «*свѣтлицы*-гридни» вмѣсто «*свѣтлыя*» догадливая рукопись Бѣльскаго исправляетъ «*другой* сорокъ,» «*свѣтлыя.*» Въ Былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ (у насъ тамъ же) ошибку пѣвца, попавшую въ сборникъ Кирши, «*глухоморья*» вмѣсто «*лукоморья,*» наслѣдовала себѣ рукопись Бѣльскаго; «*свашела* (сваха) княгиня Апраксѣевна» рукопись Бѣльскаго объяснила отъ глагола *свашить,* и потому выразилась «*свашила,*» сватала. Въ Былинахъ объ Васильѣ Буслаевѣ (настоящій нашь выпускъ), употребительную форму «*хоробрый*» Калайдовичь читалъ вездѣ въ рукописи «*хорабрый,*» примѣняясь къ формѣ «*храбрый*:» рукопись Бѣльскаго сочла безопаснѣе остановиться на сей послѣдней; явная ошибка «*тако*» вмѣсто «только» наслѣдована и Бѣльскимъ; рукопись Кирши имѣла «*начается* (полагаетъ онъ, кажется ему, казалось):» рукописи Бѣльскаго должно бы наслѣдовать это правильное чтеніе, тѣмъ больше, что она, какъ выше замѣчено, уже замѣнила слово «начался (начаялся)» словомъ «показался;» но, совсѣмъ неожиданно, она усвоила себѣ неосторожное исправленіе Калайдовича—«*качается*;» исправила она также «*старицу* подъ колоколъ» вмѣсто двусмысленнаго «*старца.*» У Кирши «увѣчье *залѣзено,*» добыто, и тотъ же глаголъ встрѣчается въ другихъ мѣстахъ Васильевыхъ Былинъ («не спасенья залѣзть,» Рыбник. т. II), такъ что Калайдовичь остерегся исправить, указавши примѣръ подобнаго лѣтописнаго употребленія; но слово, употребительное въ одной мѣстности, незнакомо было въ другой, такъ что иныя Былины, объяснивши себѣ «*залѣчено,*» выразили свое пониманіе новымъ описательнымъ стихомъ — «*излѣчилъ* дружинушку хоробрую (Рыбник. т. II):» рукопись Бѣльскаго,

какъ слѣдовало ожидать, выразилась «*залѣчено*;» но она, какъ и выше замѣчено, не признавая древняго словосочиненія, не допустила выраженія «подъ старость надо *душа* спасти» и исправила «*душу*.» Но довольно, перейдемъ къ Сказкамъ. «Всѣхъ Сказокъ, какъ говоритъ Сахаровъ о содержаніи рукописи Бѣльскаго, было: 1. *Добрыня Никитичь*, 2. *Василій Буслаевичь*, 3. *Илья Муромецъ*, 4. *Акундинъ*, 5. *О семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ*, 6. *Змѣй горынчища*, 7. *Соловей сынъ гостяной Ивановичь*, 8. *Иванъ гостиной сынъ*, 9. *Алеша поповичь*, 10. *Емеля дурачокъ*, 11. *Шемякинъ судъ*, 12. *О семи мудрецахъ и о юношѣ*, 13. *О чудныхъ и зѣло умильныхъ гуcляхъ самогудахъ*, 14. *О Жаръ-птицѣ и Иванѣ царевичѣ*.» Прежде всего насъ останавливаетъ здѣсь скромность рукописи Бѣльскаго: она сохранила въ себѣ лишь тѣ имена, лица и предметы, которыя извѣстны изъ другихъ народныхъ преданій и памятниковъ: новаго только *Акундинъ*, котораго разсмотримъ ниже, да сказаніе о *гусляхъ*, которое однако въ печати у Сахарова къ сожалѣнію не явилось. Во вторыхъ, удивительна здѣсь вѣрность былинамъ Кирши: такъ въ нихъ объ Иванѣ Гостиномъ лишь отрывокъ (мы прежде доказали, что съ этимъ героемъ связана цѣлая область самостоятельнаго творчества), — и Сказка Бѣльскаго, по замѣчанію Сахарова, «не имѣла окончанія,» не откуда ей было достать. Но, если скромна была рукопись Бѣльскаго, то не совсѣмъ скроменъ ея издатель, ибо онъ прибавилъ: «Всѣ эти Сказки, *удержавшія вполнѣ нашъ чистый народный языкъ* (такъ думалъ издатель), были приняты мною за основаніе текста (выраженіе опасливое, на случай, если бы доказали подправки: только «приняты за основаніе»). По крайней мѣрѣ *доселѣ не видалъ ничего лучшаго ни самъ я, ни кто либо другой*.» Богъ знаетъ, куда бы повело, еслибъ намъ пришлось это повѣрять на дѣлѣ: но по счастію издатель большей части всѣхъ сихъ Сказокъ не издалъ и *успѣлъ* напечатать лишь тѣ, кои вытекали прямо изъ имѣющихся народныхъ Былинъ и Сказокъ, — о Добрынѣ, Васильѣ, Ильѣ, Акундинѣ и Семи Семіонахъ. Всѣ онѣ — относить ли это къ ихъ достоинству или къ естественному происхожденію? — всѣ, за исключеніемъ опять Акундина, о коемъ ниже, суть перифразъ народныхъ Былинъ и Сказокъ. Нельзя потому сказать, чтобы онѣ много прилгали, — для свѣдѣнія мы даже печа-

таемъ ихъ при настоящихъ выпускахъ, — онѣ довольно осторожны: но осторожность ихъ даже бросается въ глаза, именно заботливость удалить все то, что̀ въ другихъ памятникахъ сего рода есть двусмысленнаго, или искаженнаго, или требующаго поясненія. Есть и наивныя прибавки: такъ про смерть Ильи наше народное творчество съ намѣреніемъ умалчиваетъ, давая лишь разумѣть, что онъ ушелъ изъ Кіева, спустился въ пещеры, окаменѣлъ и т. п.; но Сказка Бѣльскаго обстоятельна: «а живши онъ, Илья, во Кіевѣ состарѣлся, состарѣлся и переставился.» Добрыня по лѣтописямъ воевалъ съ Болгарами, о чемъ впрочемъ молчитъ устное творчество, зная Добрыню совсѣмъ инаго, какъ своеобразный типъ свой: образованная рукопись Бѣльскаго влагаетъ Тугарину, врагу Добрыни, тонкій намекъ,—«прогнѣвилъ князь Кіевскій царя Болгарскаго...., и велѣлъ тотъ царь Болгарскій (Тугарину) привезти ему главу Владимірову,» при чемъ Тугаринъ даже немножко обмолвился, заявивши, что царь Болгарскій «живетъ не далечь *лукоморья синяго,*» тогда какъ это лукоморье несовсѣмъ умѣстно въ мѣстѣ жительства тогдашнихъ Болгаръ и тогда какъ народъ обыкновенно говоритъ «лукоморья *зеленаго.*» По тѣмъ же причинамъ устное народное творчество Кіева не знаетъ Добрыню въ Новгородѣ, а только въ Кіевѣ: но рукопись Бѣльскаго свѣдущѣе въ лѣтописяхъ и заставляетъ героя увѣрять,—«а пріѣхалъ я къ тебѣ, осударь, изъ Великаго Новгорода.» Къ чести ея нужно также прибавить, что, имѣя подъ рукою памятники народные, она женитъ Добрыню на *Настасьѣ Микулишнѣ*, обстоятельство, подтвержденное Былинами: но не къ чести, что отецъ ея, типъ *крестьянина, Микула Селяниновичь,* вышелъ тутъ «*торгозымъ гостемъ,*» «*воеводою Кіевскимъ*» и *Микитичемъ.* Домовитая и религіозная рукопись Бѣльскаго всѣхъ этихъ богатырей, вопреки установившемуся типу Кіевскаго творчества, непремѣнно, женивши, поселяетъ въ Кіевѣ и здѣсь хоронитъ: такъ и Добрыня «принявши законъ, жилъ припѣваючи, а живши состарѣлся, состарѣлся и переставился.» Есть и еще кое-какія любопытныя вещи,—онѣ большею частію означены въ Указателѣ, напечатанномъ нами при 4-мъ выпускѣ, замѣткою «сомнительно:» но достаточно. Въ языкѣ также нельзя сказать, чтобы употреблялись слова и обороты, совершенно чуждые народу: но у него они на мѣстѣ, въ мѣрѣ требованія и творчества, а здѣсь

на каждой строчкѣ; это—удлиненныя формы—«добрыихъ,» «сладкіихъ (вм. «добрыхъ,» «сладкихъ»);» безпрестанное «а и,» «а и то-то,» «а и было,» «ужь и я ли,» «ужь и ты ли,» и т. п.; не просто «слово,» а непремѣнно «словечушко,» или «слово ласковое, великое;» рѣчи «вѣстныя,» рати «сильныя,» руки «крѣпкія,» терема «златоверхіе,» «надежа осударь;» «и на томъ рѣчь свою ставили;» «думать крѣпку думушку,» «служить вѣрою и правдою;» преклоняютъ «чело до полу,» кланяются «большимъ челобитьицемъ, отъ востока до запада,» кланявшись «становятся во единъ рядъ» или «на особицу,» просятъ «соизволь выслушать,» и прочее, и прочее. Отражающаяся всюду въ Былевомъ творчествѣ, отчасти грубая и суровая, но несомнѣнно простая и честная, развязная и удалая, стойкая и сильная наша древняя Земщина является здѣсь дворянской челядью XVII вѣка или придворною толпою, съ большими козырями, Китайскими церемоніями; не скажетъ просто слово, все съ ужимками и штуками; поклонъ ея оказывается какимъ-то реверансомъ, слово спичемъ. Впечатлѣніе рѣшительно паточное, послѣдствія для читающаго тошнотныя. — Перейдемъ къ Сказкѣ о Васильѣ Буслаевѣ. Она вся сложена у Сахарова изъ Киршевскихъ Былинъ и Чулковской Сказки, съ пособіемъ можетъ статься еще кое-какихъ народныхъ данныхъ, нами не отрицаемыхъ, но съ тѣми же передѣлками. Вмѣсто народнаго «*пѣтье* церковное» выставлено безопаснѣйшее «*пѣньe*;» «въ *наукъ*» замѣнено словомъ «въ *науку*.»—Отринувши показаніе Былины, что Василью грамота, письмо и пѣтье въ наукъ пошли, Сахаровъ не дошелъ до тѣхъ сказочныхъ данныхъ, что Василій вмѣсто того «выучился соколомъ летать,» а увѣряетъ, что «грамата и пѣнье Васькѣ въ науку не пошло.» — Показаніе Былины, отразившее мѣстность ея происхожденія, — «а и нѣтъ у насъ такова пѣвца во славномъ Новѣ-городѣ сопротивъ Василья Буслаева,» Сахаровъ счелъ надежнѣе замѣнить словами — «а и не было такого молодца супротивъ Васьки Буслаева.» — Слова Чулковской Сказки «отпускаетъ она посадниковъ съ почестью» изложены красивѣе: «и чинитъ почесть честна вдова Амелѳа Тимоѳеевна мужикамъ Новогородскіимъ.»—У Чулкова подобнымъ образомъ отвѣтъ Василья матери: «не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новогородскіе, а боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе;» у Сахарова: «не боюсь страху посадниковъ, не

страшны мнѣ мужики Новогородскіе, а боюсь твоей великой заповѣди, страшно мнѣ твое слово великое.»—Василій по Былинамъ разослалъ ярлыки съ приглашеніемъ Вольницы, ихъ и читали проходившіе: у Сахарова «бирючи кличутъ кличь.» и тогда уже излишенъ удержанный имъ изъ Былинъ образъ случайнаго прочтенія,—«шли люди грамотные, читали ярлыки скорописчаты.»—Удержано изъ Чулкова неловкое прозвище свинца «Сорочинскимъ,» тогда какъ у народа свинецъ «Чебурацкій.»—Потанюшка у Сахарова «идетъ-плыветъ по улицѣ,» — красиво, но забыто, что хромому было трудновато плыть утушкой и лебедушкой, какъ хаживали женщины.—Въ имени Дѣтей Боярскихъ намѣренно вставлено любопытное разнорѣчіе «Матвей» вмѣсто «Моисей.» — Сохранены изъ Былины «Мужики Залѣшане,» но, что Василій испугался ихъ и не смѣлъ показаться, думалось Сахарову несовмѣстнымъ съ храбростью героя и онъ приправилъ растянутую картину, что Василій ихъ не встрѣтилъ, потомъ спохватился, бросился угощать. — Собирались, говоритъ Сахаровъ, къ Василью на пиръ «со всѣхъ концовъ, *опричь Посацкой:*» это казалось необходимымъ, ибо на сторонѣ Посадской враги; но къ сожалѣнію, по Былинамъ, ихъ-то больше всего и было у Василья, только онъ ихъ не потчивалъ, а прогналъ. — Сборъ Новгородцевъ «въ терема тайницкіе» нравился Сахарову и всѣ рѣчи ихъ взяты изъ Чулкова: но сочинитель побоялся выставить Чудина и Садку, замѣнивши перваго «чюднымъ старцемъ» и удаливши изъ рѣчей все, что касалось правъ Василья «на княжескій престолъ.» этого наивнаго мотива, допущеннаго Чулковымъ. — Старики задумали споить молодаго Василья, и у Чулкова «покупаютъ вины заморскія, *что ни пьяныя,*» то есть что ни самыя пьяныя, самыя какія только были пьяныя, самыя похмѣльныя: не понявши этого, Сахаровъ говоритъ, что «приходили гости торговые (казалось неприлично, что старики посадники сами ходили къ нимъ) съ винами заморскими, *ни съ пьяными, ни съ похмѣльными.*» т. е. совершенно вопреки смыслу. — Въ Былинѣ у Кирши, Новгородцы не думаютъ звать къ себѣ Василья и, случайно узнавъ о случайной ихъ братчинѣ Никольщинѣ, онъ идетъ туда безъ всякого особаго умысла: у Сахарова изложенъ формешный зовъ на пиръ Василью отъ мужиковъ, а между тѣмъ выраженіе Былины, выставлявшее случайность, удержано: «прослышалъ Васька про канунъ варенъ — пива ячныя у мужиковъ посацкіихъ, по-

шелъ въ терема тайницкіе;» да какъ же онъ *прослышалъ*, когда его нарочно приходили звать и онъ далъ согласіе притти?— У Буслая старика нигдѣ нѣтъ отчества: какъ допустить этотъ пробѣлъ? Рукопись Бѣльскаго должна же отличиться любопытнымъ пополненіемъ, и вотъ очутился «Буслай *Довмонтьевичь.*»—Но самого себя превзошелъ Сахаровъ въ описаніи пира: онъ собралъ сюда даже богатырей изъ Кіева и вложилъ имъ въ уста чудовищные спичи. Первый взятъ изъ Чулкова Садко: онъ, владѣвшій кораблемъ *Соколомъ*, здѣсь является удалымъ всадникомъ и хвалится «*конемъ* Соколомъ,»—вѣдь купцы хвалятся же нынче хорошими лошадьми! За тѣмъ Чурило краснорѣчиво описываетъ свою жену, не бывши женатымъ, да еще какую жену! *Настасью Апраксьевну*, то есть жену чужую, жену Дуная Ивановича! Ставръ, изъ своего XII вѣка занесенный Былинами Кіевскими къ Владиміру—вмѣсто Мономаха—Святославичу, маніемъ Сахарова возвращенъ въ Новгородъ и отданъ на время въ сынки къ Владимірову боярину Путятѣ, въ *Путятичи*; у него и слуга *Акундинъ*, имя, которое Сахаровъ старался ввести въ творчество, упоминая и въ воеводахъ Кіевскихъ при Владимірѣ, готовя сказку, которую ниже увидимъ. Еще забавнѣе: стыдливый и даже робкій, выученный изъ бѣды женою, Ставръ является страшнымъ богатыремъ, наѣзжаетъ на Чудь поганую, кричитъ, свиститъ, гонитъ враговъ, машетъ копьемъ, хватаетъ мечемъ. Мѣстный герой, Костя, бездомный сирота, который въ Былинѣ прямо скорбитъ, что ему «нечѣмъ похвастати,» и у котораго одинъ выходъ—драться съ Новгородомъ, какъ голой Вольницѣ, у Сахарова разбогатѣлъ на диво: «а и нѣтъ нигдѣ такого богачества супротивъ моего,—три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самоцвѣтными, а златомъ и серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымъ-городомъ.» Бѣдняга, по непривычкѣ къ богатству и неопытности въ коммерціи, забылся до того, что, по словамъ его, у него даже «*три корабля плывутъ по лукоморью* съ соболями:» а лукоморье — лука по морю, излучистый берегъ моря. Но онъ по крайности далъ намъ объясненіе, почему лукоморье, въ народномъ творчествѣ обычно «*зеленое,*» покрытое мхомъ и травою, у Сахарова, по недоразумѣнію, которое мы упоминали, явилось *синимъ* (въ Сказкѣ, выше помянутой). Богатый негоціантъ-издатель, отпустившій Костѣ въ

кредитъ à fonds perdus лукоморье, считалъ его «заливомъ!» — Договоръ, особенно письменный и съ закладомъ, бываетъ не менѣе какъ при двухъ сторонахъ: а у Сахарова Василій уже ушелъ съ пира и тогда лишь, собравшись «въ терема тайницкіе (какъ это понравилось, на каждомъ шагу!), мужики догадались сдѣлать закладъ съ неизвѣстнымъ лицомъ, иксомъ, — «битися-дратися всею дружиною съ Ваською, а въ великъ закладъ за Новгородъ держимъ дани и *выгоды* (вмѣсто «выходы») по три тысячи на всякъ годъ. И на томъ мужики посацкіе руки подписали.» — Старуха мать Василья, указавшая Новгородцамъ на Пилигримища, сама потомъ вышедшая унимать сына, во всякомъ случаѣ передъ городскими старшинами по своему вѣжливая, поднята Сахаровымъ (по неумѣстной выпискѣ изъ Чулкова) въ трагическое негодованіе: «отсылала ихъ матера вдова, честна жена Амелфа Тимофеевна *съ нечестіемъ.*» Но, что дозволительно было Василью, могло быть страшновато старухѣ: а еслибы ее побили за нечестіе? — Старчище Многолѣтище, согласно Былинамъ, отведенъ Сахаровымъ «въ почестной *монастырь*:» но, согласно съ Чулковымъ, проповѣдуетъ, что «сижу я во *теремѣ* неисходно ровно тридцать лѣтъ.» Такъ въ монастыряхъ бывали не кельи, а семейные терема? — Чтобы не дать издателю случая какъ ни будь ошибиться, Старикъ надѣваетъ колоколъ просто, не съ колокольни — по Былинамъ, не съ вѣча — по Чулкову, а вѣроятно изъ кармана. Судьба его самого еще удивительнѣе: согласно съ Былинами, у Сахарова «заглянулъ онъ Васька старцу (исправлено вмѣсто пѣсеннаго «старца») подъ колоколъ, — а во лбѣ глазъ ужь вѣку нѣту,» — поминай старика, какъ звали; но, согласно съ Чулковымъ, онъ тутъ же и оживаетъ, — «поднимаетъ Васька Старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаетъ на покой съ честію.» Любопытно еще, какъ Сахаровъ осмыслилъ пѣсенное — «начается, старецъ не шевéлнится:» «качается старецъ, шевелится, ко сырой землѣ клонится.» — Мы видѣли у Чулкова, что дружинники Василья, Фома съ Потанюшкой, въ битвѣ не участвовали, держались отъ нея вдали про запасъ, на случай, если ослабнетъ Василій; потому, когда ихъ будила Чернавка, они не захотѣли даже встать и спокойно завернули голову въ подушки: все это, почти до слова, лишь съ прикрасами, переписано Сахаровымъ. Но у Сахарова была еще Былина Кирши, гдѣ дружина выноситъ на себѣ всю тяжесть перваго боя, гдѣ она

избита и Василій, пробудившись, является выручать ее: безпристрастный сочинитель рукописи Бѣльскаго не погнушался и этимъ, онъ выписалъ и отсюда,—«пошелъ Васька по Волхвъ-рѣкѣ, по той улицѣ Волховой; завидѣли его удалы молодцы, Ѳомка со Потапюшкой, — у ясныхъ соколовъ крылья отрасли, у нихъ молодцовъ думушки прибыло, молодой Васька сталъ выручать ихъ.» Завидѣли— со своихъ перинъ, Василій выручаетъ ихъ—изъ просонья! Невольно вспоминается: «солгала неправда себѣ,» себѣ, а не кому другому.— Сбившись здѣсь однажды, Сахаровъ заставляетъ и далѣе унимать уже не одного Василья, а *дружину*, и *дружина* запиваетъ свои раны, —то есть, какъ попалъ на Былину, такъ отъ нея и не оторвался сознаніемъ.—Наконецъ, у Чулкова, гдѣ весь вопросъ изъ за Княжества и владѣнія Новгородомъ, разумѣется побѣжденные граждане передаютъ всѣ княжескія права побѣдителю и раздаются возгласы: «Здравствуй, батюшко нашъ, Славенской князь, Василей Богуслаевичъ!» Эту невинную коронацію легко простить наивному Чулкову. Но Сахаровъ вопросъ о Княжествѣ весь вычеркнулъ: какъ же онъ допустилъ рукопись Бѣльскаго выписать послѣдствія битвы изъ Чулкова? Читаемъ: «втапоры мужики посацкіе вспознали бѣду немичучую, идутъ въ терема тайницкіе (безъ этихъ теремовъ ничего у нихъ не дѣлается), пишутъ крѣпки записи — быть Новугороду за Ваською Буслаевымъ!—» Горожане Великаго Новгорода могли уступить побѣдителю въ единоборствѣ часть городскихъ повинностей; могли принести ему и дѣйствительно принесли записи — закладныя, теперь выигранныя: но, поступиться Новымъ-городомъ, а за нимъ всей Новгородской областью, поступиться счастливцу изъ Вольницы, когда не поступались ни одному Рюриковичу,—Сахаровъ въ увлеченіи своего творчества, списавшаго съ одного боку Былину, съ другаго Сказку Чулкова, не остерегся выставить Новгородцевъ глупыми ребятами.

Рукопись Бѣльскаго еще не вся: слѣдуетъ Сказка объ *Акундинѣ* и Князѣ Глѣбѣ Ольговичѣ. Долго было бы намъ по прежнему разбирать языкъ: онъ такой же пряный и уснащенный. Только лишь зачинается Сказка, — «соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя,»—тотчасъ чувствуете съ Гоголемъ, какъ пошла писать распыщенная губернія.

Все вступленіе Сказки пропитано этими сладостями и жалостями; разсказывается, какъ жили въ старину «не по нашему, по заморскому, а по своему православному,» но народъ не описалъ бы такого православнаго житья: вставали, видите, утромъ рано и «кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада,» — что̀ за безобразіе! Потомъ «созывали слугъ вѣрныихъ на добры дѣла,»—только *слуги* ихъ и дѣлали; «старики судъ рядили,» «старыя старушки судили-рядили,»—мужеско-женскія народоправства; «молодыя молодицы правили домкомъ,» тогда какъ въ народѣ онѣ, именно молодыя молодицы, никогда до этого не допускаются; наконецъ—«красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день,» «старыя старушки сказки сказывали,»—это то же православіе. Но за рѣчью издателя не угоняешься: мы остановимся на содержаніи. Опять не отрицаемъ, что въ основѣ нашлись кое-какія преданія, подслушанныя или прочитанныя гдѣ-либо Сахаровымъ, въ теченіе лѣтъ, когда онъ всюду интересовался народной словесностью: такъ, на примѣръ, существенныя черты въ образѣ выведенныхъ имъ Каликъ или Калѣкъ весьма замѣчательны и вѣрны, какъ убѣдились мы, долго занимавшись тѣмъ же предметомъ. Но, что изъ этого слѣплена перехитренная мозаика и сшитъ тучный романъ, также не подлежитъ сомнѣнію. Имя Акундина, какъ замѣчали мы, старался нѣсколько разъ уже привести Сахаровъ, подготовляя естественность сказки: и въ Кіевѣ, и при Новгородцѣ Ставрѣ. Еще любопытнѣе ближайшій поводъ къ сочиненію сказки. Ѳ. Н. Глинка жилъ въ Олонецкой губерніи, въ этой странѣ былинъ и поэтическихъ преданій, недавно поразившихъ насъ своей творческой красотой и величавостью въ Сборникѣ П. Н. Рыбникова. То, что могъ собрать путешественникъ, — весьма впрочемъ скудное,—онъ группировалъ около событія — заточенія Марѳы Ивановны Романовой на Выгозерѣ, въ Обонежской пятинѣ, принадлежавшей Новгороду. Преданія Олонецкія, истекавшія изъ массъ, заселившихъ сію мѣстность, перекрещивались въ древности — и доселѣ — съ Новгородскими, ибо, какъ здѣсь были владѣнія древняго Новгорода, такъ изъ него же на глазахъ исторіи шли сюда многочисленные поселенцы, со всѣмъ запасомъ Новгородскаго творчества. Разсказъ, сгруппировавшійся около Марѳы, или, лучше, отрывочныя описанія въ стихахъ, издалъ сочинитель въ 1830 г. подъ именемъ столь извѣстной своей «Кареліи,» въ четырехъ частяхъ. При озерѣ

Онегѣ, въ Мурмскомъ урочищѣ, есть извѣстная обитель, основанная Лазаремъ Мурмскимъ. Это былъ выходецъ изъ Рима, Странникъ, жившій послѣ въ Новгородѣ, основавшій монастырь въ урочищѣ, которое и подарено было монастырю въ 1.182 году отъ Новгорода, именно однимъ доброхотнымъ дателемъ, жителемъ Славянскаго Конца. Простодушное житіе, описанное Лазаремъ, о странствованіяхъ, подвигахъ, чудесахъ, получено было Ѳ. Н. Глинкою и дало, какъ видно, ему мысль воспользоваться разсказами, тѣмъ болѣе, что въ мѣстныхъ преданіяхъ имя и вліяніе Лазаря играли значительную роль. Къ Марѳѣ Ивановнѣ введено съ разсказами таинственное лицо какого-то Отшельника, описывающаго свои странствованія, любовь, разлуку, приходъ издалека на Сѣверъ, водвореніе въ пустыни Олонецкой. Онъ родомъ былъ изъ Греціи, любилъ войну, битвы и походы, плѣнился дѣвой чужеродной и, когда она гнѣвнымъ отцомъ была убита, попалъ самъ въ темницу, освободился, «топилъ свою печаль». въ далекихъ странствованіяхъ, явился въ Италіи, «онъ гробъ Марона посѣтилъ и прочиталъ на немъ Гомера,» и все это, и объ Италіи, «странѣ гробовъ неумирающихъ героевъ,» разсказывалъ Марѳѣ Ивановнѣ. Досужая, послушно она внимала. Далѣе, «онъ всю Германію прошелъ, искалъ чего-то,» онъ «весну проводилъ надъ Рейномъ,» видѣлъ видѣніе Богоматери, такое же какъ Лазарь Мурмскій, и призванъ былъ видѣніемъ на Сѣверъ. «Такъ онъ, къ безвѣстному влекомый, все шелъ на Сѣверъ,» и пришелъ, засталъ въ Кareліи пожаръ, воспоминавшій «пѣснь Омира въ его стихахъ— *лѣсной пожаръ;*» пугался дикости сначала, но примирился съ языкомъ, «но сладокъ у лѣсной Карелы ея безписьменный языкъ; казалось, я (слова разскащика) переселился въ края Авзоніи опять и мнѣ хотѣлось повторять ихъ рѣчь, въ ней слухъ мой веселился игрою звонкой буквы *Л* (ель);» потомъ, для риѳмы, встрѣтилъ *ель*, явленье частое въ томъ краѣ и, Промыслъ свой благословляя, нашелъ пристанище въ глуши, усѣлся, въ мирѣ и тиши вѣкъ проводилъ и кончилъ передъ Марѳой повѣсть разсказомъ, какъ страдала совѣсть мечтою грѣшной о быломъ, влетавшею какъ будто птица, «какъ мысль, какъ пылкая зарница,» а тамъ, какъ онъ владѣлъ собой и «какъ держалъ Духовный бой, и что въ пустынѣ съ нимъ сбывалось.» Сіи поэтическія картины, при всемъ ихъ достоинствѣ и живости, не скрываютъ отъ насъ, что образъ Отшельника есть

второобразъ, снятый съ Лазаря Мурмскаго. Благоговѣйный поэтъ не рѣшился никакъ высказать этого прямо: но, что это близко къ дѣлу, мы заключаемъ изъ примѣчаній о Лазарѣ, присоединенныхъ къ стихотворенію, изъ таинственности Отшельника и изъ того, что говорится: «Душей съ земнымъ разставшись прахомъ, онъ небомъ званъ; онъ жилъ въ лѣсахъ близь То́лвуи и на скалахъ у Кивача, не знаясь съ страхомъ; у поселянъ онъ слылъ монахомъ; то будь онъ и у насъ монахъ! Ктожь онъ, какой онъ уроженецъ? Наставникъ мирныхъ поселянъ — за чѣмъ? И изъ какихъ онъ странъ въ сей край недавній преселенецъ?» При семъ замѣчаніе прозою: «разсказъ объ отшельникѣ, о его переселеніи съ Востока на Сѣверъ, *не есть просто вымыселъ* (вотъ указаніе прямое); но — прибавляетъ скромный сочинитель — здѣсь не мѣсто о семъ распространяться.» Такимъ образомъ, думаемъ мы не безъ основанія, Мароа Ивановна въ разсказѣ таинственнаго Отшельника выслушала мѣстную повѣсть о Лазарѣ Мурмскомъ. — Теперь сторона другая: къ Царственной Изгнанницѣ входитъ послѣ Отшельника дѣвушка-крестьянка Маша, и полились разсказы уже о преданіяхъ чисто-народныхъ, творческихъ. Тотъ же подвижникъ, котораго видѣли мы въ Лазарѣ— со стороны болѣе нравственной, теперь, по народному представленію, является Богатыремъ подъ именемъ *Заонѣги,*—имя вымышленное, просто—поселенецъ Заонежья, уничтожившій въ семъ краю страшилищь, злыхъ духовъ, Змѣя Тугарина. Почерпнуты ли эти разсказы поэтомъ изъ рукописнаго Житія, или изъ устъ Олончанъ,— все равно, они близко сходятся и одинаково принадлежатъ воззрѣнію народнаго творчества. «Теперь разсказываетъ Маша все больше про свою страну и говорила дѣва наша про то, что было въ старину: про озеро свое Онѣгу и про Карельца Заонѣгу. А кто же былъ онъ? Богатырь, и славный. Онъ съ дубиной, смѣлый, берегъ Карельскіе предѣлы и славилъ свой лѣсной пустырь.... За чѣмъ тутъ ели вдругъ не стало? Ее унесъ нашъ богатырь. *На Му́рму шелъ онъ въ монастырь* (замѣтьте его тожество съ Лазаремъ): вдругъ стадо на него напало, какъ войско цѣлое, волковъ, конечно посланныхъ духами; но въ мигъ управившись съ волками, добрался онъ и до духовъ. И видимыхъ своей дубиной громилъ и билъ онъ какъ пестомъ, *а невидимокъ гналъ крестомъ*, считалъ ихъ козни паутиной; и *силой честнаго креста* онъ ихъ—воздушныхъ скоморо-

ховъ, ихъ не спасла и высота... Мы помнимъ Змѣя Тугори́на (Тугáрина; дѣйствительно, у Олончанъ есть свой Тугаринъ, Шаркъ—великанъ, получившій имя отъ историческаго Шарукана): онъ триста саженъ былъ длиной и горы подымалъ спиной; но Заонѣгина дубина ему далась порядкомъ знать. Мы помнимъ, изо всей Карелы сошлась какъ туча нашихъ рать: метали камни, копья, стрѣлы, а Змѣй бойцевъ и не слыхалъ и, лежа на скалахъ Онѣги, имъ въ уши бурею свисталъ и полъ-Онѣги разплескалъ хвостомъ. Но все отъ Заонѣги онъ не ушелъ. Избитый, чуть чертя густою кровью путь, чуть, сонный, въ Укшу дотащился и тамъ у Коссалмы свалился. (Да) онъ лежитъ тамъ и теперь: и съ той поры, огромнымъ тѣломъ загородилъ на Кончу дверь и легъ какъ толстая плотина, его покрыла пыль и тина, на немъ скопилася земля и выросъ лѣсъ.» Это описаніе дѣйствительно прекрасно и конечно не могло возникнуть безъ основы народныхъ разсказовъ, почерпнутыхъ, говоримъ, изъ устъ ли, или изъ рукописнаго Житія. Далѣе слѣдуетъ встрѣча Заонѣги съ Водяникомъ, потомъ съ воздушными духами:... «Заонѣга, послѣ обѣденнаго сна (въ кельѣ?), идетъ путемъ къ лѣсному Уру сбирать душистую мамуру,—она въ то время новизна. Все тихо, тихо и сонливо, порой лишь, подъ овсяной нивой, взреветъ медвѣдь. Но вотъ жужжитъ и вьется—что такое? Мухи? Но Заонѣга говоритъ:—Я знаю васъ, воздушны духи!—» Духи начинаютъ искушать Заонѣгу, какъ всегда искушаютъ отшельниковъ: «—Ну полно жъ врать, я не люблю, вы знаете, я васъ не трушу!—Такъ Заонѣга. Но кипитъ воздушниковъ лихая сила, хохочетъ, дразнитъ и шумитъ, ужь Заонѣгу разсердила... Но—*Лазарь въ Мурмѣ зазвонилъ* (угодникъ съ братіей тамъ жилъ),—и духи тотчасъ присмирѣли, и Заонѣга сталъ смирёнъ: прогналъ враговъ вечерній звонъ, то въ Мурмѣ павечерье пѣли.» Такимъ образомъ Лазарь же прогналъ искушенія духовъ. Ясно, чта Мароа Ивановна въ разсказѣ Маши слышала ту же повѣсть о Лазарѣ, по народнымъ воззрѣніямъ, лишь замаскированную скромнымъ сочинителемъ.—Спросятъ многіе: къ чему это длинное отступленіе къ творенію поэта? Какое его отношеніе къ народнымъ сказкамъ? Да, странно представить, что здѣсь отношеніе есть: а между тѣмъ, спустя 10 лѣтъ послѣ «Кареліи,» въ 1841 г. отпечатаны Сказки Сахарова и въ нихъ, *изъ рукописи Бѣльскаго*, сказка объ Акундинѣ. Акундинъ—житель Новгорода, связаннаго съ

Заонежьемъ и всей Олонецкой областью народными сказаніями; изъ эпохи XII вѣка (судя по современности Глѣбу Ольговичу), слѣдовательно современникъ и Лазаря, и Заонѣги. Ходилъ онъ прежде въ походы съ Вольницею, но ему наскучило разгулье, его влечетъ къ инымъ странствіямъ, къ Кіеву и Москвѣ, и пускается онъ по Волхову, одинокимъ Странникомъ, какъ Лазарь, какъ Отшельникъ—второобразъ Лазаря. Какъ эти послѣдніе призваны были къ дальнѣйшимъ подвигамъ чудными видѣніями, такъ мѣсто высшихъ силъ для Акундина занялъ таинственный Калѣчище: онъ беретъ Акундина, ставитъ на высокій курганъ и съ высоты показываетъ обширную Рязанскую область отъ Оки до Дону, городъ Ристиславль, тамошнихъ жителей и совершавшіяся тамъ событія. Увлеченный дивнымъ видѣніемъ, юный странникъ рвется въ открывшуюся взорамъ страну на подвиги: Калѣчище мгновенно переодѣвается, надѣваетъ на себя платье Посадника (онъ нарочно таскалъ это платье съ собою на случай), является въ величіи посадническомъ, открывается дядею Акундина, передаетъ ему наслѣдіе отъ отца, мечь кладенецъ, калену стрѣлу, тугой лукъ (это то же до поры-времени береглось въ каличьей сумѣ), благословляетъ племянника на предстоящіе подвиги и — самъ кончается, преселяется въ вѣчность. Ясно, что Калѣчище есть дивное видѣніе, но не такое, какое описываютъ Житія, подобныя Житію Лазаря, или суевѣрныя народныя преданія о Заонѣгѣ, а живое, съ кровью и плотью дѣйствительности, въ образѣ, какой только могла создать народная сказка. — Что же за подвиги предстояли Акундину? «Глядитъ Акундинъ на Оку рѣку, а въ Окѣ рѣкѣ плыветъ чудовище невиданное, Змѣй Тугаринъ: длиною-то былъ тотъ Змѣй Тугаринъ во триста сажень, хвостомъ бьетъ рать Рязанскую, спиною валитъ круты берега, а самъ все проситъ стару дань.» Читатели узнаютъ грознаго врага Лазарева и Заонѣгина. Изъ Ростиславля пытаются сперва укротить его подарками: здѣсь вставляется юмористическій эпизодъ о *Думномъ Дьякѣ Чоботкѣ*. Но мысль о семъ послѣднемъ, и самый характеръ плута, успѣвшаго обмануть старшину, стараго воеводу и посадника, встрѣчаемъ мы опять у Ѳ. Н. Глинки, въ разговорѣ духовъ съ Заонѣгою; желая развлечь подвижника соблазнительными картинами мірской жизни, они говорятъ насмѣшливо: Что у васъ въ міру за люди? «Ихъ судитъ *Думный Дьякъ* изъ

платы, они другъ друга тянутъ въ судъ, другъ друга лишь во снѣ не бьютъ... Подьячій врётъ передъ Дьякомъ, *Дьякомъ, лукавый, предъ Царемъ перелукавленъ Воевода.»* Вотъ вамъ исторія Чоботка и перелукавленнаго Юрья Микитича.—Когда же Тугарина не смогли побѣдить лукавствомъ, встаетъ весь Ростиславль со своимъ юнымъ княземъ Глѣбомъ Ольговичемъ, влюбленнымъ, но изъ за Тугарина теряющимъ невѣсту: тучи ихъ стрѣлъ, посыпавшихся на Тугарина, уже мы видѣли у Ѳ. Н. Глинки въ описаніи того, какъ встала на Тугарина вся Карелія. Но и рать не успѣла. «Какъ прочуялъ Змѣй Тугаринъ рать немирную, и началъ мутить Оку рѣку широкіимъ хвостомъ: широка Ока рѣка возмутилася, круты берега разсыпалися, мутна вода разливалася. Нельзя къ Змѣю подойти, нельзя Змѣя войной воевать: широко поле Рязанское, а негдѣ рати стать, на широкіихъ поляхъ кони не стоятъ, на круты холмы вода взошла.» Сравните вышеприведенное описаніе въ «Кареліи.» Всю эту бѣду Рязанцевъ видитъ съ высоты Акундинъ: ему такъ хочется въ дѣло, такъ рвется онъ помочь бѣднякамъ, что въ описаніи порыва его Сахаровъ нѣсколько измѣняетъ величественному тону рукописи Бѣльскаго, ибо не можетъ статься, чтобы она рисовала такую картину: «какъ заходили у Акундина ноженьки по курганчику, какъ замоталаса головушка буйная по молоду князю по Глѣбу Олеговичу,» —это точь въ точь, какъ рвутся въ удалую присядку. Разумѣется, когда этотъ новый Лазарь и Заонѣга дорвался до Тугарина, онъ его побилъ: «и его-то, Тугарина, онъ еретичество разрушаетъ (уступка воззрѣніямъ Житія), а разрушивши его еретичество, идетъ ко круту бережку. Во ту пору Ока рѣка въ круты берега собиралася, на днѣ Оки рѣки желты пески воздымалися (улегалися?). И беретъ онъ, Акундинъ, мечь кладенецъ, разсѣкаетъ его, Тугарина, на сорокъ сороковъ: и отъ того онъ, еретикъ Тугаринъ, дотолѣ и живъ былъ.» Побѣдителя торжественно вводятъ въ городъ Ростиславль, дарятъ, чествуютъ, умоляютъ остаться: но странника влечетъ невѣдомый голосъ—«впередъ,» къ Кіеву, въ Москву. Онъ уѣзжаетъ. Въ этомъ разсказѣ Былины Новгородскія переходятъ въ Княжескія, удальцы Новгородскіе изъ мѣстной исключительности выводятся на широкія поля другихъ областей Руси: Сахаровъ рѣшился познакомить насъ съ бытомъ Княжествъ, съ ихъ сказаніями, эпосомъ Кня-

жескимъ. Выѣхавъ изъ Ростиславля, Акундинъ является въ сосѣднемъ, по той же Окѣ, Муромѣ, и здѣсь-то развивается снова исторія Лазаря и Отшельника. Вмѣсто урочища «*Мурмскаго*» и «*Мурмы,*» является область *Муромская, Муромъ;* вмѣсто роя воздушныхъ духовъ, тревожившихъ Лазаря и Заонѣгу, рой Татаръ, обложившихъ городъ, полонившихъ народъ, увезшихъ красавицу Настасью Ивановну. Для Акундина настала пора любви, онъ влюбленъ какъ Отшельникъ Ѳ. Н. Глинки. Онъ мчится, разбиваетъ Татаръ какъ мухъ, освобождаетъ дорогую плѣнницу: но, какъ отецъ разрушилъ своею яростью союзъ сердецъ Отшельника и Турчанки, такъ названый отецъ Настасьи. Неждань предательски выдаетъ ее за другаго; какъ Отшельникъ попалъ даже въ темницу, изъ которой едва высвободился, такъ Нежданъ грозитъ Акундину, велитъ пинками гнать его. Разочарованный, неся въ сердцѣ неисцѣльную рану, странникъ убирается по добру по здорову изъ Мурома, стремится къ Кіеву и Москвѣ: въ Москву почему-то онъ уже не попалъ, но въ Кіевѣ очутился. Одна отрада его — молитва. Какъ Буслаевъ въ Ерусалимѣ, такъ Акундинъ справляетъ здѣсь поминанья по батюшкѣ и всѣмъ роднымъ. Таинственные Калѣки, занимающіе во всей сказкѣ мѣсто тѣхъ небесныхъ видѣній, которыя черпалъ изъ Житія или аллегорически рисовалъ Ѳ. Н. Глинка, пророчатъ аллегорически Акундину, что онъ долженъ искать и найдетъ «сѣрую утицу,» прежнюю любовь свою. Теперь вспомнимъ: когда Марѳа Ивановна, прослушавши длинную повѣсть Отшельника объ его странствіяхъ, Авзоніи, Германіи и Рейнѣ, наконецъ о прибытіи въ дикую страну Кареліи, перешла къ его «Духовному бою въ пустынѣ» и задала вопросъ, намекая на прежнюю разочарованную любовь Отшельника,— «покинувъ свѣтъ, не зналъ ли грусти сокровенной?» Отшельникъ въ аллегоріи разсказалъ, что прежняя любовь, милый образъ прилетаетъ къ нему въ пустыню сердца, въ образѣ дивной птицы, такой, какая прилетаетъ и въ пустыню Кареліи: «На дальнемъ Сѣверѣ есть птица. Она, какъ слышно, иногда перелетаетъ и сюда. Какъ мысль, какъ пылкая зарница, она мелькаетъ по лѣсамъ. Ее, какъ сонъ, я видѣлъ самъ. Грудь — яхонтъ, и лазурны крылы отливомъ золота горятъ.» Видите, она похожа на сизую золотистую утку: по крайности у *простаго народа*, не знающаго райскихъ птицъ, естественно перейти ей въ образъ утки, и такою-то Саха-

ровъ, чуткій къ народному творчеству, изобразилъ ее. Тогда какъ Акундинъ горевалъ во образѣ Калики или, что то же, Странника, явилась ему прежняя возлюбленная, она успѣла уже потерять неправаго своего батюшку, матушку и перваго мужа: на языкѣ Сахарова это выражено въ образѣ, что она «ровно три годочка лебедушкой жила, а на четвертой сѣрой утицей поплыла.» Разумѣется, Акундинъ соединился съ предметомъ любви, женился на Настасьѣ Ивановнѣ, потомъ, какъ всѣ герои у Сахарова, «состарѣлся и переставился.»—Но, при всемъ этомъ, столь явномъ и даже рабскомъ заимствованіи изъ Карельскихъ или, лучше, Олонецкихъ преданій, вы спросите все-таки невольно: не ужели это такъ, не ужели можно творить народныя Сказки на основаніи стиховъ поэта, хотя бы и Ѳ. Н. Глинки? Признаться, намъ самимъ это не вѣрилось и даже какъ будто не вѣрится до сихъ поръ: а между тѣмъ это такъ. Самъ И. П. Сахаровъ потрудился увѣрить насъ въ томъ; напечатавъ Сказки, въ Примѣчаніяхъ къ нимъ, въ концѣ, какъ будто мимоходомъ и ненарочно (такъ всегда бываетъ, когда дѣло не совсѣмъ чисто и ищутъ подкрѣпить свое созданіе авторитетомъ народа), бросаетъ онъ нѣсколько словъ: «Сказка *Акундинъ* взята изъ рукописи Бѣльскаго. *Есть много сходнаго съ нашею Сказкою въ Олонецкихъ народныхъ преданіяхъ. Любопытные могутъ видѣть замѣтки объ этомъ Акундинѣ въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію Ѳ. Н. Глинки* Карелія.» А въ этихъ, процитованныхъ, примѣчаніяхъ Ѳ. Н. Глинки нѣтъ ни слова объ Акундинѣ, есть только—сходное—о Лазарѣ Мурмскомъ, съ которымъ сближенъ и народный герой Заонѣга. Кто читывалъ «Сказанія Русскаго народа,» тотъ знаетъ, что Сахаровъ вездѣ—иногда очень справедливо—смѣется надъ прежнимъ обычаемъ выводитъ нашихъ народныхъ героевъ съ чужи, связывать ихъ съ преданіями церковными или принимать на слово суевѣрныя о нихъ сказанія въ народѣ: все это и вездѣ онъ старается перевести на языкъ простѣйшій, такъ, какъ бы сказалъ по его мнѣнію народъ, а этотъ языкъ и эти образы, возникающіе въ языкѣ, создаетъ самъ на основаніи своей опытности въ дѣлѣ. Такъ все онъ упростилъ и въ настоящемъ случаѣ: зачѣмъ въ Новгородѣ выходецъ изъ Рима?—Это просто Новгородецъ; и имя его народное, извѣстное въ Новгородѣ, хоть бы знаменитый *Якунъ*,—только прибавить «*динъ*.» Странникъ по Востоку и Евро-

пѣ—ну откуда ему быть? Это просто Новгородскій переходецъ, исчадіе Повольницы, бродившей по княжествамъ. «Мурма,» «Мурмское урочище,»—это просто Муромъ, искаженный народными преданіями въ Заонежьѣ. Видѣнія, пророчества,—это просто таинственные Калѣки съ ихъ способностью передавать и разсказывать всякія дива. Тугарину мѣсто на Окѣ; любовь романтическая—просто любовь къ Настасьѣ Ивановнѣ. Ѳ. Н. Глинка придумалъ, вѣроятно по народнымъ преданіямъ, залетную птицу, нечаянно прилетавшую: да это сѣрая утица, это и есть Настасья Ивановна. Какіе тамъ духи въ воздухѣ! Это Татары; а указаніе духовъ на Думнаго Дьяка—просто память о Чоботкѣ. Сочинитель опытнымъ взглядомъ расшифровалъ всѣ эти аллегоріи, столь любимыя Ѳ. Н. Глинкою: дай изложу дѣло, какъ оно могло быть у нашего простаго народа, въ сказкѣ! А тутъ рукопись Бѣльскаго съ готовыми сказками: въ ней и есть сказка объ Акундинѣ. Но нужно бы подкрѣпить себя? Сдѣлаемъ сноску на Глинку: ищите, кикъ тамъ искажена подлинная сказка объ Акундинѣ.—Ищите: но мы находимъ совсѣмъ другое, мы находимъ *источникъ* и *поводъ* творенію Сказки! Прочая обстановка не хитра: Глѣбъ Ольговичь изъ исторіи; Путята и Путятичи есть въ творчествѣ Кіевскомъ, были уже вставлены въ сказку о Буслаевѣ; Муромцы изъ Былины и Сказокъ объ Ильѣ; Татары, Калѣки,—ихъ въ древнемъ творчествѣ и даже въ нынѣшнемъ—бери хоть пригоршнями.

Грустно разоблачать подобныя вещи у всякого издателя; грустно видѣть, какъ легко разлетаются эти карточные домики, на которые такъ разсчитывалъ безпокойный труженикъ, строилъ, обставлялъ, огораживалъ, гдѣ замазывалъ, гдѣ законопачивалъ; еще грустнѣе говорить это о литературномъ дѣятелѣ, не мало потрудившемся для народа: но—и отрадно, какъ отраденъ всякій выходъ изъ удушья на свѣжій воздухъ, на чистую истину. И полезно: вкусъ къ народному творчеству воспитывается изученіемъ его произведеній; онъ гибнетъ отъ фальшивыхъ подделокъ; онъ зрѣетъ зрѣлостью мужества, когда рядомъ съ истинными произведеніями народа сопоставляемъ мы для сличенія подделки.

—

Сказка объ Акундинѣ, тѣмъ, что есть въ ея основѣ народнаго, хотя переходитъ къ Княжескимъ, но есть собственно продолженіе Новгородскихъ. Въ первые среди нашей литературы мы выводимъ затерянныя между другими Былины *Княжескія*, даже цѣлый *Эпосъ Княжескій*. Вторая половина нашей «Замѣтки,» *Б*, посвящена именно этой новой и громадной области, со всѣми ея особенностями: но, по обстоятельствамъ, мы вынуждены помѣстить ее при выпускѣ слѣдующемъ, какъ вступленіе къ Былинамъ Московскимъ; тамъ же будетъ приложенъ и соотвѣтствующій «Указатель.»

П. Б.

1862,
Августъ.

Конецъ 5-го выпуска.

ОГЛАВЛЕНІЕ 5-ГО ВЫПУСКА.

Стран.

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Л. Р. Сл. I.

Пѣсни Былевыя. I. Новгородскія.

Василій Буслаевъ, 1, 2, 3, 4: . . . 2—33.
Садко Купецъ, Богатый Гость, 1, 2, 3: 34—53.
Гость Терентьище: 54—60.

—

Пѣсни Былевыя. II. Княжескія.

Димитрій Князь: 63—65.
Василій Князь: 66, 67.
Князь Михайло, 1, 2, 3, 4, 5: . . . 68—76.
Смерть Князя Михайла: 77.

Туда же относящіяся—

Король-Королевичь, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9: 78—87.
Козаченька, 1, 2: 88—91.

Князь Романъ, 1, 2: 92—99.
Князь Романъ—жену терялъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6: 100—112.

Туда же относящіяся—

Донской козакъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8: . 113—122.
Добрый Молодецъ, 1, 2, 3: 123—125.
Молодой Маіоръ, 1, 2: 126, 127.

Князь Волконскій и Ваня Клюшничекъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8: 128—140.
То же: 140, 141.
То же, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7: 141—154.
То же, 1, 2, 3: 154—158.
То же, 1, 2, 3, 4, 5: 159—163.

Туда же относящіяся—

Молодецъ у короля въ службѣ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11: 164—178.
Князь Румянцовъ: 179.
Камеръ-лакей, 1, 2: 180—182.

Князь Данило: 183, 184.
Князья—Борисъ и Глѣбъ, Александръ Невскій, Михаилъ Черниговскій, Московскій Симеонъ Ивановичь, Димитрій Донской, Ѳедоръ, Давидъ и Константинъ Ярославскіе (въ сноскахъ): . 185.
Князья Тверскіе: 186—190.

—

Приложенія.—I Сказки про Василья Буслаева, 1, 2, 3: I—XXV.
II. Сказка про Князя Глѣба Ольговича и Акундина: XXVI—LIII.
III. Замѣтка П. А. Безсонова. А) О Новгородскихъ Былинахъ, Сказкахъ и прочихъ народныхъ преданіяхъ: LIV—CXLIII.

—

При семъ особо: Указатель ко II-й части Пѣсень, собранныхъ П. В. К., къ 5-му выпуску, а) къ творчеству Новгородскому, составленный П. А. Безсоновымъ; Отдѣлъ I-й: Лица, Имя Собственное (съ особымъ счетомъ страницъ).

—

Для имѣющихъ I-ю часть въ 4-хъ выпускахъ, общая къ нимъ Сорочка.

*

Еще замѣченныя погрѣшности и поправки въ I-й Части.

Вып. 1, Пѣсни, стран. 22, въ разнорѣчіяхъ. Разнорѣчіе Б.) близко сходно съ тѣмъ, что въ Новиковскомъ пѣсенникѣ, 1780 г., ч. III, № 76, стр. 82. Различія слѣдующія:

2) Б.) Что по синему морю по Каспицкому — — — — —	Что по синему по морю по Каспійскому
5) Б.) ... отнюдь... — — — —	... отнюдъ...
9) Б.) ... Святогоръ...— — — —	... Свѣтогоръ...
...Подъ-атаманомъ... — — — —	... Подъ-атаманъ...
10) Б.) ...въ пять сотъ рублей...— —	... во пятьсотъ рублевъ...
... во сотенку...— — — — —	... во сотеньку...

Вып. 3, Пѣсни, стран. 87, стихъ 96, стран. 88, ст. 122 и 148: Слѣдуетъ исправить:

«Есть да пить, — — — — —	«Ѣсть да пить,

Вып. 4. «Замѣтка,» стран.

CXLIII, строка 5 сверху:

обступаютъ Кіевъ; — — — — — обступаютъ городъ;

Строка 19:

заморить Кіевлянъ — — — — заморить горожанъ

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ИЗДАНІЮ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ЧАСТЬ II,

ВЫПУСКЪ 5.

—

Отдѣлъ I.

А) Лица, Имя Собственное.

*

НОВГОРОДЪ *).

Василій: въ V-мъ вып. безпрестанно; **Васька:** V, стр. 3, 4 и мн. др.; **Василька:** V, стр. 14, 16, 26 и др.; **Васильюшка:** *Рыбн.* ч. I, стр. 335 и дал.; **Васильюшко:** ч. II, стр. 197 и дал.; **Васютка:** V, стр. 18, 23.—**Буслаевъ, Буслаевъ сынъ:** V, стр. 4, 5 и мног. друг.; **Буслаевичь, сынъ Буслаевичь:** V, стр. 6, 16, 17 и др.; **Буслаичь:** V, стр. 11, 13 и др.; **Буславьевичь, сынъ Буславьевичь:** V, стр. 23; *Рыбн.* I, стр. 335 и дал.; II, стр. 197 и дал.; **Буславьевъ:** *Рыбн.* I, стр. 361; **Буславичь:** V, *Прилож.*, стр. I; **Богуслаевичь** (сомнительно): V, *Прилож.*, стр. 3 и дал.; **Бусланеичь, Бусланеевичь:** *Рыбн.* II, стр. 57, 58.—Переносно по отцу, **Буслай** V, стр. 27, ст. 131.

Родныхъ Отца его и Мать, крестныхъ Отца и Брата, Дядюшку (сомнительно): см. ниже особо.—Роду дворянскаго: V, стр. 14,24; княжескаго (вымышлено): V, *Прилож.*, стр. III и дал.

Молодой, Младъ, Молодецъ, Удалый, Добрый Молодецъ: V, стр. 7, 13, 16, 17, 18, 21, 23, 25, 26; *Рыбн.* I, стр. 336, 338, 357 и др.; плечи богатырскія: V, *Прилож.*, стр. II; *Рыбн.* I, стр. 347, ст. 116; стр. 363,

*) Для полноты Указатель къ творчеству Новгорода заключаетъ сноски на 2 части Сборника Рыбникова, въ сокращеніи «*Рыбн.*,» «ч. I» или «II.»

ст. 81; сердце богатырское: стр. 348, ст. 154, 159 и дал.; одинъ разъ лишь (и то переносно, по сравненію съ Кіевскими) названъ сильнымъ-могучимъ богатыремъ: *Рыбн.* I, стр. 335; сила великая: *Рыбн.* I, стр. 357, ст. 199; полетка соколиная, поступка молодецкая: V, стр. 28; славный: *Рыбн.* I, стр. 360, ст. 11; большой атаманъ, атаманище (надъ дружиною): V, стр. 30; *Рыбн.* II, стр. 205, 208.—Имъ съ молоду бито много, граблено: V, стр, 25, 29; у него замашка великая (драться): *Рыбн.* I, стр 351; мотъ-пьяница: V, стр. 23; бранно молодой куръ (пѣтухъ), куренъ, глуздырь, сѣктунъ: V, стр. 20; *Прилож.*, Пермская сказка; *Рыбн.* I, стр. 343, 356; дитя (крестному отцу?): *Рыбн.* I, стр. 356.—Посадникъ: Лѣтопись, ср. V, *Прилож.*, Замѣтка.—Княжичь (вымышлено): V, *Прилож.*, стр. VI и дал.

Холостъ, не женатъ до смерти («сосватался на Ѳаворъ-горѣ, женился на бѣломъ-горючемъ на камешкѣ,» гдѣ убился): *Рыбн.* II, стр. 208.—Какъ холостой, не разборчивъ на слова и поступки съ женщинами: *Рыбн.* II, стр. 208.

Какъ Добрыня (ср. вып. 2 и Указатель при 4-мъ), особенно любилъ мать и былъ ею любимъ; вездѣ онъ ей называется съ особой нѣжностью «чадо милое,» «дитя рожоное,» «дѣтище любимое,» «сынъ любимый:» V, 14, 19, 21, 25; *Рыбн.* I, стр. 335, 339, 344, 345, 346, 348, 350; II, 201, 202; «какъ вьюнъ около ее (матери) увивается:» V, 24; «материно сердце (передъ нимъ) распущается:» V, 25; «матушка желанная:» *Рыбн.* I, стр. 336; «не дорого ей ни золото, ни серебро, ни скатенъ жемчугъ, а дорога буйная головушка своего сына любимаго:» I, стр. 341; при появленіи ея, когда Василья не могъ унять весь Новгородъ, «опускаетъ онъ свои руки къ сырой землѣ, выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ;» «никого не послухалъ бы, а послушалъ родну матушку, не послухать—законъ не даетъ:» *Рыбн.* I, стр. 350, 357.

«Не вѣровалъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣровалъ въ свой червленой вязъ:» V, стр. 27, 30, 32.

Оружіе его. «Сбруя ратная, палица воинская, копье мурзамецкое, тугой лукъ разрывчатый и сабля вострая (умѣлъ ими владѣть):» *Рыбн.* I, стр. 345; «палица булатняя:» стр. 360; сабля и тесакъ темлячныя, одежда богатырская:» II, стр. 198; «палица желѣзная:» V, стр 20; но, хотя умѣлъ этимъ владѣть, Василій въ дѣло не упо-

треблялъ; при случаѣ дрался онъ «шалыгою въ 90 пудъ (вырванною у крестоваго брата Калѣки):» *Рыбн.* I. стр. 342 и дал.; случайно же употреблялъ «ось телѣжную,» «осище телѣжное,» «ось телѣжную желѣзную, долиною въ двѣ сажени печатныихъ, а на вѣсъ ось та сорока пудъ (телѣга была великонька и тяжеленька):» V, стр. 7, 13, 20; *Рыбн.* I, стр. 347 и дал., 355 и дал.; II, стр. 199 и дал., 206 и дал.; при случаѣ также дрался «языкомъ колокольнымъ,» отобравъ его отъ Калѣки и пустивъ въ дѣло вмѣсто «червленаго вяза, копья долгомѣрнаго, сабли острой и палицы военной:» *Рыбн.* II, стр. 200.—Но главное оружіе и единственный товарищъ, въ котораго «вѣровалъ (см. выше),» былъ у Василья червленый, чёрленый, черненый, черняный (ошибочно черный) вязъ, черненое вязище, «въ половинѣ было налито тяжела свинцу Чебурацкаго, вѣсомъ тотъ вязъ былъ во 12 пудъ» или «въ 40 пудъ:» V, стр. 10, 11, 13, 16, 27; *Рыбн.* I, стр. 337 и дал., 342 и дал., 350 и дал.; II, стр. 198, 203 и дал.; V, *Прилож.* сказка, стр. IV; имъ пробовалъ дружину, дрался, подпирался въ ходьбѣ: см. означ. мѣста.—Тоже стемляный вязъ, который Василій оставилъ по себѣ Новгороду на память, какъ Перунъ: V,

Прилож., сказка стр. XIII и «Замѣтка.»

Родился отъ отца и матери въ старости ихъ (см. ихъ), и потому особенно былъ балованъ; еслибъ отецъ подождалъ еще три мѣсяца, «износу дѣтищу не было бы (а то не дозрѣлъ до Кіевскихъ Богатырей): » *Рыбн.* I, стр. 335.—Первое воспитаніе его, семи лѣтъ—грамотѣ, перомъ писать, пѣтью церковному, «не было такова пѣвца во славномъ Новѣгородѣ сопротивъ В. Б.,» все ему «въ наукъ пошло:» V, стр. 14; учился грамотѣ вмѣстѣ съ крестовымъ братомъ (см. его) въ монастырѣ у Калѣчища (см. его и ср. Илью М.), «выучился не во листы писать, а соколомъ летать:» *Рыбн.* I, стр. 342, 343 и V, *Прилож.*, сказка, стр. I.—Послѣ долгаго вѣку отца, осталось ему большое богатство, имѣніе дворянское, дворъ дворянскій: V, стр, 14, 15, 23, 24, 29, 33; *Рыбн.* I, стр. 341; II, стр. 208 (угощенье дружины, ихъ платье—въ краснѣ-хорошѣ, у матери золото, жемчугъ, и т. п., самъ раздаетъ золоту казну не считаючи, по смерти его раздача казны дружинѣ, монастырямъ и т. д.); во дворѣ у него были терема златоверхіе: *Рыбн.* I, стр. 337, ст. 76.—Первыя (семи лѣтъ) игры недобрыя и знакомства: V, стр. 15; *Рыбн.* I, стр. 335, 336, 344,

345; II, 201, 202.—Второе воспитаніе его (семнадцати лѣтъ) воинское и Дружина (см. ее): V, стр. 3, 4. 8, 9, 10, 11, 15, 16; *Рыбн.* I, стр. 336, 337, 338, 345, 352, 358; II, стр. 202, 203, 204; V, *Прилож.*, сказки.

Отношенія къ прочимъ Новгородцамъ, представителямъ города (см. ихъ), пиръ у Василья для нихъ и у нихъ для Буслаева, ссора, первая стычка, закладъ биться со всѣмъ Новгородомъ, сонъ по стараніямъ матери, дѣйствія дружины, Чернавка (см. ее), пробужденіе и появленіе Василья къ Дружинѣ, бой его при мостѣ, на мосту, по Новгороду, бой съ крестовымъ братомъ и отцемъ, Калѣками (см. ихъ), побѣда, покорство Новгорода, дани отъ него и подарки, участіе матери въ укрощеніи сына (см. ее), явленіе Богоматери (*Рыбн.* I, стр. 344), возвращеніе домой, пиръ и хоръ дружины, похороны убитыхъ, мировая съ Новгородомъ: см. Былины и Сказки, V, *Прилож.*, *Рыбн.* I и II, подробности въ «Замѣткѣ.»

Жизнь Василья послѣ боя: *Рыбн.* I, стр. 351; II, стр. 201.—Посадничество: Лѣтопись и «Замѣтка.»

Плаваніе по Ильменю на червленомъ кораблѣ съ Дружиною (ср. ее), сборы въ Ерусалимъ, прощаніе съ матерью: V, стр. 23—25; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207; V, *Прилож.*, стр. II.

Путешествіе въ Ерусалимъ, по Ильменю, Волгѣ, Хвалынскому-Каспійскому морю, къ Ердани, встрѣча съ гостями-корабельщиками, атаманами казачьими, моленія, купанье въ Ердани, Баба Залѣсная и женщина престарѣлая (см. ее): V, стр. 25—30; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207, 208; V, *Прилож.*, Сказки и «Замѣтка.»

Пророчество Головы, Смерть Василья на горѣ Сорочинской, на камнѣ Латырѣ, отъ Морской Пучины: см. подъ именами, а также V, стр. 26, 27, 31, 32; *Рыбн.* I, стр. 360, 362, 363; II, стр. 208; V, *Прилож.*, стр. II и «Замѣтка.»

Возвращеніе Дружины къ Матери: см. эти лица.

Ошибочно помѣщенъ въ Кіевѣ: *Рыбн.* I, стр. 352; тамъ же при Владимірѣ: II, стр. 197 и дал.

Примѣшанъ къ Богатырямъ Кіевскимъ, когда они «переводились на Руси:» вып. IV, стр. 108.

Имя Василья Бусланеевича вставлено вмѣсто «Ивана Годиновича:» *Рыбн.* II, стр. 57 и дал.; то же вмѣсто Безымяннаго «Добраго Молодца:» стр. 260 и дал.; а отчество «Буслаевича» придано «Вольгѣ» вмѣсто «Святославича:» *Рыбин.* I, № 1 и «Замѣтка.»

По лѣтотописи годъ смерти Василья—1171-й: см. «Замѣтку.»

—

Отецъ Василья

Буслай: V, стр. 14; **Буславъ:** V, *Прилож.*, Сказка, стр. I; *Рыбн.* I, стр. 335. 344; **Буславей:** I, стр. 344, ст. 7; II, стр. 197; **Бусланей:** II. стр. 57; **Буславьюшко, Буславьюшка:** I, стр. 335, 344; II, стр. 201; **Буслаевъ** (переносно отъ сына): II, стр. 201; **Богуслай:** V, *Прилож.*, Сказка, стр. III и дал.—**Сеславьевичъ** (Святославичь; отъ Владиміра?): *Рыбн.* I, стр. 335; **Довмонтьевичъ** (вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Сахар., стр. XIX.—Жилъ «вѣкъ долгій,» «девяносто лѣтъ, да и зуба во рти нѣтъ;» «съ Новымъ-городомъ жилъ — не перечился, со мужики Новогородскими поперегъ словечка не говаривалъ;» «съ Новымъ-городомъ не спаривалъ, со Опсковымъ онъ не вздоривалъ, а со матушкой Московой (позднѣйшая вставка) не перечился;» «поперекъ дорожки не ставился, съ каменной Москвой (позднѣйшее) не перечился, съ Новымъ-городомъ спору не было;» «со городомъ со Кіевымъ (спутано) спору не было, со матушкой каменной Москвой (позднѣйшее) во вѣкъ не бранивался:» V, стр. 14; *Рыбн.* I, стр. 335, 344; II, стр. 57, 197, 201.—Въ молодые годы «не имѣлъ въ карманѣ ста рублей,

а имѣлъ дружину хоробрую:» II, стр. 202. —Князь (вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Чулкова стр. VI и дал. — Долго не было дѣтей, а когда нетерпѣливо захотѣлъ родить, то получилъ предсказаніе отъ Бабищи Матерой (см. ее), что если бы дотерпѣлъ три мѣсяца, износу дѣтищу не было бы; въ слѣдъ за тѣмъ родилъ Василья: *Рыбн.* I, стр. 335.—Оставалось послѣ него богатство, имѣнье дворянское, дворъ дворянскій и проч.: см. Василья.

—

Мать Василья.

Амелѳа, Мамелѳа, Емельѳа, Ванильѳа Тимоѳеевна: V, № 1, 2, 3; *Рыбн.* I, № 56, 58, 60; II, № 33; V, *Прилож.*, Сказки.—

Авдотья Васильевна: *Рыбн.* I, № 55.

Офимья Александровна: *Рыбн.* I, № 57.

(Ср. Мать Добрыни и Кіевское творчество, Указат. при вып. IV).

Честна, матера вдова: безпрестанна; пречестная: *Рыбн.* I, стр. 345. — Княгиня (вымышлено): V, *Прилож.*, Ск. Чулк.— Старушка лукавая, толковая, «выгодно собой догадывалась:» *Рыбн.* I, стр. 350, 351.—Старуха неразмышлена (за то,

что заперла Василья въ погребъ): V, стр. 19. — Богатая, дворянская: см. Василья.—Особенно любила и баловала сына: ср. его и Мать Добрыни.—Воспитывала сына малымъ сиротою послѣ мужа, журила-бранила за проказы; подала мысль о сборѣ дружины; при вѣсти о закладѣ на бой съ Новгородомъ, схватила и заперла сына; униженно просила Новгородцевъ объ отмѣнѣ боя, но получила грубый отказъ; когда Василій вырвался и дрался, долго не рѣшалось укрощать его, посылала Новгородцевъ къ Калѣкѣ или за сыномъ Чернавку, наконецъ, убѣжденная Новгородцами и Богоматерью, вышла сама, по однимъ въ рубашкѣ безъ пояса, въ чулкахъ безъ чоботовъ, по другимъ въ черномъ платьѣ (какъ вдова и на побоище), соболиной шубѣ (лѣтомъ, въ Петровки?), съ шеломомъ на головѣ (ср. Кіевскихъ героинь), хитро зашла къ сыну, укротила его, воротила домой, «въ покояхъ хоронила и весело съ нимъ жила:» Былины, Сказки, V, *Прилож.*, «Замѣтка» съ подробностями, ср. Василья. — Неохотно, по нѣкоторымъ (Сказка) даже съ сердцòвъ, пустила Василья на богомолье, предостерегала отъ дурныхъ дѣлъ, особенно отъ купанья въ Ердани «нагимъ тѣломъ,» дала однако, разжалобившись, свинцу-пороху, запасы хлѣбные и оружье долгомѣрное на дорогу; получивши вѣсть о смерти сына, горько плакала, угостила и обдарила Дружину, раздала все имѣнье по церквамъ и монастырямъ: V, стр. 24, 25, 32, 33; *Прилож.*, Сказка, стр. II; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207, 208; «Замѣтка.»

Братъ ея Калѣка: см. его.

—

Служанка въ домѣ Василья.

Дѣвка Чернявка, Дѣвушка Чернавушка, дѣвка, дѣвчонка, дѣвчоночка, дѣвушка дворовая, Васильева служительница, служанка, любезная служаночка, кухарка-хлѣбница, удалая портомойница, черношенька малешенька.—У ней «ведро кленовое,» «ведерочки дубовыи,» «коромысло кипарисово,» «коромысельцо кленовое,» «коромыселко желѣзное,» «на плечѣ у ней коромыслицо, не тяжело и не легкое,—всего вѣсу въ немъ триста пудъ.» — Во время, какъ дружина Васильева билась съ Новгородомъ, вышла утромъ по воду на Волховъ и, на просьбу дружины—не выдать ее, поставила ведро и коромысломъ побила Новгородцевъ за сто, до пяти сотъ, тысячу, до трехъ полковъ; уставши, бросилась будить спавшаго Василья, срывала замки

булатные, размахивала двери желѣзныя, пристыдила Василья, выпустила его на свободу. По приказу матери, отправилась укрощать его среди побоища, схватила Василья, притащила домой. По смерти Василья, водила дружину его по погребамъ съ казною и потчивала: V, стр. 19, 20, 22, ст. 164—198, 261—278; *Прилож.*, Сказки Пермская и Чулкова, «Замѣтка;» *Рыбн.* I, стр 342, ст. 231—249; стр. 346, 347, ст. 77—122; стр. 355, ст. 105—119; II, стр. 199, ст. 63—71; стр. 206, ст. 160—169; V, стр. 33, ст. 291—300.

Васильева Дружина.

Дружина, дружинушка хоробрая, Васильевы **товарищи, братья названые, братаны, братцы, братія** (Василій—«большій братъ»), **добры молодцы, удалыя ребята, милые друзья, ясные соколы**: безпрестанно.— **Тати-воры-разбойники, плутъ-мошенникъ**: *Рыбн.* II, стр. 203.— Отборныхъ **три дружины** (по 10 человѣкъ): *Рыбн.* I, стр. 338, ст. 115; **тридцать молодцовъ безъ единаго** (29), самъ Василій **тридцатый**: всюду.—Сошлись къ Василью сами, имъ отобраны особыми испытаніями (вязомъ по головѣ, кто больше выпьетъ и т. п.);

кормилъ-поилъ ихъ, одѣвалъ-обувалъ,—и все это отлично,—Василій въ собственномъ дому (отчего послѣ они благодарили за содержаніе его мать); участвовали въ первой схваткѣ съ Новгородцами; въ главномъ боѣ со всѣмъ Новгородомъ явились первые, не дождавшись Василья; попячены отъ Волховскаго моста, изувѣчены, перевязаны, корятъ Василья за измѣну; прибѣгаютъ къ заступленію Чернавки, когда она на четвертый день вышла по воду; когда же ею выпущенъ Василій, оживились, но удалены съ бою (по крайности Василій одинъ впереди), на сторону, отдыхать; послѣ побѣды приведены въ домъ Василья, пировали, хоромъ хвалили его; увѣчье добыли до вѣку, въ ранахъ излѣчены; плавали съ Васильемъ по Ильменю, сложились на лодочку въ Ерусалимъ, послушно купались въ Ерданѣ въ рубашечкахъ, осторожно скакали черезъ камень Латырь, уцѣлѣли, похоронили Василья, принесли вѣсть матери, поблагодарили ее за житье-бытье въ ея домѣ, отказались взять по многу казны, простились и разошлись кому куда захотѣлося: Былины, Сказки, «Замѣтка.»—По сказкѣ Чулкова держались въ сторонѣ отъ бою съ Новгородомъ, на случай ослабленія Василья и спали пока (обратно противъ былинъ), а послѣ съ

Новгородцами поднесли Василью княжество (вымышлено): V, *Прилож.*, стр. X—XIII.

Изъ нихъ:

Костя Новоторжанинъ, Новоторженинъ: V, стр. 16 и дал.; *Рыбн.* I, стр. 337 и дал.; **Никитинъ** (ошибка вмѣсто «Новоторженинъ?»): V, стр. 24.—Выдержалъ пробу отъ Василья вязомъ; участвовалъ въ первой нечаянной схваткѣ на пиру; первый же послѣ расхвастался: «а нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати, — я остался отъ батюшки малешенекъ, малешенекъ и зеленешенекъ; развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати,»—и проч., о битвѣ со всѣмъ Новгородомъ; въ бой съ Новгородцами выскочилъ третій; въ плаваніи Василья на кораблѣ «корму держалъ:» V, стр. 16, 18, 24; *Рыбн.* I, стр. 337—340, 342.—У Сахарова выставленъ безобразнымъ богачемъ: Сказка и «Замѣтка.»

Потаня, Потанюшко, Потанюшка, съ прозвищами — **Маленькой, Малый - упалый, Хроменькій, Хромненькій,** Новгородецъ, «малъ собою, невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ,» «на праву ножку припадываетъ, на лѣву ножку прихрамываетъ, изъ-подъ рученьки по

сматриваетъ;» выдержалъ испытаніе вязомъ; въ бой съ Новгородцами выскочилъ второй; на кораблѣ Васильевомъ, «на носу стоялъ:» V, стр. 4, 5 и дал.; 10 и дал.; 24; *Рыбн.* I, стр. 338, 342, 352; II, стр. 203; V, *Прилож.*, Сказка Чулкова.

Васинька, съ прозвищемъ **Маленькой;** вытерпѣлъ испытаніе вязомъ; при появленіи на пиръ къ Новгородцамъ, перелѣзъ ихніе ворота и со двора отворилъ: *Рыбн.* II, стр. 204, 205.

Ѳома, Ѳомушка, Хомушка, сынъ Ременниковъ, съ прозвищами — **Горбатенькій, Толстый, Толстъ - благоуродливый;** въ Сказкѣ и Былинѣ испытанъ вязомъ, въ Былинѣ другой—такъ хорошо пилъ, что его Василій не шелъ и пробовать; на бой съ Новгородомъ выскочилъ первый, побилъ до пяти сотъ: *Рыбн.* I, стр. 338—341, 352; V, *Прилож.*, въ Сказкѣ Чулкова: въ сей послѣдней только онъ съ Потаней, и то въ бою не участвуютъ.

Котельная Пригарина, прозвище, обращенное въ имя, то же, что «Тараканчикъ,» «дѣтина черный, поваренный» и т. п. (ср. «Замѣтку»); испытанъ вязомъ; какъ и Ѳома, въ битвѣ первымъ: V, стр. 4 и дал., 9 и дал.

Лука и **Моисей, Дѣти**

Боярскіе, два брата боярченка; ихъ приходу Василій радошенъ и веселешенекъ; участвовали въ первой схваткѣ: V, стр. 16, 18 (ср. въ Кіевскомъ творчествѣ и Указателѣ «Королевичей изъ Крякова»). У Сахарова придумано разнорѣчіе **Матвей** вмѣсто «Моисей.»

Иванище Сильное, Калѣка Перехожій, испытанъ вязомъ: *Рыбн.* II, стр. 203 (ср. его въ творчествѣ Кіевскомъ).

Мужики Залѣшена, когда пришли къ Василью въ дружину, онъ «не смѣлъ и показатися къ нимъ:» V, стр. 16 (ср. ихъ въ творчествѣ Кіевскомъ).

Семь братовъ Збродовичи, пришли къ Василью въ дружину: V, стр. 16 (ср. ихъ въ Кіевскомъ творчествѣ).

—

Враги Василья.

Новгородчана, Господа (бояре, *Рыбн.* I, стр. 337), Мужики Новгородскіе, Мужи и все купцы богатые (V, стр. 18), Мужики Посадскіе, Мужики **Городо-Кемскіе;** воры (послѣдніе изъ нихъ); на питье завидные: безпрестанно.—Какъ съ малолѣтства Василья ссорились съ нимъ, схватились по случаю пира,

сдѣлали закладъ биться всѣмъ Новгородомъ, побили Васильеву дружину, заважничали, побиты, вызвали Калѣчища, и съ нимъ проиграли, униженно покорились, поступились богатствомъ и данями: ср. Василья, Дружину, всѣ Былины, Сказки и «Замѣтку.» — На пиру у Князя Новгородскаго упоминаются князья-бояре и даже (переносно отъ Кіева), славные-могучіе богатыри, а въ малолѣтствѣ Василья потерпѣвшіе отъ него Дѣти боярскія и княженецкія: *Рыбн.* I, стр. 338. 345.

У нихъ особенно старшіе:

Князья: *Рыбн.* I, № 55, 56 и «Замѣтка.»—Трое: *Рыбн.* I, стр. 346; двое: стр. 348, 350, 351.

Князь Новгородскій (Рюриковичь?); у него пиръ «на многихъ князей и бояръ;» его, до битвы, проситъ мать Василья о помилованіи сына, въ Судѣ, но получаетъ отказъ—«тожно прощу, когда голову срублю:» *Рыбн.* I, № 55, стр. 338 — 341; № 58, стр. 360.

Ѳома Родіоновичь, Князь, Старшина, Городничій (Посадникъ?), Мужикъ Новгородскій, впереди другихъ, въ посольствахъ и т. п.: *Рыбн.* I, стр. 346—351; II, стр. 207; V, стр. 4, 5, 6, 11, 12.

Николай, Никола Зиновьевичъ, Князь, Воевода (Тысяцкій?), Мужикъ Новгородскій: тамъ же. Ср. при Садкѣ Луку Зиновьевича.

Викула (Микула, Миколай—Зиновьевичь?) **Окуловъ:** *Рыбн.* II, стр. 204, 205.

Прибавленные въ Сказкѣ Чулкова (V, *Прилож.*):

Чудинъ, старецъ (изъ «чуденъ старецъ?»): ср. «Замѣтку.»

Садко, Богатой Гость (съ Чудиномъ будто бы «первые посадники»): ср. ниже Садку и «Замѣтку.» — То же у Сахарова, сдѣланъ лихимъ всадникомъ.

Придуманные Сахаровымъ въ его Сказкѣ:

Чурило, котораго Сахаровъ женилъ на женѣ Дуная: ср. Кіевское творчество и «Замѣтку.»

Ставръ (еще **Путятичь!**), по лѣтописи изъ Новгорода родомъ, сдѣланный у Сахарова страшнѣйшимъ Богатыремъ: ср. творчество Кіевское и «Замѣтку.»

Случайно попавшійся:

Владимеръ, князь, ласковый, Кіевскій (по смѣшенію): *Рыбн.* I, стр. 197.

—

Вызванный Новгородцами противъ Василья:

Матерой, Честной Старикъ, Старецъ, Старчище, Старичище, Старша, Пилигримище, Пилигринище, Угрумище, Преугрюмище, Преугрюмый (передѣлано изъ «Пилигримище»), Многолѣтище, Калѣка Перехожій: Былины и Сказки.

Дядька Василью, братъ его матери (это возникло вѣроятно изъ имени «дзяда,» дѣда): *Рыбн.* II, стр. 199, 200; вѣрнѣе—Васильевъ крестный батюшка: въ Былинахъ всюду.

По распоряженію матери, училъ Василья грамотѣ и во листы писать: V, *Прилож.*, Сказка Пермская; *Рыбн.* I, стр. 343. — Передъ тѣмъ, какъ вызванъ на мостъ драться, жилъ въ монастырѣ Сергѣевомъ или Кириловскомъ: *Рыбн.* I, стр. 348, 349, 356.

Обычная одежда его, «колпакъ въ двадцать пудъ (шляпа земли Греческой),» клюка или «костыль въ десять пудъ,» то же «шалыга 90 пудъ,» «кафтанъ въ 40 пудъ (гуня подорожная):» *Рыбн.* I, стр. 349; V, стр. 7.

Въ закладѣ на весь Новгородъ Василій обошелъ его изъ уваженія и отчасти страха, ибо онъ имѣлъ силу нарочитую; помня то и по особому указанію матери, Новго-

родцы, въ крайней опасности, отправились къ нему въ монастырь съ зовомъ «послужить имъ вѣрой-правдою,» въ надеждѣ, что онъ «бываетъ — побьетъ Ваську Буслаева;» при этомъ, желая «подкупить,» поднесли богатые дары; на это особенно старикъ «кидается и позывается;» сперва склоняетъ мать укротить сына, потомъ отправляется самъ; въ чрезвычайномъ случаѣ, снимаетъ съ колокольни или съ вѣча колоколъ, въ 12, 40, 90, 150, 300 и 1.000 пудовъ, надѣваетъ на голову; оторваннымъ языкомъ, въ 500 пудовъ, подпирается; появляется на мосту Волховскомъ, мостъ подъ нимъ гнется; сперва говоритъ мягко, и отвѣтъ Васильевъ мягокъ, —тотъ и другой разгорячаются; Василій его отсторонилъ; побилъ и отвелъ; ударилъ по колоколу—зашибъ, спихнулъ подъ мостъ, издѣвался надъ тѣломъ; со смертью его сгибла послѣдняя надежда Новгородцевъ: V, стр. 5, 7, 8, 12, 13, 14, 20, 21; *Прилож.*, Сказки Пермская и Чулкова; *Рыбн.* I, стр. 343, 344, 348—350, 356; II, стр. 199, 200, 206, 207.

Имя его:

Елизарище: *Рыбн.* I, стр. 360.

Игнатьище: V, стр. 5, 7, 8, 12, 13, 14; ср. въ Кіевскомъ творчествѣ Данилу Игнатьича, Данилище и «Замѣтку.»

—

У него сынъ:

Григорій Игнатьевичь, крестный братъ Василью, учившійся съ нимъ вмѣстѣ грамотѣ и тогда бывшій большимъ братомъ; появился на мосту, съ колоколомъ на головѣ, прежде отца противъ Василья, хотѣлъ его ударить шалыгой въ голову, но подвергся тому же, какъ послѣ отецъ, а шалыга пошла Василью на оружіе: V, стр. 5, 7, 12, 13; *Рыбн.* I, стр. 342, 343; ср. въ Кіевскомъ творчествѣ Михайлу или Ивана Даниловича и «Замѣтку (собственно одно лице раздвоено на отца и сына).»

—

Встрѣчныя Василью, лица и существа особыя, враги нечаянные:

Баба Залѣсная, приходила при Ерданѣ къ дружинѣ Василья и за дерзость его предсказала ему гибель на Алатырѣ: V, стр. 30.— Она же, **Женщина Преста-**

рѣлая, предостерегавшая Василья отъ купанья «нагимъ тѣломъ,» но отъ шутокъ его принужденная плюнуть и прочь пойти: *Рыбн.* II, стр. 208. — Она же **Бабища Матерая,** при бѣлъ - горючемъ камнѣ (Алатырѣ) предсказавшая Буславу рожденіе Василья (см. ихъ): *Рыбн.* I, стр. 335. — Ср. въ Кіевскомъ творчествѣ Бабу или Бабищу Латыгорку, Латымірку, Горынинку, Мамаишну, Ягу и т. п.

Пуста голова, Человѣчья кость, Пуста голова человѣческая, Кость богатырская; прежде это былъ молодецъ не хуже Василья, а потомъ Голова валялась на горѣ Сорочинской, по дорогѣ въ Ерусалимъ, или «не доѣдучись до камени до Латыря на раздольѣ широкомъ;» когда Василій вздумалъ ее попинывать и побрасывать, обидѣлася, провѣщала, предрекла ему гибель на Латырѣ, валяться тамъ же, гдѣ и она: V, стр. 26, 27, 31; *Рыбн.* I, стр. 362 (ср. смерть Олега, встрѣчу Добрыни, Ивана по Сказкамъ, «Замѣтки» къ вып. III и къ *Рыбн.* II).

Въ ней, по мнѣнію Василья, **Врагъ** говорилъ или **Нечистой духъ:** V, стр. 26, 27, ст. 104, 105.—Такъ точно:

Чортъ несъ Старчища и его

сына въ пылъ битвы, по словамъ Василья: *Рыбн.* I, стр. 343, ст. 274, 298.

Морская Пучина, «вокругомъ глаза,» лежитъ «на зеленыхъ лугахъ;» вокругъ ее Василій похаживалъ, сапожкомъ ее попинывалъ какъ Пусту Голову, — предрекла то же, что и Голова; начали скакать черезъ нее, Василій задѣлъ пальцемъ—и погибъ точно такъ же, какъ отъ Камня Алатыря (ср. его): V, *Прилож.*, Сказка Пермская, «Замѣтка» при IV и V выпускѣ.

Роковой **Камень Латырь, Алатырь** и т. п., сгубившій Василья: см. ниже, какъ камень.

Встрѣчные—Гости-Корабельщики, Атаманы козачіе, Козаки-разбойники (на Волгѣ, на морѣ Каспійскомъ), и т. д.

Прочія Имена и Названія см. ниже, въ заключеніи Указателя.

*

Садъ, Садко, Садке, Сѣдко, Сотко: V, стр. 43, ст. 46; *Рыбн.* I, № 63 и 64; *Лѣтописи.*—**Сытиницъ, Сытиничъ, Сытничъ:** *Лѣтоп.;* **Купецъ, Богатый Гость:** безпрестанно; **Богатой:** *Лѣтоп.*

Безродный; молодая жена (въ

Новгородѣ) и малое дѣтище: *Рыбн.* I, стр. 370, 380.

Молодецъ, удалый, добрый: часто; Волгской Суръ: V, стр. 51, ср. «Замѣтку.»

Молодецъ былъ играть на гусляхъ, у него были наигрыши нездѣшніи, Сибирскіи, игра нѣжная, дѣлалъ ею утѣхи великія: V, стр. 37; *Рыбн.* I, стр. 371 и др.; «игралъ въ Новъгородѣ (бралъ содержаніе), а выигрышь (мотивъ, распѣвъ) велъ отъ Царяграда: *Рыбн.* I, стр. 369, ст. 71, 72.

Жилъ онъ въ Новгородѣ, «прежде у Садка имущества не было, одни были гуселки яровчаты;» съ ними ходилъ онъ по пирамъ; три дня не звали его, обѣднялъ; три раза съ горя ходилъ на Ильмень и игралъ тамъ, три раза вода колыбалася, въ третій разъ явился Царь Морской (ср. его), научилъ побиться съ Новгородскими купцами объ закладъ, о томъ, что въ Ильменѣ есть рыбы съ золотыми перьями и далъ закладъ выиграть; первое обогащеніе Садки: *Рыбн.* I, стр. 370—372.

Состроилъ себѣ Садко палаты, описаніе ихъ: *Рыбн.* I, стр. 372; 363.

Созывалъ къ себѣ на пиры мужиковъ Новгородскихъ, Настоятелей (см. ихъ), славныхъ купцовъ; похвастался передъ ними выкупить всѣ товары Новгородскіе, не успѣлъ, проигралъ и отдалъ закладъ, призналъ, что «побогаче его славный Новгородъ:» *Рыбн.* I, стр. 372—374.

На свою казну построилъ тридцать кораблей (V, стр. 34, тридцать три) и главный—Соколъ (см. его особо).—Его Дружина въ торговыхъ предпріятіяхъ — Гости, Корабельщики, друзья, братья, братцы, цѣловальники любимые, прикащики хорошіе, слуги вѣрные; иногда—дружина, дружинушка хоробрая; на караблѣ — ярыжки (матросы, гребцы), люди наемные, подначальные: *Рыбн.* I, стр. 367 и дал.; V, стр. 41 и дал.; и мног. друг.

Ѣздилъ Садко на корабляхъ «по Волхову, со Волхова во Ладожско, со Ладожска во Неву рѣку, со Невы рѣки во Сине море (Балтійское);» «воротилъ въ Золоту Орду;» по морю «Хвалынскому:» ср. эти имена; *Рыбн.* I, стр. 375; V, стр. 43. — Ѣздилъ двѣнадцать лѣтъ: V, стр. 35, 43; «продавалъ товары Новогородскіе, получалъ барыши великіе, насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра:» *Рыбн.* I, стр. 375.—Ср. V, стр. 34—38, 41—44; *Рыбн.* I, стр. 364, 365, 368, 375—377.

На морѣ «поискала судьбина

Садку,» за неплатежъ дани Царю Морскому, поднялась буря, корабли стали; безъ успѣха опускали въ дань бочку съ серебромъ, Царь требовалъ живой головы; Садко хотѣлъ надуть товарищей жеребьями, но принужденъ былъ спуститься въ море, на дубовой доскѣ или шахматницѣ, съ гуслями и образомъ Миколы, расписавши предварительно свое имѣніе въ завѣщаніи; попалъ въ царство великое, къ Царю Морскому; разыгрался, удержанъ Миколою; спасся и отъ невѣсты; проснувшись, очутился на берегу рѣки, имѣнье при немъ; очутился подъ Новымъ-городомъ, лѣвая нога въ Волховѣ, узналъ приходъ свой, встрѣтилъ товарищей, внесъ пошлины въ таможню; доставленъ на Русь Чернавкою; проснулся во Новѣ-градѣ о рѣку Чернаву на крутомъ кряжу; встрѣченъ женою, убѣжденъ не ѣздить больше по синю морю; состроилъ церкву соборную Миколы Можайскому, не сталъ больше ѣздить на сине море, сталъ поживать во Новѣ-градѣ: V, стр. 34—41, 41—47; *Рыбн.* I, стр. 364—367, 368—370, 374—380. —Ср. особенно Царя Морскаго, Царицу, Чернавку.

Какъ по морю, такъ и по Волгѣ (см. ее особо) гулялъ Садко также двѣнадцать лѣтъ, за что получилъ особое прозвище Волгскаго сура (см. выше); отъѣз-

жая въ Новгородъ, побывать, благодаритъ Волгу хлѣбомъ съ солью; Волга посылаетъ поклонъ и поручаетъ Садку брату своему Ильменю (см. его особо); когда Садко справляетъ поклонъ, является отъ Ильменя посланный молодецъ (Волховъ? См. его особо) и научаетъ, и даетъ средства разживѣ; повторяется то же, что выше, при первомъ обогащеніи черезъ рыбу; Садко приноситъ Ильменю благодарность, получаетъ дальнѣйшія поученія, какъ жить; на пиру хвастается скупить всѣ товары Новгорода; дѣлаютъ записи закладныя, Садко побѣждаетъ и какъ побѣдитель насмѣвается Новгороду: V, № 3, стр. 47—53.

Тогда же сооружаетъ Церкви (описаніе ихъ богатства), Стефана Архидьякона, Софіи Премудрыя, Николая Можайскаго: V, стр. 52, 53; Бориса и Глѣба, каменную: Лѣтописи, ср. «Замѣтку.» Эта послѣдняя постройка — 1167 года: Садко современникъ Василью Буслаеву.

Онъ же противъ Василья Буслаева въ числѣ главныхъ Новгородцевъ (возможно, если не вымышлено): V, *Прилож.*, Сказка Чулкова.

Въ Сказкѣ Сахарова сдѣланъ лихимъ всадникомъ: см. тамъ же.

—

Лица окружающія Садку и его Благодѣтели (враговъ въ собственномъ и постоянномъ смыслѣ у него не было, см. «Замѣтку»).

Новогородскіе Настоятели (Старшина и Воевода, Посадникъ и Тысяцкій? См. «Замѣтку»); говорятъ на пиру первые; при похвальбѣ Садки, «не успѣлъ онъ слова вымолвить,»—«ударили о великъ закладъ,» отъ имени всего Новгорода; когда онъ проигралъ закладъ, «денежекъ тридцать тысячей отдавалъ онъ» тѣмъ же «Настоятелямъ Новогородскіимъ:» *Рыбн.* I, стр. 372—374.—Ср. соотвѣтствующія мѣста въ другой Былинѣ, гдѣ спорившіе названы славными купцами, мужиками Новгородскими, а рѣчи Садки записывали, дѣлали записи закладныя отъ лица города; тутъ же замѣчено, что Садко «сдѣлалъ обѣдъ про таможныхъ людей (надсмотрщиковъ таможни),» сталъ водиться со посадскими людьми: V, стр. 50—52; ср. при Васильѣ двухъ Князей, Старшину—Городничаго и Воеводу; «Замѣтка.»—Имена ихъ:

Ѳома Назарьевъ: *Рыбн.* I, стр. 373, ст. 97.

Лука Зиновьевъ: *тамъ же*; ср. при Васильѣ, современникѣ Садки, Николая Зиновьева.

—

Царь Морской, Морскій (позднѣйшее **Заморскій**), **Поддонной, Водяникъ:** V, стр. 35—40; 43—46 (здѣсь всюду «Морской,» одинъ разъ «Заморскій»); *Рыбн.* I, стр. 365, 366; 368—370; 371; 375—379.

Живетъ въ озерѣ Ильменѣ; отъ его движеній, въ озерѣ вода колебается; выходитъ изъ озера и разговариваетъ съ кѣмъ желаетъ; знаетъ городскія дѣла и людскія нужды; владѣетъ рыбами съ золотыми перьями; награждаетъ ими кого хочетъ: *Рыбн.* I, стр. 370—372.—Живетъ въ морѣ, Синемъ (Балтійскомъ), въ синемъ Хвалынскомъ, подъ водою (къ нему спускаются), подо дномъ (Поддо́нной), на днѣ; у него тамъ царство великое («объявилось на днѣ царство великое»); «на самомъ днѣ, во синемъ морѣ, стоитъ палата бѣлокаменная;» надъ нею къ верху, сквозь воду, можно видѣть «пекучись (какъ печетъ) красное солнышко, вечернюю зорю, зорю утреннюю;» тамъ онъ сидитъ въ палатѣ; тамъ, во синемъ морѣ, у него воля своя (у приходящихъ «воля не своя»); тамъ у него бываютъ пированьица, почестны пиры, пляски, хороводъ, присядка; царство его противуположно Руси (онъ «доставляетъ» на Русь; отъ него нужно бываетъ «на Русь сходить»):

денъ или успѣлъ перехитрить; воротившагося оттуда встрѣчаютъ какъ воскресшаго; уговариваютъ больше уже не пускаться въ море, да онъ и самъ не идетъ: V, стр. 34—46; *Рыбн.* I, стр. 364; 365—367; 368—370; 375—380.

Всей этой участи подвергся Садко: см. его и указанныя мѣста.

Ср. въ «Указателѣ» при IV вып. Водянаго Царя и сродныя лица въ творчествѣ.

—

Жена Царя:

Царица Морская, Подонная, Водяница: V, стр. 38 и дал.; *Рыбн.* I, стр. 365, 366; 369.—Живетъ съ Царемъ, занимаются съ нимъ рѣшеніемъ загадокъ, спорютъ, перетакиваютъ; безъ устали подъ игру Садки поплясываетъ; беретъ сторону молодаго пришельца, растолковываетъ ему, что̀ значатъ въ самомъ дѣлѣ пляски Царя; научаетъ, какую выбрать невѣсту, указываетъ на Чернавку, содѣйствуетъ тѣмъ выходу на Святую Русь, на бѣлый свѣтъ: когда споръ ихъ съ мужемъ рѣшенъ былъ гостемъ не по ея словамъ, Царь вскочилъ и срубилъ ей голову саблею: см. тамъ же и ср. Саламанію (на ступени старшей, какъ старую богиню, склонную къ юношѣ), во II ч. *Рыбн.* и «Замѣткѣ.»

—

Дѣти Царя:

Двѣ Дочери прекрасныя: *Рыбн.* I, стр. 366.

Дочь любимая, которую Царь «выдавалъ во тыё во славно Окіянь-море,» ради которой сдѣлалъ въ царствѣ «почестенъ пиръ:» *Рыбн.* I, стр. 368, 369.

Дочь любимая, большая, **Царевна Морская;** по предложенію Царя, Садко согласился взять ее за себя, только бы «достаться на Святую Русь;» Царь велѣлъ доставить, она доставила, а Садко «поклонился и распростился съ ёй,—ты прощай, Царевна Морская, я тебѣ женихомъ не пришелъ, а ты мнѣ въ невѣсты не пришла:» — *Рыбн.* I, стр. 366, 367.

Она же—

Чернава, Чернавушка, Дѣвушка Поваренная, дѣвушка похуже всѣхъ, идетъ позади всѣхъ, поменьше и почернѣя всѣхъ, однакоже (въ другой былинѣ) дѣвица красавица; ее научили Садку выбрать и Царица, и Микола; послѣдній указалъ, какъ условіе спасенія, не соеди-

няться съ нею въ морѣ, не обнимать, не цѣловать ее; такъ и сдѣлалъ Садко, когда положили спать новобрачныхъ; проснулся,—«а невѣсты его и въ слыху нѣтъ,» приданое же, три бочки возлѣ; проснулся—«о рѣку Чернаву (одного имени съ дѣвушкой, см. рѣку особо) на крутомъ кряжу;» хотя, во избѣжаніе соблазна, Садко даже «свои рученьки ко сердцу прижалъ,» но со полуночи въ просоньи двинулъ было лѣвой ногой,— «ото сна Садко пробуждался, онъ очутился подъ Новымъ-городомъ, а лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ:» V, стр. 39—41; 45, 46; *Рыбн*. I, стр. 378—380.—На низшей степени, въ рабствѣ, какъ служанку, ср. ее съ Чернавкою при Васильѣ, Саламаніи—*Рыбн*. ч. II и «Замѣтка;» какъ Царевну, дочь, но на степени униженія, страданія, такъ что нельзя было обнимать и цѣловать, можно было оставить, обмануть и т. п., ср. также Саламанію въ видѣ юной невѣсты, Царицы Южской, жену Потыка (вып. IV, «Замѣтка») и т. д.; какъ Царевну, дочь Морскаго Царя, Прекрасную, доставляющую на Русь, хотя еще и не въ концѣ тяжелыхъ испытаній, ср. Василису Грозную, Прекрасную, Премудрую и т. п., вып. IV и «Замѣтка,» *Рыбн*. ч. II, «Замѣтка.»

—

При Царѣ же:

Красныя дѣвушки хороводъ водятъ: *Рыбн*. I, стр. 369; три триста дѣвицъ красавицъ, готовыхъ въ невѣсты: *тамъ же*, стр. 379, 380; три толпы такихъ же дѣвицъ: V, стр. 39, 40; тридцать: стр. 45.—Мелкая четь (чадь, челядь), которая пляшетъ въ присядку: *Рыбн*. I, стр. 369.—Слесаря для починокъ: V, стр. 39.

—

Еще благодѣтели Садкѣ:

Волга, матка, матушка, славная; сестра Ильменю, а онъ ей братъ (ср. его); ѣздивши по ней, благодарятъ ее, какъ и море (ср. выше), опуская въ воду великой сукрой (краюху) хлѣба съ солью, за то, что сберегаетъ отъ притки-скорби, въ добромъ здоровьѣ; уѣзжая съ нея, сказываются, куда ѣдутъ, прощаются, отошедъ кланяются; она со своими Гостями бесѣдуетъ, посылаетъ съ ними поклоны другимъ роднымъ, на примѣръ брату Ильменю, поручаетъ любимца ихъ покровительству (сдаетъ съ рукъ на руки); все это было съ Садкою, который гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ и «зналъ

ее со вершины до устья, а и нижняго царства Астраханскаго,» откуда и прозванъ «Волгскимъ Сyромъ (ср. выше)»: V, стр. 47, 48. — Ср. и Василья, какъ онъ изъ Волхова и Ильменя въѣзжалъ въ Волгу, по ней въ море Хвалынское, изъ моря въ Ердань.

—

Ильмень, славной, славное озеро, братъ Волги (см. ее); въ немъ живетъ, изъ него показывается Морской Царь (ср. его); въ немъ же три рыбины съ золотыми перьями, приносившія богатство; будучи въ родствѣ съ Волгою (соединялись путемъ), принималъ отъ нея поклоны, на встрѣчу приносившимъ высылалъ молодца (ср. его ниже) и, удостовѣрившись, что присланный точно отъ Волги, награждалъ его ловлею трехъ сортовъ рыбы, которые послѣ оказывались «деньгами дробными, червонцами и монетами (ср. рыбъ съ золотыми перьями);» ему, приходя, били челомъ, просили поучить жить во Новѣ-градѣ; къ кому онъ благоволилъ, онъ тому говорилъ и того училъ; все это имѣло мѣсто съ Садкою: V, стр. 48—50; *Рыбн.* I, стр. 370—372; ср. какъ плавалъ по немъ Василій, V, стр. 23—25; соединяясь съ Волгою, черезъ нее съ моремъ Хвалынскимъ и Ерданью, Ильмень въ Новгородскомъ творчествѣ встрѣчается не разъ на протяженіи отъ Новгорода до Ерусалима: ср. *Голуб. Книгу* и «Замѣтку.»

—

Удалой-доброй молодецъ, посланный отъ Ильменя на встрѣчу къ Садкѣ и съ нимъ переговаривавшій отъ лица Ильменя, вѣроятно **Волховъ**: V, стр. 48.

—

Высшій помощникъ Садки:

Святитель Николай, Никола, Микола Можайскій, Угодникъ: его образъ взялъ съ собою въ правую руку Садко, отправляясь по жеребью къ Морскому Царю (ибо Святитель издревле покровительствовалъ мореходцамъ и гостямъ, ср. «Замѣтку» при II ч. *Рыбн.*); онъ же, какъ старчище не знай собою (невѣдомый), старикъ сѣдатый, вслѣдствіе молитвъ народа, тронулъ Садку въ плечо своей силою, явился ему въ явѣ или во снѣ, остановилъ игру на гусляхъ, научилъ, какъ поступить при выборѣ невѣсты и спастись, а за то, по воз-

вращеніи въ Новгородъ, велѣлъ построить соборную церковь Миколѣ Можайскому; проснувшись и очутившись на Руси, подъ Новгородомъ, Садко «узналъ церкву, приходъ свой, того Николу Можайскаго;» при этой же церкви вступилъ въ братчину, сдѣлалъ закладъ, побѣдилъ, и на свои богатства «Божій храмъ сорудилъ во имя Николая Можайскаго:» V, стр. 37, 39; 45, 46; 51, 53; *Рыбн.* I, стр. 369; 378—380; ср. при Потыкѣ въ Кіевскомъ творчествѣ, а церковь ниже особо.

—

Прочія имена и названія, встрѣчающіяся при Садкѣ, см. ниже особо.

*

Терентьище, Терентій, Богатой Гость (ср. Садку), старый, старый мужь; жилъ въ Новгородѣ, въ улицѣ Юрьевской, въ слободѣ (по его имени) Терентьевской; описаніе двора его; у него молодая жена (ср. ее), подъ предлогомъ недуга выпроводила старика «добывать дохтуровъ и спрашивати волхи;» прежде по улицамъ и площадямъ старика было слыхомъ не слыхать и

видомъ не видать, а теперь бродилъ онъ «что корова заблудящая, что ворона залетящая;» встрѣтилъ Скомороховъ (ср. ихъ), они догадались, въ чемъ дѣло, за сто рублей согласились помочь, спрятали старика въ мѣшокъ, пришли къ нему во дворъ, заставили жену высказаться, старика выпустили, онъ вязомъ и дубиною вылѣчилъ жену, а Недуга вонъ погналъ, въ благодарность же далъ Скоморохамъ еще сто рублей: V, стр. 54—60; ср. въ Кіевскомъ творчествѣ Плѣна, Ерму и Чурилу; «Замѣтка.»

—

Жена его:

Авдотья Ивановна, молодая, выпроводившая старика мужа, впустившая къ себѣ Недуга, обрадовавшаяся ложной вѣсти о гибели старика, поругавшая его, —а онъ слышалъ, — и за то наказанная: см. *тамъ же* и въ Кіевскомъ творчествѣ Катерину Прекрасную, Пермитьиху.

—

Пособники Терентьища:

Скоморохи, Веселые, Веселые молодцы, люди вѣжливые, очестливые; встрѣ-

чаются у мосту; играютъ въ гусельцы, поютъ пѣсенку; изъ нихъ одинъ Мѣхоноша; легко догадываются о смыслѣ семейныхъ дѣлъ и—за дорогую плату—возстановляютъ «правду великую;» все это случилось съ Терентьищемъ (ср. его): V, стр. 55—60; ср. ихъ въ Кіевскомъ творчествѣ.

—

Прочія имена и названія, встрѣчающіяся при Терентьищѣ, см. ниже особо.

*

Акундинъ, Заонѣга, Лазарь Мурмскій, Тугаринъ и прочія лица, на сколько есть въ нихъ вѣрнаго: см. Сказку Сахарова и «Замѣтку;» Князя **Глѣба Ольговича** см. въ Указателѣ Былинъ Княжескихъ.

*

Перунъ въ преданіи объ его низверженіи и палицѣ, брошенной на Волховскій мостъ: см. *Лѣтописи* и «Замѣтку.»

*

Б) Имя Собственное.

Земли, орды, царства, города, церкви, образа, братчины, монастыри, мосты, улицы, слободы, башни, горы, камни, кости, моря, рѣки, озера, болота, острова, корабли, деревья, и т. п.

Русь, Святая Русь, гдѣ помѣщается и Новгородъ, противуположно Царству Морскому (см. его): V, стр. 38, 39, ст. 146, 148, 153, 191; стр. 40, ст. 209; *Рыбн.* I, стр. 365, 366, ст. 22, 38, 44, 59.—Матушка: *Рыбн.* I, стр. 366, ст. 63.

Залѣсье, Заолѣсье: ср. Мужиковъ Залѣшенъ.

—

Орда:

Золотая Орда, куда заворачивалъ Садко съ товарами Новгородскими: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 178—180.

—

Царства:

Астраханское, нижнее, куда доплывалъ Садко: V, стр. 48.

Морское, **Подданное**, **Водяное** (судя по Царю и Царицѣ), великое, на днѣ моря: *Рыбн.* I, стр. 368.

—

Города:

Новгородъ: безпрестанно.— Великій: V, стр. 14, ст. 1; стр. 23, ст. 1. — Славный: V, стр. 3, ст. 15; стр. 14, ст. 1, 25; стр. 16, ст. 62; стр. 23, ст. 1; стр. 34, ст. 2 и др.— Его слава великая: *Рыбн.* I, стр. 374. — Стольный: V, стр. 54, ст. 1.—Богатый: V, стр. 53, ст. 190; *Рыбн.* I, стр. 374, ст. 165. — Въ немъ рѣка Волховъ, мостъ Волховскій, башня Проѣзжая, Церкви, Монастыри, Улицы, Слободы: см. ихъ ниже особо; его Князья, Настоятели, Воевода, Старшина-Городничій, славные купцы, мужики, посадскіе и т. п.: см. ихъ.

Торжокъ, откуда Костя Новоторженинъ: см. его.

Кемь, откуда Мужики городоКемскіе: см. ихъ.

Опсковъ, съ которымъ Буславъ не вздоривалъ: *Рыбн.* I, стр. 344, ст. 4.

Москва, матушка, каменная, съ ней Буславъ не перечился, не бранивался: *Рыбн.* I, стр. 344, ст. 5; II, стр. 197, ст. 4: стр. 201, ст. 5; Московскіе товары въ Новгородѣ: I, стр. 374, ст. 158; ошибочно, въ закладѣ Василья побороть всю Москву: *Рыбн.* II, стр. 197, 198.

Кіевъ, ошибочно, что у Буслая съ нимъ спору не было, что Василій поспорилъ побороть Кіевъ и жилъ въ немъ: *Рыбн.* I, стр. 352; II, стр. 197 и дал.

Можайскъ, откуда Микола Можайскій: ср. его, образъ, церковь.

Смоленскъ, откуда монастырь Смоленскій: см. его.

Царь-градъ, его выигрышь (мотивъ, распѣвъ) на гусляхъ: *Рыбн.* I, стр. 369 (такъ умѣлъ играть Садко, ср. его).

Ерусалимъ, Еросолимъ, Іерусалимъ, святой градъ: V, стр. 24, 25, 28, 29, 31; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207.

—

Церкви:

Николая, Николы, Миколы Можайскаго, соборная, приходъ Садки, гдѣ онъ вступилъ и въ братчину, а послѣ, по повелѣнію Святителя, отстроилъ ее съ особымъ великолѣпіемъ: V, стр. 46, 51, 53; *Рыбн.* I, стр.

379, 380; здѣсь же, вѣроятно, въ братчину Никольщину вступилъ Василій: см. его; ср. ниже образъ.

Стефана Архидьякона, по былинѣ построенная также Садкою съ большимъ великолѣпіемъ: V, стр. 52.

Софіи Премудрыя, то же: *тамъ же;* ср. *Лѣтоп.* и «Замѣтку.»

Бориса и Глѣба, каменная, построенная Садкою въ 1.167 году: *Лѣтописи* и «Замѣтка.»

Честна Вздвиженья, также въ Новгородѣ, «у жива моста калинова,» гдѣ встрѣтилъ Терентьище себѣ помощниковъ: V, стр. 55, 56, ст. 45—48.

—

Образа:

Миколы Угодника (ср. Церкви), взятый Садкою въ Морское Царство: V, стр. 37, 39.

Преображенскій, на Ѳаворъ-горѣ, въ соборной церкви съ 12 престолами, у камня Латыря; Василій убился не достигши церкви и образа: *Рыбн.* I, стр. 361—363.

—

Братчина:

Никольщина, Никольщины, братчина, братщины, братовщины, при церкви Николы Можайскаго (ср. его) въ Новгородѣ, подъ начальствомъ «старосты церковнаго,» куда вступали Василій и Садко (ср. ихъ): V, стр. 4, 11, 17, 51.

—

Монастыри:

Спаса Преображенія, въ Новгородѣ; Костя по уваженію исключилъ его изъ своего заклада: ср. его и *Рыбн.* I, стр. 340.

Матушки Пресвятой Богородицы, въ Новгородѣ и въ томъ же закладѣ Кости: *тамъ же.*

Смоленскій, въ Новгородѣ, то же: см. *тамъ же;* изъ него вышла Богородица къ матери Василья, чтобы унять его: *Рыбн.* I, стр. 344; одно и то же съ предыдущимъ?

Сергѣевъ, гдѣ жилъ Старчище: см. его и *Рыбн.* I, стр. 348, 349.

Кириловскій, гдѣ жилъ тотъ же Старчище: ср. его и *Рыбн.* I, стр. 356.

—

Мосты:

Волховъ, Волховскій, средоточіе борьбы Новгорода съ

Буслаевымъ: безпрестанно. — Перунъ бросилъ на него свою палицу, откуда игры и бои Новгородцевъ на мосту: *Лѣтоп.* и «Замѣтка;» ошибочно **Обуховъ** (вмѣсто «Волховъ мостъ»): *Рыбн.* II, стр. 200.

Живой мостъ калиновый, въ Новгородѣ (всякой, на скоро сдѣланный, временный; подобно переходитъ у насъ часто имя Живаго моста въ имя собственное, т. е. усвоенное извѣстному, тому, а не другому мосту): V, стр. 56.

—

Улицы:

Волхова, вдоль по рѣкѣ Волхову, гдѣ Василій, выскочивши изъ подъ запоровъ, показался выручать своихъ товарищей: V, стр. 21.

Рогатица, поприще первыхъ проказъ Василья: Новгор. *Лѣтописи* и Сказка Чулкова.

Юрьевская, также въ Новгородѣ, гдѣ жилъ Терентьище· V, стр. 54.

—

Слобода:

Терентьевская, по имени жившаго тутъ Богатаго Гостя Терентія: см. его и V, стр. 54.

—

Башня:

Проѣзжая (при въѣздѣ на мостъ Волховскій или при соединеніи Волхова съ Ильменемъ, имя нарицательное, можетъ статься обращенное въ собственное), подъ которую подъѣзжалъ Садко, по приказанію Волги, править отъ нея челобитье: V, стр. 48.

—

Горы:

Сорочинская (кажется при выѣздѣ изъ Волги въ Каспійское море), на ней Пуста Голова и камень Латырь, гдѣ и погибъ Василій въ обратномъ пути изъ Ерусалима: V, стр. 26, 27, 31, 32.

Ѳаворъ-гора, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ Сорочинская, но въ землѣ Ерусалимской; славная; выкупавшись въ Ерданѣ, на ней Странники сушились; тамъ же лежалъ камен Латырь, а за нимъ, къ верху, стояла церковь соборная, со 12 престолами (въ честь Апостоловъ, передъ коими—по нашему творчеству народному въ числѣ 12-ти — преобразился Христосъ) и образомъ Преображенскимъ: здѣсь-то на Латырѣ погибъ Василій и потому завѣщалъ дружинѣ передать матери, «что совaтался на Ѳаворъ-горѣ и же-

нился на бѣломъ-горючемъ камешкѣ:» *Рыбн.* I, стр. 361—363; II, стр. 208.

—

Камни:

Латырь, на горѣ Сорочинской (на самой сопкѣ, вершинѣ) и потомъ на Ѳаворъ-горѣ; въ послѣднемъ мѣстѣ на немъ «преобразился самъ Исусъ Христосъ;» лежалъ онъ не много ниже помѣщавшейся далѣе на Ѳаворѣ соборной церкви съ образомъ Преображенія; а еще ниже его, на пути къ нему, лежала Пуста Голова (ср. все это выше); бѣлъ-горючій; «въ вышину три сажени печатныя, а черезъ его (въ ширину) только топоръ подать, въ долину три аршина съ четвертью;» разныя надписи на немъ; здѣсь-то погибъ Василій (ср. его): V, стр. 26, 27, 31, 32; *Рыбн.* I, стр. 360—363; II, стр. 208; подробнѣе въ «Замѣткѣ;» ср. тождественную Морскую Пучину и творчество Кіевское.

Яхонтъ, славный камешекъ, вставленъ былъ вмѣсто очей въ корабль Садковъ Соколъ (ср. его): *Рыбн.* I, стр. 364, ст. 34, 35.

—

Кости:

Пуста Голова, Человѣчья Кость, Кость Богатырская: см. выше, какъ лицо пророчествующее.

Рыбій Зубъ, изъ котораго сдѣлана было во дворѣ Терентьища (ср. его) подворотина: V, 54.

—

Моря:

Окіянъ-море, славное, въ которое Царь Морской (ср. его) выдавалъ дочь любимую за мужь (изъ моря Хвалынскаго или Балтійскаго; по Олонецкой мѣстности, гдѣ записана Былина, нужно разумѣть Атлантъ или Бѣлое, Ледовитое): *Рыбн.* I, стр. 369, ст. 65, 66.

Сине море, нужно разумѣть Балтійское, по описанію пути изъ Волхова въ Ладожско, со Ладожка во Неву рѣку, со Невы рѣки во Сине море (если же здѣсь упоминается, что Садко «воротилъ въ Золоту Орду,» то это или по пути Нордманновъ вокругъ Европы, или по вліянію другаго разряда Былинъ, гдѣ путь Садки описанъ по Волгѣ и въ море Каспійское); здѣсь-то случилось извѣстное приключеніе съ Садкою (ср. его), здѣсь подъ водою было царство Морскаго Царя (ср.

его) и т. п.: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 173—178 и далѣе; то же Балтійское море подъ именемъ Синяго должно разумѣть во всѣхъ Былинахъ о Садкѣ изъ Олонецкой мѣстности, *Рыбн.* I; здѣсь оно именуется иногда славнымъ: стр. 364, ст. 37; стр. 368, ст. 45.

Хвалынское, въ Былинѣ о Садкѣ изъ Сибирской мѣстности (Кирша Даниловъ) занимающее совершенно то же мѣсто и значеніе, съ тѣмъ же описаніемъ приключеній Садки и Морскаго Царства, какъ выше море Балтійское; Хвалынское соединялось воднымъ путемъ (Волжекимъ) съ Волховомъ, ибо изъ него, черезъ Ильмень, въѣзжаютъ корабли въ Волховъ, «отъ того синя моря Хвалынскаго по славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей:» Ѵ, стр. 43—46, ст. 46—160. Сравни то же море:

Каспійское, славное море; черезъ него лежалъ «прямой путь въ Іерусалимъ градъ,» семинедѣльный; изъ Ерусалима также ѣздили прямо «по морю Каспійскому къ Нову-городу;» путь описывается—по Ильменю въ Новгородъ (черезъ Волховъ), изъ Новгорода по озеру Ильменю, потомъ (черезъ Волгу) въ Каспійское, отсюда «прямымъ путемъ» въ Ердань-рѣку, въ устье ея, откуда

пѣшкомъ въ Ерусалимъ; это путь Василья (ср. его): Ѵ, стр. 23—32, ст. 2, 15, 16, 55, 56, 67, 68, 71—84, 121—184, 199, 200, 214—235, 275—280; ср. выше Волгу, Ильмень и Волховъ, родство ихъ, передачу поклона отъ Волги къ Ильменю въ Новгородѣ, переговоры Ильменя черезъ Волховъ съ пришельцемъ отъ Волги, въ Былинахъ о Садкѣ.

—

Рѣки:

Волховъ, Волхъ: безпрестанно, особенно въ Былинахъ о Васильѣ (ср. его).—Славная матушка (вѣроятно перенесено отъ Волги, которою ѣздили съ моря Хвалынскаго, ср. ее): Ѵ, стр. 46, ст. 158.—Рѣченька (рѣка безпрестанно): *Рыбн.* I, стр. 351, ст. 261; II, стр. 206, ст. 161; рѣченька **Волхова**: Ѵ, стр. 353, ст. 62 и дал.—Здѣсь знаменитый мостъ, памятный преданіями о Перунѣ, играми, борьбами, судебными расправами, битвою Василья; улица, на которой показался Василій своимъ товарищамъ, выскочивши изъ подъ запоровъ; сюда ходила за водою Чернавка; сюда, «наквасить рѣку,» грозились Василью Новгородцы, но, вмѣсто того, напол-

нили ее своими трупами, такъ что «на цѣлую на версту на мѣрную вода съ кровью смѣсилася;» здѣсь очутился лѣвой ногою Садко, когда проснулся отъ своихъ приключеній въ Морскомъ Царствѣ; здѣсь же увидалъ плывущими свои корабли съ товарищами и т. п.: ср. имена этихъ лицъ и предметовъ, а также выше Удалаго-добраго молодца, высланнаго для переговоровъ съ Садкою отъ Ильменя.

Объ, занявшая мѣсто Волхова въ Пермской Сказкѣ: V, *Прилож.*

Чернава, въ Новгородѣ, одноименная съ дѣвушкой Чернавой (ср. ее); въ одной былинѣ лѣвая нога Садки (ср. его), закинутая въ просоньи на Чернаву, оказалася въ Волховѣ, а въ другой Садко очутился «о рѣку Чернаву:» V, стр. 46, ст. 150; *Рыбн.* I, стр. 380, ст. 363, 364.

Нева, путь по ней (ѣздилъ и Садко, ср. его) изъ Ладожска, Волхова и Новгорода въ Балтійское море: *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 175, 176.

Волга, ср. ее выше, какъ лицо.

Кума, въ названіи острова Куминскаго: см. его.

Іордань, Ердань - рѣка, которою отъ моря Каспійскаго (ср. его) подъѣзжали къ Ерусалиму и ставились на корабляхъ въ устьѣ; матушка (*Рыбн.* I, стр. 361, ст. 5); въ ней Странники должны были купаться (какъ и нынѣ), чтобы послѣ сушиться на Ѳаворъ-горѣ (ср. ее); но нельзя было купаться нагимъ тѣломъ, а въ рубашечкахъ, ибо «нагимъ тѣломъ» крестился только Христосъ (ср. также въ Кіевскомъ творчествѣ Пучай-рѣку и купанье Добрыни «нагимъ тѣломъ,» *Рыбн.* I, стр. 121); Василья (ср. его) предостерегала о томъ мать, но онъ не послушался и за это, по предсказанію Бабы Залѣсной, Женщины престарѣлой (см. ее), послѣ потерпѣлъ: V, стр. 24; 29, 30; *Рыбн.* I, стр. 361; II, стр. 207, 208.

—

Озера:

Ильмень: см. его выше какъ лицо.

Ладожско, по немъ также ѣздилъ Садко (ср. его): *Рыбн.* I, стр. 375, ст. 174, 175.

—

Болота:

Каростанскія, обильныя комарами: Сказка Чулкова, V, *Прилож.*

—

Островъ:

Куминскій, въ устьѣ Кумы, на Каспійскомъ морѣ, гдѣ стояла «застава крѣпкая,» стояли «атаманы козачіе, три тысячи,» грабили «бусы - галеры,» разбивали «червлены корабли,» «козаки-разбойники, стары атаманы:» гости-корабельщики предостерегали Василья (ср. его) отъ этой заставы, но онъ поѣхалъ, ибо это былъ прямой путь съ Волги чрезъ Каспійское море въ Ердань, къ Еросалиму; на этой «заставѣ карабельной» атаманы, противъ ожиданія, скоро узнали Василья по поступкѣ, угостили, одарили, дали въ Ерусалимъ провожатаго; на обратномъ пути изъ Ерусалима Васидій опять заѣхалъ къ нимъ, удостовѣрилъ письменнымъ свидѣтельствомъ, что въ Ерусалимѣ за нихъ много трудовъ положилъ, и простился: Ѵ, стр. 26—31, ст. 71—84, 121—175, 214—235.

—

Корабль:

Соколъ, одинъ изъ тридцати (или тридцати трехъ) Садковыхъ, на которомъ ѣздилъ самъ; Садко (ср. его) самъ себѣ его строилъ, «корму по гусиному, носъ по орлиному, въ очи вкладывалъ по камешку по славному по яхонту:» Ѵ, стр. 41—43, ст. 1—6, 72—78: стр. 46, ст. 159, 160; стр. 34, ст. 18—22; *Рыбн.* I, стр. 364, ст. 30—39; впрочемъ и остальные его корабли были «червленые,» «великіе,» «снасточки шелковыя, кормы писаны по звѣриному, а носъ писанъ по змѣиному:» *Рыбн.* I, стр. 368 и др.—Ср. корабль и у Василья, летѣвшій какъ Соколъ: *Рыбн.* II, стр. 207, ст. 219.—Ср. также корабль Соколъ въ Кіевскомъ творчествѣ.

—

Деревья:

Кипарисное, Кипарисово, дерево правое, ибо на немъ «Христосъ распятъ есть:» Ѵ, стр. 37; коромысло у Чернавки (съ Юга, ср. «Замѣтку»): стр. 19.

Яворъ, изъ котораго обычно гусли (яворчаты, яровчаты): безпрестанно.

*

В) Прозвища отъ Имени Собственнаго.

Христовъ, Христосьскій, день (Свѣтлое Воскресенье): *Рыбн.* I, стр. 349, ст. 197; стр. 356, ст. 169; II, стр. 200, ст. 114.— Гробница въ Ерусалимѣ: II, стр. 207, 208.

Господній, гробъ, въ Ерусалимѣ: *Рыбн.* I, стр. 361.

Божьи, церкви: *Рыбн.* I, стр. 377; II, стр. 208.

Петровъ, день: *Рыбн.* I, стр. 349, ст. 198; стр. 356, ст. 170; II, стр. 200, ст. 115.

Православный, народъ, Русскій: V, стр. 45.

Бѣсовскія, игры, пляски въ Морскомъ Царствѣ: *Рыбн.* I, стр. 369, ст. 88, 89, 97.

Новгородскій, Новогородскій: князья, настоятели, мужики, господа, купцы, башлыки, и т. п., безпрестанно; товары: то же; великая слава: *Рыбн.* I, стр. 374.

Волгской, Суръ, прозвище Садки (ср. его) отъ Волги: V, стр. 51, ст. 113.

Сибирской. Наигрыши, нездѣшніи; камочка: V, стр. 37, ст. 125, 127.

Мурзамецкій. Копье: *Рыбн.* I, стр. 345, 347.

Чебурацкій (?), свинецъ: V, стр. 16, ст. 72.

Залѣсный. Баба, прорицательница: V, стр. 30, ст. 203.— Ср. Залѣшенъ, V, стр. 16, ихъ же въ Кіевскомъ творчествѣ и Залѣсье, Заолѣсье.

Заморскій. Камочка: V, стр. 37; булатъ: стр. 42; товары: *Рыбн.* I, стр. 374 (то же, что нынѣ «Нѣмецкій,» имя для чужихъ странъ); Царь, вмѣсто «Морской:» ср. его и V, стр. 43.

Можайскій, Астраханскій, Преображенскій, Смоленскій, Сергѣевъ, Кириловскій, Волховъ-Волховскій, Юрьевскій, Терентьевскій, Сорочинскій, Хвалынскій, Каспійскій, Ладожскій, Каростанскій, Куминскій: см. образа, царства, монастыри, мосты, улицы, слободу, гору, моря, озера, болото, островъ.—Также точно **Васильевъ** (на пр. матушка Васильева), **Садковъ** (корабль), **Терентьевъ** (дворъ) и т. п.: см. при именахъ сихъ лицъ.

* * *

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Kireevskij, Petr V.,

Pěsni sobrannyja P. V. Kirěevskim Izdany Obšěstvom ljubitelej rossijskoj slovesnosti

Bd.: 5

Moskva 1863

4 P.o.russ. 7 e-5/7
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10530344-6